

**ФИЛОН
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ**

**ПРОТИВ ФЛАККА
О ПОСОЛЬСТВЕ К ГАЮ**

ИОСИФ ФЛАВИЙ

**О ДРЕВНОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.
ПРОТИВ АПИОНА**

Библиотека Флавiana

Выпуск 3

ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В МОСКВЕ
JEWISH UNIVERSITY IN MOSCOW
האוניברסיטה היהודית במוסקבה

ΦΙΛΩΝΟΣ ΙΟΥΔΑΙΟΥ

ΕΙΣ ΦΛΑΚΚΟΝ

ΠΕΡΙ ΑΡΕΤΩΝ Α'
Ο ΕΣΤΙ ΤΗΣ ΑΥΤΟΥ ΠΡΕΣΒΕΙΑΣ
ΠΡΟΣ ΓΑΙΟΝ

ΦΛΑΥΙΟΥ ΙΩΣΗΠΟΥ

ΠΕΡΙ ΑΡΧΑΙΟΤΗΤΟΣ
ΙΟΥΔΑΙΩΝ.
ΚΑΤΑ ΑΠΙΩΝΟΣ

**ФИЛОН
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ**

**ПРОТИВ ФЛАККА
О ПОСОЛЬСТВЕ К ГАЮ**

ИОСИФ ФЛАВИЙ

**О ДРЕВНОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.
ПРОТИВ АПИОНА**

Перевод с древнегреческого

ПРИЛОЖЕНИЕ: СЯЛДУРЬЕ. АНТИСЕМИТИЗМ:
В ДРЕВНЕМ МИРЕ. ПОПЫТКИ ОБЪЯСНЕНИЯ ЕГО В НАУКЕ
И ЕГО ПРИЧИНЫ

МОСКВА
1994

ИЕРУСАЛИМ
5755

PHILO JUDAEUS
Against Flaccum
Embassy to Gaium
JOSEPHUS FLAVIUS
Answer to Apion in Justification
of Ancient History of Jews

Редакторы серии
М. Л. ГРИНБЕРГ, А. Б. КОВЕЛЬМАН

Научный редактор А. Б. КОВЕЛЬМАН

Перевод трактатов Филона Александрийского
и примечания к ним О. Л. ЛЕВИНСКОЙ

Перевод трактата Иосифа Флавия
и комментарии к нему А. В. ВДОВИЧЕНКО

Предметный указатель А. В. ВДОВИЧЕНКО

Ответственный редактор М. А. АГРАНОВСКАЯ

Художник серии Марк ПОЛЯКОВ

© Перевод на русский язык,
«Gesharim», 1994

ISBN 5-7349-0021-4

«Gesharim»
Development of Cultural Contacts
Tel. 02-931-194, fax 02-931-537

Еврейский университет в Москве
ул. Моховая, 9
Тел. 203-34-41

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед читателем — третий выпуск «Библиотеки Флавианы». Два включенных в этот том трактата написаны Филоном Александрийским, еврейским философом, пытавшимся Библию обручить с Платоном, один — Иосифом Флавием. Все трактаты объединяет исторический факт — александрийский погром 38 г. Филон был свидетелем этого погрома (или жертвой? — как называть еврея в городе, где насилуют и убивают его близких?), Иосиф в следующем поколении опровергал писания Апиона — одного из лидеров погрома и главы посольства александрийцев к императору Калигуле. Посольство прибыло в Рим, чтобы склонить императора на свою сторону, и столкнулось здесь с еврейской миссией. Еврейскими жалобщиками руководил Филон Александрийский. Встретились два философа, два интеллектуала, два поклонника греческой культуры — Апион (родом египтянин) и Филон (родом еврей).

* * *

Погром — существенная деталь мировой истории. Среди прочих видов кровопролития (взаимной резни облеченных воинским долгом солдат, истребления гражданского населения армией победителя и т. п.) погром отличается сугубо народным и демократическим характером. Санкция властей (молчаливая или не очень) может способствовать течению погрома. Но без излияния собственно народного гнева погром не может состояться, без элементарной самодеятельности масс — нет погрома. Погром есть восстание одних масс против других, при котором враждебные массы по мере сил калечатся или уничтожаются.

А потому именно Греция — мать всех демократий и народных движений — стоит у истоков погрома. Когда в V в. до н. э. демос (народ) схлестнулся с олигархами, аристократами, история приобрела погромный характер. В Милете власть

захватил демос — детей аристократов растоптали быками на гумне. Затем власть перешла в руки аристократов и те сожгли своих врагов вместе с их детьми. От классического погрома (в частности — еврейского) эти перипетии отличаются относительным равенством сил — заранее неизвестно, кто станет жертвой, а кто — насильником.

История еврейских погромов до 38 г. скрывается в исторической тени. В 411 г. до н. э. на острове Элефантина (где еврейский гарнизон охранял южные границы Египта) местные жители разрушили еврейский храм. Подстрекателями выступили жрецы бараноголового бога Хнума — в еврейском храме приносили баранов в жертву. Персидские власти (Египет был провинцией Персидской империи) поддержали погромщиков. Только путем длительных ходатайств евреям разрешили восстановить храм, но не совершать там жертвоприношений.

События Книги Эстер относятся к V в. до н. э. (эпоха персидского владычества), но сама книга написана, вероятно, во второй четверти II в. до н. э. — в эллинистическую эпоху, когда на евреев обрушились преследования Антиоха IV Эпифана. Персидский царь Аратксеркс по наущению Амана дает приказ всем областеначальникам убить, погубить и истребить всех евреев от малого до старого, детей и женщин в один день. Указ этот следовало объявить «всем народам». Когда же Амана повесили на дереве, евреям во всяком городе было разрешено «собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые притесняют их, детей и жен, и имение их разграбить» (Эст. 8, 11).

Реальность этих событий оспаривается по отношению к времени Артаксеркса. Зато при Антиохе Эпифане нечто подобное имело место. Жители Иудеи и Галилеи начали уничтожать евреев, живших в их среде (1 Макк. 5, 1—23).

Из Персидского и Сирийского царств перенесемся в долину Нила. Соратник Александра Македонского Птолемей Лаг создал здесь землю обетованную для греков, евреев и многих других народов. В птолемеевском Египте нашли приют болтливые женщины из Сиракуз, мужественные воины из Этолии, оборотистые торговцы из Коринфа. Греки составили костяк бюрократии и армии. Туземцы (египтяне), чтобы преуспеть,

должны были эллинизироваться или ограничиваться жреческой карьерой.

Евреи во множестве поселились в новой столице Египта — Александрии — и по всей стране. Здесь нашел прибежище Ония (Хонь) IV, сын последнего первосвященника из дома Цадокидов, погибшего при Антиохе Эпифане в Сирии. Он и его потомки играли видную роль при птолемеевском дворе и участвовали в междоусобицах, раздиравших Египетское царство.

Эпизодом таких междоусобиц можно считать рассказ III Маккавейской книги о гонениях Птолемея IV Филопатора на евреев. По мнению многих историков, гонения имели место много позже, когда Птолемей VII Фискон боролся со своей женой Клеопатрой. Источник сообщает о двойственном отношении язычников к указам царя: одни из них радовались несчастьям евреев, другие же — эллины, то есть существа наиболее просвещенные, огорчались. В любом случае речь не идет о погроме. Масса народная еще безмолвствует и позволяет евреям существовать.

Между тем она, эта масса, вовсе не отличалась кротостью, скорее наоборот. Жестокость александрийской толпы была общим местом в греческой литературе. Полибий объяснял свирепость александрийцев их смешением с другими народами, порчей эллинских нравов (Polyb. XXXIV, 14). Он же нарисовал ужасающую картину бунта в 196 до н. э. Толпа обрушилась на временщика Агафона. Его самого и его родственников кусали зубами, расчленили живьем — член за членом, вырывали глаза. Действо совершалось на стадионе — излюбленном (наряду с театром) месте для выражения народных чувств (Polyb. XV, 33). Известна также «старая александрийская военная традиция» — солдаты требовали выдачи друзей царя на смерть, грабили достояние богатых, осаждали царский дворец, чтобы вынудить повышение жалованья, одних сгоняли с креста, других сажали на него (Caes. Bell. Civ. III, 110).

Гнев толпы мог опалить и простых людей. Письмо Аристея, памятник александрийской еврейской литературы конца II в. до н. э., рассказывает о благодеянии Птолемея II Филадельфа (285—246). Царь освободил из рабства евреев, взятых в плен его отцом, «заплатив справедливую цену их владельцам и исправив

зло, ежели таковое было причинено порывом толпы» (Airt. 37). Трудно сказать, что имелось здесь в виду. Но очевидно, что по какому-то конкретному поводу александрийцы могли обрушиться на евреев. Глухое упоминание еврейского погрома В. Чериковер находит в 88 г. до н. э., накануне римского завоевания Египта (CPJ, vol. I, p. 25).

Впрочем, эти беспорядки легкой тенью проходили мимо еврейской общины Египта и Александрии, не касаясь ее по существу. Постоянные убоицы царей, хронические гражданские войны, регулярные бунты александрийского охлоса — в такой нервной обстановке евреи прекрасно существовали и сосуществовали. Гнев народный не был направлен против них, ненависть к евреям не стала доминирующим чувством.

Может быть, такого чувства и вовсе не было? В этом позволительно усомниться. Письма и прошения, написанные на папирусе и пролежавшие тысячелетия в песчаной почве Египта, доносят до нас дыхание расовой вражды и национальных предубеждений. Эллины, конечно, презирают варваров, то есть незллинов. Так, некий сириец в III в. до н. э. жалуется на то, что ему дают уксус вместо вина, считая его варваром. В том же столетии египетский жрец пишет кляузу на расквартированного в его доме греческого воина, который презирает его как египтянина. С другой стороны, затворник из Мемфисского Серапреума в середине II в. до н. э. утверждает, что египтяне избили его за то, что он — эллин*. Наконец, столетием позже, на самом исходе птолемеевского правления, в письме упоминаются люди, презирающие евреев (CPJ, 141).

Не только имелся бытовой расизм, но существовал и расизм теоретический. Еще в III в. до н. э. египетский жрец Манефон написал на греческом языке книгу, содержащую самые популярные впоследствии антисемитские мифы (Иосиф Флавий пересказывает Манефона в трактате, опубликованном ниже). Равным образом и презрение эллинов к варварам вполне научно обосновывалось еще Аристотелем. И все же, как отмечал В. Чериковер, «в продолжение всего эллинистического периода

* Hengstl M. *Jews, Greeks and Barbarians. Aspects of the Hellenization of Judaism in the pre-Christian Period.* Philadelphia, 1980, p. 76—77.

антисемитизм не выходит за сугубо литературные рамки» (СРЈ, Vol. I, p. 25). Сколько-нибудь значительные погромы не имеют места. Почему же Римский мир (Pax Romana), принесший процветание стольким народам (а поначалу и евреям), объединивший все Средиземноморье в содружество просвещенных рабовладельцев, почему этот мир — цивилизованный и культурный как никакой другой — выпался для евреев в серию погромов, а затем и в национальную катастрофу?

Рассмотрим конкретную александрийско-египетскую ситуацию. Ей посвящена масса работ, давать обзор которых здесь, вероятно, не имеет смысла. Лучшее из написанного на русском языке — старая статья М. И. Ростовцева*. Великий историк считает евреев козлами отпущения за утерянное величие Птолемеевской державы. Придворная аристократия, сливки александрийского общества — все они оплакивали отнятое царство, превращение Египта в римскую провинцию. Возможности карьеры, престиж и богатство — все было ущемлено и умалено при новом режиме. Обратить гнев против римлян невозможно — да александрийцы и пробовали во время Александрийской войны, когда Цезарь и юная Клеопатра VII были осаждены горожанами и войском Ахиллы. На выручку Цезарю явился Митридат Пергамский, встретивший самую теплую поддержку египетских евреев — ведь в армии Митридата сражался отец Ирода Великого Антипатр (Jos. Bell. I, 9).

Не римляне, но евреи стали предметом ближайшей ненависти. Для них новая ситуация была выгодна — можно было торговать и общаться с единоверцами на всем пространстве империи. А до египетского национального величия сынам Авраама, конечно, не было дела.

И, однако, непосредственным поводом к конфликту стала проблема александрийского гражданства. В античной древности гражданство было самым бесценным достоянием. Гражданин великого города или маленького местечка был как бы пайщиком треста, держателем акции. Ему полагались бесплатные раздачи, билеты в театр, право владения землей, право

* Ростовцев М. И. Мученики греческой культуры в I — II вв. до Р. Хр.— Мир Божий. Т. 10, 1901. № 5, с. 1—22.

участвовать в религиозных церемониях и спортивных играх. При Птолемах близость к царскому двору означала больше чем права гражданства в одном из трех эллинских городов Египта (Александрия, Птолемаида, Навкратис). Но римский режим именно гражданство сделал важнейшим показателем статуса. Самое почетное гражданство — римское — достигалось за особые заслуги. Египтянин мог получить его, только сделавшись гражданином Александрии. Ниже римского и александрийского гражданства располагалась лестница с множеством ступеней. На самой нижней стояли египтяне — сельские жители, платившие подушную подать по максимальной ставке. Даже браки между людьми с разным статусом были затруднены.

Естественно, евреи старались вскарабкаться как можно выше. Многим удавалось получить в гимнасии мусическое и гимнастическое воспитание, стать эфебами и войти (через гимнасий) в александрийское гражданство. Это был законный путь, сопряженный с большими материальными затратами. Но в начале римской эпохи (после 30 г. до н. э.) все евреи, жившие в Александрии и входившие в александрийскую еврейскую общину (политевму), потрясая ветхими грамотами и историческими трудами, начали доказывать свои гражданские права.

Учреждение гимнасии и эфебии в Иерусалиме при предателе-первосвященнике Ясоне в начале II в. до н. э. углубило раскол общества на эллинистов и хасидеев (праведных). Первые вели дело к отречению от иудаизма, вторые — отстаивали отеческий закон. Тогда все закончилось Маккавейскими войнами. Евреи Александрии в массе своей не желали отречься от иудаизма. Они усиленно посещали синагоги (называвшиеся здесь молельнями) и изучали Тору (правда, на греческом языке и с помощью греческой философии). Оставаясь евреями, они хотели стать эллинами — по образованию, по духу, по гражданству. Но эллинизм и гражданство были связаны с религиозными и национальными установлениями. Не приносить жертвы в языческом храме, не принимать национальную гордость эллина-александрийца, не сливаться с греками (как сливались с ними эллинизированные и принявшие гражданство) — таков вызов еврея эллинскому миру.

Насколько бесценным было гражданство для эллинов, настолько ревниво они относились к нему. Проникновение чужеземцев (будь то египтяне или евреи) вызывало регулярный протест, служило предметом поношения для данного города со стороны остальных греков. Александрийский же конфликт оказался особенно опасным.

Так называемый «Буле-папирус» сохранил речь (или прошение) александрийского представителя к императору Августу. Посольство имело место, вероятно, в 20—19 гг. до н. э. Александрийцы просили дать им право избирать городской совет (буле) — принадлежность каждого греческого города. Одной из функций совета было бы следить «как бы люди, подлежащие обложению подушным налогом, не уменьшали доход государства, записываясь в ежегодные списки эфбев, и не марали несмешанную общину александрийцев, будучи невоспитанными и необразованными» (CPJ, 150, II, 1—6).

Пройдя эфебию и став александрийским гражданином, еврей или египтянин освобождался от подушной подати и, конечно, уменьшал доход казны. Такова была аргументация, но не таковы, конечно, были чувства и истинные мотивы.

Погром 38 г. вырос из спора о гражданстве — тексты Филона говорят об этом достаточно откровенно. Гнев александрийской толпы, направлявшийся прежде на временщиков и государей, обрушился на головы евреев. Но, однажды пролившись, этот гнев приобрел качественно иные черты. Между литературным антисемитизмом философов и бытовым антисемитизмом индивида встал третий элемент, связавший два других, — массовая антисемитская идеология.

Вокруг погрома 38 г. сложилась антисемитская публицистика — популярная, анонимная, дошедшая до нас в множестве папирусных отрывков. Идеи Аполлония Молосского или Цицерона были снижены здесь до штампов и общих мест: челоноконевистничество евреев, засилье их в императорском совете, стремление их сотрясать целый мир и т. п. Эти анонимные произведения принято называть «Акты языческих мучеников» по аналогии с «Актами христианских мучеников». Они представляют собой как бы протоколы допросов, которым непопулярные государи (Клавдий, Нерон и т. п.) подвергают

александрийских аристократов — гимнасиарха Исидора и прочих участников погрома.

Одновременно антисемитские рассуждения вошли в частные письма. Частные письма и прошения птолемеевской эпохи содержат жалобы на национальные обиды, но там нет нанесения обид. Одно дело, когда еврей или египтянин жалуется в письме на унижение, другое — когда автор письма унижает евреев или египтян. Египтян обвиняют в тупости и бесчувствии*, евреев — в жестоком ростовщичестве (CPJ, 153, 41 г. н. э.) и безбожии (CPJ, 438, 117 г. н. э.). Обратим внимание — идеология складывается не только в «еврейском», но и в «египетском» вопросе. Как я пытался доказывать в своей книге, первые века христианской эры были временем рождения идеологии как таковой. Взвесь риторических штампов, популярных философских и религиозно-философских учений заполоняет империю. Антисемитизм составляет лишь один из ее компонентов.

Мы подходим к центральной, ключевой точке погрома 38 г., задуманного греческими интеллектуалами, подготовленного в гимнасиях шутниками и актерами, проведенного александрийскими корпорациями, созданными для бесед и пиров. Масса уничтожает здесь массу не по сугубо классовому признаку (богатые против бедных) и даже не по сугубо национальному. Массой движут некоторые культурные (сохранение эллинской культуры!), религиозные (статуи императора — в синагогах) и прочие идеи. Идеология начинает овладевать массами. Дальнейшие погромы на христиан, погромы христианами евреев и язычников и прочие события не заставили себя ждать.

А. Б. Ковельман

* Ковельман А. Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание Римского Египта. М., 1988, с. 97—98, 102—103.

Два сочинения Филона Александрийского, впервые предлагаемые читателю в переводе на русский язык, «О посольстве к Гаю» и «Против Флакка» — поздние сочинения Филона: *terminus post quem* — 41 г. н. э. (в конце гл. 30 «Посольства» Филон упоминает императора Клавдия, ставшего преемником Гая Калигулы в 41 г. н. э.); Филону в ту пору было уже за шестьдесят.

Оба сочинения занимают особое место в корпусе филоновских текстов: во-первых, наряду с несколькими другими они входят в число так называемых «небиблейских» сочинений Филона (всего их восемь), содержание которых никак не связано с толкованием библейских текстов, чему посвящены все остальные филоновские сочинения; во-вторых, только в «Посольстве» и «Флакке» Филон обращается к конкретной, исторической теме, излагая свой взгляд на историю и причины еврейских погромов 38 г. н. э. в Александрии. Но Филон все-таки остается теологом, философом и поклонником риторики, о чем свидетельствует прежде всего композиция обоих сочинений, та пропорция, в которой распределяется содержание — конкретно-историческое, философско-этическое и теологическое.

**ФИЛОН
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ**

ПРОТИВ ФЛАККА

ΦΙΛΩΝΟΣ ΙΟΥΔΑΙΟΥ

ΕΙΣ ΦΛΑΚΚΟΝ

1

Вслед за Сеяном² преследование евреев продолжил Авилий Флакк. Правда, обидеть весь народ, как сделал тот, он оказался не в силах, ибо не обладал могуществом Сеяна, но уж тех, до кого добирался, терзал страшно, не разбирая, кто перед ним. Впрочем, даже если его нападки казались избирательными, то распространялись на всех, главным образом благодаря искусству Флакка, а не силе, ибо если человек по природе своей деспотичен, но слаб, ему на помощь приходит изобретательность.

Так вот, этот самый Флакк, принадлежавший свите Тиберия³, был назначен наместником Александрии и Египта после кончины своего предшественника Ибера⁴. Он обладал многими приметами исключительной натуры: настойчивостью, упорством, острым умом, последовательностью в решениях и поступках, готовностью к беседе и способностью увидеть за словами суть дела. Он быстро входит во все дела египтян, а ведь они весьма сложны и запутанны, так что даже те, кто был посвящен в них с давних пор, вникали с трудом. Помощников у него было без счета, ибо даже мельчайшего дела не оставлял он пристальным своим вниманием, так что не только превзошел всю эту премудрость, но вследствие своей вдумчивости и деловитости сам стал наставником своих недавних учителей. Считать доходы и распоряжаться ими он умел отлично, но не в этих делах, важных, конечно, и необходимых, проявлялась властная его натура, а сам он откровенно являл все признаки личности сильной и царственной: держался он с большим достоинством и важностью, ибо гордость в высшей степени украшает правителя; разбирал вместе с высокопоставленными лицами только значительные дела; осаживал не в меру кичливых; не допускал, чтобы всякий сброд объединялся для противостояния властям; запретил сообщества и союзы, где жертвоприношения были только прикрытием пирушек и дела решались на пьяную голову, а всех участников взнуздal как следует.

Потом, когда его трудами и город, и вся страна исполнились законопослушания, он принялся мало-помалу, но тщательно и неуклонно подтягивать армию: муштровал пехоту, конницу, легковооруженные войска; внушал полководцам, что, отбирая жалованье у своих воинов, они толкают их тем самым на разбой и грабежи; каждого воина учил исполнять свой долг в соединении с заботою о том, что он стоит на страже мира.

2

Мне могут ответить: «Да что ты, почтенный, ума решился?! берешься человека обвинять, а сам не приводишь ни единого обвинения, сплетая вместо этого венок славословий!» О нет, досточтимый друг, я вовсе не сумасшедший и не какой-нибудь глупец, неспособный рассуждать последовательно и разумно. Да, я славлю Флакка, но вовсе не затем, чтобы соблюсти приличье, но для того, чтобы представить его порочность в самом ярком свете; ибо простительно, когда человек заблуждается, не зная правильного пути, но тот, кто сознательно преступает закон, тот не имеет права на защиту, но предстает перед судом совести уже приговоренным.

3

Флакк был у власти шесть лет, и первые пять лет, пока Тиберий был жив, он хранил мир и правил столь деятельно, что превзошел всех своих предшественников⁵. Но на шестой год, когда Тиберий скончался и скипетр самодержца достался Гаю⁶, Флакк стал выпускать из рук бразды правленья — или потому, что скорбел по Тиберию (а то, что он горевал по умершему как по самому близкому человеку, было ясно: унынье, слезы, ручьями бегущие из глаз, как будто из открывшихся в них источников); или потому, что питал неприязнь к преемнику Тиберия из-за глубокой преданности его родным, а не приемным детям; или потому, что вспомнил, как вместе с другими нападал на покойную мать Гая⁷, когда ей предъявляли обвинения, ставшие причиной ее гибели, и страх перед расплатой заставил его забыть служебный долг.

Впрочем, какое-то время он крепился, еще не выпуская вожжи из рук, но когда он узнал, что внук Тиберия и дольщик

верховой власти⁸ убит по приказу Гая, то просто рухнул, сраженный этим роковым несчастьем, лежал, не размыкая уст, и хуже того — рассудок совершенно отказался ему служить. Покуда мальчик был жив, Флакк не терял уверенности, но смерть Тибериева внука разрушила все его надежды, и последним упованием осталась помощь Макрона⁹ (с ним Флакк был дружен), всемогущего приближенного Гая, который внес значительную лепту в борьбу Гая за власть и неустанно искал ее сохранения, ибо Тиберий неоднократно намеревался убрать Гая с дороги (мол, нрава он скверного и не рожден для власти; к тому же Тиберий боялся, что за его, Тиберия, смертью неотвратно последует смерть внука), Макрон же всякий раз рассеивал подозренья Тиберия и превозносил Гая: мол, он прямой, чистый, щедрый и, разумеется, признает все преимущества двоюродного брата, так что, пожалуй, охотно уступит ему всю власть или, во всяком случае, главенство. Тиберий, поддавшись, сам не заметил, как примирился с присутствием того, кто был смертельным врагом и ему самому, и внуку его, и всему дому, и собственному своему ходатаю Макрону, и всему роду человеческому. Ибо Макрон, увидев, что Гай переступил границы дозволенного и движим лишь собственными необузданными порывами (к чему угодно и какими угодно), стал вразумлять и увещевать его, думая, что перед ним все тот же Гай, что и до кончины Тиберия, — послушный и добрый, но за непомерную свою благонамеренность этот несчастный заплатил сполна: от него избавились вместе со всем домом его, женой и детьми как от тяжкого груза и доуки. Ибо всякий раз, завидев Макрона, Гай говорил: «Сотрем улыбку с уст, потушим взоры — идет наставник, поборник прямоты, новоявленный воспитатель зрелого мужа и самодержца».

4

И вот, узнав, что с этим человеком покончено, Флакк впал в совершенное отчаяние и потерял способность вести дела, ибо решительность и твердость суждений покинули его. А ежели правитель отчаивается в своих силах, то подданные тотчас распускаются, а в особенности приходят в возбуждение те, кому оно свойственно по малым и случайным поводам.

И тут египтяне стоят на первом месте, ибо никто быстрее их не может раздуть из искры пламя бунта. Флакк, оказавшись

в столь трудном и даже безвыходном положении, заметался и совершенно переменял свой прежний образ действий (а между тем и мыслительные его способности ослабли!), начавши с ближайшего своего окружения; благонамеренных и расположенных он стал подозревать и гнать, а с записными своими врагами, напротив, примирился и спрашивал их совета во всех делах. А они, отнюдь не утратив былой злобы, лишь сделали вид, что переменялись, а на самом деле остались непримиримы и мстительны и, разыгрывая сцены неподдельной дружбы, завладели Флакком совершенно. И стал правитель — подданным, а подданные — владыками; они не только выдвигали самые вредные предложения, но тотчас утверждали их. Это был Дионисий¹⁰, прихвостень толпы, Лампон-крючкотвор, Исидор¹¹ — предводитель черни, сутяга, злодей, возмутитель городов, как называли его чаще всего; они беспрепятственно осуществляли свои решения, и Флакк был нужен им для прикрытия, как бессловесная фигура в маске правителя, но не обладающая властью.

И вот они все вместе замыслили страшное для евреев дело и в личной беседе с Флакком сказали так: «Погибли все твои упования на мальчика Тиберия, пропала и вторая твоя надежда — твой друг Макрон; от самодержца добра не жди. А потому нам нужно найти тебе заступника, который лучше других сумеет умилизовать Гая. И этот заступник — город александрийцев: его всегда чтит дом Августов, а нынешний наш владыка — особенно, и если ты одаришь чем-нибудь александрийцев, они вступятся за тебя. Пожертвуй им евреев — и лучшего подарка не надо».

За такие речи Флакк был бы должен проклясть и возненавидеть этих людей как смутьянов и врагов общественного блага, однако он поставил свою подпись под их словами. Сначала его нападки были не слишком заметны: он перестал быть беспристрастным судьей в различных спорах, склоняясь только к одной из тяжущихся сторон; он отнял у евреев право голоса: стоило кому-то из них приблизиться, он уходил от разговора и делался неприступен — но только для евреев; потом стал откровенно враждебен.

5

В своем безумии, которому он предался более по наущению, чем по природной склонности, Флакк укрепился еще более благодаря одному событию. Гай Цезарь вручил Агриппе¹², внуку царя Ирода, царство — треть дедовых владений, ту са-

мую, которую взял дядя Агриппы по отцу — тетрарх Филипп¹³. Агриппа готов был плыть туда, но Гай отсоветовал ему плыть до Сирии из Брундизия¹⁴: мол, далеко и тяжело, а лучше идти коротким путем через Александрию, дождавшись летних пасатов, — оттуда, дескать, можно быстрее добраться на грузовых судах, и рулевые там самые опытные, и суда послушны им, как лошади на скачках, и потому идут прямо по курсу. Агриппа послушался — отчасти подчинившись господину, отчасти согласившись с добрым советчиком.

И вот Агриппа спускается к Дикеархее¹⁵, видит в гавани александрийские суда, готовые к отплытию, садится со своими людьми на судно и, проведя с приятностью несколько дней в пути, достигает места неожиданным и неузнанным, а рулевым дает распоряжение (был уже вечер, когда показался Фарос¹⁶) спустить паруса и стоять на рейде за Фаросом, не слишком, однако, удаляясь от него, а с наступлением ночи войти в гавань, дабы он, Агриппа, мог сойти на берег, когда все уже разойдутся спать, и без свидетелей явиться в дом, где собирался остановиться. Обставив свое посещение Александрии столь скромно, Агриппа хотел, если получится, и покинуть ее тайно от жителей, ибо явился на этот раз не для обозрения Александрии (он был здесь раньше, когда направлялся в Рим к Тиберию), но только чтобы добраться до своих владений коротким путем.

Александрийцев же распирало от зависти (племя египтян весьма завистливо): они вообще считали чужую удачу несчастьем для себя, а тут были движимы старой и, можно сказать, врожденной ненавистью к евреям и так досадовали, что еврея сделали царем, как будто кого-то из них лишили трона предков. А сотоварищи Флакка снова принялись подзуживать его, стараясь вызвать в нем ту же зависть, которая снала их самих: «Его прибытие — твое крушение: тебя не удостаивали столь пышных почестей, все взгляды он приковал к себе великолепьем армии своих телохранителей, оружие которых покрыто серебром и золотом. И нужно ли ему было являться в земли, вверенные другому, когда он мог бы с попутным ветром спокойно доплыть до дома? А если он сделал это с разрешения или, скорее, под давлением Гая, он должен был бы молить о прощении за то, что явился сюда, дабы достоинство правителя страны не потерпело ущерба».

Такие речи привели Флакка в еще большее возбуждение, и если на людях он играл роль преданного друга Агриппы, ибо боялся того, кто послал его в Александрию, то у себя изливал

свою ревность и ненависть и срамил Агриппу заглазно, поскольку в глаза не отваживался. Зато он побудил на это ленивую и праздную александрийскую толпу (она понаторела в злоязычии, проводя досуг в наветах и поношениях) — то ли сам своею бранью, то ли через своих вечных помощников в таких делах. И вот александрийцы, получив благословение, целыми днями упражнялись в насмешках и издевках над царем, беря уроки у сочинителей мимов и разных шуточек, что ясно показывало природную склонность этих людей к безобразному: усвоить прекрасное они были неспособны, а потому с готовностью и легкостью учились обратному.

Но почему же Флакк не возмутился, не отдал их под арест, не наказал за наглое злословье? И разве не был достоин Агриппа какого-то особого внимания и почестей, даже не как царь, но как человек, близкий Цезарю? Нет, все неопровержимо доказывает, что Флакк был соучастником преступных поношений Агриппы, ибо если он мог наказать или хотя бы удержать этих людей, но не сделал этого, значит, он пособничал и потворствовал им. А стоит только толкнуть толпу на ложный путь, она не остановится, но устремится дальше, все больше изоцряясь в пороках.

6

Был там один безумец по имени Карабас¹⁷; его помешательство не было буйным и жестоким (приступы такого безумия обычно непредсказуемы и для тех, кто им подвержен, и для окружающих), но более тихим и кротким. Этот Карабас дневал и ночевал под открытым небом, нагой и совершенно равнодушный к жаре и к холоду, служа забавой праздным юнцам. Пригнав несчастного к гимнасию, его поставили на возвышение, чтобы всем было видно, соорудили из папируса нечто вроде диадемы, тело обернули подстилкой, как будто плащом, а вместо скипетра сунули в руку обрубок папирусного стебля, подобранного на дороге. И вот он, словно мимический актер, обряжен царем и снабжен всеми знаками царского достоинства, а молодежь с палками на плечах стоит по обе стороны, изображая телохранителей. Потом к нему подходят: одни — как бы с изъявлениями любви, другие — как будто с просьбой разобрать их дело, а третьи — словно прося совета в государственных делах. Потом в толпе, стоящей вокруг него кольцом, поднимаются крики: Карабаса величают Марином¹⁸ (так у сирийцев

зовется господин), ибо всем было известно, что Агриппа сам родом из Сирии и что значительная ее часть входит в состав его владений.

Все это слыша или, скорее, видя, Флакк должен был бы и безумца взять под стражу, дабы тот не подавал повода для нападков и оскорбления вышестоящих лиц, и тех, кто так вырядил его, наказать за то, что они осмелились и словом, и делом, и открыто, и исподтишка оскорблять царя, друга Цезаря, человека, получившего от римского сената все знаки преторского достоинства¹⁹. Однако он не только не наказал их, но даже не счел необходимым их удержать; напротив, он их простил и примирился с этими злонамеренными людьми, притворившись, что не видит того, что видит, и не слышит того, что слышит. Почувствовав это, толпа (не та, что предана законам и обществу, но та, в чьем ревностном стремлении к недостойной жизни, в чьей неисправимой лени и праздности — а это вещи коварные! — коренятся смятение и беспорядок) с самого утра стекла в театр, и Флакк, славолубивый и продажный, принял оказанные ему жалкие почести в ущерб не только собственной, но и общественной безопасности, ибо толпа требовала неслыханного и противозаконного — водрузить в молельнях статуи²⁰. Требуя этого, они схитрили (ибо в порочных делах эти люди были весьма сообразительны), прикрывшись именем Цезаря, а уж его в неблагоприятных намерениях не обвинишь.

А что же тем временем правитель страны? Он знал, что двояко население Александрии и всего Египта: есть мы, и есть они, что не менее миллиона евреев живет в Александрии и по всей стране от ливийской пустыни до рубежей Эфиопии; он сознавал, что покушается на всех них, что пагубно расшатывать старинные устои, однако пренебрег всем этим и позволил поставить скульптуры в молельнях, хотя имел прямую возможность предотвратить это — или приказом начальника, или советом друга.

7.

Но Флакк был заодно с этими людьми во всех их постыдных делах, и данную ему исключительную власть употребил злобно, разжигая распри и давая огню все новую и новую пищу, и всюду, куда простиралась его власть, разгорелась междоусобная вражда. Не мог он не понимать, что весть об осквернении

молелен²¹ сразу дойдет из Александрии до египетских номов²², помчится от Египта к востоку и восточным народам, от Гипотайнии и Марей²³, где начинается Ливия, к западу и народам западным, ибо племя иудейское столь многочисленно, что одна земля не может вместить его. Потому обретаются евреи во многих благоденствующих землях — европейских и азийских, островных и материковых, почитая своей изначальной родиной Святой Город, где водружен верховный храм Всевышнего; однако отечеством своим они почитают либо те земли, в которых родились и выросли, унаследовав их от отцов, дедов, прадедов и более далеких предков, либо те края, куда отселились в пору их освоения и были радушно приняты основателями²⁴. И потому происходящее в Александрии могло и повсеместно подтолкнуть людей оскорблять сограждан своих евреев, посягая на их молебни и расшатывая древние устои²⁵. И не могли евреи, сколь ни отпущено им миролюбия и терпения, с подобным смириться — не потому только, что обычаи свои люди берегут и охраняют, не страшась даже и смерти, но и потому, что евреи — единственные из всех живущих под солнцем, — с потерей молелен теряют и возможность благоговейно чтить своих благодетелей, от которой ни один еврей не откажется и под страхом десятков тысяч смертей. Так вот, утратив святилища, где может излиться благодарение, они могли бы сказать своим недругам так: «Вы в слепоте своей не видите, что лишаете почета наших господ, а вовсе не преумножаете его, не понимаете, что у евреев всего мира благоговенье перед домом Августа имеет средоточие (нет в том сомненья) в молебнях, и если мы лишимся их, то где и как сможем явить свое преклонение? Ведь если мы пренебрегаем тем, что наш обычай устанавливает, будет справедливо взыскать с нас по всей строгости за то, что мы не возвращаем долг сполна. Но если мы избегаем того, что наши законы запрещают (а нерушимость их была любезна самому Августу), есть ли тут хоть малая наша вина? Единственным порицаньем для нас может служить то, что если и по чужой воле изменили мы установленным обычаям, то все равно вина ложится на нас, потому что дозволенные нам границы мы сами и переступили».

Но Флакк молчал о том, что должно было сказать, а говорил о чем не следовало — в этом он и грешен перед нами. Те же, кому он угождал, каковы были их соображенья? Воздать почести самодержцу? Но разве в Александрии недоставало храмов? В Александрии, где столько посвящено богам! Воистину люди,

преисполненные ненависти, коварны и вероломны в своих злоумышлениях: обидчиков не разоблачишь, а обиженным сопротивляться опасно. Ибо бесчестно, добрые люди, ниспровергать законы, подрывать древние устои, злоумышлять против своих сограждан и соседей соблазнять презрением к согласию.

8

Итак, первое покушение Флакка на наши законы как будто удалось — он лишил нас наших молелен, не сохранив даже их имени. Тогда он предпринял второе наступление — на наше гражданство, чтобы мы, утратив то, на чем только и зиждилась наша жизнь, — обычаи отцов и равные со всеми гражданские права, лишились твердой почвы под ногами и погрузились в трясины несчастий. Ибо спустя несколько дней Флакк издает указ: считать нас отныне чужаками и пришлыми, осудив нас тем самым без суда, не давши слова сказать в свою защиту²⁶. Не самая ли откровенная это тирания? Флакк сам стал обвинителем, истцом, свидетелем, судьей и палачом и к двум своим грехам прибавил третий, позволив всем желающим грабить евреев словно жителей завоеванного города. И что же эти люди, заранее прощенные, творили?

Александрия поделена на пять кварталов, названных по первым буквам алфавита; два из них зовутся «еврейские», ибо в них обитает большинство евреев, которых, впрочем, немало рассеяно и в прочих кварталах. Что же было сделано? Выселив евреев из четырех кварталов, грабители согнали их в один, самый маленький. Но евреев было так много, что им пришлось расселиться по побережьям, свалкам и кладбищам, ибо они лишились всего, чем обладали. А гонители совершали набеги на их дома, теперь пустые, и грабили, распределяя добро как военную добычу. Они ворвались и в мастерские евреев, закрытые в знак скорби по Друзилле²⁷, и беспрепятственно вынесли оттуда все ценное (а этого было немало), причем тащили через рыночную площадь, распоряжаясь чужим имуществом как своим. Но еще более ужасным злом стало прекращение источников дохода, ибо всем — земледельцам, морякам, торговцам, мастеровым — было запрещено заниматься привычным делом, так что нищета наступала с двух сторон: во-первых, грабежи, в один день лишившие их всего имущества, а во-вторых, невозможность зарабатывать на жизнь привычным делом.

9

Все это, однако, меркнет в сравнении с тем, что случилось потом. Конечно, бедность горька, особенно проистекающая от вражеской руки, но оскорбленье, пусть мелкие, гораздо горше. Страдания же, выпавшие на нашу долю, настолько превосходили всякую меру, что слова «оскорбленье» или «глумленье» в их точном смысле тут неприемлемы, да и вообще, мне кажется, нет слов, способных описать невиданную жестокость наших гонителей, в сравнении с которой даже отношение победителей к побежденным на войне, когда безжалостность естественна, покажется мягким. Те, кто одержал победу, расхищают имущество побежденных и во множестве угоняют их в плен, но и сами рискуют тем же в случае поражения. К тому же пленников тысячами отпускают за выкуп, внесенный родными или друзьями,— не из склонности к состраданию, но будучи не в силах устоять перед деньгами. «И что же,— мне скажут,— ведь если людям посчастливилось спастись, совсем неважно, каким путем пришло спасенье». Да и погибших в сражениях сами враги — если они благородны и человечны — не лишают права погребения и совершают его на свой счет. Когда же сохраняется ненависть и к мертвым, возвращают их тела согласно договору, чтобы не лишить погибших последней милости, положенной им по праву. Так поступает неприятель на войне. Теперь посмотрим, что совершили с добрыми согражданами и в мирное время.

Ограбленные, лишенные крова, изгнанные из большинства кварталов Александрии, евреи очутились как бы в кольце врагов — беспомощные, мучимые отсутствием самого необходимого; на их глазах женщины и дети умирали от голода среди цветущих, щедро напоенных половодьем возделанных полей, в избытке приносявших плоды. Не в силах более терпеть нужду одни пошли (против обыкновения) к друзьям и родственникам, прося на жизнь, другие, чей благородный дух чурался попрошайничества как рабьей доли, недостойной свободного человека, решились, несчастные, пойти на рынок, чтобы достать еды себе и домашним. А попав в руки черни, тотчас бывали они убиты, и трупы их тащили через весь город, топча и превращая в месиво, так что и предать земле было бы нечего. И много тысяч других страдальцев уничтожали изощрившиеся в изуверстве, доведенные собственной свирепостью до зверского состояния недруги: стоило кому-то из евреев где-то появиться, его

тотчас побивали камнями или кольями, стараясь при этом не задевать жизненно важных органов, с тем чтобы страдания жертв продлить подольше. Иные, упоенные полной безнаказанностью, выбирали только самые жестокие орудия — железо и огонь, и многих порубили мечами, немало и пожгли. Вообразите, целые семьи: мужья и жены, родители и дети были преданы огню посреди города — не щадили безжалостные ни стариков, ни молодых, ни младенцев невинных; а если не хватало дров, они, собравши хворост, душили несчастных дымом, и те умирали в еще более чудовищных муках, и было страшно видеть груды полусожженных тел. А если и хвороста недоставало, тогда дровами служила утварь самих несчастных, похищенная из домов: конечно, что получше тащили себе, а что похуже сжигали вместе с владельцами. А многих, еще живых, тащили за ногу, привязав веревку к лодыжке, и одновременно топтали; над теми, кто умер такою дикой смертью, эти люди продолжали глумиться с не меньшей яростью: не было улочки в Александрии, по которой не протащили бы труп, покуда кожа, мясо и сухожилия не истирались о неровную и каменистую поверхность земли, покуда все части, когда-то составлявшие единство, не отрывались друг от друга и тело не превращалось в ничто.

При этом убийцы разыгрывали из себя страдальцев, а родственников и друзей страдальцев подлинных только за одно сочувствие к близким хватали, бичевали, колесовали, а после всех мучений, которым только можно подвергнуть человека, их ждала последняя из казней — крест.

10

И когда не осталось для евреев ни щелочки, ни уголка, куда не проникла бы изощренная ненависть Флакка, он задумал нападение с другого фланга, этот великий изобретатель беззаконий. А дело в том, что наш спаситель и благодетель Август после кончины генарха²⁸ создал для попечения над всеми иудейскими делами Совет старейшин, поручив это соответствующим распоряжением Магию Максиму²⁹, которому предстояло (во второй уже раз) стать наместником Александрии и Египта. Так вот, тех членов Совета, которых застали дома (числом в тридцать восемь), Флакк тотчас заключил в оковы и торжественно провел через самое сердце города — кого связанным рем-

нями, кого закованным в цепи; потом загнал в театр, устроив зрелище в высшей степени жалкое и нелепое: поставил старцев против скамей, где расселись истязатели, чтобы полюбоваться их позором, и приказал бить кнутах по голым телам (такому поруганию обычно подвергают самых ужасных преступников), при этом одних забивая быстро, других заставляя мучиться долго.

Величие этого коварного замысла обнаружило себя и по-другому, но с той же очевидностью, и то, что я сейчас скажу, подтвердит это. Трое из Совета старейшин — Эвод, Трифон и Андрон³⁰ — остались нищими: грабители разом лишили их всего имущества, и Флакк отлично знал об этом — его уведомили, когда он посылал за нашими начальниками в прошлый раз, будто бы для того, чтобы примирить их с остальными горожанами³¹. И все же, точно зная, что этих людей полностью обобрали, он бил их на глазах самих грабителей, чтобы одни вдвойне терзались — и нищетой, и унижением, другие же наслаждались вдвойне — и обретением чужого богатства, и вкусом позора разоренных ими людей.

Не знаю, стоит ли приводить тут одну подробность тех событий, боюсь, она покажется мелкой и незначительной, зато малость ее покажет, сколь велика была злоба этих людей. В Александрии для наказаний используют различные орудья в зависимости от положения наказуемых: одними кнутах бьют египтян, и есть для этого особые люди, другими, плоскими — александрийцев, и палачи их — сами александрийцы³². Такой обычай соблюдался всегда и в отношении нашего народа предшественниками Флакка, а в первые годы — и самим Флакком. Ведь и лишенный гражданских прав может сохранить частицу гражданского достоинства, а оскорбленный — частицу гордости, когда дела разбираются по справедливости и без привнесения личной злобы, которая лишает наказание необходимой его части — сочувствия.

И всего непереносимее, что евреев среднего сословья били теми кнутах, какими обычно наказывали свободных и полноправных граждан, важных же лиц — старейшин, так именуемых по возрасту своему и положению, унизили, истязая орудиями, предназначенными для египтян низшего сословия, причем виновных в тягчайших преступлениях.

Не говорю о том, что даже если бы они совершили десятки тысяч преступлений, Флакку подобало бы перенести казнь, ибо честно правящие, преданные и от души почитающие своих

благодетелей имеют обыкновение откладывать наказание осужденных, покуда не кончатся всенародные празднества в честь дня рождения кого-то из славных Августов³³. А Флакк в такие дни преступил закон, покарав невинных, хотя и мог отложить столь желанную расправу. Но он спешил и торопил события, желая подольститься к черни, ненавидевшей евреев, и заставить ее поддержать его замыслы.

Я знаю, что в канун таких дней порой снимали с креста тела распятых и отдавали родным, чтобы те предали их земле, свершив положенный обряд, чтобы и мертвым в день рождения самодержца воздалась какая-то крупица блага и чтобы не нарушить священного величия празднества.

А Флакк не то что не приказал снять с креста мертвых — он приказал распять живых, которым сами те дни даровали прощение — не навсегда, на время, не полную отмену наказания, но его отсрочку. И это он сделал после позорного бичевания в театре, после пыток огнем и железом. На несколько частей делилось представление. Первая часть его длилась с рассвета до трех или четырех часов: евреев били кнутами, подвешивали, колесовали, увечили — отсюда, с середины оркестры, вступили они на смертный путь, а после этого великолепного зрелища на оркестру вышли плясуны, мимы, флейтисты — словом, все, кто забавляет нас во время театральных состязаний.

11

Впрочем, довольно об этом. Вторую частью представления были грабежи: Флакк собирался двинуть на нас вооруженных солдат, а ради оправдания своих намерений придумал такое: мол, говорят, что евреи прячут у себя оружие. И вот Флакк посылает за центурионом по имени Каст³⁴ (этот Каст пользовался у Флакка наибольшим доверием) с приказом, взяв самых храбрых своих солдат, без промедленья и предупрежденья начать обыски в домах евреев — а вдруг там целые склады оружия! Каст, как обычно, ревностно взялся за дело. Сначала евреи, не зная, что против них замыслили, стояли, оцепенев, а жены их и дети, прижавшись к матерям, рыдали, боясь, что их схватят, — этим, они думали, все и должно завершиться.

Но кто-то из солдат спросил: «Где тут у вас оружие?» Тогда все немного перевели дух, предоставили солдатам все осмотреть в своих жилищах, одновременно радуясь (не придется даже

опровергать эту клевету — все станет ясно само собою) и огорчаясь (во-первых, из-за того, что все легко поверили в такую чудовищную ложь, измышленную их врагами, а также потому, что женщины их, которых держали взаперти, не подпуская даже к дверям, и девушки, которые не покидали своих комнат, стыдясь и избегая взоров мужчин, даже своих домашних, предстанут не просто перед незнакомцами, но перед воинами, навещающими страх).

Но вот тщательный обыск закончен. И сколько же оружия тут найдено? Доспехи? щиты? кинжалы? мечи? Все это грудами вытаскивали из наших домов? А может, еще метательное оружие — копья, пращи, луки, стрелы? Нет, ничего, даже ножей, используемых на кухне, — вот сколь проста была жизнь этих людей, избегавших любых излишеств, потворствующих желаниям и поощряющих их необузданность, в которой коренятся все пороки.

А ведь незадолго до этого некий Басс³⁵ по поручению Флакка производил изъятие оружия по всему Египту: тогда в речные гавани входили вереницей корабли, груженные самым разным оружием, шли выючные животные, нагруженные связками копий, свисавших для равновесия по обоим бокам, из лагеря пригнали почти все повозки, которые двигались одна вслед другой и заполнили всю дорогу и каждая была полна оружия всех возможных видов, а расстояние между гаванями и дворцовым арсеналом, куда свозилось оружие, составляло около десяти стадиев. Конечно, стоило обыскивать дома тех, кто держал всю эту гору военного снаряжения, ибо они нередко поднимали мятежи, их вечно подозревали в готовности к перевороту, и нужно было бы учредить в Египте новое празднество сбора оружия, которое происходило бы трижды в год по образцу священных состязаний, чтобы египтяне или не успевали изготовлять оружие, или хотя бы делали немного, не имея времени восполнить изымаемое.

Но мы-то почему должны терпеть такое? Когда подозревали нас в измене? Нет, нас всегда считали самыми миролюбивыми, весь уклад жизни нашей был безупречен в соблюдении законов и сохранении порядка в городе. Да имей евреи оружие, разве ушли бы они из более чем четырехсот домов, изгнанные на улицу грабителями? И почему же не обнаружилось оружия среди отнятого у евреев имущества? Нет, все это был зловредный вымысел Флакка и александрийской черни, жертвой коего стали

и наши жены: их, словно пленниц, хватали не только на рыночной площади, но даже в театре во время представления, затаскивали (не знаю уж, какую числя за ними вину!) прямо на сцену, самым ужасным образом глумясь над ними. Потом, бывало, убедившись в ошибке (тогда хватали многих, не разобравшись как следует, какого они роду-племени), отпускали, но если ошибки не было, все зрители превращались в палачей: требовали принести свинину и кормить ею несчастных. Одни, боясь расправы, ели, тогда их отпускали, не мучая более; иные оказывались более стойкими, тогда их отдавали в руки палачей на поруганье, и это неопровержимо доказывает их полную невиновность.

12

К тому же Флакк пытался строить козни нашему народу не только своими руками, но и руками самодержца. Вот как было дело. Мы постановили воздать Гаю все почести, которые только были возможны и дозволялись законами³⁶; потом, приведя это в исполнение, представили свое постановление Флакку с просьбой отправить посольство к самодержцу от своего имени, если уж он не позволил нам отправить собственных наших послов. Флакк прочитал, согласно кивая головою на каждой строчке с улыбкой удовлетворения (а может, просто притворяясь довольным), потом сказал: «Хвалю вас за благочестие и, разумеется, отправлю ваше посланье самодержцу, как вы и просите, или сам буду вашим послом — пусть Гай узнает вашу благодарность. Я выражу и собственное мнение о вас, ничего не прибавляя к обильным свидетельствам вашей порядочности и законопослушания, ибо одной правды будет довольно, чтобы восхвалить вас».

Мы радовались этим обещаниям и благодарили так, как будто уже исполнились надежды и Гай прочел наше постановление. И это было не так уж невероятно, ибо все послания, которые передавались лично наместником, властитель разбирал без промедленья. Но Флакк, сказав «прости!» и нашим замыслам, и собственным посулам, оставил наше постановление у себя, дабы народ наш один на всей земле сочтен был врагом самодержавной власти. Кто мог так действовать? Да только тот, кто долго, неусыпно и тщательно строил нам козни, и вовсе это не был порыв безумья, внезапно налетевший и на время затмивший разум.

Но Бог, радея о человечестве, похоже, возымел к нам жалость и отверг все льстивые и хитрые слова, которыми коварно обманул нас этот человек, отверг и ту выдумку его преступного ума, в которой ковались злые замыслы, и вскоре дал нам основание думать, что наши надежды не будут обмануты.

Ибо когда Агриппа был в Александрии³⁷, мы говорили с ним, поведали о злоумышлениях Флакка, и тот исправил дело: взял наше постановление, заверив, что перешлет его, и, насколько нам известно, сделал это, сопроводив словами извиненья за задержку: мол, евреи вовсе не медлили постичь науку преклоненья перед домом благодетелей, напротив, с самого начала стремились показать, что превзошли ее, но происки наместника лишили их такой возможности. И тут вступила в бой сообщница и союзница всех несправедливо обиженных, карающая безбожных людей за их безбожные поступки,— справедливость³⁸. Впервые, Флакк был подвергнут неслыханному унижению и ввергнут в пучину таких несчастий, которых не знал никто из прежних наместников, с тех пор как власть над сушей и над морем досталась дому Августа. Ибо и при Тиберии, и при отце его Цесаре³⁹ иные должностные лица, бывало, превращались из заботливых стражей во властных деспотов, и тогда вся страна тонула в неистребимом зле: царило взяточничество, грабеж, несправедливые суды; невинных карали изгнанием и ссылкой, влиятельных людей уничтожали без суда; когда же кончался срок службы и эти люди возвращались в Рим, самодержцы требовали у них отчета об их делах, особенно если из городов, где попирались законы, являлись послы. Ибо тогда самодержец становился судьей, равно беспристрастным к обеим сторонам: никто, считалось, не должен быть осужден без суда, а справедливый суд сообразуется не с чувством приязни и неприязни, но с чистой истиной.

13

Арест же Флакка происходил так. Он полагал, что смог развеять подозрения, имевшиеся у Гая на его счет,— отчасти своими посланиями, исполненными лести, отчасти речами, с которыми он выступал повсюду, сплетая подхалимство с фальшивыми хвалами, отчасти тем глубоким уважением, которое питало к нему, как думал он, большинство горожан. Однако Флакк не знал, что все это самообман, ибо упования людей порочных обычно бывают ложны: они обретают обратное тому, на что надеялись,— и совершенно ими заслуженное.

Из Рима лично Гаем был послан центурион Басс⁴⁰ с отрядом солдат. Сев на корабль — один из самых быстроходных, — он через несколько дней вечером приблизился уже к александрийским гаваням у Фароса⁴¹; он отдал рулевому приказ дрейфовать до захода солнца, ибо хотел явиться в Александрию незамеченным, боясь, что Флакк, прознав о его прибытии, предпримет что-нибудь, способное воспрепятствовать осуществлению его, Басса, планов. С наступлением темноты корабль пришвартовался в гавани, Басс со своими людьми сошел на берег и двинулся вперед, никем не узнанный и никого не узнавая, а встретив по дороге солдат из караульных четверок, велел показать ему дом главнокомандующего⁴² — Басс хотел доложить о тайных предписаниях, которые имел, дабы заручиться его поддержкой на случай, если потребуетсЯ действенная помощь. Узнав, что главнокомандующий вместе с Флакком пирует у кого-то, Басс столь же стремительно направился к дому Стефания, где собрались пирующие (этот Стефаний был вольноотпущенником Тиберия⁴³), и немного не доходя до дома, выслал вперед одного из своих людей, переодев его слугой, с тем чтобы никто ни о чем не догадался. Тот вошел в пиршественный зал под видом слуги кого-то из пирующих, все осмотрел и возвратился к Бассу с подробным рассказом. Узнав, что вход не охраняется, а Флакк сопровождает совсем немного людей, всего десять — пятнадцать прислужников-рабов, Басс дает своим спутникам знак и вместе с ними врывается в дом, а часть воинов с мечами, занявших положение вдоль стен пиршественного зала, окружает Флакка, застав его врасплох, ибо в эту минуту он пил за здоровье какой-то особы и изливал свое расположение к присутствующим. Когда же воины расступились и вперед вышел Басс, Флакк, увидав его, застыл от изумления, потом пытался встать и тут заметил вокруг себя стражу. Тогда он понял до всяких объяснений Басса, что хочет с ним сделать Гай, с каким приказом явились эти гости и что ожидает его в ближайшем будущем, ибо человек отлично может в уме своем заранее предугадать то, чему только предстоит случиться. А сотрапезники Флакка поднялись со своих лож, одни дрожа, другие застыв от страха, что их как-нибудь накажут за то, что пировали вместе с Флакком; бежать же было небезопасно, даже невозможно, ибо все входы уже были заняты воинами Басса. Самого же Флакка Басс приказал увести. Так начался его последний путь, и справедливо было, что суд над человеком, из-за которого в десятках тысяч домов невинных людей погасли очаги, начался у очага.

14

Такая вот небывалая вещь случилась с Флакком: в стране, которой он управлял, его пленили, как на войне, и, думается, это случилось из-за евреев, которых он желал стереть с лица земли. Свидетельством тому явилось и время ареста, ибо у евреев на дни зимнего равноденствия приходится праздник, когда всем полагается жить в шатрах⁴⁴. Однако в этот раз не видно было даже приготовлений к празднеству: старейшины⁴⁵, перенесшие смертные муки и невыносимое глумление, томились в темнице, для простых граждан несчастья старейшин стали всенародным горем, к тому же все были глубоко угнетены собственными бедами. Ибо страдания, выпадающие на праздничные дни, имеют свойство удваиваться для тех, кто не может праздновать: во-первых, они лишаются веселия души, сообразного празднику, во-вторых, печаль, в которой они пребывают из-за невозможности спастись от неотвратимых бедствий, передается другим. И пока все, придавленные грузом невыносимой тоски, сидели по домам (уже спускалась ночь), явились какие-то люди с известием об аресте Флакка. Но все решили, что их просто испытывают, и еще больше затосковали из-за того, что им казалось издевкой и коварством. Однако вскоре в городе поднялась суматоха, сновала ночная стража, какие-то всадники метались между городом и лагерем, и тогда иные из евреев вышли на улицу узнать, что происходит, ибо понятно было, что это нечто необычайное. Когда же они узнали, что Флакка действительно арестовали и заключили в темницу, то, воздевши руки к небесам, принялись гимнами и пеанами славить Бога, который надзирает за всеми делами человеческими: «Владыка,— говорили они,— мы не злорадуем, видя, что наш враг наказан,— наши священные законы учат сочувствию, однако наша благодарность к тебе законна: ты возымел к нам жалость и сострадание, избавив нас от бесконечной цепи бедствий». Так в гимнах и песнопениях прошла вся ночь, а на рассвете все хлынули через ворота на побережье (ибо молелен у них больше не было) и, вставши на открытом со всех сторон месте, все хором возгласили: «Великий Царь бессмертных и смертных, мы призываем землю и море, воздух и небо, все части Вселенной и всю ее целокупно вместе с нами воздать тебе хвалу и благодарность,— за этим мы явились сюда, только здесь мы обрели приют, когда

потеряли все рукотворное, когда лишили нас родного города, и жилищ наших, и мест общественных собраний, когда единственные на всей земле остались мы без крова и очага по воле злонамеренного правителя. Ты даешь нам добрые знамения, что все попорченное восстанет, ибо Ты уже снисходишь к нашим мольбам, коли недруга нашего, чьим наущением и водительством творилось наше горе, а его, как возомнил он,— слава, внезапно низверг, и не вдали где-то, так что узнали бы мы, его жертвы, обо всем стороною, со слов других, но здесь же, почти на глазах несправедливо обиженных, чтобы явить им столь скорое и неожиданное наказание».

15

Но было и третье событие, произошедшее, мне кажется, по воле божественного провидения. Путь Флакка в Рим начался ранней зимою, ибо, конечно, было суждено ему натерпеться страхов, связанных с морской дорогой,— ему, чьи безбожные дела проникли в каждую частицу Вселенной и, претерпев тысячи бедствий, с большим трудом добрался он до Италии, и там на него тотчас же набросились с обвинениями два его злейших врага — Исидор и Лампон⁴⁶, которые еще недавно были у него в подчинении, величая его владыкой, спасителем и благодетелем и другими подобными титулами, теперь же стали сводить с ним счеты со рвением неизмеримо большим — не только потому, что преисполнились отваги, которую рождает сознание собственной правоты, но потому еще (и это гораздо важнее), что знали, как ненавидит Флакка тот, кто вершит все дела человеческие. «Конечно,— думали они,— наш Цезарь примет обличье судьи, чтобы предупредить все обвинения в несправедливости, однако на деле будет непримиримым врагом, который до всякого суда уже вынес в душе своей самый тяжкий обвинительный приговор».

Что может быть хуже для сильных мира сего, чем выслушивать обвинения нижестоящих: подданные изобличают правителя — не подобно ли это тому, что рабы, возвращенные в доме или купленные, судят своих хозяев?

16

Но это было бы, пожалуй, еще не так страшно, если бы просто бывшие подданные вдруг изготавились, соединили усилия и напали с обвинениями. Эти же люди давно уже, почти с тех пор, как Флакка сделали наместником Египта, были его злейшими врагами. Лампона судили за оскорбление величества, и за два года, пока тянулось дело, он совершенно отчаялся. Ибо злокозненный судья медлил, желая опутать подсудимого цепями страха перед неясным будущим и продержат в них как можно дольше, сделав тем самым жизнь подсудимого мучительнее смерти, пусть даже в конце концов он будет оправдан. Потом, когда оказалось, что Лампон выиграл дело, он стал говорить, что совершенно разорен: его хотели сделать гимнасиархом⁴⁷, а он или по скарелности не желал тратиться и просто оправдывался тем, что, мол, в средствах стеснен и столь больших расходов позволить себе не может, или на самом деле не имел достаточно средств; во всяком случае, прежде он любил поговорить о своем богатстве, покуда не дошло до дела, однако проверка показала, что Лампон не слишком богат, а почти все, что имеет, приобрел незаконным путем. Ибо пока правители вершили суд, он находился подле, ведя записи как секретарь, а потому мог произвольно опускать одно и добавлять другое, что вовсе не говорилось; бывало, он изменял уже сделанные записи, все переделывая, перекраивая и искажая первоначальный смысл, а за каждый слог или, скорее, за каждый значок этот крючкотвор взыскивал деньги. Народ единодушно и метко прозвал его «писарь-палач», ибо своей рукою он обрек на смерть десятки тысяч людей, а жизнь иных сделал страшнее смерти: те, что могли бы выиграть дело и даже разбогатеть, проигрывали и разорялись, что было в высшей степени несправедливо, а помощь их противникам оказал тот, кто по дешевке спускал чужое добро. Те же, кто управлял такой огромной страной, конечно, не могли держать в уме всю грудку больших и мелких судебных дел, притом, что она росла день ото дня; к тому же эти люди не только исполняли обязанности судей, но разбирали отчеты о государственных доходах и податях, а это занимало большую часть года⁴⁸. Лампон же, поставленный следить за неприкосновенностью величайшего сокровища — справедливости — и основанных на ней благочестивых решений, наживался на забывчивости судей: беря мзду как плату за свою продажность, он записывал побежденных в победители и наоборот.

17

Таков был Лампон, выступивший с обвинением против Флакка, а другой его обвинитель, Исидор, был ничуть не менее порочен: заискивающий перед чернью, жаждущий ее благосклонности, понаторевший в учинении различных беспорядков и смут, враждебный спокойствию и миру, великий мастер затевать мятежи и бунты, направлять их и разжигать, всегда стремившийся окружить себя всяким разношерстным сбродом, который, впрочем, делился на группировки — как бы такие подразделения⁴⁹.

Есть в Александрии сообщества, весьма многочисленные и выросшие не на здоровой почве, но на пьяных возлияниях, хмельной гульбе и порождаемой всем этим похоти; жители называют их «сходками» и «ложами»⁵⁰. Во всех этих сообществах (или, по крайней мере, в большинстве из них) первую роль играет Исидор, которого зовут «председателем пира», «председателем ложа» и «возмутителем спокойствия». И когда ему приходит охота сотворить что-то гадкое, все члены сообщества, собравшись по одному его знаку, и говорят, и делают все, что им велено. Однажды, досадуя на Флакка за то, что тот сначала отнесся к нему серьезно и почтительно, а потом уже не проявлял такого внимания, Исидор приказал своим наемным соратникам и подпевалам, привыкшим к тому же сбывать свои наветы всем, кто имеет довольно средств, чтобы их купить, собраться в гимнасии. И те, заполнивши гимнасий, безо всякого повода накинулись на Флакка, изобретая немыслимые обвинения, сплетая гирлянды лживых слов⁵¹, так что не только Флакк, но и все прочие были изумлены и предположили (и с полным основанием!), что есть некто, ради которого все это делается, и что сами обвинители — отнюдь не жертвы Флакка и отлично знают, что и никому другому в городе он ничего дурного не делал. Власти решили арестовать некоторых из них и выяснить причину столь беспочвенного и внезапного взрыва безумия и бешенства. Арестованные безо всяких допросов открыли истину и дали показания о размерах условленной платы и о том, какую часть они уже получили, сколько обещали им выплатить потом, кому поручено распределение денег, сообщили, где и когда они получили эту мзду.

Все были возмущены и очень боялись, что безрассудство отдельных жителей ляжет пятном на город, и Флакк решил

с утра собрать всех самых уважаемых и почтенных граждан и перед ними выставить подкупленных свидетелей, дабы изобличить Исидора и защитить свое правление от несправедливых нападков. Однако на зов его явились не только знатные, но и простые граждане, за исключением тех, кого должны были изобличить в мздоимстве. Этих последних, столь отличившихся, поместили на возвышение, чтобы отовсюду они были видны и каждый мог их узнать. Из их показаний следовало, что виновником всех беспорядков и наветов на Флакка был Исидор и что он истратил много денег и вина, чтобы погубить того, кого втайне ненавидел.

«Иначе откуда,— говорили они,— взять нам такую уйму денег? Ведь мы бедны, с трудом сводим концы с концами. За что стали бы мы мстить правителю? Нет, только Исидор виновник и творец всего произошедшего, он вечно завидует успехам и счастьем других и ненавидит спокойствие и право».

Узнав правду, установив виновника, причины и цели его деяний, собравшиеся стали требовать его наказания, призывая кто к лишению его гражданских прав, кто к ссылке, кто к казни. Сторонников последней меры было большинство, потом к ним присоединились остальные, и вот уже все в едином порыве закричали, что надобно казнить этого душегуба, который с тех пор, как выдвинулся и был допущен к государственным делам, на жизнь города повлиял пагубно и тлетворно.

Исидор, чья совесть не была чиста, бежал, боясь ареста, но Флакк нимало не был этим обеспокоен, считая, что добровольное удаление этого человека положит конец раздиравшим город мятежам и распрям.

18

Не в память былых обид пустился я в эти подробности, но в изумлении перед вечным соглядатаем всех дел людских — справедливостью: именно злопыхателям Флакка, коим издавна был он ненавистен, посчастливилось обвинять его, дабы унижение Флакка стало вовсе непереносимым — ведь нет ничего страшнее, чем быть судимым заклятыми врагами. И дело не только в том, что бывший правитель был обвинен своими подданными, что обвинителями его явились злейшие враги, чья жизнь еще недавно находилась всецело в его руках, но в том, что он был осужден и сломлен дважды, ибо потерпел поражение под зло-

радный смех врагов, а это для человека со здоровым умом страшнее смерти.

Градом обрушились на Флакка всевозможные несчастья: его немедленно лишили состояния — и унаследованного от родителей, и нажитого им самим: имея большой вкус к украшениям и нарядам, он богатство свое не держал под спудом, но вкладывал в приобретение изысканных и совершенных вещей — это были чаши, наряды, покрывала, другая утварь, словом, все, что служит для украшения дома; к тому же и слуг он выбирал красивых, здоровых и способных отменно выполнять свои обязанности, и каждый из них отличался в том деле, к которому был приставлен, так что считался первым среди других мастеров или вообще не имел соперников.

И есть тому неопровержимое доказательство: в то время, как имущество десятков тысяч осужденных распродавалось, имущество Флакка сберегли для самодержца, за исключением каких-то мелочей, дабы не вовсе нарушить закон, касавшийся всех осужденных по таким делам. Лишив Флакка имущества, его приговорили к ссылке, изгнав не только с материка — а это большая и лучшая часть мира, — но и с островов из числа процветающих, ибо сослали его на самый жалкий остров в Эгейском море — Гиарой⁵² он зовется, однако ходатайство Лепида⁵³ помогло изгнаннику сменить Гиару на Андрос (это ближайший сосед Гиары). Так что Флакк снова проделал путь из Рима в Брундизий⁵⁴ (совсем немного лет прошло с тех пор, как этим путем он отправлялся в Египет и Ливию, назначенный наместником этих двух стран), и довелось тогдашним свидетелям того, как горделиво он выступал, раздувшись от своего успеха, опять увидеть его уже опозоренным. На него указывали пальцами, его поносили, но куда сильнее терзала его крутая перемена всей жизни, ибо пламя его беды разгоралось, питаемое все новыми и новыми несчастьями, подобно новым приступам застарелой болезни, заставлявших вспомнить о прежних неудачах, которые, он думал, покрылись забвением.

19

Пересекши Ионийский залив, Флакк был отправлен морем к Коринфу, что доставило много радости жителям прибрежных городов Пелопоннеса, узнавшим о внезапной перемене его судьбы. Ибо как только он сходил на берег, тотчас же сбегались

люди: дурные — ради глумления, хорошие, способные извлечь из участи другого благие уроки,— ради сочувствия. От Лехея⁵⁵ он прошел через Истм⁵⁶ и спустился к Кехрее⁵⁷, коринфской гавани; тут стражи, не дававшие ему ни единой передышки, тотчас же посадили его на маленькое грузовое судно, и при сильном встречном ветре, испытав тысячи мук, он едва дотащился до Пирея⁵⁸. Когда же непогода утихла, Флакк двинулся вдоль Аттики до Суния⁵⁹, а там стал перебираться с острова на остров: с Елены на Кеос, оттуда на Китн⁶⁰, и так остров за островом, покуда не добрался до места назначения — Андроса.

Вид острова исторг у нечестивца потоки слез, которые ручьями стекали по щекам его, и, бия себя в грудь, он возопил: «О, люди, вы, кто надзирает за мною и кто сопровождает меня! И этот прекрасный Андрос, и этот злосчастный остров заменит мне благословенную Италию, мне, Флакку, который был рожден, и вскормлен, и воспитан в великолепном Риме, мне, Флакку, которому привелось быть школьным товарищем и добрым знакомцем внучек Августа, мне, который считался одним из самых близких друзей Тиберия, мне, которому на целых шесть лет был вверен Египет, лучшее из его обретений?! Что случилось со мною? Как в дни затмений, на жизнь мою средь бела дня спустилась ночь. Как назову я этот островок? Прибежищем? иль новою отчизной? иль, может быть, случайным и злосчастливым убежищем? О нет, могилой ему пристало зваться! Ведь приближаясь к нему, я сам себе служу могильщиком, но мне неведомо, оборвется ли сразу моя жалкая жизнь под тяжким молотом страданий, или суждена мне смерть долгая и мучительная».

Так Флакк оплакивал свою судьбу. Но вот суденьшко пристало к берегу, и Флакк сошел, пригибаясь к земле, как человек, влачащий непосильный груз, так был он придавлен своими несчастьями; он то ли был не в силах поднять голову, то ли не имел смелости взглянуть на встречавших его и на зевак — те и другие стояли по обеим сторонам дороги.

Сопровождавшие Флакка люди представили его народному собранию, дабы все жители Андроса засвидетельствовали прибытие ссыльного на остров. На этом обязанности сопровождавших кончались, и они отбыли, а Флакк, не видя вокруг себя уже ни одного знакомого лица, стал мучиться еще сильнее, ибо он совершенно ясно увидел свою судьбу и окруженный кольцом отчуждения думал о том, что если бы он принял смерть от чьей-либо руки на родине, то в сравнении с нынешним его положением это было бы даже не меньшим злом, а просто

благоденствием. Он заметался как безумный: подпрыгивал и бегал взад-вперед, стискивал руки, хлопал себя по бедрам, падал на землю и беспрерывно говорил: «Я, Флакк, еще недавно я правил Александрией, великим городом, или, лучше сказать, многоградием, я был наместником счастливейшей страны — Египта, и взоры тысяч и тысяч жителей были обращены ко мне, мне подчинялись не просто бесчисленные, но превосходные войска — пехота, конница и флот, меня в моих ежедневных разъездах сопровождала многотысячная свита. Но, может быть, все это ложь, игра воображенья? Быть может, я спал, и радость тех дней только снилась мне? Быть может, я видел призраки в пустоте, и это все моя душа измыслила и запечатлела небывшее как бывшее? О да, я обманулся, то были тени вещей, не сами вещи, подобия, виденья, а вовсе не виденье, разоблачающее ложь! Ведь пробудившись, мы не находим вокруг себя того, что видели во сне, — все разом разлетается; так и весь тот блеск, который некогда мне довелось созерцать, угас в одно мгновенье».

20

Такие вот мысли одолевали Флакка, выбивая его, если можно так выразиться, из седла: стыд, отныне постоянный его спутник, не позволял ему являться в многолюдных местах, и он не мог ни в гавань спуститься, ни выйти на рыночную площадь, отсиживался в доме, не смея даже выйти во двор.

Бывало, правда, чуть свет, покуда люди еще не покинули свои ложа, он выходил тайком за городскую стену и проводил весь день один, а стоило кому-то появиться, он тотчас отворачивался, предупреждая возможную встречу, и душу его снедали воспоминания о недавних бедах. И только глубокой ночью он возвращался, моля богов в своей безмерной и бесконечной тоске: «Пусть вечер станет утром!», ибо несчастный мучительно боялся темноты и странных видений, которые являлись, когда случалось ему уснуть, а на рассвете он снова просил о ночи, ибо мрак, в котором он пребывал, противился всяческому свету.

Спустя несколько месяцев Флакк приобрел кусочек земли и там проводил много времени в полном одиночестве, стеная и оплакивая свою участь. И вот рассказывают, что как-то около полуночи он, словно богииступленный корибант, покинул дом, обратил взоры к небу и звездам и, постигая в их стройности суть

мирового порядка, воскликнул: «О Царь богов и людей, поистине небезразличен тебе народ иудейский, и сам этот народ не обманулся в промысле Твоем, а те, кто говорят, что евреи не видят в Тебе защитника и союзника — те далеки от истины. Порукою тому — я сам, ибо все то, что я в безумии своем направил против евреев, досталось мне самому. Я разрешил разграбить их имущество, дав расхитителям полную волю, — теперь я сам лишился того, что унаследовал от матери, отца, того, чем благосклонно одарили меня, словом, всего, что я имел. Я возводил на них напраслину (мол, чужаки они бесправные, хоть были они законными гражданами) только для того, чтобы порадовать их недругов, всю эту свору, так обманувшую меня своею лестью, — теперь я сам лишился всяких прав, изгнан из мира, где обретаются люди, и заперт здесь. Кого-то из них я пригнал в театр и отдал на поруганье, а зрителями сделал их злейших врагов — теперь я сам, терпя страшные надругательства, от коих не тело мое страдало, но бедная душа, прошел не через оркестру, но через всю Италию, вплоть до Брундизия, через Пелопоннес вплоть до Коринфа, через всю Аттику, все острова до Андроса, где ныне моя темница. И это не конец моих бедствий, я знаю, — меня ждут новые и новые, покуда их тяжесть не уравновесит груза содеянного мною. Кого-то из евреев я уничтожил сам, кого-то убивали другие, и я не чинил препятствий убийцам. Кого-то побивали камнями, кого-то сжигали живьем или тащили по рыночной площади, покуда тело не истиралось в прах. За это, я знаю, Кары ожидают меня, и духи мщения уже стоят, словно бегуны у меты, и жаждут моей крови, и каждый день, вернее, каждый час я умираю, я принимаю множество смертей вместо одной, последней».

Нередко Флакка охватывал ужас: все члены и части его тела дрожали, душа замирала от страха, задыхалась и корчилась, ибо не стало у него того единственного, что только и способно дать человеку утешенье в жизни, — благой надежды. И птицы не давали ему благоприятных знамений, все только недобрые, и голоса не предвещали хорошего, и бодрствовать ему было невыносимо, и сон его страшил, и одинок он был, как затравленный зверь. Но, может быть, он жаждал жить среди людей? Нет, пребыванье в городе было для него невыносимо. Быть может, сельское уединенье, столь часто порицаемое, давало ему покой? Нет, оно было откровенно тревожным. «Вот этот, так тихо подходящий ко мне, — он подозрителен; должно быть, он что-то замышляет против меня! А этот ускоряет шаг — конечно, стро-

ит мне козни! А этот, который так откровенен со мной,— конечно, он презирает меня! Да, меня кормят и поят — как жертву для заклания. И долго ли я еще буду закалять свое сердце для борьбы со всеми этими бедами? Но и смерть страшит меня, ибо мой зловредный демон не допустит, чтобы жалкая моя жизнь оборвалась мгновенно,— всю груду зла, содеянного мною, он бережно хранит, дабы доставить радость тем, кого я умертвил с таким коварством!»

21

Флакк думал об этом бесконечно и метался в страстном ожидании конца, ибо душа его выворачивалась наизнанку от непрерывных мук. Гай же был по природе своей жесткосерден и жадно мстителен: он не прощал однажды наказанных, как это делают другие,— нет, гнев его был нескончаем, и он изобретал для жертв все новые и новые несчастья; а Флакка он ненавидел особенно, и само имя «Флакк» было ему отвратительно, так что на всех, носящих это имя, взирал он с подозрением. И Гай нередко думал с сожалением: «Ну почему он сослан, а не казнен?!», и стал обвинять во всем (правда, не без стыда) его защитника Лепида⁶¹, и Лепид сразу пошел на попятный, страшась наказания: он, видно, испугался, что, облегчив приговор другому, отягчит собственную участь. Когда же не осталось никого, кто бы осмелился просить за Флакка, гнев Гая вышел из берегов и не только не утихал с течением времени, как это обычно бывает, но вскипел все больше — так приступы болезни накатывают на человека все с большей силой. Рассказывают, что однажды ночью он лежал без сна и размышлял о высокопоставленных ссыльных: вот, думал Гай, считается, что их судьба плачевна, но это только видимость, а на самом деле в их жизни просто не стало хлопот, она спокойна и поистине свободна. А потому их положение нужно называть не ссылкой, но проживанием на чужбине⁶²: «Такие люди,— стал говорить он,— не знают недостатка ни в чем необходимом, не имеют хлопот и могут жить вполне благополучно, а потому все это вовсе не ссылка, а просто проживание на чужбине; и странно, что все они вкушают роскошь мирной и философской жизни».

Так поразмыслив, Гай отдал приказ: всех самых видных и знаменитых ссыльных казнить, и предоставил список имен, который возглавил Флакк.

Когда будущие палачи Флакка явились на Андрос, тот как раз возвращался из деревни в город, и посланцы Гая из гавани двинулись ему навстречу. Они увидели друг друга издалека, и Флакк тотчас же понял, зачем спешат к нему эти люди (ведь сердце человеческое — лучший пророк, особенно в несчастях), свернул с дороги и кинулся прочь, не разбирая пути. Наверное, он забыл, что это остров, а не материк, и можно бежать сколь угодно быстро — все равно море преградит путь. А тут уже придется выбирать — или кидаться в море, или быть схваченным на самом краю. Из этих двух зол, конечно, меньше последнее — лучше погибнуть на земле, чем в море, ибо природа дала для обитанья людям и прочим сухопутным существам не воду, а землю, и не только живым, но даже умершим, дабы земля сама принимала их, когда они рождаются на свет и когда уходят из жизни навсегда.

Преследователи одним прыжком нагнали Флакка и схватили его. Одни тотчас же стали рыть яму, другие силой тащили Флакка, который неистово сопротивлялся, кричал, а потому то и дело натыкался на мечи, подобно пойманному зверю, и весь был изранен, ибо он так тесно сплелся с убийцами, что не давал им направить удар, и те кололи куда попало; так Флакк сам усугубил свои страдания: руки, ноги, голова, грудь, бока — все было рассечено, и он лежал, как будто приготовленный для жертвоприношенья. Так справедливость пожелала уравнивать число ударов, нанесенных Флакку, с числом незаконно убитых им евреев. Все вокруг Флакка было залито кровью, бывшей ключом из его жил, рассеченных на части. Когда же труп потащили в яму, он тотчас же распался, ибо сухожилия, связующие тело в единое целое, были разорваны.

Все эти испытания, выпавшие на долю Флакка, явились вернейшим доказательством того, что еврейский народ не обойден вниманием и опекой Всевышнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Флакк* - Авл Авилий Флакк (? - 38 г. н. э.), наместник Египта с 32 г. по 38 г. н. э.

² *Сеян* - Луций Эмилий Сеян (? - 31 г. н. э.), сын Луция Сея Страбона, египетского наместника, главный советник императора Тиберия; с 23 г. н. э. - начальник преторианской когорты и фактический ее организатор. В "Посольстве к Гаю" (гл. 24) Филон утверждает, что Сеян имел план истребления всех евреев.

³ *Тиберий* - император Тиберий Юлий Цезарь Август (42 г. до н.э. - 16 марта 37 г. н. э.). Был провозглашен императором в 24 г. н.э. и правил до смерти.

⁴ *Ибер* - (? - 32 г. н. э.), вольноотпущенник Тиберия, временный наместник Египта; Марк Антоний Ибер, консул 133 г. н. э. был, вероятно, его потомком.

⁵ Подробно об этом см. A. Stein, *Die Präfekten von Aegypten*. - Bern, 1950.

⁶ *Гай* - император Гай Юлий Цезарь Германик (Калигула) (12 г. - 41 г. н. э.).

⁷ *Мать Гая* - Агриппина, дочь Марка Випсания Агриппы и Юлии, дочери Августа (14 г. до н.э. - 33 г. н.э.) Была обвинена в попытках посягнуть на устои государства и сослана в 29 г. на о-в Пандатерия. Согласно одной версии, Агриппина сама уморила себя голодом; согласно другой - ей просто отказали в пище, что и послужило причиной ее гибели (см. Светоний, "Тиберий", 53; Тацит, "Анналы", VI. 31).

⁸ Подразумевается Тиберий Гемелл, отцом которого был Друз, сын Тиберия. В отличие от Гемелла, Гай был не внуком, а внучатым племянником Тиберия, т.к. отцом его был Германик, племянник Тиберия. Гемелл был убит в 37 г. или 38 г. н.э. Гаю в ту пору было около 25 лет. Подробно об убийстве Гемелла см.: "Посольство к

Гаю" (гл. 4). У Светония находим ту же версию, что предлагает Филон, - согласно этой версии, Тиберий оставил двух равноправных наследников своей власти - Гая и Гемелла. Иосиф Флавий, однако, приводит данные, согласно которым Гай был единственным наследником самодержавной власти (см.: Светоний, *idem*, 76; Иосиф Флавий, *Antiquit.* XVIII, 211-224).

⁹ *Макрон* - Невий Сертоний Макрон (? - 38 г. н.э.). Содействовал Тиберию в борьбе с Сеяном (см. выше прим. 2) в 32 г. н.э. и занял место начальника преторианской когорты после ареста Сеяна. В последние шесть лет жизни Тиберия пользовался огромным влиянием при дворе. Подробно о его взаимоотношениях с Гаем и гибели см.: "Посольство к Гаю", гл. 6-8.

¹⁰ *Дионисий* - обычно отождествляется с Дионисием, сыном Феона, упомянутым в письме императора Клавдия. Об этом подробнее см.: Bell H. I. *Jews and Christians in Egypt*. - 1924. - p. 23.

¹¹ *Исидор и Лампон* - упомянуты в одном папирусном фрагменте, где Исидор именуется гимнасиархом (см. ниже, прим. 47). Об этом фрагменте подробнее: Philo Alexandrinus. *Les oeuvres de Philon d'Alexandrie*, - P., 1967, v. 31, p. 31. О двух этих персонажах речь пойдет и дальше, в гл. 16 -17. Об Исидоре говорится и в "Посольстве к Гаю" (гл. 45).

¹² *Агриппа* - иудейский царь Агриппа I (10 г. до н.э. - 44 г. н.э.), внук Ирода Великого. Биографию Агриппы сообщает Иосиф Флавий (*Antiquit.* XVIII. 6). Сам Филон пишет о нем подробно в "Посольстве к Гаю" (гл. 35-42). В Александрию Агриппа прибыл в июле-августе 38 г. н.э.

¹³ *Тетрарх* - греч. τετραρχία ("тетрархия") изначально обозначало каждую из четырех административных областей, на которые делилась Фессалия. Термин продолжал употребляться и в римскую эпоху, но уже расширительно, как обозначение некоей области, находящейся под властью одного лица (*тетрарха*). После смерти Филиппа, дяди Агриппы по отцу, Тиберий "аннексировал" его владения в состав провинции Сирии. Эти земли и достались Агриппе. Ср. ниже прим. 48 к "Посольству".

¹⁴ *Брундизий* - самый значительный город Калабрии после Тарента; одна из лучших гаваней побережья Адриатического моря.

Здесь кончалась Анпиева дорога, и отсюда обыкновенно отправлялись в Грецию.

¹⁵ *Дикеархея* - историческое название Путеол; приморский город в Кампании; превосходная гавань.

¹⁶ *Фарос* - небольшой остров у побережья Александрии; был соединен дамбой с материком и александрийской гаванью.

¹⁷ *Карабас* - ближе неизвестен. Имя, вероятно, арамейское.

¹⁸ Слово является транслитерацией арамейского, означающего "господин". Арамейское обращение к иудейскому царю имеет, конечно, издевательский характер.

¹⁹ *Знаками преторианского достоинства* были: тога-претекста (белая тога с пурпурной каймой, носить которую могли высшие должностные лица и юноши, не достигшие совершеннолетия), курульное кресло (скамья из слоновой кости, позднее - из мрамора, на которой восседали высшие должностные лица во время различных публичных событий), эскорт из шести ликторов.

²⁰ *Моельни* - синагоги. Устанавливать в них "кумиры" (скульптурные изображения) императора пытались александрийцы.

²¹ Буквально: "об уничтожении (*κατάλυσις*) моелен". До сих пор Филон говорил только об осквернении синагог установлением в них статуй, но не об их разрушении. См., однако, гл. 8: "Он отобрал у нас наши моельни, не оставив им даже имени", а также "Посольство к Гаю" (начало гл. 20). Возможно, слово "уничтожение" в этом контексте следует понимать как метафору; вместе с тем, не исключено, что слово употреблено здесь в прямом смысле и указывает на те факты, которые Филон во "Флакке" не излагает, но имеет в виду, сообщая о них в "Посольстве".

²² *Ном* - греческое именование административных округов, на которые с древних времен делился Египет.

²³ *Гипотайния* - район, примыкающий к прибрежной полосе. *Марей* - иначе, Мареотидское озеро.

²⁴ Подразумеваются прежде всего Александрия и Антиохия. Ср. Иосиф Флавий, "Против Апиона", II, 39; *Antiquit.* XII. 119.

²⁵ Ср. "Посольство к Гаю", гл. 39, 40.

²⁶ Все гипотезы о содержании данного указа см. Philo. In ten volumes. With an Engl. translation. - L., 1985. - v. IX. p. 534. Для настоящего контекста наиболее важно, что согласно этому указу

расселение евреев в Александрии было, вероятно, ограничено одним кварталом. Таким образом, описанные ниже действия александрийцев представляются не злостной инициативой, но как бы исполнением указа. Слова о лишении евреев гражданских прав являются, возможно, риторическим преувеличением.

²⁷ *Друзилла* - сестра Гая (16 г. н.э. - 38 г. н.э.). Траур по Друзилле не был обычной данью памяти - Гай был особенно к ней привязан и после ее смерти издал указ, согласно которому смех и всяческие развлечения расценивались как уголовное преступление. См. об этом: Светоний, "Гай", 24.

²⁸ *Генарх* - здесь то же, что этнарх - официальное лицо, ведавшее в Александрии всеми делами евреев, а также исполнявшее роль судьи.

²⁹ *Магий Максим* - см. прим. 5.

³⁰ *Эвод, Трифон, Андрон* - ближе неизвестны.

³¹ Возможно, после событий, описанных в главе 8.

³² *Александрийцы* как граждане Александрии стояли на более высокой ступени в социальной иерархии, нежели *египтяне*, не имевшие александрийского гражданства.

³³ Очевидно, подразумевается день рождения самого Гая (31 августа).

³⁴ *Каст* - ближе неизвестен. Нский центурион Каст упоминается в военных списках времен Тиберия (CIL III.6627, I.5-6).

³⁵ *Басс* - скорее всего, Басс, фигурирующий в эпизоде с изъятием оружия, и *центурион Басс* из гл. 13 - одно и то же лицо. Ближе неизвестен.

³⁶ Очевидно, по случаю провозглашения Гая императором.

³⁷ См. выше, гл. 5.

³⁸ Возможно, именно факт сокрытия торжественного послания, ставший известным Гаю, и явился главной причиной гнева Гая и его расправы с Флакком.

³⁹ Император Тиберий был сыном Тиберия Клавдия Нерона, но император Октавиан Август усыновил его, ибо не имел потомков мужского пола и, следовательно, наследников власти.

⁴⁰ См. выше, прим. 35.

⁴¹ См. выше, прим. 16.

⁴² Подразумевается лицо, которому были вверены все военные силы, стоявшие в Египте и в самой Александрии (греч. *στρατάρχης*, букв. "начальник войска").

⁴³ *Стефаний* - ближе неизвестен.

⁴⁴ Так - перифрастически - Филон обозначает Праздник Кушей. (Сукот).

⁴⁵ Члены Совета старейшин (см. выше, гл. 10).

⁴⁶ См. выше, прим. 11.

⁴⁷ *Гимnasiарх* - эта должность появилась в Египте при Птолемах; первоначально гимнасиарх действительно ведал делами, связанными с устройством и содержанием гимнасиев; впоследствии (и, видимо, уже в то время, о котором идет речь в нашем тексте) его функции расширились до самых разнообразных общественных дел, причем важнейшей составляющей тут было финансирование различных общественных мероприятий.

⁴⁸ Ср. выше, гл. I.

⁴⁹ В оригинале слово *συμμορία* - "симмория".

⁵⁰ Смысл слова "ложе" (*κλίνη*) в данном контексте не вполне ясен. Скорее всего, это слово употреблялось для обозначения римского понятия *lectisternium* или *pulvinar deorum* (ложе или подушка, на которой помещалось изображение божества); потом стало обозначать и некое культовое событие вокруг этого ложа и, следовательно, всех участников этого события. Таким образом, если слово имеет первичный сакральный смысл, то в данном контексте употреблено иронически. Ср. далее: "председатель ложа (*κλινάρχης*) - развитие семантики и употребление в настоящем контексте то же. Слова *κλίνη* и *κλινάρχης* представляются труднопереводимыми.

⁵¹ В оригинале: "сиплетая анапестами лживые и длинные речи". "Анапест" в данном случае обозначает не метр, но тип текста, с которым этот размер ассоциировался, - насмешливый и издевательский (ср. термин "ямб" как обозначение метра и жанра одновременно). Смысл, вероятно, таков: "глумиться, произнося длинные и лживые речи".

⁵² *Гиара* - один из Кикладских островов между Кеосом и Андросом. О-ва Аморгос, Гиара (Гиарос), Андрос и Серифос в римскую эпоху были обычным местом ссылки; Гиара даже стала

поговорочным обозначением всякой ссылки (Ср. Ювенал, "Сатиры", 1.73).

⁵³ *Лепид* - Эмилий Лепид, муж *Друзиллы* (см. выше прим. 27).

⁵⁴ *Брундизий* - см. выше, прим. 14.

⁵⁵ *Лехей* - местечко у Коринфского залива, недалеко от Коринфа; гавань и место стоянки военных кораблей.

⁵⁶ *Истм* - то же, что Коринфский перешеек.

⁵⁷ *Кенхрея* - местечко у Саронического залива; главная гавань Коринфа в этом заливе.

⁵⁸ *Пирей* - афинская гавань.

⁵⁹ *Суний* - мыс, южная оконечность Аттики.

⁶⁰ *Елена, Кеос, Кити* - Кикладские о-ва; перечислены по мере удаления от Аттики.

⁶¹ См. выше, прим. 53.

⁶² В оригинале ἀποδημία, букв. "пребывание вдали от своего народа, на чужбине, вдали от родины".

**ΦΙΛΟΝ
ΑΛΕКСΑΝΔΡΙЙСΚΙЙ**

Ο ΔΟΒΡΟΔΕΤΕΛΙΑХ¹
(ΚΝΙΓΑ Ι: "Ο ΠΟΣΟΛЬСТВЕ Κ ΓΑЮ")

ΦΙΛΩΝΟΣ ΙΟΥΔΑΙΟΥ

ΠΕΡΙ ΑΡΕΤΩΝ Α'
Ο ΕΣΤΙ ΤΗΣ ΑΥΤΟΥ ΠΡΕΣΒΕΙΑΣ
ΠΡΟΣ ΓΑΙΟΝ

1

Долго ли мы, старцы уже, все будем детьми малыми, телом дряхлые, но душою вовсе незрелые, почитающие шаткое из шатких — судьбу — самым непреклонным, а природу, крепче которой ничего нет, самой ненадежной? Ибо поступки наши подобны ходам по игральному полю: мы думаем, что данное судьбой, вернее даримого природой, а данное природой обманчивее, чем дары судьбы. А все потому, что, не умея видеть грядущего, мы служим настоящему, вверяясь чувству, которое давно уже сбилось с пути и нас теперь сбивает, а не рассудку, который никогда с дороги не собьется, ибо глазу доступно лишь явное и близкое, рассудок же опережает взор и видит невидимое и грядущее, но это свойство (рассудком видеть больше, чем глазом) мы губим: кто пьянством и чревоугодьем, а кто невежеством — худшим из пороков. А между тем в наше время решилось множество важнейших вопросов, и это сделало возможным убедить и неверных в том, что Бог промыслит все дела людские, в особенности — племени коленопреклоненного, назначенного тому, в ком причина всего, — отцу и царю Вселенной. На языке халдеев это племя зовется «Израиль», а ежели перевести на эллинский, то «Зрящий Бога»², и это узренье Бога я ставлю выше всех прочих вещей, для каждого (из нас) и вместе для всех людей. Ведь если облик старших, учителей, правителей, родителей нас побуждает к стыдливости, благопристойности и ревностному стяжанию жизни целомудренной, то какой же столп добродетели и совершенства мы можем найти в душах, обученных быть выше всего тварного и видеть божественное и бессмертное — Высшее Благо, Красоту, Счастье, Блаженство, все, что поистине лучше блага, прекрасней красоты, блаженнее блаженства, счастливей счастья, если вообще возможно что-либо более совершенное, чем эти вещи. Ведь разум³ не умеет достигнуть неприкасаемого и никак не осязаемого Бога, но поворачи-

вает вспять, бессильный подобрать главные слова, чтобы с их помощью подступиться к объяснению — не говорю сути Его (ибо даже если все небо обратится в говорящий голос, чтобы вещать об этом и только об этом, то и у него не станет слов), но способности хранить нас, устроая, царствуя, промысля и совершая все прочее, чтоб нас облагодетельствовать или покарать; впрочем, и кары господни мы поместим в число благодетельств, не только потому, что они суть часть законов и установлений (закон ведь двояк по своей природе — он поощряет хорошее и карает дурное), но и потому, что наказание нередко вразумляет и наставляет заблудших или, во всяком случае, тех, кто с ними рядом (ведь когда карают одних, другие трепещут, как бы и с ними не случилось что-то подобное, и так исправляются нравы).

2

Так вот, найдется ли кто-нибудь, кто, видя Гая после кончины Тиберия⁴, когда он восприял власть над всем миром, не мятежным более, но пребывающим в благодати, все части коего были слажены и созвучны — восток и запад, юг и север, когда варвар с эллином, воин с мирным гражданином, муж государственный с военачальником вместе вкушали плоды единомыслия и мира, не восхитился бы и не был поражен невероятным и неопишуемым счастьем Гая, коему достались в удел все мыслимые блага: кладовые с несметными богатствами — и серебро, и золото, и в слитках, и в монетах, и в кубках, и в иных предметах, что создаются для красоты, и войско неисчислимое — пехота и конница, суда и корабли, доходы, текущие рекой, власть — и не только над большей и лучшей частью мира (она-то по праву и зовется «миром»), границы коей идут по Рейну и Евфрату, и струи Рейна отделяют нас от германцев и прочих племен, весьма звероподобных, Евфрат же — от парфян, сарматов, скифов, кои ничуть не менее дики, — в удел ему досталась власть, границы коей проходят там, где солнце всходит, и там, где спать оно ложится, в глубинах океана и в небесных высях? И всем это было в радость — и римскому народу, и всей Италии, и племенам азийским и европейским. Ведь ни один из самодержцев — предшественников Гая — не вызвал такого восторга, причиной коего была отнюдь не надежда на обретенные благ для общества и для себя и на обладание ими, нет,

все полагали, что удача к ним повернулась полностью — удача, готовая развиться счастьем.

Да, в те поры что был ни город — то алтари, святилища и жертвоприношенья, белые одежды, цветы в кудрях, и радостно сияющие лица, и благодать, в них светящаяся, и празднества, и всенародные собрания, и состязанья Муз, и конские ристанья, гулянья, флейты и кифары ночь напролет, услады и всевозможные наслаждения для каждого из чувств. В те поры богатые не подавляли бедных, безвестных — знаменитые, заимодавцы — должников, хозяева — рабов, то время всех уравнило, так что Кронов век — тот, о котором пишут поэты, — уже не казался вымыслом и сказкою: все было цветенье и изобилие, спокойствие и безмятежность, веселье сердца от утра до утра, везде и всюду, не прерывавшееся семь первых месяцев. А на восьмом Гай был поражен тяжким недугом: здоровая умеренность, которой он еще недавно, при жизни Тиберия, был привержен, сменилась излишествами. Тут крепкое вино, и лакомства, и аппетиты, коих не утолить, хотя пустоты тела более не вмещают, и тут же горячее купанье, рвота, и снова вино без меры, и новое алканье новых яств, и похоть, насытить которую могли и мальчишки, и женщины, тут было все, способное разрушить душу, тело и все их скрепы. Кто держит себя в узде, тому наградой сила и здоровье, а плата за распушенность — бессилье и болезни, идущие об руку со смертью.

3

Когда повсюду узнали о Гаевом недуге (в ту пору суда еще ходили — было начало осени, когда купец пускается в морскую дорогу последний раз, стремясь вернуться к родимым гаваням, где б он ни оказался, особенно если задумал не зимовать в чужих краях), люди оставили привычку к роскошествам и сделались угрюмы; в печальное раздумье погрузился каждый дом и каждый город, и общая печаль равнялась весом недавней радости. Ибо весь мир занемог вместе с Гаем, страдая, однако, куда сильнее: ведь Гаева болезнь терзала лишь его тело, а общий недуг затронул все — спокойствие души, покой страны, надежды, право на блага и вкушенье оных. Ибо мысли вертелись вокруг одной оси: как много зла рождается безвластьем, и сколь оно ужасно — голод, войны, опустошенья, грабежи, потеря состояния, плен, страх рабства или смерти, и как неис-

целимо это зло, если не прибегнуть к единственному снадобью — выздоровленью Гая.

Так вот, как только Гаю стало легче, слух об этом тотчас донесся до самых дальних рубежей, ибо молва — отличная бегунья, и каждый город пришел в волнение и жаждал уже лучших новостей, покуда, наконец, не принесли благую весть: Гай совершенно здоров; и тут все вновь возрадовались сердцем, и каждый остров, каждый материк счел спасенье Гая собственным спасеньем. И не упомянуть, чтобы еще в какой-нибудь земле когда-нибудь какой-нибудь народ так радовался обретенью властителя или его спасенью, как радовался мир и воцаренью Гая, и его исцелению. Казалось, что все сейчас только обратились от жизни стадной и животной к законам и порядкам, общим для всех, или, оставив уединенное житье в пустынях и предгорьях, поселились в городах за крепкими стенами, как будто некий пастырь или вожак, их укротивши, собирает в стадо, и вся их жизнь попадает под некую опеку; все ликовали, не зная правды: ум человека в слепоте своей не умеет различить истинной пользы, ведомый не знанием, но допущением и догадкою.

4

И вот, по прошествии совсем недолгого времени тот, кто почитался спасителем и благодетелем, как бы изливающим чистые потоки благ на Азию с Европой, чтобы вечным было счастье всех и каждого, переменился круто, и, закусивши, как говорится, удила, стал дик и неистов, или, скорее, просто открыл свою жестокость, прежде умело скрываемую под маскою притворства. Ибо двоюродного брата, оставленного ему в соправители, коему самой природой было положено стать преемником власти (ведь он был родным внуком Тиберия, а Гай — приемным), он убивает: мол, тот злоумышлял против него, хотя сам возраст несчастного свидетельствовал об обратном — он только вышел из детства⁵. И люди говорили, что проживи Тиберий еще немного, и Гая, подпавшего под страшные подозренья, устранили бы, а кровный внук Тиберия стал бы единственным правителем и наследником дедовой власти. Но рок унес Тиберия, и замыслам этим не дано было осуществиться, а Гай считал, что, преступив границу права и справедливости по отношению к соправителю, он все же избегнет обвинений, если поведет сражение хитро и умело.

А замысел его был таков. Собрав верхушку, он сказал: «Пусть тот, кто по рождению мне двоюродный, а по любви родной, делит со мной самодержавную власть; так думал и покойный Тиберий. Однако вы и сами видите, что он еще совсем дитя и надобны ему опекуны, учителя и наставники. А потому не лучше ли будет, когда с души его и плеч некто, вставший рядом, снимет часть ноши, ибо власть — тяжкое бремя. А я больше чем наставник, учитель и опекун, — отныне я буду ему отцом, а он мне — сыном».

5

Введя такую речь в обман как слушавших его, так и самого отрока (усыновление было лишь уловкой, имевшей целью лишить Тибериева внука даже тех прав, которые он уже имел, а вовсе не помочь ему обрести желаемую власть), Гай продолжал злоумышлять против законного сонаследника и сотоварища с чувством полной безнаказанности, никого уже не принимая в расчет, ибо по римским законам отец имеет над сыном полную власть, не говоря о том, что непререкаема была власть Гая как самодержца — никто не смел и не мог взыскать с него, что бы он ни сделал.

И вот его соперник повержен в прах безжалостной рукой, а победитель не помнит ни детской дружбы, ни уз родства, ни молодости побежденного — несчастного, обреченного скорой гибели соправителя своего и сонаследника, в ком люди чаяли со временем увидеть и самодержца, ибо Тиберию он был роднее всех (те, кто теряют сыновей, обычно видят их во внуках). И говорят еще, что этого несчастного заставили наложить на себя руки в присутствии центурионов и хилиарха, коим не велено было брать грех на душу — дескать, потомки самодержца не должны принимать смерть от чьей-нибудь руки (так в беззакониях своих Гай помнил о законе, в делах богопротивных — о благочестии, как будто насмехаясь над самой природой правды); но мальчик, совершенно беспомощный, ибо никогда не видел, как убивают, и не превзошел искусства сражений, коему обучают ввиду грядущих битв тех мальчиков, которых растят для власти, сначала подставил шею и просил бывших при нем воинов убить его — те не смогли; тогда он сам взял меч и в неведении и неопытности своей стал расспрашивать их, куда лучше метить, чтобы ударить наверняка и тем прервать свою

жалкую жизнь. И воины, давая словно бы уроки несчастья, стали наставлять его и указали место, куда он должен направить меч, а бедный юноша, усвоив свой первый и последний урок, стал самоубийцей поневоле.

6

И вот, выиграв это первое и главное сражение, когда не осталось уже ни единого дольщика верховной власти, на чью сторону могли бы переметнуться иные из прямых предателей или из тех, кто колебался, Гай тотчас же стал умахаться для другой схватки — с Макроном⁶, который всегда был с Гаем и плечом к плечу сражался за его власть, не только когда Гай уже обрел ее (прислуживать успеху — дело льстецов), но и прежде, когда эту власть еще нужно было взять. Ибо самодержец Тиберий, имея глубокий ум и умея лучше всех проникнуть в чужие тайные помыслы, будучи настолько же проницательным, насколько удачливым, нередко смотрел на Гаю косо, подозревая, что тот настроен против всего дома Клавдиев и привержен лишь материнской ветви (и потому Тиберий боялся, что его юный внук, случись ему остаться одному, погибнет), для власти же — и столь великой власти! — непригоден как из-за природного неумения сходитья и общаться с людьми, так и в силу неровности нрава, ибо виделось в Гае что-то странное и безумное: непредсказуемы были и речи его, и поступки. Этой беде Макрон старался помочь как мог, рассеивая подозрения Тиберия и в первую очередь те, к которым более всего, казалось, влеклись мысли самодержца, питаемые непрерывным страхом за внука.

Макрон представил дело так: Гай благомыслен и послушен власти, двоюродному брату уступает во всем, так что, пожалуй, захочет уйти с дороги и всю власть предоставить ему — такова его привязанность к родным; а скромность всегда вредила людям, вот почему и Гаю, бесхитростного и простого, считают лукавым. Когда же Макрон исчерпал все доводы, но Тиберия не убедил, он попытался заключить как бы некий договор: «Я ручаюсь за него, — сказал он, — и слову моему можно верить, я показал вполне свою приверженность власти Цезаря* и лично Тиберию, когда мне вручили судьбу Сеяна⁷ с тем, чтобы я под-

* Цезарь — обычное обозначение правителя Римской Империи.

ступился к нему и уничтожил его!» В конце концов Макрон преуспел со своими хвалами Гаю (если вообще подобает называть хвалою то, что на самом деле есть защитительная речь такого свойства, когда прямого доказательства вины найти не могут, а обвинения темны и неопределенны), произнесся перед Тиберием все слова, какими только можно восславить родного брата или сына. И дело тут было не только в том (как полагали многие), что Гай ответно помогал Макрону, имея огромный или даже наибольший вес в верхах, — другой причиной (о ней обычно умалчивают) была жена Макрона⁸: день изо дня она пыталась и растила в муже стремление ревностно помогать юному Гаю. А как подчинить себе мужа и сбить его с толку, жена прекрасно знает, особенно распутная, ибо сознание своей вины делает ее еще более лстливой. А муж, не ведая, что дом и брак его подточены, и принимая лесть за чистейшее расположение, дается в обман и, запутавшись в расставленных сетях, не видит, что к нему тянутся злодейские руки, считая, что это руки друга.

7

Как всякий добрый мастер, Макрон хотел, чтобы дело его рук было прочно, чтобы никто — ни сам Макрон, ни кто другой — не мог его разрушить. И вот, стоило ему увидеть, что Гай среди пирушки задремал, он непременно будил его, заботясь равно о приличьях и безопасности (ведь спящий — легкая добыча); а если Гай смотрел на исступленные пляски, порой и сам вступал в круг пляшущих, или потешался, как маленький, глумливыми и непристойными сценками, хотя подобало ему лишь улыбаться с достоинством, или подпевал кифареду либо хору, хотя сравниться с ними в умении не мог, тогда Макрон, сев или возлегши рядом, пытался его урезонить. И часто, наклонившись к уху Гая, дабы никто не слышал, он мягко вразумлял его: «Когда ты смотришь на игру актера, или слушаешь певца, или кого-то другого из тех, что действуют на наши чувства, неприлично тебе уподобляться присутствующим или кому бы то ни было; напротив, воспринимая жизнь (любую из ее сторон) ты должен быть выше всех настолько же, насколько сам возвышен счастьем. Ибо нелепо властелину земли быть пораженным какой-то песней, пляской или хлестким словцом, или чем-либо подобным, в то время как ему пристало всегда и всюду помнить власть свою; он словно бы пастух при стаде, умеющий извлечь

из всякого слова и всякого дела нравственную пользу». И продолжал: «Когда тебе случается бывать на состязаниях в театре или палестре, на конских ристаниях, ты думай не о самих этих занятиях, но о том, что в них может способствовать нравственному совершенствованию, и рассуждай так: „Вот вещи, в которых нет пользы для человека, одно лишь услаждение и удовольствие для зрения и слуха. Но как старательно иные над этим трудятся, стяжая восторги, похвалы, подарки, почести, венки, дабы их слава разносилась повсюду! А что делать человеку, владеющему высшим и величайшим искусством? А высшее и величайшее искусство — это искусство власти: оно не позволяет пропасть ни пяди пахотной земли, будь то равнина или горы, она дает купцам бестрепетно везти товар по всем морям, и страны, страстно желая общности, ведут взаимные расчеты, получая то, в чем есть нужда, и возвращая долг тем, что сами имеют в избытке. Вражда же никогда не правила миром, ни даже сколько-нибудь крупными частями его (Европой или, скажем, Азией); вползая подобно ядовитому гаду, она находит себе укромный уголок в одной только душе, в одном только доме или даже — если уж слишком осмелеет — и в целом городе, но в более обширный круг народов и стран ей не вступить, особенно с тех пор, как род ваш, поистине возвышенный⁹, взял бразды правленья в свои руки: всю пагубу, которая цвела и почиталась, сослали в самые глухие земли и глубоко под землю, а выгоду и пользу вернули нам из ссылки, из мест, где кончается земля. Теперь все это в твоих руках.

А потому, поставленный Природой у кормила, веда вперед корабль человечества с осторожностью и знай для себя одну лишь усладу и радость — быть благодетелем своих подданных. Ибо каждый гражданин вносит в общую трапезу свою долю, и доля правителя такова: принимать решения ко благу подданных, их исполнять и расточать добро щедрой рукой и щедрым помыслом, приберегая лишь то, что кажется необходимым приберечь ввиду неясности грядущего”».

8

Таковыми заклинаниями несчастный пытался исправить Гая. Но тот, имея пристрастие к раздорам и распрям, не внял, напротив, он откровенно выказал свое пренебрежение. Увидит, бывало, издали Макрона и заводит такую речь на радость

окружающим: «А вот идет учитель того, кому учиться уже не надобно, наставник того, кто вышел из детства. И этот человек учит уму того, кто много его умнее, думает, что достойно самодержца повиноваться подданному! Он полагает, что владеет наукой власти и сам способен преподавать ее, но кто его учил этой науке, я не знаю. А у меня уже с пеленок было бесчисленное множество учителей — отцов, дядьев и братьев, племянников и дедов, и предков вплоть до зачинателей нашего рода, и все они, доходясь мне кровной родней с обеих — и с материнской, и с отцовской — сторон, владели самодержавной властью, не говоря о том, что в самом их семени заложены были некие царственные способности к властвованию. Ибо наследственные признаки — залог не только телесного (в облике, в сложении, в движениях) и душевного (в решениях и поступках) сходства, они даже несут в себе отчетливое сходство в умении властвовать. И вот меня, которого еще в утробе природа изваяла самодержцем, какой-то невежда имеет наглость учить! Меня, знатока! И по какому праву недавние простые граждане заглядывают в замыслы властителей души? Однако они, будучи едва ли посвящены в таинства, имеют бесстыдство вести себя подобно верховным жрецам и творить обряды в святилище власти!»

Так понемногу Гай начал выходить из-под опеки Макрона и строить против него обвинения — ложные, но убедительные и ловкие, ибо недюжинные натуры обычно мастерски строят правдоподобные доводы. Гай обвинял Макрона в том, что тот ведет такие речи: «Мол, Гай — мое творенье, и мое участие в его рождении, пожалуй, большее и уж во всяком случае не меньшее, чем собственных родителей; когда Тиберий жаждал его крови, он был бы не единожды, но трижды уничтожен, когда бы не я и не мои увещеванья; а после кончины Тиберия я передал всех своих воинов в его распоряжение¹⁰, наставив их так: нам надобна теперь только одна рука, тогда и власть ни в чем не понесет ущерба».

Иные всему этому верили, не зная, что перед ними обманщик, ибо тогда еще не обнаружились притворство и многоликость Гая. И вот несчастный Макрон вместе с женою устранен. Так отплатили ему — худшим из наказаний! — за непомерную его благонамеренность. Такова благодарность неблагодарных: по всей строгости взыскивают они со своих благодетелей за оказанную им помощь. Так заплатили и Макрону, который действовал от души, со всевозможным усердием и честно, сначала — чтобы спасти Гаю жизнь, потом — чтобы вся

власть досталась только ему: говорят, беднягу заставили покончить жизнь самоубийством, и та же участь постигла его жену, хотя она как будто была когда-то близка с Гаем, но ни один, как говорится, из колдовских напитков любви не пьется слишком долго, ведь вкус изменчив.

9

После заклания Макрона с семейством Гай стал собираться с силами для нового коварства, третьего и еще более ужасного.

У Гая был тесть, Марк Силан¹¹, муж достойный и славного роду. Хотя дочь его скончалась рано, он относился к Гаю со вниманием, питая к нему привязанность скорее даже отеческую, и думал, что, сделав из зятя сына, он не останется внакладе и Гай отплатит ему тем же по закону справедливости. Но Силан, конечно, не знал, что это заблуждение и самообман. Ибо он все время вел наставительные речи и не утаивал ничего, что могло бы служить пользе Гая — способствовать улучшению его нрава, образа жизни и правления; основания для такой наставительности были весьма значительные: во-первых, Силан был лучшего, чем Гай, роду; потом, конечно, брак дочери связал его с Гаем узами свойства, а дочь Силана умерла не так давно, чтобы его права как свойственника были совершенно забыты; впрочем, они уже были готовы забыться в предсмертных судорогах, хотя последние остатки жизни еще теплились.

А Гаю вразумления Силана были оскорбительны, ибо, как он думал, никто на свете с ним не сравнится умом и выдержкой, мужеством и справедливостью, а потому он ненавидел поучавших его больше, чем врагов. И вот, решив, что Силан слишком докучлив и станет, пожалуй, сдерживать поток его страстей, Гай, сказав последнее «прости» духам своей почившей жены (пусть, мол, простят его, если он уберет с дороги ее отца и своего тестя), коварно убивает Силана.

10

Об этом тотчас заговорили: мол, убивают первых людей державы, одного за другим, и все толковали о странных этих грехах; впрочем, не открыто, но шепотом — боялись. Потом вдруг все переменилось, ибо толпа во всем непостоянна — в

решениях, в словах, в поступках: появились сомнения (не мог-де тот, кого они считали добрым, и порядочным, и равно ко всем расположенным, так быстро перемениться), а потому стали искать для Гая оправданий и, потрудившись изрядно, нашли. Касательно Гаева двоюродного брата и сонаследника говорили так: «Власть неделима — таков незыблемый закон природы. Гай сделал то, что могли бы сделать с ним самим, но он как более сильный опередил более немошного, и это вовсе не убийство, но оборона. Пожалуй, это было даже предусмотрительно и полезно для всего рода человеческого — убрать с дороги юнца, иначе одни брали бы сторону одного, другие — другого, и пошли бы тут смуты и гражданские войны. А что может быть лучше мира? Но мир рождается из правильного способа правления, а именно такого, который не приемлет распри и ссоры, и при таком правлении все прочее тоже устраивается правильно».

А касательно Макрона говорили вот что: «Он был чрезмерно спесив и плохо прочитал дельфийскую надпись, ту самую, «Познай себя!»; а знание, говорят причина счастья, незнание же — несчастья. О чем он думал, когда поменялся с Гаем ролями и себя, подвластного, возвел в правителя, а самодержца сделал подвластным? Каждому приличествует свое: властителю — повелевать, подвластному — повиноваться, Макрон же все перевернул!» Недалекие эти люди называли повелем увещеванье, властителем — советчика, и так смешали (то ли по недомыслию, то ли из подхалимства) подлинный смысл имен, а с ним и предметов.

А вот что говорили о Силане: «Вот смех! Он думал, что тесть для зятя — то же, что отец для сына. Впрочем, у простых людей даже отцы, когда случится их сыновьям взлететь высоко, с любовью уступают первенство. А этот малоумный, не тесть уже, все продолжал усердствовать в делах, вовсе его не касавшихся, не понимая, что вместе с дочерью умерло и его родство с Гаем. Ибо посредством брака, конечно, возникают связи между чужими прежде домами, и чуждость заменяется родством, но эти связи распадаются, как только распался брак, особенно когда причина этого необратима — смерть той, что вошла женою в чужой дом».

Такие-то разговоры велись в различных сходках, но более всего людям хотелось думать, что сердце Гая исполнено такой доброты и человечности, какой не имели его предшественники, а потому все считали невероятным столь резкое его превращение.

11

Итак, выиграв три означенных сраженья на трех важнейших направлениях (два из них касались дел отечества — сената и всадников, а третье — его семейных дел), Гай решил, что, одолев сильнейших, он остальным внушил смертельный страх: отцам-сенаторам — закланием Силана (ибо никто не мог опорить его первенства в сенате), закланием Макрона — всадникам (ибо тот стал как бы корифеем, превзойдя всех в почете и славе), а убийством брата и сонаследника — всем кровникам. А дальше он решил переступить границы человеческой природы — и переступил их в своем рвении стать богом в глазах людей.

В безумии своем он рассуждал: «Вот пастухи — те, что пасут быков, и коз, и прочий скот, они ведь сами не козы, не быки и не бараны, а люди; их участь счастливее, устройство совершеннее. Так точно и я, пасущий лучшее из стад — род человеческий, — отличен ото всех, и людям я неровня, нет, моя участь куда значительней и сродни божественной». Поселив такую мысль в своем уме, глупец поверил в глупый вымысел как в самую правду. Когда же он собрался открыть перед всеми безбожное свое обожествление, то попытался быть последовательным и словно по лестнице, ступенька за ступенькой, поднялся на самый верх.

Сначала он стал уподобляться так называемым полубогам — Дионису, Гераклу, Диоскурам, а Трофония, Амфиарая, Амфилоха¹² и им подобных вышучивал за их прорицания и тайные обряды, сравнивая их могущество с собственным. Потом стал примерять, как на театре, различные костюмы: то шкуру льва наденет, палицу возьмет (все позолоченное!) — и готов Геракл, то войлочную шляпу, когда захочет быть Диоскуром, а порою Дионисом делается с плющом, и тирсом, и оленьей шкурой.

«Но, — думал Гай, — я тем отличен от этих богов, что у них каждому воздаются свои почести, а чужих никто присвоить не может», и потому из зависти и жадности он присвоил себе почести всех богов разом, а лучше сказать — самих богов, не сделавшись трехглавым Герионом¹³ для привлечения толпы зевак, но изменяя свой облик и очертания (и это было куда как необычно), чем создавал великое многообразие форм на лад Протея, а тот, как показал нам Гомер, мог изменяться всячески,

как в мельчайшие частицы, так и в образуемых ими животных и растения.

Но, Гай, скажи, к чему были тебе те знаки отличия, которые обычно мы видим на изваяниях богов,— ты должен был стремиться к их добродетелям. Геракл, совершая подвиги, очистил землю и море, и это было нужно и полезно человечеству, ибо он уничтожил все злое и порочное в природе. Дионис, усмирив лозу и вынудив ее излить самый усладительный и вместе самый полезный напиток, побуждает душу к желаниям, давая ей забвение зла и благие упования, а тело делает и здоровее, и крепче, и подвижнее; этот бог делает лучше каждого в отдельности и меняет жизнь больших семей и целых кланов от грязной и тягостной к свободной и радостной; всем городам — и эллинским, и варварским — он дает пиры, веселье, цветенье и нескончаемые празднества, ведь все это — Дионис. А вот Диоскуры, говорят, делились друг с другом бессмертием, ибо один из них был смертным, другой — бессмертным; и вот стяжавший лучшую участь решил, что праведнее явить брату свою любовь, нежели тешить свое самолюбие. Ибо когда бессмертному предстала вечность, он понял, что будет вечно жить, а брат его не встанет из могилы и что это горе с ним будет вечно. Тогда он совершил великий, удивительный обмен, добавив себе частицу смертного состава, а брату — бессмертного, и так неравенство — источник несправедливости — стало равенством, из коего и родится справедливость.

12

Все эти боги, Гай, снискали [людское] восхищение своими благодеяниями (да и теперь мы восхищаемся ими) и были удостоены поклонения и наивысших почестей. Но ты-то чем подобным можешь похвалиться, ты-то чем гордишься? Да разве похож ты на Диоскуров с их братской любовью (начать хотя бы с этого), ты, бездушный и безжалостный, отдавший на закланье своего брата и сонаследника в самом расцвете его юности, а потом и сестер отправивший в ссылку?! Неужели даже они внушили тебе страх за власть твою? Или, может быть, ты схож с Дионисом? Ты, как Дионис, дал людям новые радости? Исполнил мир веселья? Дарами переполнил Азию с Европой? Да, ты изобрел новые науки и искусства, ты, всеобщий осквернитель и убийца, и с их помощью ты делаешь все сладостное и прият-

ное невыносимым и тягостным, а жизнь — не жизнью для всех и во всем: в угоду своим ненасытным и неутолимым желаниям ты отнимаешь у других все лучшее, что видишь — и на востоке, и на западе, и в прочих частях света, а возвращаешь лишь горькие плоды — все, что обыкновенно родит душа проклятая и полная зла. Так ты поэтому явился новым Дионисом?

Неужто и с Гераклом ты можешь соперничать трудами своими неустанными, и несокрушимой храбростью, и тем, что твоею волею материка и острова исполнились законности и права, цветения и плодородия, избытком благ, даруемых прочным миром, ты, безроднейший из безродных, вместилище трусости, ты, уничтоживший в городах самые зерна благополучия и счастья и густо засеявший их смятением, тревогой и невыносимыми тяготами?

Скажи мне, Гай, не из-за этих ли всходов, явившихся всем на погибель, ты ищешь бессмертия, чтобы бессмертными, а не кратковременными и мимолетными сделать несчастья? А я думаю так: если бы даже всем показалось, что природа твоя божественна, она все равно стала бы смертной из-за твоих пороков, ибо если добродетели дают бессмертие, то пороки совершенно губят его. А посему не зачисляй себя в Диоскуры, чья братская любовь себе не знает равных, ты, кровавый губитель братьев, и не пытайся разделить почет Геракла и Диониса, благодетелей человечества, ты, злодейски погубивший все содеянное ими!

13

Потом яд бешенства в его крови и ум, смешавшийся и сбившийся, повлекли его дальше: оставив далеко внизу полубогов, он замахнулся на культы тех, кого почитали еще более могущественными и чья природа была целиком божественной — Гермеса, Аполлона и Ареса. Сначала Гай оделся Гермесом (плащ, сандалии, жезл глашатая), явив страннейшим образом аккуратность в беспорядке, разум в безумии. Потом, когда припала охота, он, бросив все это, принял облик Аполлона (на голове — лучистый венец, в левой руке — лук и стрелы, в правой, вытянутой вперед, — дары: мол, блага он должен держать наготове и с лучшей, правой стороны, а наказания напоказ не выставять, оставив им менее почетное место — слева). С ним вместе появлялся вымуштрованный хор, и в честь него пели пеаны, хотя вот

только что, покуда Гай рядился Дионисом, тот же самый хор славил его гимнами как Вакха, Эвия и Лиэя¹⁴.

Нередко он выступал и в латах, с мечом в руке, со шлемом и щитом и звал себя Аресом, а по бокам шли почитатели нового Ареса, толпа убийц и палачей, намеренных служить скверную службу тому, кто жаждал убийства и людской крови.

Потом всем в глаза бросилась несообразность: мол, отчего он поступает не так, как те, к кому он приравнял себя в почестях, но совершенно наоборот — он не снисходит до того, чтобы упражнять добродетели, присущие [названным богам], зато пользуется их знаками отличия всеми по очереди? Конечно, все эти предметы и украшения мы видим на статуях богов, но они дают нам знать о пользе, которую приносят человеческому роду почитаемые им божества. Вот Гермес: он обут в крылатые сандалии. Зачем? Да не затем ли, что толкователю и вестнику божественных слов (отчего он и зовется «Гермес»), когда он несет добрые вести (а возвещать дурное не только бог, но и мудрец не захочет), подобает быть легким на ногу и разве что не крылатым в несравненном своем усердии? Ведь являться с добрыми вестями нужно как можно скорее, а вот с обратным лучше тянуть, если не вовсе промолчать. Или вот жезл Гермесов: ведь это знак примирений, ибо ни перемирия, ни окончания войн не обходятся без глашатаев, которые и объявляют мир, а войны, где глашатаю нет места, рожают бесчисленные беды как для тех, кто бросил вызов, так и для тех, кто принял его. А Гай? Он-то зачем обул сандалии? Не для того ли, чтобы все позорное и бесславное, о чем должно молчать, разнеслось со всей возможной быстротой и всюду отозвалось эхом? Впрочем, к чему тут было спешить? Ведь Гай, сам пребывая во зле, изливал зло повсюду в мире как бы из неиссякаемых источников. Так какая же нужда в глашатайском жезле тому, кто никогда не был миротворцем — ни словом, ни делом, но лишь наполнил междоусобицами каждый дом и каждый город, и эллинский, и варварский? Нет, пусть он оставит Гермеса в покое и отречется от чужого прозвания, он, похититель имен!

14

А что в нем от Аполлона? Тот носит лучистый венец по воле ваятеля, желавшего так изобразить солнечные лучи. А к этому разве солнце и свет благоволит, а не ночь, не мрак, не что-то еще

более темное, чем мрак (если таковое существует)? В самом деле, чтобы явить миру прекрасное, надобен полуденный свет, а для постыдного, как говорится,— глубины Тартара, куда [это постыдное] и нужно загнать, чтобы спрятать там. И пусть этот человек переложит из руки в руку то, что держит, и не лукавит, пусть лук и стрелы будут в правой, ибо он знает, как метким выстрелом сразить и мужа, и жену, и целый род, и густо населенный город, чтобы совершенно погубить их. А радость пусть бросит поскорее или скроет в левой руке, ибо он опорочил их красоту, обратив свой алчный взгляд и жадные уста к большим богатствам, чтобы их незаконно присвоить; над ними и были заколоты их обладатели, чье счастье предрешило их злую участь.

Иные черты придал и Аполлоновому врачебному искусству: тот изобрел спасительные снадобья, столь нужные для человека, и притом считал необходимым исцелять даже те недуги, которые случились по вине других,— такова была доброта, проистекавшая из самой природы Аполлона и его занятий. А этот здоровым нес болезни, полноценным — ущербность, живым — мучительную смерть (не данную судьбой, но рукотворную), многократно и с легкостью поверяя опытом все свои орудия мучительства, и если бы справедливость помедлила его убрать, то сейчас во всяком городе был бы уничтожен сам корень жизни. Ибо для власть имущих и богатых у него все уже было наготове, особенно для тех, кто обретається в Риме и вообще в Италии, чьи кладовые так полны серебром и золотом, что собери все остальное богатство в мире — и набралось бы куда меньше. Вот почему он, словно закусивши удила, стал вытраивать самые зачатки мира, он, враг своих граждан, мироед, чума и пагуба!

Вот говорят, что Аполлон не только прекрасный врачеватель, но и пророк: он возвещает грядущее для людской пользы, чтобы никто не бродил в потемках, не различая предметов и не видя дороги, подобно слепцу, чтобы не налетал на нежелательное, принявши за весьма полезное, напротив, чтобы всякий знал грядущее, как если бы оно было настоящим, и видел его умственным взором не хуже, чем мы видим то, что близко, телесными очами, и был осторожен, предотвращая зло. Так неужели можно сопоставить все это с пророчествами Гая, суть коих в ином — возвестить всякому власть имущему и могущественному, где бы он ни был, его грядущую бедность, бесчестье,

ссылку, смерть?! Что общего может быть с Аполлоном у человека, в чьих поступках никогда не было ни тепла, ни родственного чувства? Пусть перестанет он подражать Пеану, присвоив чужое имя, — фальшивой может быть монета, а не образ Бога.

15

И можно было бы ожидать всего, но не того, чтобы человек, вялый телом и расслабленный душою, сделался вдруг крепок, как Арес. А этот, словно актер, меняющий маску за маской, морочил зрителей.

Довольно, не будем исследовать свойств его души и тела — означенному богу он был чужд, и это выдавала любая поза, любое движение. Разве мы не знаем, что сила Ареса (но Ареса не из мифа, а из области разума, присущего природе) спасает от зла, что она — защита и опора для тех, с кем поступили не по праву, что, собственно и означает имя «Арес»? Ведь оно идет, я думаю, от «ἀρῆρην», что означает «помогать», и этот Арес — сокрушитель войн, податель мира, а тот, другой, был враг его, друг войн, всегда способный обратить спокойствие в смуты и мятежи¹⁶.

16

Не ясно ли уже, что Гай не должен уподобляться ни богам, ни даже полубогам, не будучи наделен ни их природой, ни сущностью, ни даже направленьем жизни? Но, видно, желанье слепо, особенно в соединении с тщеславием и жаждой первенства при неограниченной власти; все это и стало для нас, счастливых прежде, погибелью. Ибо на одних только евреев он взирал с подозрением, так как только они избрали себе совсем иное направленье жизни и совсем иному были обучены с пеленок родителями, воспитателями и наставниками и, главное, самими священными законами, а кроме них — неписаными правилами жизни: чтить единого Бога, Отца и Создателя Вселенной. А вот все прочие — мужи и жены, города, народы, земли и страны света, словом, весь мир — хоть и стонали, глядя на происходящее, однако льстили Гаю, превознося сверх меры и тем питая его спесь. Иные даже ввели в Италии варварский обычай падать ниц, уродуя тем самым благородный облик римской

свободы. И только в одном избранном народе еврейском подозревали готовность к сопротивлению, ибо этот народ всегда был готов принять смерть, как если бы это было бессмертие, лишь бы только не попирались законы отцов, даже малейший из них, ведь это как в постройке: стоит только вынуть один камень, и все, что кажется прочным, распадается и рушится, обваливаясь в появившиеся пустоты. Но тут сдвигался с места не камешек, но глыба: из тварного и смертного состава человеческого был вылеплен образ Бога, чтобы казался он нетварным и неподверженным гибели, и это евреи сочли худшим из всех безбожных дел, ибо скорее Бог мог стать человеком, нежели человек — Богом, не говоря о том, что были тут иные тяжелейшие грехи — неверие и неблагодарность к Создателю Вселенной, который своею волею щедро и обильно изливает блага, не обделяя ни части мироздания.

17

И вот стали готовить войну против нашего народа, войну величайшую, не на жизнь, а на смерть. Ибо что может быть хуже для раба, чем враждебно настроенный хозяин? Подданные же самодержца суть его рабы, и если это не относится к предшественникам Гая, правившим снисходительно и соблюдая законы, то к Гаю имеет прямое отношение, ибо он вырвал из своей души всякую снисходительность и ревностно стремился к беззаконию: почитая законом самого себя, Гай отменил все прочие законоуложения как пустые слова. Он всех нас записал в рабы и не просто в рабы, а в низшее рабское сословие, а наш правитель стал нашим хозяином.

18

Все это не укрылось от глаз александрийской черни, пестрой и переменчивой; и вот решив, что это весьма удобный случай, они набросились на нас, и ненависть, с давних пор тлевшая, вспыхнула пламенем; все спуталось и пришло в смятение. Ибо считая, что самодержец обрек нас ужаснейшим несчастьем или что мы разбиты врагом, александрийцы исполнились бешеной и зверской ярости: они врывались в наши жилища, выгоняли хозяев с детьми и женами, чтобы все видели, что эти жилища

пусты. Они уносили все, что можно и чего нельзя было унести, но не как воры (под покровом ночи и тьмы из страха быть пойманными), но открыто, при свете дня, гордо показывая встречным, как будто законные владельцы сами им продали или отдали все это. А если сразу несколько погромщиков решали объединить усилия, то добычу они делили прямо на рынке, нередко на глазах хозяев, осыпая их бранью и насмешками. Уже одно это страшно, не правда ли: быть богатым — стать бедным, быть преуспевающим — стать жалким и притом внезапно, ни в чем не преступив закона; лишиться крова, очага, быть изгнанным из собственного дома, чтобы днем и ночью обретаться под открытым небом и погибать то под палящими лучами солнца, то от ночного холода.

Но то, что мне предстоит рассказать, много тяжелее: всю эту толпу людей, с детьми и женами согнали со всей Александрии, собрав на малюсеньком клочке земли¹⁷, точно в стойле, и ждали найти там вскоре лишь груды тел: мол, либо от голода погибнут (запасов не было — несчастья обрушились внезапно, без всяких знаков свыше, так что приготовлений сделать не успели), либо от скученности и духоты (ибо достаточного пространства не было, а тот воздух, что был, испортился, утратив свою полезность из-за [людского] дыхания или, говоря точнее, из-за тяжелых испарений, идущих при дыхании; нагретый и как-то сгустившийся под воздействием огненного начала воздух входил сквозь ноздри и рты горячим и вредным дуновением, добавляя, как говорится, огонь к огню; ибо внутри у нас властвует сила, весьма сходная с огнем,— так устроила природа, и если это внутренний огонь овеивается умеренно прохладными наружными дуновениями, то органы дыхания работают легко из-за благоприятного смешения; когда же эти дуновения нагреваются, то органы дыхания неизбежно работают с трудом, ибо один огонь сливается с другим.

19

И вот, будучи уже не в силах терпеть тесноту, люди хлынули в пустынные места, на побережья и кладбища в надежде вдохнуть чистого, негубительного воздуха. А если кто-нибудь из них опять оказывался в Александрии или являлся из деревни, ничего не зная о постигших нас несчастьях, тому доставалось: и камнями кидали, и черепками царапали, избивали кольями и дубин-

ками, стараясь попасть по самым опасным местам, особенно по голове, и так забивали насмерть.

Иные из числа записных лентяев и лодырей окружили кольцом то малое пространство на самой окраине Александрии, где обретались, как я уже сказал изгнанники, и подобно стражникам наблюдали за ними, как бы кто-нибудь не скрылся. Ибо весьма многие, гонимые крайней нуждой, намеревались бежать, невзирая на смертельную опасность, столь велика была их боязнь, что родные погибнут от голода. Вот этих-то побегов и ждали неусыпно, а пойманных тотчас же уничтожали, всячески изуевчив.

А другой отряд стоял у речных пристаней, чтобы хватать всякого еврея, тут причалившего, а вместе с ним его товар. Добровольные стражи всходили на суда, выносили груз на глазах у владельцев, а их самих, связав им руки за спиною, сжигали, бросая в огонь рули, шесты и палубные доски.

Но участь тех, кого сжигали в самой Александрии, была куда более плачевна: когда не хватало дров, приносили хворост и, сделав вязанки, забрасывали несчастных, и те, полусгоревшие, погибали, но больше от дыма, чем от огня, ибо огонь от хвороста безжизненный и дымный, он тотчас гаснет, неспособный вследствие своей легкости сжигать дотла.

А многих, еще живых, волокли по рынку, набросив петли из ремней и веревок и стянув лодыжки, волокли, наступая на них и не щадя даже их мертвых тел, расчленяли и топтали ногами, уничтожая самую мысль о том, что можно останки предать земле,— такова была свирепость и жестокость этих нелюдей.

20

А наместник этой провинции, который мог бы (будь у него желание) один и в одночасье остановить распоясавшуюся толпу, притворился, будто ничего не видит и не слышит, чем развязал ей руки для войны, а мир порушил¹⁸. И потому, распалившись больше, чернь ринулась осуществлять замыслы еще более бесстыдные и наглые: собравшись толпой, все двинулись к молебням (их много в каждой части города), у одних круша топорами стены, другие срывая до последнего камня, а потом еще поджигали их, забыв в своем бешеном безумии о соседних постройках,— ведь огонь, получив пищу, бежит быстрее всего на свете.

Я умолчу о знаках самодержавного достоинства — о золоче-

ных щитах и венцах, о колоннах и надписях, сваленных в кучу и преданных огню, ради которых было бы нужно и от прочего воздержаться, однако чернь не боялась возмездия от рук Гая и потому исполнилась дерзости, ибо слишком хорошо знала, какую ненависть тот питает к еврейскому племени, и заключала из этого, что не будет для Гая большей улады, чем увидеть ненавистный ему народ ввергнутым в пучину всех возможных ужасов.

И что, вы думаете, они сделали, желая с новой стороны подольститься к Гаю, чтобы потом злобно накинуться на нас без малейшего риска нести за это ответственность? Они осквернили те молельни, которые не сумели стереть с лица земли, предавши огню или срыв до основания, ибо евреи жили тесно и скучно: поправ законы и обычаи народа еврейского они водрузили в каждой молельне изображения Гая, а в самой большой и почитаемой — даже бронзовую статую в виде возницы, правящего четверней. И таково было их рвение, так они спешили, что не имея готовой новой колесницы, доставили из гимнаasia весьма ветхую, ржавую и поломанную с боков, и сзади, и в основании, и в прочих весьма многих местах; эта колесница, как говорили некоторые, была посвящена вовсе даже женщине, Клеопатре Старшей, прабабушке последней Клеопатры¹⁹.

Всем ясно, сколь тяжкое обвинение навлекли на себя участники этого посвящения, и будь эта колесница новой, но посвященной женщине, или старой, но посвященной мужчине, все равно тут важно другое — она была посвящена не Гаю. И разве не подобало бы участникам такого посвящения опасаться, что все дойдет до того, кто всегда требовал себе особых священных почестей? А эти надеялись, что их станут превозносить и надеяться еще более весомыми и несомненными благами за то, что они обратили молельни в святилища Гая, пусть даже не ради того, чтобы его почитать, но для того, чтобы исчерпать все возможные преступления против еврейского народа.

И есть у нас бесспорные тому доказательства. Начнем с царей: хотя за триста лет их сменилось десять или около того, никто не ставил в молельнях изображений и статуй в их честь, хотя они были свои, родные, они считались, и писались, и звались богами²⁰. А почему бы нет? Ведь это были люди, а тут обожествляли и собак, и волков, и львов, и крокодилов, и прочих многочисленных зверей, из тех что обитают на земле, в воде, на небе, и возводили им алтари, святилища, храмы и отводили священные участки по всему Египту.

21

Теперь они, пожалуй, скажут то, что не сказали бы тогда (ибо такие люди имеют обыкновение чтить более благодеяния правителей, нежели их самих): мол, самодержцы достоинством и участью своей выше Птолемеев²¹, а потому и почести им подобают соответствующие. Тогда скажите мне, вы, глупейшие из глупцов (да избегну я поносных слов!), отчего вы не удостоили такой же почести Гаева предшественника, Тиберия, от которого Гай и получил свою власть?

Ибо Тиберий за двадцать три года, что нес бремя власти над сушей и над морем, не оставил ни единого семени войны ни в эллинской, ни в варварской земле, а мир и сопутствующие ему блага до самой кончины своей раздавал нескудеющей рукой и щедрым своим сердцем. Или родом уступал он? Да нет, он был рожден от благороднейших родителей. Или образованностью? Но кто из столь же высоко вознесенных мог превзойти его умом и красноречием? Или возрастом? Но какой же царь и какой самодержец достиг более счастливой старости? Впрочем, прозвание старца он стяжал уже в молодости, так все благоговели перед его умом. А как же тот, кто превозмог человеческую природу, достигнув всех возможных добродетелей, кто первым был назван Август как в силу величия его самодержавной власти, так и в силу нравственного совершенства, получив этот титул не по наследству как часть общего жребия, нет, в самом себе он нес зерна священного поклонения, доставшегося и его преемникам²²? Его, кто тотчас овладел смутными и запутанными обстоятельствами, лишь только взял на себя заботу о государственных делах? Ибо материки и острова тогда вступили друг с другом в борьбу за первенство, имея правителей и покровителей из римлян, причем весьма влиятельных; кроме того, Европа с Азией вступили во взаимный спор о том, чья власть сильнее: народы обеих поднялись от самых крайних пределов и тяжело двинулись войною друг на друга по всей земле и морю, так что весь род человеческий чуть было сам себя не истребил, когда бы не один — человек и правитель, Август, достойный именоваться «отвращающий зло». Таков он, Цезарь: он успокоил бури, которые поднялись со всех сторон, он излечил болезни, которыми страдали равно греки и варвары; болезни эти прошли от юга до востока, промчались на запад и на север, обильно засеая все пространство злыми семенами. Таков он,

Цезарь: он не только ослабил путы, коими был обвит мир, но сбросил их. Таков он: покончил с войнами, как явными, так и тайными, причина каковых — разбойничьи набеги. Таков он: избавил море от пиратских судов, пустив по нему великое множество торговых кораблей. Таков он: дал свободу всем городам, привел хаос к порядку, укротил враждебные и дикие народы, обустроив их жизнь, Элладу расширил многими Элладами, а варварские земли в главнейших частях настроил на эллинский лад. Все это сделал он, страж мира, дающий всем по нуждам их. Он не скупился на добрые дела — берите все! Он за всю жизнь не утаил ничего доброго или прекрасного.

22

И вот такого-то благодетеля они просмотрели, и за все время, что он правил Египтом, за сорок три года²³, не водрузили в его честь в молельнях ни каменной, ни деревянной статуи, ни единой надписи. Но если и нужно было учредить в чью-либо честь новые исключительные почести, то именно в честь [этого человека], не только потому, что он стал истоком и началом рода Августов, не только оттого, что он — первый величайший всеобщий благодетель, устранивший многовластие и вверивший кормило общего корабля одному кормчему — самому себе, изумительно владеющему искусством власти (ибо неложно говорится: «нет в многовластии блага», и разноголосица — причина самых разных зол), но оттого еще, что весь мир воздавал ему олимпийские почести. И свидетельством тому храмы, ворота, портики, дворы пред храмами; мы видим: какой ни возьми город, какие ни возьми в нем великолепные памятники, те, что посвящены Цезарю, их всегда превосходят красотой и силой, особенно в нашей Александрии. Ибо нет святыни более драгоценной, чем та, которая зовется Августов храм, — храм Цезаря-Эпибатерия²⁴. Этот храм возвышается над самыми удобными гаванями²⁵, такой величественный и отовсюду заметный, и он, как ни один другой, весь полон посвятительных даров: он окружен кольцом из надписей, серебряных и золотых статуй; широко раскинуты священные земли храма, тут портики, библиотеки, священные рощи, ворота, просторные дворы — все, чем создается роскошь и красота. Храм этот — залог спасения для тех, кто покидает гавань, и для тех, кто возвращается обратно.

23

Итак, поводы у них были весьма убедительные, да и сопротивления они ни в ком бы не встретили, однако никаких нововведений в молельнях сделано не было, и соблюдалась буква закона. Неужели они упустили какой-то знак почтения из тех, что полагались Цезарю? Но кто осмелится утверждать это, будучи в здравом уме? Так почему же они нанесли Цезарю такой ущерб? Отвечу прямо: они знали, как ревностно он заботился об упрочении римлян и всех других народов, а почести принимал не для того, чтобы истребить чьи-либо законы и установленья, но следуя величию власти, коей естественно быть почитаемой. И мы можем доказать неопровержимо, что его никогда не возбуждали и не тешили непомерно раздутые почести: во-первых, он не желал именоваться богом, а если кто-нибудь так называл его — негодовал, а во-вторых, он одобрял евреев, у которых, как было ему доподлинно известно, такие вещи вызывали отвращение. Как выражалось это одобренье? Тиберий прекрасно знал, что большую часть Рима за Тибром населяют евреи. Это были римские граждане, по большей части вольноотпущенники; в Италию они попали как пленники, хозяева дали им вольную, и [никто] не вынуждал их нарушить хоть один обычай предков. Еще он знал, что у них есть молельни и что собираются они там главным образом в священную субботу, когда евреи все вместе обучаются философии предков. Он знал и то, что вырученные от первин деньги они собирают как священные и отправляют в Иерусалим, чтобы там их посланцы совершили жертвоприношения.

Однако он не выдворил их из Рима и не лишил римского гражданства за то, что они продолжали бережно хранить другое свое гражданство, не принял меры против их молелен, и не мешал их собраниям для наставления в еврейских законах, и не препятствовал жертвованию первин, напротив, он так благоговейно чтит веру, что едва ли не при участии всего семейства украсил наш храм роскошными дарами и приказал, чтобы отныне и во веки веков приносились там каждодневные жертвы из его личных средств как дань Всевышнему; эти жертвы приносят и поныне и всегда будут приносить, всем объявляя, каким должен быть истинный самодержец.

И вот что еще удивительно: во время ежемесячных государ-

ственных раздач он никогда не ущемлял евреев в их правах на блага, напротив, если даже раздача выпадала на священную субботу, когда не дозволяется ни брать, ни отдавать, ни вообще хоть как-нибудь участвовать в обычной жизни, особенно в делах, сулящих наживу, раздатчики по приказу самодержца сохраняли эти знаки человеколюбия, положенные всем, до следующего дня.

24

А потому, если кто-то где-то и не питал в душе расположение к евреям, то во всяком случае остерегался нарушать какое-либо из их законных установлений, и при Тиберии, конечно, все было неизменно, хотя в Италии все было смутно, пока Сеян готовил нападение²⁶, ибо Тиберий узнал тотчас же после смерти Сеяна, что обвинения против евреев, населявших Рим, были ложью и клеветой — их измыслил Сеян, желавший покончить с народом, который, он знал, пойдет наперекор нечестивым решениям и деяниям, один или во главе прочих, и встанет на защиту самодержца, которому грозит предательство.

И вот он обязал своих наместников в каждой из вверенных им областей успокоить наш народ — мол, не все наказаны изгнанием, но только виновные, и велел не трогать наших обычаев, но даже считать, что люди эти, миролюбивые по своей природе, и их законы, стоящие на страже устойчивости и порядка, — залог благополучия для римлян.

25

А Гай надулся спесью сверх меры, не только называя, но и считая себя богом. Затем он понял, что среди эллинов и варваров никто не поможет ему лучше укрепиться в его неуемной и превосходящей человеческую меру страсти, чем александрийцы, ибо они — мастера улещать, морочить и притворяться, они всегда готовы к лукавым речам, однако распущенный и разнузданный их язык лишь сокрушает весь порядок вещей. Благоговенье их перед именем Бога таково, что они наделили им и птицу ибиса, и ядовитых гадов, и многих диких зверей. Таким бездумным употреблением имени Бога они, конечно, обманывают малоумных, не ведающих ничего о безбожии египтян²⁷, но

те, кто знают их легкомыслие и, более того, нечестие, их презирают.

Не ведая этого, Гай решил, что александрийцы его и вправду считают богом, и прежде всего из-за того, что они не прибегали к иносказаньям, но прямо и не скупясь награждали его всеми именами, которыми обычно именуют других богов. Он думал также, что и нововведения в молебнях были сделаны от чистого сердца и только чтобы почтить его. Виною тому было отчасти его внимание к ежедневным памятным заметкам, которые присылали ему из Александрии, — это было для него самым сладостным чтением, так что в сравнении с даруемой ими радостью творения других писателей и поэтов казались весьма неусладительными. Отчасти виною тут были некоторые челядинцы Гая — всегдашние его товарищи в насмешках и издевках.

26

Большинство из них были египтяне, порочное семя, смешавшие в душах своих нрав крокодила и яд змеи. Предводителем и как бы запевалой всей египетской братии был Геликон²⁸, проклятый и проклятый раб, проникший в самодержавный дом ему на погибель. Ибо Геликон вкусил плодов образования благодаря честолюбию своего прежнего хозяина, который и подарил его Тиберию. Тут никакого предпочтения ему оказано не было, ибо Тиберий, будучи почти с самых ранних лет наклонен к строгости и благочестию, с презреньем относился к отроческим забавам. Но вот Тиберий скончался, и власть досталась Гаю. Тут Геликон, повсюду следуя за новым хозяином, который совершенно распустился и дал полную волю всем своим чувствованиям и желаниям, сказал себе: «Твой час настал, дружище Геликон, проснись, теперь есть у тебя наилучший слушатель и зритель. Ты остер, ты можешь шутить и злословить удачнее других, ты знаешь, как развлечь, как позабавить пустой и вздорной шуткой, как завладеть вниманием, не менее, чем в школьных науках, ты сведущ в тех, которые не изучают в школах, к тому же ты речист не без приятности. А ежели в насмешках твоих и жало появится, чтобы они рождали не только смех, но и горечь возникших подозрений, то господин твой будет всецело в твоей власти, ведь природа весьма удачно наделила его наклонностью услышать в издевке обвинения, ибо ради тех, кто превзошел искусство сплетать хулу с доносом, он

весь обращается в слух. Есть и предмет, и лучшего искать не надо — дурная слава евреев с их обычаями; ее ты с детства впитывал, с пеленок познал, и не один учитель был у тебя, но вся самая бойкая на язык часть александрийцев. Так покажи свои знания!»

27

Так рассуждая, бездумно и безбожно, Геликон подстегнул себя и окрутил Гая, не отступаясь от него ни днем, ни ночью, но находясь при нем постоянно, чтобы часы его уединения и отдыха употребить для обвинений против евреев: своими издевками он, лукавейший из лукавых, ублажал Гая, но так, чтобы его одновременно кололи сокрытые там недобрые намеки, ибо Геликон не признавал, что выдвигает обвинения, да и не мог признать, но, мастерски лавируя, он стал более серьезным и опасным врагом, чем записные недруги народа еврейского. И говорят еще, что александрийские старейшины, хорошо обо всем этом зная, тайком ему платили и немало, не только деньгами, но и посулами — мол, как только Гай прибудет в Александрию, будешь осыпан почестями. А тот, грезя о времени, когда в присутствии его господина, а также почти всего мира (ведь было ясно, что из благоговенья перед Гаем тут соберутся, покинув свои пределы, все лучшие, зеница ока каждого из городов), самый великий и самый славный город наградит его, давал любые обещанья.

До поры до времени мы не замечали этого лазутчика, пробравшегося к нам, и потому остерегались лишь внешних врагов; когда же все поняли, то стали изыскивать способы смягчить и приручить этого человека, который отовсюду в нас целится и бьет так метко. Ведь он с Гаем и в мяч играл, и упражнялся, и купался с ним, завтракал и даже сопровождал его отход ко сну, ибо был в должности постельничего и главного телохранителя. Столь высокой должности не занимал никто, и потому Геликон один имел доступ к самодержцу в благоприятные часы его досуга, когда слух его был избавлен от внешних шумов и мог обратиться к тем предметам, которые и были ему приятнее всего. И поношения тут были слиты с обвинениями — всем удовольствие, а нам беда, ибо поруганье, которое, казалось, и было его целью, в действительности было делом второстепенным, а то, что представлялось побочным следствием,

а именно, обвинения, было единственной и главной целью. И вот, отпустивши все рифы, как моряки при попутном ветре, он неся на раздутых парусах, сплетая для евреев венки вины. Все это надежно запечатлелось в голове Гая, и жалоб на евреев ему уже было не забыть.

28

В безвыходном и безнадежном нашем положении, испробовав все средства умиловить Геликона и не найдя необходимого, ибо впрямую обратиться или приблизиться к нему никто не решался, зная его кичливый и грубый нрав, который он обычно всем являл, а также не зная, не из личного ли отвращения к еврейскому племени настраивает он своего господина против нас, мы оставили этот путь и обратились к более весомым средствам: мы решили вручить прошение самому Гаю, где было бы сказано самое главное о наших страданиях и наших требованиях. Прощение это было неким сокращенным изложением более пространной просьбы, которую мы посылали незадолго с царем Агришпой, которому случилось посетить наш город на пути в Сирию, куда он направлялся, чтобы взойти на царство²⁹. Конечно, это был самообман и уже в самом начале, как только мы пустились в путь, думая прибыть к судье, который рассудит все по справедливости.

Нет, это был наш смертный враг, но взгляд его лучился такою теплотой, а речи, обращенные к нам, были так приветливы, что мы попались на эту приманку. Так в первый раз он нас приветствовал у Тибра, на равнине (он как раз выходил из садов, оставленных ему матерью): ответив на наше приветствие, он жестом руки обозначил свое благоволение и выслал к нам начальника посольской службы по имени Гомил: мол, самодержец сам выслушает вас при удобном случае. И тут все вокруг стали нас поздравлять, как будто дело уже решилось в нашу пользу; и наши тоже обрадовались — те, кто был обманут пустыми посулами. Но я считал, что понимаю больше, ибо и возрастом, и образованностью превосходил прочих, и был встревожен, а не обрадован: «Но почему же, — говорил я сам себе, вызывая к своей способности рассуждать разумно, — почему он, при таком стечении послов почти со всего света, сказал, что выслушает нас? Чего он хочет? Ведь он отлично знает, что мы — евреи, которым и избежать унижения — уже успех. Но

думать, что повелитель из иного племени, и юный, и самовластный отдает нам предпочтение,— это безумие! Нет, похоже, что он взял сторону другой части александрийцев, им отдал предпочтение и обещал не медлить с решением, если только он не вовсе оставил мысль о справедливом и беспристрастном суде, став для них защитником, а для нас — обвинителем».

29

Так размышляя, я метался, ни днем, ни ночью не находя покоя. Я совершенно пал духом, однако скрывал свои страдания, ибо показывать их было небезопасно, когда стряслась другая, худшая, неожиданная беда, сулившая опасность не одной только части еврейского народа, но сразу всему народу. А дело было так: мы следовали за Гаем до Дикеархеи³⁰, где он, спустившись к морю, проводил время то в той, то в этой из многочисленных и роскошных своих вилл. Покуда мы обдумывали наше дело (ибо мы все время ждали, что нас позовут), явился человек, глядя исподлобья налитыми кровью глазами и тяжело дыша; чуть отстранившись от толпившихся вокруг, он сказал: «Слышали новости?» Он собирался продолжить, но не смог — слезы текли ручьями из его глаз. Он снова и снова пробовал заговорить, но тщетно. Видя это, мы кинулись умолять его, чтобы он поведал нам то, ради чего, как уверяет, он пришел: «Ведь ты пришел не для того, чтобы поплакать при свидетелях, и ежели тут есть о чем плакать, раздели свою скорбь со всеми — к несчастьям нам не привыкать».

И он — с трудом, прерывисто дыша — все же заговорил: «Погиб наш Храм: в святая святых его Гай приказал поставить огромных размеров статую в честь Гая-Зевса». Пока мы, изумленные его словами, стояли, оцепенев от ужаса, не в силах двинуться и молвить слово, буквально распадаясь на глазах, ибо ослабили все скрепы наши телесные, прибыли другие, все в тех же корчах и муках. Потом, сбившись тесно, мы стали вместе оплакивать нашу участь, постигшую каждого из нас и весь народ, высказывая все, что приходило на ум, ибо в несчастии человек более всего склонен говорить. «Будем бороться,— говорили мы,— дабы не быть ввергнутыми совершенно в беззакония, коим уже не будет прощения. Мы вышли в море в середине зимы, не зная, какая буря подстерегает нас на суше,— она опаснее морской: морская — творение природы, дающей осень,

лето, зиму и весну, дарующей спасение, а та, другая — творенье человека, чьи мысли отнюдь не человечесны; он молод и совсем недавно обрел надо всем непререкаемую власть, а молодость об руку с самодержавной властью руководима бывает лишь безудержными порывами, и с этим злом бороться невозможно. И стоит ли идти к нему, пытаюсь замолвить слово за наши моельни,— к нему, кто оскверняет главную нашу святыню? Ведь ясно: он не станет думать о скромных и не стяжавших славы моельнях, если ругается над самым святым и знаменитым Храмом, с которым рассветы и закаты сверяются, как с солнцем, повсюду рассылающим свои лучи. Но даже если мы отважимся на встречу с ним, чего нам ждать, кроме неизбежной смерти? Пусть будет так! Мы примем смерть, ибо умереть во имя законов — достославнейшее деяние и потому в каком-то смысле — жизнь. Но если наша смерть окажется бесплодной, безумием будет наша гибель, особенно когда от нас ждут исполнения нашей миссии, ибо тогда поплатятся скорее пославшие нас, нежели мы, прямые жертвы! Все это так, однако самые строгие судьи человеческой природы из наших соплеменников осудят нас: мол, вы так себялюбивы, что не смогли забыть себя даже под угрозой всеобщего краха! Ибо если значительное и общее не будет преобладать над малым и частным, все государство распадется. Разве законно это и благочестиво — стараться показать, что мы — александрийцы, когда опасность нависла надо всей общностью народа еврейского? Ведь вот что страшно: низвергнув Храм, этот великий любитель нововведений прикажет, пожалуй, стереть само имя нашего народа!

И вот, если мы провалим оба дела, ради которых нас снарядили в посольство, скажут, пожалуй, так: «А разве они не знали, что нужно предпринять, чтобы вернуться целыми и невредимыми?» На это я бы ответил так: «Или нет в тебе природного духа благородства, или ты не был вскормлен и воспитан святыми писаниями. Тот, кто поистине благороден, тот исполнен надежд, законы же дают благие надежды тому, кто сердцем постигает их. Вдруг это — испытание поколению нынешнему, насколько сильна в нем добродетель, готово ли оно переносить тяготы, сохраняя твердость и силу разума, не дрогнув. Все, что от человека, уходит, и пусть уходит, но пусть живет в душах неколебимая вера, надежда на Бога, спасителя нашего, который много раз спасал наш народ, когда, казалось, все было кончено».

30

Так мы говорили, оплакивая свои несчастья и утешая себя надеждой на перемены к лучшему. Потом мы обратились к горьким нашим вестникам с такою речью: «Что же вы сидите молча, лишь искрами воспламеняя наш слух и нас самих сжигая — нам нужно знать, что побудило Гая так поступить». А те в ответ: «Важнейшую и первую причину вы знаете не хуже всех прочих: он хочет считаться Богом и думает, что только евреи не будут ему послушны, а для них нельзя придумать большего зла, чем осквернение их Храма, их святыни. Все знают, что этот Храм — красивейший, и чтобы красота его все расцветала, средства на него всегда тратились большие; а Гай, со всеми на свете ссорясь и состязаясь, располагает его присвоить. Сейчас он хочет этого больше, чем прежде, — из-за письма, которое ему направил Капитон³¹. Этот Капитон — сборщик податей в Иудее и на жителей ее сердит: он был беден, когда явился сюда, однако поборами и покражами сумел собрать большое состояние в разнообразных видах; потом, боясь обвинений, он изобрел способ их избежать: нужно оклеветать того, с кем поступил не по закону. И тут, благодаря стечению обстоятельств, он смог двинуться по избранному пути. Дело было так: Явне — один из самых населенных городов Иудеи, и живут там многообразные народы, по большей части — евреи, а прочие — иноплеменники, явившиеся в Явне из окрестных мест; эти последние, будучи переселенцами, вредили и доставляли хлопоты исконным (в каком-то смысле) жителям, все время нарушая что-то из еврейских старинных обычаев. Зная от заезжих людей, с какою ревностью относится Гай к своему обожествлению и как враждебен он ко всему еврейскому, они решили, что явился удобный случай напасть на них: они соорудили алтарь — не утруждаясь поиском материала, а просто налепив из глины кирпичей, ибо единственной их целью было спровоцировать соседей, которые, конечно же, не вынесут ниспровержения своих устоев, что и случилось. Увидев, что истинная святость святой земли поругана, они вознегодовали и, собравшись вместе, снесли алтарь. А те тотчас же явились к Капитону, который и затеял это представление». «Ну наконец-то!» — подумал тот и написал Гаю, изрядно раздув дело.

Гай, прочитав письмо, распорядился вместо глиняного алтаря, коварно возведенного в Явне, возвести нечто более

роскошное и величественное, а именно, поставить в Иерусалимском храме гигантскую статую — так посоветовали достойнейшие и мудрейшие люди — Геликон, благородный раб, лизоблюд и пройдоха, и Апеллес³², трагический актер, который, говорят, в расцвете своей юности торговал ею, а когда отцвел, пошел на подмостки. А тот, кто выступает на подмостках, чье дело — зрители и зрелища, питает, уж конечно, пристрастие к стыдливости и целомудрию, а вовсе не к высшему бесстыдству и безобразию. Вот потому-то и попал Апеллес в число советников Гая, дабы тот мог с одним посоветоваться, как надобно шутить, с другим — как нужно петь, оставив заботу о главном — чтобы повсюду были спокойствие и мир.

Так вот, этот Геликон, скорпион в обличии раба, стал изливать на евреев свой египетский яд, а Апеллес — ашкелонский, был оттуда родом, а жители Ашкелона питают какую-то непримиримую и неискоренимую вражду к своим соседям — евреям, живущим в священной земле».

Каждое слово этой речи вбивалось в наши сердца. Однако прекрасные советчики в прекрасных делах быстро стяжали награду за свое безбожие: одного за что-то заключил в оковы сам Гай и тот мучился то на дыбе, то на колесе, а Геликона из-за каких-то других преступлений, совершенных этим безумцем, устранил Клавдий Германик³³. Но это случилось позже.

31

По поводу установления статуи Гай написал письмо, в котором принял все меры предосторожности: Петронию³⁴, наместнику в Сирии, которому и было адресовано письмо, он приказал перебросить в Иудею половину войск, стоящих у Евфрата для наблюдения за восточными царями и народами — как бы кто-нибудь из них не переправился на этот берег; Гай сделал это не для того, чтобы придать значительность акту посвящения, но чтобы устранить любого, кто стал бы этому препятствовать. Что скажешь, господин? Ты начинаешь войну, предвидя, что евреи не станут попустительствовать попранию закона, но встанут на его защиту, готовые к безвременной гибели за обычаи предков? Ибо ничуть не похоже, чтобы ты действовал, не зная, что может выйти из попытки прикоснуться к Храму, напротив, зная, что будет, как если бы это уже случилось, зная грядущее, как если бы это было настоящее, ты приказал ввести

войска, дабы освятить водружение статуи первыми кровавыми жертвами — закланием несчастных мужчин и женщин.

Петроний, получив такое послание, оказался в трудном положении: воспротивиться он не мог — боялся, ибо знал, что Гай не терпит не только неисполнения приказов, но даже промедленья в их исполнении, но взяться за дело с легким сердцем он тоже не мог, ибо знал, что евреи скорее захотят принять не одну, но тысячи смертей, будь это возможно, чем позволяет нарушить какой-нибудь запрет. Ибо все люди хранят свои обычаи, особенно еврейский народ, ибо евреи считают законы богоизреченными, и в этой мысли они воспитаны с детства, так что все предписания навечно запечатлены в их душах. И вот, видя столь ясно все эти рельефы и фигуры, они думают о них с изумлением, и если какой-то другой народ также питает к ним почтение, его принимают не хуже, чем соплеменников, а тех, кто осуждает или смеется, ненавидят как злейших врагов. И так они трепещут перед каждой заповедью, что никакую удачливость или счастье (не знаю, как лучше это назвать) никогда не купят ценою прегрешенья, пусть даже невольного. Но еще сильнее и совершенно особым образом евреи привязаны к Храму, и вот важнейшее тому доказательство: всякого иноплеменика, проникшего во внутреннюю ограду Храма, непременно карают смертью, хотя во внешнюю его часть пускают всех, откуда бы они ни явились.

Имея все это в виду, Петроний не торопился браться за дело, он понимал, насколько дерзким оно было. И вот, призвав все здравые способности своей души, он стал испрашивать мнение, каждой, как будто в сенате, и все они оказались едины во мнении: нельзя касаться того, что изначально освящено, во-первых, потому, что есть естественное чувство справедливости и благочестия, а во-вторых, потому, что страшно божьей кары и гнева оскорбленных людей.

Петроний стал думать об этом народе: он очень многочислен, но, не получив в удел своей земли, в пределах которой он был бы заключен, подобно любому другому народу, он вынужден хранить свое единство по всему, можно сказать, свету, ибо этот народ рассыпан по всем материкам и островам, так что, кажется, не слишком уступает числом исконным жителям. Так разве не в высшей степени опрометчиво было бы обернуть против себя такие полчища врагов? Впрочем, едва ли они смогут обороняться единым фронтом — такую громаду не двинешь в сражение, однако и жители одной Иудеи бесчисленны, телом

крепки, а душой отважны, готовы отдать жизнь за древние свои законы; они влекомы духом (как сказали бы иные из их недругов) варварским, а на самом деле — свободным и благородным.

Пугала Петрония и мысль о войске, стоявшем за Евфратом, ибо он знал — не только из донесений, но и по опыту, что в Вавилоне и многих других областях множество евреев³⁵: ведь каждый год священная процессия движется оттуда к Храму с золотом и серебром (в весьма больших количествах), полученным от проданных первин, идя непроходимыми, нехоженными, бесконечными путями, которые для этих людей легки, ибо они полагают, что это путь к благочестию.

Итак, Петроний, судя по всему, изрядно опасался, как бы беспримерное посвящение не заставило евреев подняться и, сойдясь, взять войско в кольцо, чтобы одним ударом покончить с ним.

Все эти соображения и заставляли Петрония медлить. Однако были и иные мысли, которые влекли его в иную сторону: «Молод мой господин и думает: мол, что мне хочется, то и полезно, что решу, то сразу должно быть исполнено, — даже если это лишено всякой пользы и полно тщеславия и хвастовства, ведь он уже переступил границы человеческой природы, причислив себя к богам. Да, жизнь моя в опасности, куда ни кинь: уступишь — будет война с неясным еще исходом, если вообще исход будет, станешь сопротивляться — и окажешься виновным перед Гаем в неподчинении и инакомыслии».

Это последнее соображение нашло поддержку у римлян — помощников Петрония в сирийских делах, ибо они знали, что им первым достанется от Гая за то, что попустительствовали неисполнению его приказов. Но неожиданно вышла отсрочка, и Петроний смог все обдумать и взвесить, ибо пришлось изготовлять статую, так как Гай ни из Рима ничего не послал (верно, это божий промысел незаметно удержал его руку от несправедливого дела), ни в Сирии не велел найти что-либо достойное и отправить в Иерусалим; и если бы не это промедление, тотчас бы разразилась война.

Итак, получив время на размышления (ибо когда все падает разом и неожиданно, и это вещи нешуточные, разум теряется), Петроний распорядился заняться изготовлением статуи в какой-нибудь из сопредельных земель, послал за самыми дельными из финикийских мастеров, дал им материал, и те работали в Сидоне³⁶.

Одновременно он послал за первосвященниками и начальниками, желая и разъяснить намерения Гая, и дать им совет: мол, стершите, ведь это повеленья господина вашего, и помните, сколь ужасны могут быть последствия сопротивления, ибо наиболее боеспособные части сирийского войска стоят наготове, и они устелят трупами всю страну.

Петроний думал, что, подготовив этих людей, он сможет с их помощью и весь народ отговорить от сопротивления. Но он, как оказалось, ошибался: пораженные, говорят, его первыми словами, они были просто убиты дальнейшим его повествованием о неслыханном зле, и очи их разверзлись, и хлынули нескончаемые потоки слез, как будто открылись какие-то источники; они рвали на себе волосы и бороды, и наконец заговорили: «Да, мы сделали довольно и заслужили счастливую старость — мы, столь удачливые, чтобы увидеть то, чего не видел никто из наших предков! Какими глазами мы будем смотреть на это? Да прежде мы их вырвем вместе с замученной душою и горькой жизнью, чем станем наблюдать все это, чего ни видеть, ни слышать, ни понимать не позволяет высший закон!»

32

Пока они стенали и жаловались, жители священного города и всей страны, узнав о предстоящих событиях, поднялись точно по сигналу — он был подан их общим горем — и, бросив города, деревни и дома, так что они совершенно опустели, единым потоком хлынули в Финикию, ибо там как раз в это время был Петроний. Люди Петрония, увидев, что движется бесчисленная толпа, бросились предупредить его, чтобы тот принял меры предосторожности, — они решили, что придется воевать. Они еще не кончили говорить, Петроний еще не позвал охрану, а толпы евреев, подобно внезапно нашедшей туче, уже покрыли всю Финикию, повергнув в изумление тех, кто не знал, сколь многочислен этот народ. Сначала в толпе поднялся крик вперемешку с плачем и биеньем в грудь, и это было невыносимо для слуха присутствовавших там, ибо крик не прекращался, когда все умолкли, но продолжал отдаваться эхом; потом нужно было подступиться к Петронию с такими просьбами, которые уместны были бы в тех обстоятельствах (несчастья сами учат, как лучше вести себя). Все поделились на шесть групп: старики, мужчины, мальчики, старухи, женщины, девочки. И как

только Петроний показался вдали, все шесть как будто по команде пали ниц, и завывания, похожие на погребальный плач, мешались с мольбами. Петроний их подбодрил — мол, встаньте и подойдите ближе; те, помедлив, встали и подошли, все в пыли и в слезах, с руками заложенными назад, будто связанными. Потом старшие, встав перед Петронием, заговорили: «Мы, как ты видишь, безоружны, хотя иные обвиняют нас, что мы явились, чтобы сражаться. Мы даже убрали данное нам природою средство защиты — руки, заложив их за спину, так что и они теперь бессильны, а сами мы — прекрасная мишень для тех, кто хочет нас убить. Мы привели с собой жен, чад и домочадцев и припадаем к коленям Гая, припав к твоим: или спасите нас всех, или сотрите с лица земли. Петроний! Мы люди мирные и по природе, и по убеждениям, и в этом нас прилежно воспитывали с детства. Мы первыми в Сирии изъявили радость, когда Гай получил верховную власть, ибо тогда Вителлий, твой предшественник³⁷, получил известие об этом, и потому радостная весть пошла по городам от нас. И разве для того наш Храм первым принял жертвоприношения во славу Гаева правления, чтобы первым или даже единственным лишиться исконного порядка богослужения? Мы покидаем наши города, бросаем дома и добро; мы отдадим охотно все наше богатство, деньги, всю утварь, ценности и прочее, что мы нажили, и будем при этом в прибыли, а не в убытке. Взамен же мы просим только одного: не делать никаких нововведений в Храме, оставить его таким, каким мы получили его от наших праотцев и предков! Но если мы не убедили вас, убейте нас, чтобы не быть нам свидетелями зла, худшего, чем смерть. Мы знаем, что если станем препятствовать обряду посвящения, двинутся против нас и пешие, и конные войска. Но нет, мы не безумцы, чтобы идти против своего хозяина! С готовностью и радостью мы подставляем горло: пусть в жертву принесут, пусть наше мясо поделят на куски для жертвенного пира — не встретят они сопротивления, не прольется их кровь, пусть совершают все, что подобает победителям! Но войско зачем? Мы сами начнем обряд — и лучших жрецов не сыщешь. И жен возложат на алтарь женоубийцы, сестер и братьев — сестро- и братоубийцы, отроковиц, и отроков, и чад невинных — детоубийцы (так говорят в трагедиях, но этот язык и нужен, когда случилась трагедия). Потом, встав среди них и омывшись родной кровью (такое омовенье подобает тем, кто хочет чистым сойти в Аид), мы с ней смешаем собственную кровь, заколовшись над их телами. А после нашей

смерти издайте указ, чтобы сам Бог не гневался на нас, ибо цель наших действий была двойкой — и самодержца не задеть, и священных законов не нарушить. И это нам удастся, только если мы уйдем из жизни, пренебрегши ею, уже невыносимой для нас. У греков есть древняя легенда — ее передают ученые мужи, и все они единодушны в том, что голова Горгоны обладала такою силой, что всех, кто только взглянет на нее, тотчас же превращала в камень или скалу. Это, похоже, вымысел, а то, что в этой легенде правдиво, открывается в обстоятельствах чрезвычайных и прискорбных: гнев господина рождает смерть или нечто весьма на нее похожее. Подумай, а если (но это никогда бы не могло случиться!) кто-то из наших увидел бы, как статую торжественно везут к Храму, разве не окаменел бы он, разве не оцепенели бы навеки члены его, не остановились бы глаза, разве все тело его не изменилось бы, утратив природное движение в каждой из слаженных частей его?! Петроний! Выслушай последнюю и самую законную просьбу! Нет, мы не говорим: «не исполняй приказа!», но на коленях умоляем — помедли, чтобы нам избрать и отправить послов для встречи с самодержцем! Быть может, наше посольство убедит его — или поведав о нашем почтении к Богу, или рассказав о том, как мы блюдем наши законы, или объяснив, что мы заслуживаем не худшего обращения, чем все народы (включая те, что обитают в самых отдаленных пределах), которые хранят заветы предков, или напомнив о том, что дед его и прадед признали законным наши обычаи и уважали их. Быть может, услышав все это, он смягчится: суждения великих меняются, а те, что порождены гневом, даже быстрее теряют силу. Мы стали жертвой клеветы, позволь нам опровергнуть ее, ибо тяжело быть осужденным без суда. А если мы не убедим его, что помешает тебе исполнить то, что ты задумал уже сейчас? а покуда не отнимай надежду на лучшее у этой тьмы народа, который ревнует не к корысти, но к благочестию. Впрочем, неверно так говорить, ибо есть ли большая корысть для человека, чем благочестие?»

33

Все это они говорили в тревоге и сильном волнении — вздыхая, задыхаясь, обливаясь потом, исходя слезами, и в слушателях уже проснулось сочувствие, а сам Петроний, будучи от природы нрава доброго и кроткого, проникся и речами

евреев, и видом их и решил, что слова их справедливы, а очевидные страдания достойны жалости. Петроний удалился с членами совета на совещание, и тут он увидал, что недавние решительные противники евреев впали в сомнения, а те, кто колебался, уже по большей части склонились к состраданию, что обрадовало Петрония, хотя характер его начальника был ему известен, равно как и его гневливость и злопамятность. Похоже, и в нем самом теплился огонь еврейской философии и веры: или он воспринял это когда-то давно, из ревности к образованию, или, напротив, недавно, после назначения в эти земли, где евреев в каждом городе — и в Азии, и в Сирии — весьма много; или сама природа, себе внимая, повинаясь себе и обучая себя, расположила душу Петрония к тому, что достойно рвения. А людям добродетельным Бог посылает благие решения — так творящие добро обретают поддержку. Так вышло и с Петронием. Что же он решил?

Не торопить мастеров, но убедить их отделать статую со всем возможным мастерством, стараясь насколько это в их силах не отставать от прославленных образцов в их долговечности, ибо срок сделанного наспех весьма краток, а то, к чему приложен труд и знания, имеет основание к долголетию.

Посольство, о котором евреи просили, не разрешать — это опасно. Желаящим обратиться со своим делом к их общему властителю и господину не препятствовать, однако толпе не высказывать ни возражения, ни согласия — то и другое равно опасно.

А Гаю отправить письмо, где он не станет ни обвинять евреев, ни открывать истинный смысл их мольб и челобитья, но объяснит задержку с установлением статуи тем, что, во-первых, ее изготовление потребует определенного времени, а, во-вторых, время года дает серьезные основания для отсрочки, с которыми и сам Гай не только может, но и должен согласиться. Ведь хлеб и прочие посевы уже поспели, и как бы люди, отчаявшись сберечь заветы предков и не дорожа более своей жизнью, не опустошили или не подожгли поля; так что он, Петроний, попросит дать стражу для более тщательного надзора за сбором урожая — не только посевов, но и плодов. Ведь Гай, как стало известно, задумал плыть в египетскую Александрию, однако столь великий властитель не сочтет, конечно же, возможным пуститься в открытое море — там опасно, а потому потребуются множество судов сопровождения и телохранителей; все это мож-

но облегчить, избрав кружной путь вдоль Азии и Сирии, ведь так он, Гай, сможет каждый день приставать к берегу, не отклоняясь при этом от пути; к тому же он сможет идти не с грузовыми, но с военными судами, причем весьма многочисленными, — им удобнее идти вдоль берега, тогда как грузовым — в открытом море. А потому необходимо будет заготовить корм для скота и провиант во всех сирийских городах и прежде всего — в прибрежных, ибо за Гаем последует бесчисленная толпа народу — и сушею, и морем, не только из Италии и самого Рима, но из всех провинций вплоть до Сирии; тут будут и власть имущие, и воины (всадники и моряки), и челядь, числом не уступающая воинам. А стало быть, нужно подсчитать, сколько потребуется средств не только на самое необходимое, но и на ту преизбыточную роскошь, которой требует Гай. И если, думал Петроний, Гай получит такое письмо, он, может быть, не станет более досадовать и увидит, что дело отсрочилось не ради ублажения евреев, но ради сохранения урожая, а потому одобрит нашу прозорливость.

34

Товарищи Петрония похвалили его замысел, и он велел составить письма и назначил письмоносцев — легких на подъем и научившихся в своих путешествиях выбирать кратчайший путь.

Посланцы Петрония, явившись, передали письмо Гаю; тот еще, читая, стал надуваться и с каждой строчкой, проникая в смысл ее, все больше распалялся гневом. Закончив чтение, он захлопал в ладоши со словами: «Отлично, Петроний, ты не умеешь повиноваться самодержцу, ты слишком надменен — испортила тебя черед должностей. Сдается мне, что до сих пор ты даже понаслышке не знаешь Гая, но очень скоро узнаешь на деле. Смотрите, он печется о законах евреев, моих злейших врагов, а властительными приказами правителя пренебрегает! Евреев очень много? А как же войска, которые держат в страхе все народы востока и даже самих парфян? Наверное, ты пожалел их! Тогда, выходит, ты жалости служишь, не Гаю! Отговаривайся, отговаривайся жатвой! Скоро иную жатву беспрерывно снимут с твоей шеи! Ссылайся, ссылайся на сбор плодов и приготовления к нашему прибытию! Да если бы слу-

чился в Иудее большой недород, разве ее соседи не достаточно многочисленны и удачливы, чтобы сделать все нужные запасы и восполнить нехватку? Впрочем, зачем излагать дело раньше дела? Зачем кому-то знать мои соображения? Пусть их узнает первым и на себе тот, для кого готовится вознаграждение. Я кончил говорить, но не закончил думать».

И вот, немного выждав, Гай продиктовал кому-то из писцов ответ Петронию, где весьма хвалил его за проницательность и умение предвидеть. Ибо Гай весьма опасливо относился к местным властям, видя, что у них все готово для нововведения, особенно в больших провинциях, под чьим началом было большое войско — такое, как у Евфрата в Сирии.

Так Гай до времени прятал за почтительными словами свой гнев, а был он разгневан страшно. В конце письма Гай выражал желанье, чтобы Петроний заботился прежде о скорейшем водружении статуи, ибо урожай (как подлинная причина или просто основательный предлог для отсрочки) уже, должно быть, собран.

35

Вскоре явился к Гаю царь Агриппа с обычными изъявлениями почтения и восторга. Он совершенно не знал, о чем писал Петроний Гаю и что писал сам Гай в обоих своих письмах. Однако порывистые движения и беспокойные глаза Гая выдавали его скрытый гнев. Агриппа стал раздумывать и спрашивать себя на все лады, обращая свой мысленный взор ко всем предметам, важным и незначительным: «Не совершил ли я — словом или делом — что-нибудь недозволительное?» Ничего подобного не обнаружив, Агриппа предположил (и это было весьма правдоподобно), что Гая прогневал кто-то другой.

Но Гай продолжал смотреть исподлобья и взор его был прикован не к кому-то из присутствующих, но к одному Агриппе, и тогда Агриппа испугался, но удержал вопросы, готовые сорваться с языка; он рассуждал так: «А вдруг я навлеку на себя грозу, которая собирается не надо мной, и мне припишут любопытство, дерзость и даже наглость?» От Гая не укрылось волнение и замешательство Агриппы, ибо он был мастер судить о внутренних движениях человека по наружности. «Ты в замешательстве, Агриппа? — спросил он. — Я помогу тебе. Неужели

ты, проведя со мною столько времени, не знаешь, что и глазами (и даже лучше, или, во всяком случае, не хуже), чем словами, я умею сказать, что думаю? Твои прекрасные сограждане, которые единственные в мире не признают божественной природы Гая, до того разнуздались, что просто напрашиваются на смерть: я приказал поставить в Храме статую Зевса, а они всем миром бросили деревни и города, как будто бы для молеб, а в самом деле для того, чтобы сопротивляться моим приказам».

Гай собирался добавить еще что-то, как вдруг Агриппа, переживавший все это время внутреннюю борьбу, стал быстро меняться в цвете: лицо его, сначала багровое, стало мертвенно-бледным, потом синюшным. И вот его уже било крупной дрожью, все члены сотрясались, все скрепы телесные распустились и повисли, и в конец расслабившись, он чуть было не рухнул, если бы стоявшие рядом не подхватили его; эти же люди, получив распоряжение, отнесли его домой на носилках, и тот в беспомощности еще не понимал всей меры несчастья.

А Гай с еще большим ожесточением продолжал изливать свою ненависть к еврейскому народу: «Если даже Агриппа, мой самый близкий и любимый друг, столькими благодеяниями связанный со мною, настолько подчиняется их обычаям, что слышать не может, как их бранят, и так разволновался, что чуть с жизнью не простился, то чего я могу ждать от других, для которых вообще нет никакого противовеса?»

Агриппа же весь первый день и большую часть следующего был в глубоком беспомоществе, не сознавая ничего, что делалось вокруг, но к вечеру приподнял голову, чуть приоткрыл тяжелые веки и повел затуманенными глазами, не будучи в силах увидеть окружающие его предметы — все перед ним сливалось. Потом он снова уснул, но это был уже целительный сон, о чем свидетельствовало и его дыхание, и общий вид. Потом он пробудился и спросил: «Где я? У Гая? Неужели и господин мой здесь?» Ему ответили: «Крепись, ты у себя, и Гая тут нет. Ты спал и отдохнул как следует, теперь повернись, приподнимись и обопрись на локоть: смотри, здесь все свои — те из друзей, отпущенников и челяди, кто более всего к тебе привязан и кому ты платишь тою же монетой». Агриппа — он начал приходить в себя — увидел общее сочувствие; когда врачи велели почти всем покинуть комнату больного, чтобы они могли умещениями и надлежащей пищей подкрепить его, Агриппа сказал: «Нужно ли вам думать

о моем столе? Разве не довольно будет мне, несчастному, самой скудной пищи, рассчитанной удовлетворить самые насущные потребности? Впрочем, и это я мог бы принять только ради последней помощи страждущему народу, о чем я мечтаю». Заплавав, он заставил себя что-то проглотить, ничем не сдобрив, не выпил даже разбавленного вина, только отпил воды. «Ну, долг моему бедному желудку возвращен сполна; а мне теперь что делать? Только высказать Гаю свои просьбы касательно нынешних обстоятельств».

36

Агриппа взял дощечку и стал писать: «Мой страх и стыд, владыка, не дали мне лично беседовать с тобою: мой страх не мог сопротивляться угрозам, а чувство стыда не выдержало груза моего почтения к тебе. Теперь письмо откроет мою просьбу — ее несу тебе как масличную ветвь.

Всем людям, самодержец, от природы дается страстная любовь к отчизне, глубокая привязанность к своим законам, и тут тебя учить не надо — ты любишь отчизну всем сердцем, всем сердцем чтить обычаи отцов. И каждому народу прекрасным кажется свое (пусть это на самом деле не так), ибо тут дело более в расположении чувств, нежели в разумных соображениях. Я, как ты знаешь, еврей, родился в Иерусалиме, где стоит верховный Храм Всевышнего. Деды мои и прадеды были царями, но бóльшая их часть носила звание «первосвященник», и свой священный сан они ставили выше царского звания, считая, что первосвященник настолько выше царя, насколько Бог выше человека. Ибо один служит Богу, другой заботится о людях. И ежели мой жребий таков, и это мой народ, моя отчизна, мой Храм, то я прошу за всех.

Скажу (дабы не создавалось ложного мнения): этот народ всегда испытывал благочестивый трепет перед вашим домом, и во всем, что дозволяют и требуют законы благочестия, ничуть не уступал другим народам Азии и Европы: молитвы, приношения в храмах, обильные жертвы, не только праздничные, но и ежедневные. И в этом видно благочестье моего народа — не то, что на языке, но то, что в глубине души, когда не признаются Цезарю в любви, но любят его.

Должен я сказать и о Святом Городе: как я уже сказал, это

мой родной город, но это и метрополия не только Иудеи, но многих других земель, ибо когда-то еврейские переселенцы обосновались как в сопредельных странах — в Египте, в Финикии и в Сирии (и в той, что зовется «Дольная»³⁹, и в другой), так и в далеких — в Памфилии, Киликии и в Азии вплоть до Вифинии и самых отдаленных заливов Понта, и точно так же в Европе — в Фессалии, Беотии, в Македонии, в Этолии, в Аттике, в Аргосе, в Коринфе, в большинстве лучших земель Пелопоннеса. Но не только материка — и самые славные острова (Эвбея, Кипр и Крит) полны еврейских поселений. Не говорю о землях за Евфратом, ибо за малым исключением везде — и в Вавилоне, и в прочих областях, где почва плодородна, живут евреи. Так что ежели достанется моему городу часть твоего благоволения, благодетельствованным окажется не один город, но тысячи во всех частях света — в Европе, в Азии, в Ливии, на материках и на островах, на побережьях и вдали от моря. Как это сообразно с величием твоей судьбы — благодетельствовав один город, благодетельствовать тысячи других, так чтобы во всех уголках мира тебя воспевали и славили и отзвуки похвал мешались бы с благодарственными кликами. Отечества иных своих друзей ты целиком счел достойными римского гражданства, и недавние рабы сами обрели рабов. И это благодеяние даже больше радует тех, кто стал невольным его участником, чем тех, кто вкусил его сполна. Я сам из тех, кто знает, что есть у него владыка и господин, однако причислен к его друзьям, и пребываю в таком почете, что почти никто не может со мной сравниться, а большего расположения вообще никто не добивался. И вот, поскольку я по природе своей таков и столько знал твоих благодеяний, я должен был бы осмелиться просить тебя если не о римском гражданстве для своего отечества, то о свободе или отмене податей, однако я не решаюсь высказывать столь дерзкие просьбы. Моя просьба самая необременительная: о милости прошу, которая тебе не стоит ничего, а родине моей будет в высшей степени полезна, ибо может ли быть большее благо для подданных, чем благоволение правителя? Это в Иерусалиме, самодержец, впервые возвестили о долгожданном твоём преемстве, это отсюда разнеслась слава о нем по обоим материкам; и это тоже делает Иерусалим достойным твоего особого внимания. Ибо как в семье старший из детей имеет право первородства, ибо первым назвал отцом и матерью своих родителей, так и этот город, первым из городов Востока

назвавший тебя самодержцем, имеет все права на большие или, по крайней мере, равные со всеми блага.

И заключая защитную мою речь и одновременно прошение, я излагаю просьбу касательно Храма. С тех пор, владыка, как стоит этот Храм, он не знал ни единого рукотворного изображения, ибо там пребывает истинный Бог; творенья же художников и ваятелей суть подражания зримым богам, а запечатлевать Бога незримого считалось нашими предками неблагочестивым делом. Агриппа, твой дед⁴⁰, сам прибыл, чтобы почтить наш Храм, и Август почтил его тем, что повелел отовсюду присылать туда первины и неукоснительно приносить там жертвы, и прабабка твоя<***> Итак, никто — ни эллин, ни варвар, ни наместник, ни царь, ни смертный враг, ничто — ни мятежи, ни войны, ни плен, ни грабежи не стали причиной столь серьезных нововведений в Храме как водружение статуи из камня или дерева либо чего-то иного, сотворенного руками человека. И даже если была неприязнь и враждебность к обитателям этой страны, какой-то страх и стыд удерживали от нарушения каких-нибудь исконных установлений во славу Создателя и Отца всего. Ибо было ясно, что за такие и подобные дела Бог посылает неисцелимые несчастья. По этой причине все остерегались посеять семена неблагочестия, боясь, как бы не пришлось пожинать плоды, созревшие на общую погибель.

37

Но зачем мне призывать в свидетели чужеземцев, когда я могу представить тебе множество ближайших твоих родственников? Вот Марк Агриппа, твой дед по матери: он прибыл в Иудею в царствование Ирода, моего деда, Агриппа решил, что нужно подняться от моря в столицу, в глубь материка; увидев храм, облачения священников и обряды, благоговейно творимые местными жителями, он восхитился и решил, что увидел что-то такое, чье священное великолепие выше человеческого понимания; и с теми, кто был тогда при нем, он говорил только о Храме, превознося его и все связанное с ним. И сколько дней он оставался в Иерусалиме из любезности к Ироду, столько дней он приходил к святилищу и с наслаждением наблюдал и приготовления к обряду, и жертвоприношения, и порядок богослужения, и величественного первосвященника, который в священном одеянии творил священный обряд.

Украсив Храм всеми подобающими дарами, осыпав жителей всеми возможными — но только не во вред! — благодеяниями, щедро обласкав Ирода и будучи в ответ обласкан сам еще щедрее, Агриппа был препровожден до гавани, и провожал его не один город, но вся страна, и благочестие его стало предметом нескончаемого восхищения.

А другой твой дед, Тиберий Кесарь⁴¹? Разве не тем же путем он шел? Во всяком случае, все двадцать три года своего правления он свято хранил обряд богослужения, передававшийся от поколения к поколению с незапамятных времен, не сдвинув и не нарушив ни единой части его.

38

А вот тебе в придачу образец его честолюбия, и хоть при жизни Тиберия мне весьма часто приходилось несладко, правда мне дорога, а тебе почетна. Одним из людей Тиберия был Пилат⁴², ставший наместником Иудеи, и вот, не столько ради чести Тиберия, сколько ради огорчения народа, он посвятил во дворец Ирода в Иерусалиме позолоченные щиты; не было на них никаких изображений, ни чего-либо другого кощунственного, за исключением краткой надписи: мол, посвятил такой-то в честь такого-то. Когда народ все понял — а дело было нешуточное, то, выставив вперед четырех сыновей царя, не уступающих царю ни достоинством, ни участью, и прочих его отпрысков, а также просто властительных особ, стал просить исправить дело со щитами и не касаться древних обычаев, которые веками хранились и были неприкосновенны и для царей, и для самодержцев.

Тот стал упорствовать, ибо был от природы жесток, самоуверен и неумолим; тогда поднялся крик: «Не поднимай мятеж, не затевай войну, не погуби мира! Бесчестить древние законы — не значит воздавать почести самодержцу! Да не будет Тиберий предлогом для нападков на целый народ, не хочет он разрушить ни один из наших законов. А если хочет — так скажи об этом прямо приказом, письмом или как-то иначе, чтобы мы более не докучали тебе, избрали бы послов и сами спросили владыку».

Последнее особенно смутило Пилата, он испугался, как бы евреи в самом деле не отправили посольство и не обнаружили других сторон его правленья, поведав о взятках, оскорблениях,

лихоимстве, бесчинствах, злобе, непрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости. И этот человек, чье раздражение усугубило природную гневливость, оказался в затруднении: снять уже посвященное он не отваживался; к тому же он не хотел сделать хоть что-нибудь на радость подданным; но вместе с тем ему были отлично известны последовательность и постоянство Тиберия в этих делах. Собравшиеся поняли, что Пилат сожалеет о содеянном, но показать не хочет, и направили Тиберию самое слезное письмо.

Тот, прочитав, как только не называл Пилата, как только не грозил ему! Степень его гнева, разжечь который, впрочем, было непросто, описывать не буду — события скажут сами за себя: Тиберий тотчас, не дожидаясь утра, пишет Пилату ответ, где на все корки бранит и порицает за дерзкое нововведение, и велит безотлагательно убрать щиты и отправить их в Цезарею⁴³, ту, что стоит на побережье и названа в честь твоего деда, а там посвятить в храм Августа, что и было сделано. Тем самым ни честь самодержца не была поколеблена, ни его обычное отношение к городу.

39

Итак, тогда это были щиты безо всяких изображений — теперь это огромная статуя. Тогда посвящение состоялось в доме, а нынешнее будет в самом сердце Храма, в святая святых его, куда и верховный жрец входит один раз в год, во время поста, как он зовется, чтобы воскурить фимиам и помолиться по обычаю предков за изобилие благ, за урожай и мир для всех. И если кто-нибудь (не говорю о людях обычных, но даже кто-то из священников и даже не низших, но тех, чье место сразу после первого), войдет туда сам или с первосвященником, и более того, если даже сам первосвященник войдет туда два раза в год или в один и тот же день три или четыре раза, смерть ожидает его. Так наш законодатель охранял самое сердце Храма, желая, чтобы оно одно оставалось недоступным и неприкосновенным. И сколько, ты думаешь, смертей добровольно примут те, для кого все это священо, если увидят в сердце Храма статую? Мне кажется, они сначала заколют всех своих вместе с детьми и женами, а потом над телами родных принесут в жертву и себя. Все это Тиберий знал.

А что же твой прадед⁴⁴, наилучший самодержец из всех когда-либо бывших, который первым стал зваться «Август» за добродетель и счастливую свою судьбу, который повсюду сеял мир, на суше и на море, вплоть до границ Вселенной? Когда ему поведали о Храме и о том, что нету там ни одного рукотворного изображения, зримого подобия незримой сущности, он восхитился, ибо философию не только пробовал на вкус, но в полной мере вкусил и продолжал вкушать едва ли не каждый день, черпая одно из глубин памяти, усвоившей некогда уроки философии, другое — из общения в привычном кругу ученых людей, ибо в пиру он большую часть времени общался с людьми образованными, чтобы доставить пищу по вкусу не только телу, но и душе.

40

Бесчисленными свидетельствами я мог бы удостоверить истинный образ мысли прадеда твоего Августа, но ограничусь двумя. Во-первых, это письмо, которое он направил наместникам азиатских провинций, узнав, что к священным первинам отнеслись с пренебрежением; в письме он распорядился, чтобы евреям позволили собираться в молельнях: ведь эти собрания, он объяснял, не пьяные сборища дебоширов, всегда готовых к бунту, чтобы испортить дело мира, но школа нравственности и справедливости, где мужи, упражняясь в добродетели, собирают первины каждого урожая, чтобы на вырученные деньги совершить жертвоприношения в Иерусалимском храме, отправив туда священное посольство. И в этом же письме Август распорядился, чтобы никто не мешал евреям ни собираться, ни делать взносы, ни отправлять по обычаю предков послов в Иерусалим. Таков был если не текст, то смысл его письма. А дальше, дабы убедить тебя, я прилагаю письмо Гая Норбана Флакка⁴⁵, в котором тот излагает содержание посланья Кесаря. Вот копия: «От Гая Норбана Флакка, проконсула, эфесским властям привет. Цезарь писал мне, что евреи, где бы ни находились, сходятся по древнему своему обычаю и собирают деньги, чтобы отправить в Иерусалим. И Цезарь не хочет, чтобы им чинили препятствия. Я пишу, дабы воля Цезаря стала вам известна».

Разве это, самодержец, не говорит нам ясно об убеждениях Цезаря, следствием которых было почтительное отношение к нашему Храму? Он не хотел переустроить собрания евреев,

куда они сходились ради первин и прочих благочестивых дел, по общему образцу и тем самым покончить с ними.

Другой пример не хуже — он со всей ясностью говорит об образе мыслей Августа: он распорядился приносить ежедневно из своих личных средств жертвы высшему Богу, и этот порядок сохранился до сего дня. Два ягненка и бык — вот жертва, которой Цезарь очищает алтарь. Впрочем, столь великий правитель и философ, первый во всем, рассудил, что в земных храмах непременно должно быть особенное место, которое, будучи священным, принадлежит незримому Богу, где нет зримых образов, где приобщаются к благим надеждам и вкушают совершенных благ. Имея такого наставника в делах благочестия и прабабка твоя Юлия Августа⁴⁶ украсила Храм золотыми бокалами и чашами для возлияний и множеством других роскошных даров. А что ее заставило так поступить? Ведь сужденья женщин сильнее в области чувственно воспринимаемых предметов, а оказавшись за ее пределами, бывают не в силах постигнуть предметов умопостигаемых. Но Юлия и тут, как и во всем другом, выделялась из женского сословия: благодаря безупречному воспитанию, которое способствовало развитию и упражнению природных качеств, ум ее стал мужским и настолько острым, что лучше видел предметы умопостигаемые, чем воспринимаемые чувствами, считая последние лишь тенью первых.

41

Так вот, владыка, имея перед собою эти примеры более мягких убеждений, столь близких и родных тебе, давших тебе жизнь, взрастивших тебя и давших такую силу, сбереги все то, что берег каждый из них. Законы просят защиты у самодержцев от самодержца, у Августов — от Августа, деды и предки у дедов и предков — от их потомка, у многих — от одного! Ты слышишь: «Не разрушай законов, коим мы дали приют и сохранили до нынешнего дня! Ведь даже если мы не получим ответного удара, грядущее неведомо и внушает страх даже самым отчаянным, если они не вовсе презрели божественный закон».

Если я стану перечислять благодеянья, которые ты оказал мне, не хватит дня; к тому же не годится мимоходом говорить о важном — это предмет иного рассуждения. Впрочем, если я даже умолкну, события сами возопят, заставив говорить о них.

Ты снял с меня оковы, все это знают⁴⁷. Но, умоляю, не затягивай на мне путы еще более страшные, ибо те, от коих я был освобожден, сковали лишь часть моего тела, а эти обовьют душу, чтобы сковать ее во всех частях. Ты уничтожил вечную угрозу смерти, ты вновь раздул во мне искру жизни, когда я был уже мертв от страха, и я, воскреснув, встал. Так не лишай меня своей милости и теперь, самодержец, чтобы твой Агриппа не свел счеты с жизнью; в противном случае мне будет казаться, что меня освободили не ради моего спасенья, но ради того, чтобы я, принявши еще более тяжкий груз несчастий, нашел еще более бесславный конец. Ты даровал мне лучшую и величайшую участь — быть царем, сначала в одной стране, потом в другой и большей, прибавив Трахон (как она зовется) и Галилею⁴⁸, а потому, владыка, одарив меня сверх всякой меры, не отнимай необходимого и не ввергай в самый глубокий мрак, прежде поднявши к сиянию и свету. Не нужен мне весь этот блеск, не вымаливаю я недавнего своего счастья, я все готов отдать, лишь бы законы предков остались нетронуты! Каков я буду в глазах моих соплеменников и вообще всех людей? Одно из двух: или я предал своих, или нет больше нашей дружбы. Какое из двух зол страшнее? Ведь если я по-прежнему причислен к кругу твоих друзей, меня расславят как предателя, если только моя отчизна не будет избавлена от всякого зла, а Храм останется неприкосновенным. Ибо вы, сильные мира сего, желая соблазнить интересы друзей и тех, кто пользуется вашим покровительством, обычно не стесняетесь употребить свое могущество. Но если закралось в твою душу какое-то враждебное чувство ко мне, не заключай меня в темницу, как это сделал Тиберий, но вели тотчас устраниться, уничтожая тем самым мысль о новом заключении. Что мне за радость жить — мне, для которого единственным залогом благополучия было твое расположение?»

42

И вот, скрепив письмо печатью, Агриппа отправляет его Гаю и закрывается в доме, волнуясь, и тревожась, и размышляя более всего о том, как сложатся события, ибо опасность была нешуточная — дело шло о выселении евреев, их обращении в рабство и даже о полном их уничтожении не только в Священной Земле, но и во всем мире.

Гай, читая письмо, с каждой строчкой все больше раздражался, ибо видел в нем доказательства своей неправоты, но вместе с тем он стал склоняться под грузом справедливых требований и просьб, а самому Агриппе и благодарен был, и сердился на него: он обвинял его в излишней привязанности к соплеменникам — единственным, кто вышел из повиновения и отказался признать его, Гая, божественную природу, а благодарен был за то, что тот ничего не скрыл, не утаил, и это, говорил Гай, выдает нрав самый свободный и благородный.

И вот, смягчившись, по всей видимости, он удостоил Агриппу весьма благосклонного ответа и сделал ему бесценный подарок — дал обещание, что посвящение статуи не состоится; велел он написать и Публию Петронию⁴⁹, сирийскому наместнику, чтобы в Храме евреев все оставалось по-прежнему.

Однако и милость Гая была с изъяном — она внушала самые тяжелые опасения, ибо приписка гласила: «Но если кто-то в соседних с Иерусалимом землях захочет возвести алтарь, воздвигнуть храм, или какое-то изображение, или статую в мою честь, а ему станут препятствовать, то виновников или наказать на месте, или отправить ко мне».

А это было не что иное, как начало противостояния и гражданских войн — так Гай коварно отнимал подарок, который, казалось, сделал от души, ибо легко могло случиться, что одни, более из ненависти к евреям, чем из благоговения перед Гаем, заполнят всю страну такими посвящениями, а другие, видя, как на глазах рушатся их древние устои, не стерпят, хотя бы и были они тишайшими людьми, а Гай, жесточайшим образом наказав этих насильно выведенных из себя людей, опять велит водрузить статую в храме.

Но промышлением и заботой всевидящего и всем справедливо управляющего Бога никто из соседей ни разу не вызвал раздражения евреев, так что и повода не было к тому, чтобы вполне справедливые возражения родили неотвратимую беду. Но что пользы в этом! Почему? Тут всякий мог бы дать ответ: да потому, что если те хранили спокойствие, то Гай не успокоился: он уже раскаивался в своем милосердии и снова раздувал огонь недавнего желания; он отдает приказ изваять другую гигантскую статую — из меди, с позолотой, но на этот раз в Риме, а ту, в Сидоне, не трогать, дабы не взволновать толпу; потом, пока народ спокоен и ни о чем не подозревает, негласно и незаметно доставить эту статую на кораблях и неожиданно для всех воздвигнуть в Храме.

43

Все это Гай собирался сделать во время прибрежного плаванья в Египет. Ибо какая-то невыразимая страсть влекла его к Александрии, он всеми силами стремился туда, а прибывши, оставался очень долго, считая, что этот город единственный и породил обожествление, о котором он грезил, и дальше поможет взрастить его; при этом, думал Гай, Александрия всем прочим городам дала пример, будучи величайшим и прекраснейшим городом мира, ибо великим — и людям, и городам — все менее значительные люди и народы всегда стремятся подражать.

Впрочем, Гай и во всех других делах был ненадежен, и если случалось ему совершить что-то достойное, тотчас передумывал, и находил, как бы и это благое дело искоренить, тем самым причинив еще больший вред. Вот что я имею в виду: однажды он без всяких на то причин освободил каких-то заключенных, потом снова отправил их в заключение, навлекиши на них еще более тяжкую беду — отчаяние. А в другой раз он приговорил к ссылке тех, кто ожидал казни — отнюдь не в сознании вины, достойной столь ужасной кары, или вообще какого-нибудь, пусть более мягкого, наказания, а просто потому, что непомерная суровость судьи не давала им надежды избежать наказания. Изгнание стало для этих людей неожиданной радостью, равносильной возвращению в отечество, ибо они считали, что избегли самой страшной опасности — смерти. Однако прошло немного времени, и Гай отправил своих солдат, и этих людей, в высшей степени добродетельных и благородных, которые жили на островах как у себя на родине и ощущали свое несчастье как величайшее счастье, всех разом уничтожил, меж тем как никакого нового повода они не подали, и этим причинил неожиданную, а потому самую острую боль лучшим домам Рима.

А если он давал кому-то деньги, то не взаймы и не ссужая под проценты, нет, Гай считал, что его обокрали, и за это виновникам полагалось жесточайшее наказание, ибо не довольствовался тем, что несчастные возвращали долг, — в придачу они отдавали ему все свое состояние, которое либо досталось им в наследство от родителей, родных или друзей, либо было добыто своими трудами. А людей видных и полагающих себя в чести у самодержца, Гай заставлял страдать иным способом,

получая удовольствие и покрываясь маской друга: он посещал их без разбора и без спроса, нагрянув неожиданно и заставляя их сильно тратиться и на прием, и на угощения, ибо обыкновенно на приготовление одного только обеда уходило все их состояние и приходилось влезать в долги, так дорого все это стоило. А потому иные уже стали проклинать благосклонность Гая, понимая, что этой приманкой их загоняют в капкан непосильных расходов. Таков был странный его характер, и это касалось всех, а евреев — особенно: их глубоко ненавистные ему молебни он стал прибирать к рукам, начав с Александрии — он разместил в них свои изображения и статуи (позволив это делать другим, он просто водружал их чужими руками), а Храм в Священном Городе, который последний, оставшийся нетронутым, считался прибежищем святости и благочестия, он постепенно приспособливал и видоизменял, превращая в свое собственное святилище, чтобы объявить его храмом Гая-Зевса Новоявленного.

Что скажешь? Ты, человек, желаешь завладеть и небом, и эфиром, и не довольно тебе всего этого богатства материков и островов, народов и стран света, над коими ты властвуешь? А разве Бога не нужно удостоить здесь, на земле какой-нибудь страны, или города, или хоть малой частицы земли, посвященной ему и освященной божественными пророчествами, — даже эту частицу ты хочешь уничтожить, чтобы и в этой малой части столь обширной земли не осталось ни следа, ни памяти о благоговейном почитании истинно сущего Бога?

Да, есть на что надеяться роду человеческому! Как же ты не видишь, что этим невиданным и великолепным деянием, которое не только совершать, но даже обдумывать нечестиво, ты открываешь русло для полноводного потока зла?!

44

Стоит вспомнить и о том, что мы увидели и услышали, когда явились судиться за наши гражданские права⁵⁰. Еще с порога мы поняли — по взгляду и движениям его, что не к судье пришли, но к обвинителю, который к нам даже враждебнее, чем противники. Вот что был должен сделать судья: устроить заседание с участием самых достойных лиц — ведь разбиралось дело чрезвычайной важности, о котором молчали четыре сотни

лет и только теперь возбудили против тысяч и тысяч александрийских евреев; по обе стороны от судьи должны были стоять тяжущиеся со своими защитниками, а он должен был выслушать по очереди обвинение и защиту и дать каждой стороне говорить положенное время, потом удалиться с заседателями на совещание и обсудить, какое решение они (руководствуясь самыми справедливыми соображениями!) вынесут и объявят во всеулышание. Но это был неумолимый, властный и капризный тиран: он, разумеется, не сделал ничего из только что описанного мною, а послал за зрителями двух садов, принадлежавших Мecenату и Ламии⁵¹ (эти сады лежат поблизости друг от друга и от города, и здесь Гай провел три или четыре дня, ибо именно здесь собирался устроить представление перед нами и на беду всему нашему народу), и распорядился открыть все свои поместья: хочу, мол, провести тщательный осмотр каждого.

Когда нас привели к нему, мы, только взглянув на него, тотчас же как нельзя более скромно и почтительно опустили очи долу и приветствовали, именуя «самодержцем Августом». Ответ его был столь приветлив и человечен, что мы решили: «Погибло все — и наше дело, и наша жизнь!» Глумливо и с издевкой он сказал: «Вы что, богоненавистники? Уже весь мир признал меня богом, а вы не верите и богом не зовете?» И воздевши руки к небу, он произнес такое обращение, которое даже слушать нечестиво, не то что пересказывать. Какая радость тут охватила послов противной стороны — они решили, что выиграли дело, и принялись размахивать руками, приплясывать и благословлять Гая, называя его именами всех богов.

45

Увидев, как радуется Гай, когда обращаются к нему как к существу сверхчеловеческой природы, известный клязник Исидор⁵² сказал: «Владыка, ты еще больше возненавидишь этих людей и все их племя, если узнаешь, сколь они враждебны и непочтительны к тебе: все люди приносят благодарственные жертвы богам за то, что они хранят тебя, а эти (я разумею всех евреев) даже помыслить не могут о жертвоприношениях!»

Тут мы вскричали в один голос: «Нас оболгали, господин, мы приносили жертвы и даже гекатомбы, и мы не просто оропляли кровью алтарь, унося мясо домой, чтобы вкусить

его, устроив пир, как это обыкновенно делают другие,— нет, мы жертвенных животных целиком предавали священному пламени и не однажды, но трижды⁵³: первый раз, когда ты принял верховную власть, второй, когда избавился от тяжелой болезни — той самой, которой вместе с тобою страдал весь мир, а третий, когда мы уповали на победу в Германии». «Допустим,— сказал он,— это правда, вы приносили жертвы, но не мне, хотя бы и ради меня. Так что в этом пользы? Не мне же вы приносили жертвы».

Услышав эти слова вдобавок к первым, мы глубоко содрогнулись, и это внутреннее содроганье вышло наружу дрожью. А Гай, произнося все это, расхаживал по своим поместьям, осматривая мужские и женские покои, все помещенья в нижних и верхних этажах, словом, все, и распоряжался: тут плохо отделано, тут надо сделать так-то и так-то, и больше роскоши!

Мы поспешали за ним — то вверх, то вниз, терпя насмешки и брань противной стороны, словно на представлении мимов; да и вообще все это было похоже на мим: судья разыгрывал обвинителя, обвинители — скверных судей, соображающих лишь с собственной неприязнью, а не с истиной как она есть. Но если обвиняет сам судья, да еще такой, надо молчать, ведь можно и молча оправдаться, особенно когда не можешь ответить ни на один пункт пристрастного вопроса, ибо обычай и закон держат в узде язык, плотно смыкают уста.

Отдав ряд хозяйственных распоряжений, Гай задал нам самый значительный и важный вопрос: «Вы почему свинину не едите?» В ответ наши противники опять разразились таким хохотом (одни от удовольствия, другие по соображениям лести — мол, тонко сказано и остроумно), что кое-кто из свиты Гая был недоволен, усмотрев в этом непочтительность к Гаю, с которым и скромная улыбка небезопасна, если ты только не входишь в круг ближайших друзей. Мы отвечали: «У всех свои законы, и есть запреты как для нас, так и для наших противников». Кто-то сказал: «Вот не едят же многие того, что всегда готово к употреблению,— ягнятины». Гай засмеялся: «И правильно, ведь это не доставляет удовольствия». Против такого злого пустословия мы были бессильны.

Потом, спустя значительное время, Гай издевательски сказал: «Хотелось бы знать, какие это законные просьбы имеются у вас касательно ваших гражданских дел?» Мы стали говорить и объяснять, но он, только отведав нашей защиты и ощутив, что

это не то, чем можно пренебречь, оборвал нас в самом начале, покуда мы не дошли до более весомых и значимых вещей, и устремился в залу, обойдя которую, распорядился вставить в окна прозрачный камень, — мол, он и свету не мешает, и защищает от ветра и жарких солнечных лучей. Потом он неспешно подошел к нам и спросил уже более миролюбиво: «Так что вы говорите?»

Мы стали продолжать, а он бросился уже в другую комнату, где приказал расставить картины. Так все было разорвано, расчленено, и, можно сказать, разбито, и сокрушено; мы отступились: сил больше не было, все было безнадежно — лишь смерть мы видели перед собой; и наши души уже не обретались в нас, но от мучений вышли из тела, чтобы припасть с мольбой к истинному Богу, да утишит он гнев того, кто этим именем зовется ложно. И Бог, вняв нашим жалобам, обратил душу Гая к состраданию, и тот, смягчившись, сказал: «Мне кажется, что эти люди скорее несчастны, чем порочны, и лишь по неразумию своему не верят, что я божественной природы». И с этими словами он удалился, велев уйти и нам.

46

Вот что это был за театр и одновременно тюрьма вместо суда: свист, улюлюканье, насмешки, тяжелая брань — все как в театре; удары, проникающие до самых внутренностей, пытки, мучения души, не могущей перенести ни богохульств, ни угроз, исходящих от столь могущественного самодержца, который мстил не за другого (об этом он легко забыл бы!), но за себя и страсть свою к обожествлению, которого, он понимал, одни лишь евреи не могли признать и подписаться под ним — все как в тюрьме. Выйдя, мы едва могли отдышаться — не потому, что дорожили жизнью и смертельно испугались за нее, нет, мы умерли бы с радостью, как если бы нам подарили бессмертие, когда бы этим могли быть восстановлены какие-то наши права, но потому, что поняли: не только бесполезны были все наши жертвы, но навлекут они большой позор на весь народ, пославший нас. Только это нас ободрило, насколько это было возможно, но все прочее пугало, мы были в страхе и смятении: что он решит? какой объявит приговор? что подтолкнет его к решению? Ведь дело наше он выслушал, иные вещи пропустив мимо

ушей. Как тяжело, что судьба всех евреев мира бьется в руках у нас, пятерых! А если он решит дело в пользу наших врагов? Найдется ли город, который сохранит спокойствие, который не пойдет против своих сограждан? Какая молельня останется нетронутой? Какое из гражданских прав не будет низвергнуто для тех, кто живет по древним законам евреев? Потерпят крушение и пойдут ко дну и собственные их установленья, и те права, что разделяют они с другими гражданами.

С такою течью наше судно все глубже уходило под воду; а те, кто до сих пор, казалось, были с нами, покинули нас; когда же нас, наконец, позвали, они не в силах были оставаться внутри, но выскользнули, ибо точно знали всю меру страсти Гая к собственному обожествлению.

Я рассказал вам главное о том, почему Гай так ненавидит весь еврейский народ. Однако нужна и палинодия⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заглавие сочинения в рукописях такое: περὶ ἀρετῶν α' (с подзаголовком περὶ προσβέτας). Таким образом, данный текст входит в качестве первой книги в более объемное сочинение, состоящее как минимум из двух книг. Об этом же свидетельствует и последняя фраза "Посольства": "Однако нужна и палинодия". Слово "палинодия" означает буквально "обратная песнь", а в данном контексте служит обозначением некоего текста, содержание которого противоположно содержанию предыдущего текста, т.е. "Посольства". Следовательно, за "Посольством" должен был следовать второй текст, опровергающий все сказанное в "Посольстве", но с каких позиций могло быть сделано это опровержение - загадка и тема специального исследования.

² *На языке халдеев* - в оригинале Χαλδαϊστί ("по-халдейски"); здесь синонимично 'Εβραϊστί ("по-еврейски"). О возможной синонимии этих двух слов см. Philo Alexandrinus. Les oeuvres de Philon d'Alexandrie, - Р., 1972. - v. 32, p. 10 sq. Этимология слова "Израиль" основана на восприятии слова как состоящего из двух корней: один корень - 𐤀𐤎 ("Бог"), а другой корень Филон мог связывать как с греч. ὁράω - "видеть", так и с евр. 𐤀𐤎 - "видеть".

³ В оригинале λόγος, а потому, возможно, подразумевается не "разум", но "язык", что также соответствует контексту.

⁴ *Тиберий* - император Тиберий (см. выше, прим. 3 к "Флакку").
О Гас - см. прим. 6 к "Флакку".

⁵ См. выше, прим. 8 к "Флакку".

⁶ *Макрон* - см. выше, прим. 9 к "Флакку".

⁷ *Сеян* - см. выше, прим. 2 к "Флакку".

⁸ *Жена Макрона* - Эния.

⁹ В оригинале Σεβαστός, что соответствует лат. augustus - "возвышенный" и далее - "возвышенный богами". Первым титул "Август" получил от сената Октавиан. Тиберий унаследовал этот титул вместе с властью.

¹⁰ *Макрон* был начальником преторианской когорты (см. выше, прим. 9 к "Флакку").

¹¹ *Марк Силан* - Марк Юний Силан, consul suffectus 19 г. н.э. вместе с Публием Петронием (см. ниже, прим. 34). Женой Гая была его дочь Юния Клавдия.

¹² *Полубогами* назывались те персонажи мифологии, которые имели смертную мать и отца-бога: *Дионис* был рожден от Зевса и Семелы, *Геракл* - от Зевса и Алкмены, *Диоскуры* же (Кастор и Полидевк) имели разных отцов - Кастора Леда родила от Тиндарея, а потому он был смертен, а Полидевк - от Зевса, и потому он был наделен бессмертием.

Трофоний - беотийский герой, особенно был известен как прорицатель, дававший оракулы в Лебадейской пещере в Беотии, где было его святилище.

Амфиарай - аргосский герой, участник похода "семерых против Фив", прорицатель; в Оропе (Аттика) Амфиарай почитался богом; здесь было его святилище.

Амфилох - сын Амфиарая, унаследовавший от отца дар прорицания. Вместе с Калхантом основал ряд прорицаний на побережье Малой Азии, прибыв под Трою в конце войны.

¹³ *Герион* - В греч. мифологии трехголовый и трехтуловищный великан; местом его обитания считался о-в Эрифия. Гериона убил Геракл (десятый подвиг).

¹⁴ *Вакх*, *Эвий*, *Лизй* - эпитеты Диониса. *Эвий* происходит от восклицательного междометия *εὐα* ("эвоэ!"), *Лизй* - вероятнее всего от *λύω* - "освобождать"; этот эпитет подчеркивает расслабляющую, "освобождающую" силу Диониса как бога вина; во всяком случае, так считали сами греки (см. Плутарх, "Застольные беседы", I. 1, 613 С).

¹⁵ *Пеан* - изначально название гимна, обращенного к Аполлону как врачу; впоследствии - эпитет самого Аполлона-врачевателя. В Италии Аполлон и почитался преимущественно как бог-врачеватель и прорицатель.

¹⁶ Рационалистическое толкование мифа и мифологических персонажей в античной традиции часто основывалось на этимологическом подходе.

¹⁷ Ср. выше, "Против Флакка", гл. 8.

¹⁸ Подразумевается Флакк.

¹⁹ Речь идет о египетских царицах - Клеопатре I (215 г. - 176 г. до н.э.) и Клеопатре VII (69 г. до н.э. - 30 г. до н.э.).

²⁰ Подразумевается период правления в Египте династии Птолемеев - с 304 г. до н.э., когда Птолемей I Сотер объявил себя царем, по 30 г. до н.э., когда по приказу Октавиана был убит Птолемей XV, сын и соправитель Клеопатры VII.

²¹ *Птолемеи* - Династия македонских царей, правивших Египтом (см. выше, прим. 20).

²² Речь идет об императоре Августе. Ср. выше, прим. 9.

²³ Филон, вероятно, ведет здесь отчет или от 31 г. до н.э., когда после битвы при Акциуме Египет утратил свою самостоятельность и подпал под власть Рима, или от 27 г. до н.э., когда Октавиан был провозглашен принцепсом. В любом случае цифра "43" оказывается средней.

²⁴ В оригинале храм именуется *Ἐπιβατηρίον*. *Эпибатерий* - эпитет бога, покровительствующего морским путешественникам.

²⁵ Александрийские *гавани*: Большая, Малая, Счастливого возвращения.

²⁶ Ср. выше, прим. 2 к "Флакку".

²⁷ Безбожие, а точнее, многобожие египтян - постоянный объект нападок Филона. Ср. *De vita contemplativa*, 8-9.

²⁸ *Геликон* - ближе неизвестен.

²⁹ *Агриппа* - царь Агриппа I (см. выше, прим. 12 к "Флакку"). Сравните эти события, описанные в гл. 5 "Флакка".

³⁰ *Дикеархея* - см. выше, прим. 15 к "Флакку".

³¹ *Капитон* - Гай Герений Капитон, упомянут у Иосифа Флавия (*Antiquit.* XVIII, 158).

³² *Апеллес* - ближе неизвестен.

³³ *Клавдий Германик* - император Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик (10 г. до н.э. - 54 г. н.э.), преемник Гая.

³⁴ *Петроний* - Публий Петроний, сын Петрония Турпилиана и внук наместника Египта Гая Петрония. Ср. выше, прим. 11.

³⁵ *Вавилон* - не путать с Вавилоном в Египте, городом-крепостью, где в ранний период империи стояли римские войска.

³⁶ *Сидон* - город в Финикии, которая в это время входила в состав римской провинции Сирия.

³⁷ *Вителлий* - Луций Вителлий, наместник Сирии при Тиберии (см. Тацит, "Анналы", VI, 32. 41).

³⁸ См. выше, прим. 11 к "Флакку".

³⁹ *Дольная Сирия* - Дольной Сирией (Килесирией - Κοιλὴ Σύρια) греки называли область между горными цепями Ливана и Антиливана.

⁴⁰ *Агриппа, твой дед* - Марк Випсаний Агриппа (63 г. до н.э. - 12 г. н.э.); его дочь от брака с Юлией, дочерью Августа, - Агриппина, мать Гая. О ней см. выше прим 7 к "Флакку".

⁴¹ Подразумевается император Тиберий, которому Гай, однако, был не внуком, а внучатым племянником (ср. выше, прим. 8 к "Флакку").

⁴² *Пилат* - Понтий Пилат, наместник Иудеи в 26 - 36 г. н.э.

⁴³ *Цезарея* - город в Палестине, заново построенный Иродом Великим на месте Стратоновой башни и названный в честь Октавиана Августа; в честь последнего назван и новый грандиозный порт, сооруженный Иродом - *Portus Augusti*.

⁴⁴ *Твой прадед* - император Август, "формальный" прадед Гая, ибо Тиберий был им усыновлен.

⁴⁵ *Гай Норбан Флакк* - легат Антония и Октавиана в 42 г. до н.э.; консул 38 г. до н.э.

⁴⁶ *Прабабка твоя Юлия Августа* - речь идет о Ливии (58 г. до н.э. - 29 г. н.э.), матери Тиберия. Имя "Юлия Августа" она получила после развода с отцом Тиберия (Тиберием Клавдием Нероном), выйдя замуж за Октавиана Августа.

⁴⁷ Агриппа был отправлен в тюрьму Тиберием по возвращении в Рим из Сирии в 36 г. н.э. и освобожден Гаем.

⁴⁸ *Трахон и Галилея* - две из областей Палестины. *Трахон* входил во владения тетрарха Филиппа (см. выше, прим. 13 к "Флакку"). *Галилея* прибавилась к владениям Агриппы позже, в 41 г. н.э., так что Филон, вероятно, здесь ошибся.

⁴⁹ См. выше, прим. 34.

⁵⁰ Речь идет о той беседе послов с Гаем, ради которой они и прибыли в Рим. Хронология посольств, видимо, такова: 38/39 г. - посольство отправляется из Александрии в Рим; весна 39 г. - прибытие послов в Рим и первая краткая встреча с Гаем (гл. 28); сообщение об осквернении Храма (гл. 29); сентябрь 39 г. - отъезд Гая из Рима (ср. гл. 33); май 40 г. - возвращение Гая в Италию и встреча с послами.

⁵¹ *Меценат* - Гай Меценат (? - 8 г. до н.э.), друг и советник Октавиана Августа, покровитель римских литераторов. Ламия - возможно, Луций Эмилий Ламия, всадник, современник Цицерона; или его сын консул 2 г. н.э.

⁵² *Исидор* - о нем см. выше, прим. 11 к "Флакку".

⁵³ Соответственно: 16 марта 37 г. н.э.; приблизительно май 38 г. н.э. и, вероятно, зима 39/40 г. н.э., когда Гай планировал вторжение в Германию, но не осуществил его.

⁵⁴ См. выше, прим. 1.

ΙΟΣΙΦ ΦΛΑΒΙΥ

Ο ΔΡΕΒΝΟΤΙ
ΕΒΡΕΥΣΚΟΓΟ ΝΑΡΟΔΑ.
ΠΡΟΤΙΒ ΑΠΙΟΝΑ

ΦΛΑΥΙΟΥ ΙΩΣΗΠΟΥ

ΠΕΡΙ ΑΡΧΑΙΟΤΗΤΟΣ
ΙΟΥΔΑΙΩΝ.
ΚΑΤΑ ΑΠΙΩΝΟΣ

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение Иосифа Флавия «О древности еврейского народа» состоит из двух книг. Только вторая из них отвечает краткому варианту названия «Против Апиона», что, однако, не помешало ему стать более употребительным для всего сочинения. Различие заглавий отражает две содержательные стороны — положительную (о всевозможных преимуществах евреев и их образа жизни) и полемическую — «против Апионов» (если последовать за самим автором и воспользоваться риторическим множественным числом).

Время написания сочинения можно установить лишь приблизительно. Несколько раз Иосиф ссылается на уже опубликованные к тому времени «Иудейские древности». К тому же автору понадобилось некоторое время, чтобы получить и осмыслить отклики на это сочинение и чтобы написать собственно «Против Апиона», что прибавляет к 93 году по меньшей мере еще около двух лет. Если бы менее вероятное оказалось неопровержимо доказанным, — что Эпафродит, которому Иосиф посвятил свое сочинение, был тем самым вольноотпущенником Нерона, казненным в 95 году, — вопрос о датировке был бы разрешен. Однако большинство исследователей считают адресатом автора Эпафродита-грамматика, о судьбе которого неизвестно никакой определенной временем подробности.

«Против Апиона» написано Иосифом после двух других самых значительных своих сочинений. Это позволило ему там, где необходимо, опираться на авторитет собственных трудов (в доказательстве достоверности изображения событий и правомерности исторического метода) и ссылаться на более подробные изложения требующих исследования вопросов. Однако сочинение полностью независимо и целостно, поскольку у автора была особая цель. «Иудейские древности» имели преимущественно положительное содержание и, по всей видимости, были слишком подробны и объемны для сколько-нибудь широкого

круга читателей. В сочинении «Против Апиона» Иосиф решил говорить кратко, прибегнув к более действенному жанру апологии и еще точнее угадывая эллинский здравый смысл. Преимущественная древность происхождения была едва ли не единственным основанием, на котором возможно было сформировать у читателей непредвзятое отношение к соотечественникам автора. Все остальные достоинства еврейского народа гораздо скорее можно было признать при соблюдении этого условия.

О том, какова непосредственная причина написания этого сочинения, и вообще была ли она, — ничего не известно. Сам Иосиф говорит об этом с неопределенностью: «некоторые не доверяют тому, что сказано мною о древности». На фоне внешне невыгодных для евреев особенностей их замкнутого образа жизни и культа, которые в конце концов не могли не выражаться во враждебных Риму действиях, естественно предположить оживленное обсуждение еврейского вопроса среди людей, имевших политическое и интеллектуальное влияние. Этими «некоторыми» могли быть не только подобные Эпафродиту люди, но и *amici imperatoris*, к которым сам автор не принадлежал, но мог достигнуть их своим сочинением. К тому же греческий язык, на котором писал Иосиф, мог существенно расширить читательскую аудиторию и делал сочинение доступным не только образованным римлянам, но «всем, кто желает знать истину».

«Против Апиона» была не первой апологией евреев. По всей видимости, Филон написал даже не одно сочинение, специально посвященное этой теме. Однако Иосиф нигде о работах своего предшественника не упоминает, также как и о других доступных эллински образованному читателю сочинениях, в которых не преследовались исключительно апологетические цели, но проповедовались преимущества образа жизни евреев и их культа (еврейская часть Сивиллиных книг, «Послание Аристея», «Нравоучительная поэма» Фокиллида и другие).

Таким образом, «Против Апиона» — древнейшая сохранившаяся апология евреев. Сам жанр по необходимости отчетливо обнаруживает позицию автора, который открыто выступил на стороне своего народа и не сделал никаких уступок ни грекам, ни римлянам (если не считать в некоторых случаях уважительный тон по отношению к последним), ни тем более египтянам. Главная мысль проведена неуклонно и даже резко — еврейский народ изначально самобытен, его закон по всем основополагающим статьям превосходит все остальные законодательства,

его понятие Единого Бога единственно верно. Это определило стройность и прямолинейность плана.

I книга

1 глава. Вступление.

2— 5. Критика греческой исторической традиции.

6— 8. Еврейская историческая традиция.

9—10. Достоверность и принципы изложения истории автора.

11—13. Первоначальный итог. Необходимость обращения к негреческим источникам.

14—16. Свидетельство Манефона и подсчет времени.

17—21. Финикийские источники (Дий, Менандр Эфесский). Беросс. Подсчет времени.

22—23. Греческие свидетельства (Гермиш, Феофраст, Геродот, Хирил, Клеарх, Гекатей, Агатархид и др.).

24—35. Разоблачение клеветы об изгнании евреев из Египта (Манефон, Херемон, Лисимах).

II книга

1—13. Против Апиона.

14—32. Об иудейском законе и образе жизни в сравнении с другими народами.

33—38. Иудейское понятие о божестве в сравнении с эллинским. О соблюдении собственных законов евреями и эллинами.

39—41. Выводы о преимуществе иудейского закона. Итог всего сочинения.

О воздействии, оказанном сочинением Иосифа на современное ему положение дел, ничего не известно. Несомненно, автор тем самым во многом оправдался от возможной вины перед своим народом. Ему удалось с неопровержимой логикой ввести еврейский народ в контекст обозримой истории, и даже более того: в «Против Апиона» им предпринята одна из первоначальных попыток извне убедить просвещенное язычество в его заданном кризисе через противопоставление монотеистической религии евреев политеизму эллинского мира. Неслучайно развернутая тема понятий о божестве звучит как итог рассуждения о преимуществе иудейского закона. Иосиф говорил при этом по-гречески и адаптировал своеобычное иудейское содержание к языку, понятному просвещенным язычникам (напр., употребление слова *φιλοσοφία*, неологизм *θεοκρατία* и др.) В том же

положении находились и раннехристианские апологеты, с сочинениями которых «Против Апиона» местами почти дословно созвучно.

Текст сохранен несколькими манускриптами, наиболее авторитетные из которых: Codex Laurentianus plut. 69 cod. 22 (с которого, по предположению Niese, были сделаны все остальные копии); versio Latina (codex Bodleianus Canonicianus № 148; codex Laurentianus plut. LXVI cod. 2; codex Corsinianus № 839), в которой сохранился отсутствующий в греческом тексте отрывок II. 52—113. Также сохранились значительные выдержки у Евсевия в «Праер. euang.», в латинском переводе «Хроники», у Феофила Антиохийского. Для воссоздания текста также имеет большое значение editio princeps, где, по всей видимости, были учтены не доступные в настоящее время манускрипты.

На русский язык сочинение переводилось несколько раз. Существует старинный перевод, сделанный П. В. Ждановым и напечатанный вместе с «Иудейскими древностями» (т. III, первое издание, СПб, 1783). Частично сочинение переведено А. Пумпянским (Приложение к Гакармелю, 1860). Полный перевод и основательнейший комментарий был издан Я. И. Израэльсоном и Г. Г. Генкелем (Флавий Иосиф. О древности иудейского народа. Против Апиона. СПб., 1895). При подготовке настоящего издания принято во внимание большее число различий, примечания учитывают достижения последних комментированных изданий, использована последняя литература по истолкованию реалий и критике текста. Для удобства работы с текстом наряду с номером главы указан соответствующий параграф по общепринятой пагинации издания Niese.

А. В. Вдовиченко

Иосиф Флавий

О ДРЕВНОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.
ПРОТИВ АПИОНА¹

(перевод, комментарии)

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Я полагаю, достойнейший из людей Эпафродит², что уже в сочинении «О древностях», которое обнимает события пяти-тысячелетней истории и по нашим священным книгам составлено мною на греческом языке, я достаточно ясно — для тех, кто обратится к нему, изложил вопрос о нашем еврейском народе — о том, что он весьма древний и что изначально самобытен, а также о том, как населил он страну, в которой мы живем и поныне³. Однако, поскольку я замечаю, что многие, не доверяя тому, что сказано мною о древностях, прислушиваются к злобной клевете, не без умысла распространяемой некоторыми, и доказательство молодости нашего народа видят в том, что у наиболее авторитетных эллинских историков он не удостоен ни единого упоминания, я подумал, что следует вкратце об этом написать — изобличить тем самым нападки одних в злонамеренности и лжи, других образумить в их неведении, и всем, кто желает знать истину, разъяснить вопрос о нашей древности. Засвидетельствовать истинность моих слов я призыву только тех писателей, которые безупречны в отношении всякой древности и которым, по мнению эллинов, более всего можно доверять, а тех, кто в своих сочинениях лгал и клеветал на нас, я представлю самих же себя изобличающими. Также я попытаюсь установить причины, вследствие которых немногие из эллинов в своих исторических сочинениях упомянули о нашем народе, а кроме

того и свидетельства писателей, не оставивших без внимания нашу историю, я предоставляю тем, кто с ними не знаком или делает вид, что о них не знает.

2. (6) Прежде всего меня крайне удивляют все те, кто считает, будто относительно древнейших событий следует обращаться к одним только эллинам, только их вопрошать об истине, а нам и другим народам не верить. Ибо я вижу, что в действительности все оборачивается прямо противоположным, если предварительно согласиться с тем, что не следует доверяться пустым предположениям, но из самих событий уяснять истинное положение дел. Здесь-то и обнаруживается, что у эллинов все ново и, как говорится, случилось на днях⁴—я имею в виду основание городов, изобретение ремесел и написание законов. При этом едва ли не самое молодое у них — само дело летописания. А между тем за египтянами, халдеями и финикиянами (наша пока к ним не причисляю) сами они с несомненностью признают весьма древнее и непрерывное летописное предание. Ибо эти народы населяют местность, менее всего подверженную разрушительному действию природных условий, и кроме того немалые усилия они приложили к тому, чтобы никакое событие не предавалось забвению, но в общественных записях⁵ увековечивалось наимудрейшими. Местность же, в которой расположена Эллада, подвергалась бесчисленному множеству разрушительных природных воздействий⁶, которые изглаживали память о случившемся. И всякий раз, заново пересматривая события, каждый из них считал, что с его поколения все и начинается. К тому же поздно и не без труда усвоили они саму науку письма⁷. Потому-то все те, кто желает доказать преимущественную древность в использовании его, заявляют, что научены этому от финикиян и Кадма. Однако никто не может указать ни единой надписи, сохранившейся хотя бы с того самого времени — ни в храмах, ни на общественных пожертвованиях, и даже о тех, кто в продолжение стольких лет воевал под Троей, впоследствии встал весьма трудно разрешимый вопрос, пользовались ли они буквами⁸. При этом настоящее положение вещей скорее говорит за то, что они не знали их современного применения. Вообще же у эллинов нет ни единого достоверного письменного памятника, который был бы старше произведений Гомера. Однако он родился, по всей видимости, уже после троянских событий и, как говорят, сам не записывал своих поэм, но они передавались по памяти и затем были восстановлены из песен, вследствие чего в них и появились многочисленные разночте-

ния⁹. К тому же самые ранние попытки написания истории — я имею в виду Кадма Милетского¹⁰, Акусилая Аргосского¹¹ и некоторых других, которые, как говорят, жили после него, — не на много опередили по времени вторжение персов в Элладу. Впрочем, и что касается первых эллинских философов, рассуждавших о небесном¹² и божественном, как-то: Ферекид Сиросец¹³, Пифагор¹⁴ и Фалес¹⁵, — все единодушно признают, что они были учениками египтян и халдеев и что написали мало. Именно этому эллины и приписывают наибольшую древность, причем им самим с трудом верится, что эти сочинения действительно написаны ими.

3. (15) А потому имеет ли смысл обманывать себя, признавая, что одним только эллинам известны события глубокой древности и что только они сообщают о них достоверные сведения? И неужто так сложно понять, что эти люди писали не зная ничего доподлинно, но каждый о случившемся только догадывался? Именно поэтому в своих книгах они зачастую опровергают друг друга и, ничуть не смущаясь, говорят о событиях прямо противоположное. Излишним было бы напоминать тем, кто и без того знает лучше, чем я, насколько Гелланик¹⁶ противоречит Акусилаю в изложении родословий, сколь многочисленные поправки к Гесиоду¹⁷ делает Акусилая, или как Эфор¹⁸ в большинстве случаев уличает во лжи Гелланика, Тимей¹⁹ — Эфора, а Тимея — те, кто жил после него, и все — Геродота. И даже свою историю Сицилии Тимей не удосужился привести в соответствие с тем, что написано Антиохом²⁰, Филистом²¹ или Каллием²², а также и авторы Атфид²³ в изложении истории Аттики или историки Аргоса в отношении аргосских событий не согласны друг с другом. И что же тогда говорить о менее значительных авторах историй отдельных городов, если даже наиболее авторитетные расходятся в изложении событий персидской войны? Даже Фукидида обвиняют в многочисленных отступлениях от истины, хотя уж он-то, казалось бы, должен был в точности воспроизводить современные ему события.

4. (19) Возможно, тем, кто имеет желание исследовать этот вопрос, откроется множество и других причин подобных разногласий, но я придаю наибольшее значение совокупности двух. Первая представляется мне наиболее важной, а именно: эллинами изначально не уделялось должного внимания тому, чтобы повсеместно о происходящих событиях велись общественные записи. Именно это более всего повлекло за собой

ошибки и дало возможность вводить в заблуждение тем, кто впоследствии пожелал что-либо написать о древности. Ведь не только все прочие эллины не позаботились о таких записях, но даже у афинян, которые считаются коренным населением и заботятся о просвещении, ничего подобного нет, а самыми древними из общественных надписей они считают законы о смертных преступлениях, написанные для них Драконтом²⁴; который жил немногим ранее тирана Писистрата²⁵. Что уж тогда и говорить о жителях Аркадии, похваляющихся своей древностью²⁶? Они-то и письму едва ли обучились сразу после этого.

5. (23) Именно вследствие того, что не осталось ни единой записи, которая могла бы научить любознательных и изобличить лжецов, и возникли многочисленные разногласия у историков. К этому следует присовокупить и другую причину, а именно. Те, кто брался писать, заботились не об истинности, хотя это естественное требование ко всякому повествованию, но старались показать силу своего красноречия. И каким способом они задумали превзойти в этом всех остальных²⁷, таким и пользовались — одни обращались к баснословным вымыслам, другие прославляли города и царей им в угоду, иные же ругали сами события и писавших о них, считая, что более прославятся этим. По большому счету они занимались делом, более всего чуждым истории. Ведь доказательством исторической истинности служит то, когда об одних и тех же событиях разные люди одно и то же пишут или говорят. Однако они считали, что если напишут о том же самом как-нибудь иначе, то тем скорее прослынут самыми правдивыми. А потому нам следует признавать первенство эллинских историков в силе красноречия и изощренности в словах, но никак не в правдивости изложения древней истории, тем более местных событий или истории каждого народа в отдельности.

6. (28) Поскольку все без исключения признают, что у египтян и вавилонян с незапамятных времен большое внимание уделялось ведению летописей, причем у египтян заниматься этим было поручено жрецам, которые к тому же сопровождали записи философскими размышлениями, а у вавилонян эта обязанность была возложена на халдеев²⁸, и что среди народов, соприкасавшихся с эллинами, более всего финикияне использовали записи для ведения хозяйства и для передачи общественно значимых событий — об этом, я считаю, можно не говорить. О наших же предках, что столь же ревностную (уж и не говорю о том, что большую, чем вышеназванные народы) заботу про-

явили они о записях, поручая вести их первосвященникам и пророкам²⁹, и что эти записи и поныне хранятся со всей тщательностью и — возьму на себя смелость сказать: будут сохранены, — я попытаюсь вкратце изложить.

7. (30) Они не только с самого начала приставили к этому делу лучших и всецело преданных служению Богу людей, но и позаботились о чистоте и несмешанности священнического рода³⁰. Ведь всякому причастному к священству должно производить потомство от женщины из своего рода и не взирать ни на ее богатство, ни на какие другие преимущества, но со всей тщательностью исследовать ее родословную, с тем чтобы установить преемственность по архивным записям³¹ и на основании многочисленных доказательств убедиться в ее непрерывности. И так поступаем мы не только в самой Иудее, но повсюду, где только существуют у нашего народа колонии, везде в точности исполняются для священников правила о браках, — я имею в виду живущих в Египте, Вавилоне или в каких-то других местах, где проживают представители священнического рода, рассеянные по различным частям ойкумены. Они составляют и отсылают в Иерусалим списки родственников и их предков со стороны отца, а также тех, кто это засвидетельствовал. Если же бывает война, как это уже случалось не раз — при вторжении в страну Антиоха Епифана³², Помпея Магна³³ и Квинтилия Вара³⁴, и в особенности уже в наше время³⁵, — то оставшиеся в живых священники заново составляют списки на основании древних архивных записей³⁶ и удостоверяют по ним уцелевших женщин. Ибо с теми из них, которые побывали в плену, они уже не сочетаются браком, предполагая зачастую случающееся у них смешение с иноплеменниками³⁷. А самым главным доказательством нашей тщательности в этом вопросе является то, что на протяжении двух тысяч лет³⁸ все первосвященники у нас поименно заносились в списки от отца к сыну. Если же кто-то из них позволяет себе отступить от указанных предписаний, ему не разрешается ни приступать к жертвоприношениям, ни участвовать в других священнодействиях. А потому само собой разумеется, и более того — с необходимостью из этого следует, — раз никто не имеет права вносить в списки что-либо от себя и в написанном не бывает никаких разногласий, но только у пророков с достоверностью переданы самые отдаленные события глубокой древности, как они были, частью записанные по божественному вдохновению, частью — ими самими,³⁹ — то (8) у нас не великое множество книг, которые не согласовывались бы между

собой и противоречили друг другу, а только двадцать две, содержащие летопись всех событий нашей истории, и они по справедливости почитаются боговдохновенными. Пять из них — книги Моисея, которые содержат законы и историческое предание от сотворения человека до смерти Моисея. Этот период времени составляет почти три тысячи лет. От смерти Моисея до царствования персидского царя Артаксеркса⁴⁰, преемника Ксеркса, жившие после Моисея пророки составили еще тринадцать книг⁴¹ с изложением событий. Остальные четыре книги⁴² содержат песнопения Богу и наставления людям в их повседневной жизни. От Артаксеркса и доныне также написано несколько книг, но они не столь же достоверны, как предыдущие, поскольку не существует строго установленной преемственности пророков⁴³. Нетрудно догадаться, насколько мы доверяем своим книгам, если в них на протяжении стольких лет никто не посмел ни прибавить, ни изъять, ни изменить⁴⁴ что-либо. Каждому еврею от самого рождения полагается почитать единые для всех божественные предписания, быть верными им, и, если понадобится, с готовностью за них умереть. Так, уже не раз можно было видеть, как множество пленников в театрах претерпевали пытки и другие всевозможные виды смерти только ради того, чтобы ни единого слова не произнести вопреки законам или другим нашим священным книгам⁴⁵. Кто из эллинов ради этого смог бы такое пережить? И даже ради того, чтобы все имеющиеся у них сочинения не погибли, кто из них стал бы переносить такие мучения? Ибо свои книги они почитают всего лишь словами, написанными по произволению их авторов. Не без оснований они придерживаются такого мнения и относительно более древних писателей, поскольку видят, что некоторые из современных берутся писать о том, чего не только своими глазами не видели, но даже не потрудились расспросить об этом очевидцев. Разумеется, и о шедшей недавно войне некоторые писатели составили себе представление, хотя в тех местах даже и не побывали и уж тем более не присутствовали при самих событиях; при этом они весьма нескромно называют свои сочинения историей⁴⁶, хотя составили их по недостоверным слухам.

9. (47) Я же и в целом о войне, и об отдельных ее событиях написал правдивое повествование, будучи сам свидетелем происходящего. Ведь пока возможно было сопротивление, я предводительствовал галилеянами, как называют их у нас, а затем был схвачен римлянами и попал в плен. Веспасиан и Тит заключили меня под стражу и постоянно держали при себе поначалу в качестве узника⁴⁷, но затем я был снова освобожден и направ-

лен сопровождать Тита при осаде Иерусалима⁴⁸. Ни одно событие того времени не прошло мимо меня. Я видел все, что происходило в римском лагере, вел подробные записи, и только я понимал то, что рассказывали перебежчики. Затем в Риме, когда все материалы были у меня уже подготовлены, употребив на это часы досуга, я воспользовался услугами нескольких помощников в греческом языке и составил последовательное изложение событий⁴⁹. Я был настолько убежден в достоверности написанного, что прежде всего призвал подтвердить истинность моих слов Веспасиана и Тита, которые были главнокомандующими в этой войне. Они первыми получили от меня эти книги⁵⁰. И вслед за тем многим римлянам, участвовавшим в войне, я стал продавать их, и многим из евреев, а также и людям не чуждым эллинской образованности, среди которых Юлий Архелай⁵¹, знаменитый Герод⁵² и сам достойный восхищения царь Агриппа⁵³. Все они засвидетельствовали, что я в точности придерживался истины, и они не стали бы скрывать или умалчивать, если бы по незнанию или кому-то в угоду я исказил бы или опустил что-нибудь из происходивших событий.

10. (53) Какие-то негодные люди принялись клеветать на мою историю, словно полагая, что им, как в школе юнцам, задано поупражняться в произнесении обвинительных речей⁵⁴. Им следует учесть, что тот, кто собирается передать другим правду об изображаемых событиях, прежде всего сам должен в точности знать о случившемся — либо будучи сам непосредственно свидетелем событий, либо расспрашивая о них людей знающих. Я считаю, что в обоих моих трудах я так и поступил. Моя работа над сочинением «О древностях» заключалась в переводе из книг Священного Писания⁵⁵. Ведь и сам я принадлежу к священническому роду и причастен той мудрости, которая содержится в них. Историю же иудейской войны я написал, будучи многих событий участником, и еще более многочисленных — очевидцем. Вообще из сказанного мною о тех событиях нет ничего, о чем я не знал бы доподлинно. Можно ли в таком случае не почесть за дерзость старания тех, кто взялся обвинять меня в искажении истины? Пусть даже они говорят, что познакомились с воспоминаниями императоров⁵⁶, — все равно они не присутствовали при тех событиях, которые известны лишь нам, воевавшим на противоположной стороне.

11. (57) Итак, я сделал вынужденное отступление об этом, желая показать необоснованность притязаний всех тех, которые

заявляют о себе, что пишут историю. Я считаю, что вполне убедительно доказал, что сама летопись минувших событий древнее у варваров, чем у эллинов, и теперь первым делом я хочу в нескольких словах обратиться к тем, кто отказывает нам в древности на том основании, что о нас, как они утверждают, ничего не сказано у эллинских писателей. А затем я приведу свидетельства из написанного у других народов и докажу, что клеветники весьма не последовательны в своей клевете.

12. (60) Страна, которую мы населяем, расположена не на побережье, и мы не одобряем занятие торговлей и возникающее вследствие этого общение с другими народами. Наши города расположены в отдалении от моря, а в окрестностях земля, на которой мы живем, благодатная, и мы с усердием возделываем ее. Более же всего мы заботимся о воспитании детей, о сохранении законов, и наиважнейшим делом всей нашей жизни почитаем соблюдение в соответствии с ними исконного благочестия. Если же помимо сказанного принять во внимание и другие особенности нашего образа жизни, то станет ясно, что в древнейшие времена у нас не было ни единого повода вступать в общение с эллинами, — в отличие, например, от египтян, которые привозили от них и везли к ним свои товары, или от жителей побережья Финикии с их деловитостью и страстью к торговле, происходящей от свойственной им жажды приобретения. И никогда наши предки, в отличие от некоторых других, не занимались разбоем и грабежом⁵⁷, и не стремились воевать ради наживы, хотя в стране нашей людей, не лишенных отваги, великое множество. Так, финикияне, преодолевая по морю огромные расстояния, сами по торговым надобностям заплывали к эллинам и потому стали им известны, а через них — египтяне, и все те, от кого они доставляли эллинам товары. Мидийцы же, и затем персы заявили о себе завоеванием Азии, а последние предприняли даже поход на другой материк. Фракийцы стали известны эллинам по причине соседства, а о скифах они узнали от тех, кто плавал в Понт. Вообще получилось так, что все жители побережий — на востоке или на западе — тем, кто имел желание что-либо написать, были известны лучше. А население областей, удаленных от моря, по большей части оказалось в безвестности. Как видно, то же самое происходило и в Европе, если о городе Рима, который с незапамятных времен приобрел такое могущество и прославился в войнах деяниями столь великими, не упомянули ни Геродот, ни Фукидид, и ни один из их современников, но сведения о нем

дошли до эллинов лишь многим позднее⁵⁸. О галлах и иберах настолько мало было известно тем, которые мнили себя правдивейшими писателями, что Эфор, один из них, полагал, будто иберы — это единый город, в то время как они населяют весьма обширную область на западе, а также и те, кто вздумал писать о каких-то неслыханных и несуществующих у них обычаях, как будто те по ним живут. Причина незнания об образе жизни этих народов в их обособленности, а сообщения о них недостоверных сведений — в желании историков казаться более осведомленными, чем остальные. Стоит ли удивляться, что наш народ большинству из них оставался неизвестным и что писателям он не дал повода к упоминанию о себе, поскольку проживает в таком удалении от моря и избрал для себя именно такой образ жизни?

13. (69) Давайте тогда и мы применительно к эллинам воспользуемся тем же доводом и скажем, что их народ совсем не древнего происхождения, поскольку в наших письменных источниках о нем ни слова не говорится⁵⁹. Разве не станут они смеяться и приводить, как мне кажется, те же самые доказательства, какие и я только что изложил, и брать в свидетели своей древности соседние народы? Именно так я и поступаю. Прежде всего я воспользуюсь свидетельствами египтян и финикиян, чтобы никто не смог заподозрить меня в обмане, поскольку все без исключения египтяне, а из финикиян, как известно, тиряне особенно враждебно настроены против нас. В отношении халдеев я, пожалуй, того же сказать не могу, поскольку они-то и стали родоначальниками нашего народа и по причине общности происхождения в своих письменных памятниках упоминают о евреях⁶⁰. Сначала я приведу свидетельства этих народов, а потом и среди эллинских историков укажу тех, кто упомянул о евреях, чтобы у клеветников более не оставалось никаких оснований для упреков в нашу сторону.

14. (73) Я начну с египетской письменности. Подлинников документов привести невозможно, однако некий муж по имени Манефон⁶¹, египтянин по происхождению, получил, как известно, эллинское образование и написал на греческом языке древнейшую историю Египта. Для этого, как сам он утверждает, он делал переводы из священных книг и во многом опроверг Геродота, который по незнанию о египетских событиях сообщал ложные сведения. Так вот тот самый Манефон во второй книге истории Египта пишет о нас следующее (я передаю его собственные слова, как бы предоставляя ему самому выступать

свидетелем)⁶²: (75) «Был у нас царь по имени Тимаос⁶³. В его царствие бог, неведомо мне почему, прогневался, и неожиданно из восточных стран люди происхождения бесславного, дерзкие, напали на страну и без сражений легко овладели ею. И властителей ее покорив, они безжалостно предали города огню и святилища богов разрушили. А с жителями поступали бесчеловечно жестоко — одних убивали, а детей и жен других уводили в рабство. Наконец, и царем они сделали одного из своих, имя его Силатис⁶⁴. Он обосновался в Мемфисе, верхнюю и нижнюю земли обложил данью и разместил вооруженные отряды в наиболее подходящих местах. В особенности он позаботился о безопасности восточных земель, предвидя возможность вторжения ассирийцев в его царство. Найдя в Сетроитском⁶⁵ номе на востоке от реки Бубастит весьма удобно расположенный город, который по древнему религиозному сказанию назывался Аварис⁶⁶, он отстроил его, укрепил неприступной стеной и разместил в нем многочисленный отряд, состоявший из двухсот сорока тысяч воинов. Он отправлялся туда летом, чтобы доставлять продовольствие и денежное содержание и приучать войско к постоянной бдительности ввиду опасности нападения соседей. Он умер, царствовав девятнадцать лет. За ним другой, по имени Бнон⁶⁷, правил сорок четыре года, за ним еще один — Апахнас⁶⁸ — тридцать шесть лет и семь месяцев. Затем Апофис⁶⁹ — шестьдесят один год, Ианиас⁷⁰ — пятьдесят лет и один месяц, и еще Ассис⁷¹ сорок девять лет и два месяца. Эти шестеро были у них первыми царями, они постоянно воевали и хотели полностью искоренить население Египта. Все их племя называлось Гиксос, то есть «цари-пастухи», потому что «ГИК» на священном языке означает «царь», а «СОС» — «пастух» и «пастухи» в просторечном языке. Если же составить их вместе, получается «ГИКСОС»⁷². Некоторые говорят, что они по происхождению арабы».(83) В другом же списке⁷³ слово «ГИК» обозначает не «цари», а «пленники», и получается совсем наоборот — «пленные пастухи», поскольку слово «ГИК» на египетском языке, так же как и «ГАК» с густым придыханием, имеет значение «пленники»⁷⁴. И это представляется мне более вероятным и имеет больше отношения к древнейшей истории. (84) «Эти выпеназанные цари из так называемых пастухов, — говорит Манефон, — а также их преемники властвовали над Египтом пятьсот одиннадцать лет. Затем, — говорит он, — против пастухов восстал царь Фив и цари других египетских земель⁷⁵, и вели с ними жестокую многолетнюю войну. В правление царя по

имени Мисфрагмутос⁷⁶ пастухи стали терпеть неудачи и повсюду из Египта были изгнаны, но закрепились в одном месте, имевшем десять тысяч арур⁷⁷ в окружном измерении. Оно называется Аварис. Пастухи,— говорит Манефон,— со всех сторон обнесли его высокой мощной стеной, чтобы надежно укрыть свое имение и награбленную добычу. Сын Мисфрагмутоса Туммос⁷⁸ во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек осадил город и попытался взять его штурмом. Но затем, отчаявшись в успехе, он отказался от осады и заключил с ними договор, по которому все они должны были оставить Египет и в полной безопасности для себя удалиться, куда пожелают. И те, по условию договора, со своими семьями и имуществом числом не менее двухсот сорока тысяч направились через пустыню в Сирию. Но, испытывая страх перед могуществом ассирийцев (а они тогда господствовали над Азией), в месте, называемом теперь Иудея, они основали город, способный вместить великое множество жителей, и назвали его Иерусалим»⁷⁹. (91) В другой книге «Истории Египта» Манефон говорит, что тот самый народ, так называемые «пастухи», именуется в их священных книгах пленниками, и здесь он прав, поскольку для наших далеких предков исконным занятием было пастушество, они вели кочевую жизнь и назывались поэтому пастухами. Также не без основания египтяне называли их пленниками, потому что прародитель наш Иосиф сам говорил египетскому царю, что он пленник, и он же впоследствии с разрешения царя призвал в Египет своих братьев⁸⁰. Однако об этой истории я расскажу в другом месте более подробно.

15. (93) А пока я беру египтян в свидетели нашей древности. Потому я снова обращаюсь к словам Манефона, в которых он устанавливает последовательность событий во времени. (94) Он говорит так: «Когда пастушеский народ ушел в Иерусалим, изгнавший их из Египта царь Тетмос⁸¹ царствовал после того двадцать пять лет и четыре месяца и потом умер. Ему унаследовал его сын Хеврон⁸² и царствовал тринадцать лет. После него — Аменофис⁸³ — двадцать лет и семь месяцев; его сестра Амесса⁸⁴ — двадцать один год и девять месяцев. Затем Мэфрес⁸⁵ — двенадцать лет и девять месяцев. Затем Мифрамутос⁸⁶ — двадцать пять лет и десять месяцев. Затем Тмосис⁸⁷ — девять лет и восемь месяцев. Затем Аменофис⁸⁸ — тридцать лет и десять месяцев, затем Орос⁸⁹ — тридцать шесть лет и пять месяцев, затем его дочь Акенхер⁹⁰ — двенадцать лет и один месяц. Затем Ратотис, ее брат, девять лет. Затем

Акенхер двенадцать лет и три месяца. Затем Армаис⁹¹ — четыре года и один месяц. Затем Рамесс⁹² — один год и четыре месяца. Затем Армесс Миаммун — шестьдесят шесть лет и два месяца. Затем Аменофис⁹³ — девятнадцать лет и шесть месяцев. (98) Затем Сетос, он же Рамесс⁹⁴, — у которого были сильные конница и флот. Он назначил правителем своего брата Армаиса и наделил его всеми царскими полномочиями, повелев лишь не надевать царский венец, не обижать царицу, мать его детей, и воздерживаться от остальных царских наложниц. А сам пошел войной против Кипра, Финикии и далее на ассирийцев и мидян. Одних он подчинил своей власти силой оружия, других — без боя, повергая лишь в ужас своей несметной силой. Воодушевленный успехами, он еще решительнее стал продвигаться вперед, завоевывая города и области на востоке. Прошло немало времени, и оставленный в Египте Армаис осмелел и во всем стал поступать прямо противоположно тому, как повелевал брат. Он совершил насилие над царицей, жестоко обходился с другими наложницами, поддавшись на уговоры друзей, стал надевать царский венец и, наконец, восстал на брата. Но верховный жрец Египта послал Сетосу письмо, в котором сообщил, что брат восстал на него, а также оповестил и обо всем остальном. Тот немедленно возвратился в Пелузий и овладел собственным царством. Страна же получила название Египет по его имени, поскольку Сетоса, как говорят, звали Египтом, а брата его Армаиса — Данаем⁹⁵.

16. (103) Так говорит Манефон. Если произвести подсчет времени по указанным у него годам, то выясняется, что так называемые пастухи, они же наши предки, покинув Египет, поселились в своей земле за триста девяносто три года⁹⁶ до прибытия Дана в Аргос, однако, не взирая на то, аргивяне считают его самым древним. Как бы то ни было, Манефон на основании сведений египетских источников предоставляет нам два самых важных свидетельства: во-первых, прибытие в Египет из другой страны и, во-вторых, переселение оттуда, которое произошло настолько давно, что почти на тысячу лет⁹⁷ опережает события Троянской войны. Что же касается сведений, изложенных Манефоном не по египетским источникам, а взятым, по его же признанию, из недостоверных сказаний, то все это я намереваюсь опровергнуть впоследствии, чтобы доказать неубедительность и лживость подобных сообщений.

17. (106) А пока я хочу обратиться к тому, что написано о нашем народе у финикиян, и привести их свидетельства.

У тирян существуют многовековые государственные летописи, хранившиеся с большой тщательностью, которые повествуют обо всех достопамятных событиях, происходивших между ними и другими народами. В них сказано, что Иерусалимский храм был построен царем Соломоном за сто сорок три года и восемь месяцев до основания Карфагена тирянами, и там же приводится описание того, как строился наш храм. Ведь тирский царь Хиром⁹⁸ был другом царя нашего Соломона, поддерживая с ним давнюю дружбу, начатую еще его отцом. Соперничая с Соломоном в великолепии украшения храма, он сам дал сто двадцать талантов золотом, а также приказал рубить лучшей древесины на горе Ливан и прислал ее для покровки крыши⁹⁹. За это Соломон в числе прочих многочисленных даров отдал ему землю в области Галилейской, называемую Хавулон¹⁰⁰. Но более всего их объединяла любовь к мудрости. Они обменивались письмами¹⁰¹ и советовались друг с другом в разрешении различных вопросов. Соломон всегда в этом превосходил его и был более мудрым в отношении всего остального. И поныне у тирян хранится множество писем, которые они посылали друг другу. А что в рассказе о тирских летописях нет ничего мною вымышленного, я приведу свидетельство Дия¹⁰², который по общему признанию был основательным знатоком финикийской истории. В книгах об истории Финикии он пишет так: «Когда умер Абибал, стал царствовать сын его Хиром. С восточной стороны города он насыпал вал и таким образом расширил его. Храм Зевса Олимпийского, стоявший особняком на острове, он соединил с городом, засыпав землей отделявшее его пространство, и украсил храм золотыми дарами. Он поднялся на гору Ливан и приказал рубить лес для отделки храмов. Говорят, что царствовавший в Иерусалиме Соломон посылал Хирому загадки и желал также получать их от него, чтобы тот, кто не сможет отгадать, платил бы отгадавшему деньги. И Хиром, согласившись на это, не сумел отгадать и заплатил по уговору за это много денег. Но затем якобы некий Авдимон Тирянин разгадал предложенные ранее загадки и сам загадал такие, которые уже Соломон отгадать не смог и заплатил за это Хирому намного больше». Таково свидетельство Дия о царях, о которых я прежде упоминал.

18. (116) К этому я прибавлю и свидетельство Менандра Эфесского¹⁰³, который написал летопись событий у эллинов и варваров при каждом из царей по отдельности. При этом он тщательно изучил историю их царствий по местным

источникам. Говоря о тех, кто царствовал в Тире, и затем переходя к рассказу о времени Хирома, он говорит следующее: «После смерти Абибала царский престол унаследовал его сын Хиром, который прожил пятьдесят три года и царствовал из них тридцать четыре года. Он засыпал землей и разровнял место, называемое Эврихор¹⁰⁴, поместил в храме Зевса золотую колонну¹⁰⁵, а также на горе, называемой Ливан, приказал нарубить кедровых деревьев для покровки крыш храмов и, разрушив старые храмы, построил новые; Гераклу и Астарте он посвятил участок земли и в месяце Перитии¹⁰⁶ воздвиг сперва святилище Геракла, а затем — и святилище Астарты. Тогда же он пошел войной на итакийцев¹⁰⁷, не желавших платить дань, усмирил их и снова подчинил своему владычеству. При нем был некто Авдимон, малолетний ребенок, который одерживал верх, отвечая на все затруднительные вопросы, которые предлагал ему Соломон, царь Иерусалимский». А промежуток времени от этого царя до основания Карфагена исчисляется у него следующим образом: «После смерти Хирома царский престол унаследовал сын Валеазар, который прожил сорок три года и царствовал семь лет. За ним сын его Абдастрат, который прожил двадцать девять лет и царствовал девять лет. Его погубили четверо его сыновей, составивших заговор. Старший из них царствовал двенадцать лет. Метусастарт¹⁰⁸ Делеастарт прожил пятьдесят четыре года и правил двенадцать лет. После него его брат Астарим¹⁰⁹ прожил пятьдесят четыре года и царствовал девять лет. Он был убит своим братом Фелитом, который, захватив власть, правил восемь месяцев и прожил всего пятьдесят лет. Его убил Итобал, жрец Астарты, который царствовал тридцать два года и прожил шестьдесят восемь лет. Ему унаследовал Бадезор¹¹⁰, который прожил сорок пять лет и царствовал из них шесть лет. Его преемником стал его сын Меттен, который прожил тридцать два года и царствовал девять лет. Его преемником стал Пигмалион¹¹¹, проживший пятьдесят шесть лет и царствовавший сорок семь лет. На восьмом году его царствования его дочь, бежавшая в Ливию, основала там город Карфаген»¹¹². Получается, что всего от царствования Хирома до основания Карфагена прошло сто пятьдесят пять лет и восемь месяцев¹¹³. А поскольку на двенадцатом году¹¹⁴ царствования Хирома в Иерусалиме был построен Храм, то оказывается, что от строительства Храма до основания Карфагена прошло сто сорок три года и восемь месяцев¹¹⁵.

Нужно ли еще приводить какие-то свидетельства от финикийян? Понятно, что истина доказана неопровержимо. И уж, конечно, многим ранее сооружения Храма предки наши пришли в ту землю, поскольку только после того, как они завоевали ее окончательно, они смогли построить там Храм¹¹⁶. И это также с очевидностью показано мною на основании свидетельств священных книг в сочинении «О древностях»¹¹⁷.

19. (128) Теперь же я приведу то, что написано и засвидетельствовано о нас у халдеев,— что в отношении и всего остального имеет весьма заметное сходство с тем, что написано у нас. Я приведу свидетельство Беросса¹¹⁸, халдея по происхождению, но известного всякому образованному человеку, поскольку для эллинов именно он написал сочинения об астрономии и о мудрости у халдеев. Так вот этот самый Беросс, следуя древнейшим письменным памятникам, о случившемся потопе и о гибели людей во время него говорит то же самое, что и Моисей¹¹⁹; также и о ковчеге, в котором спасся праотец нашего народа Ной, занесенный на вершины армянских гор. Затем он перечисляет потомков Ноя, указывая время их жизни, и доходит до Набопалассара¹²⁰, царя вавилонского и халдейского и, повествуя о его деяниях, сообщает о том, «как в Египет и в нашу страну он послал своего сына Навуходоносора¹²¹ с огромным войском, поскольку узнал, что тамошнее население восстало. Он покорил всех и сжег Иерусалимский храм, а нашему народу приказал покинуть страну и переселиться в Вавилон. Город был оставлен на семьдесят лет, до времени персидского царя Кира»¹²². Он говорит, что тот самый вавилонянин покорил Египет, Сирию, Финикию, Аравию и своими подвигами превзошел всех правивших до него царей халдейских и вавилонских. Затем чуть далее в порядке изложения Беросс снова обращается к древнейшим событиям. Я привожу его собственные слова, которые звучат так: «Когда отец его Набопалассар узнал, что поставленный им сатрап Египта и областей Килесирии и Финикии восстал на него, то сам, более не имея сил переносить трудности похода, он поставил своего сына Навуходоносора, человека в расцвете жизненных сил, во главе части своих войск и направил против возмущившегося сатрапа. При встрече с ним Навуходоносор дал сражение, одержал победу и снова подчинил страну своей власти¹²³. Случилось так, что в то самое время отец его Набопалассар заболел и скончался в городе Вавилоне, царствовав двадцать девять лет. Навуходоносор узнал о кончине отца вскоре после этого и, закончив дела в Египте и в остальных областях,

некоторым из приближенных поручил переправить в Вавилон еврейских, финикийских, сирийских и египетских пленников вместе с тяжеловооруженным войском и прочей добычей, а сам с небольшим отрядом, пройдя через пустыню, пришел в Вавилон. Он принял дела, которыми заправляли халдеи, и царство, находившееся под бдительным надзором лучшего из них, и стал полновластным правителем отцовской державы. Он повелел, чтобы прибывшим пленникам для поселения были отведены в Вавилонии самые пригодные для этого земли, а сам позаботился о том, чтобы из взятой на войне добычи богато украсить храм Бела и остальные храмы; он обновил древний город и пристроил к нему часть с внешней стороны, чтобы осаждающие уже более не могли отвести воду реки и обратить ее на город¹²⁴. Внутреннюю часть города он обнес тройной стеной, и такой же — внешнюю, одну сделал из обожженного кирпича и асфальта, другую — только из кирпича. Надежно укрепив город и роскошно украсив его ворота, он построил вблизи отцовского дворца другой дворец, который превосходил прежний высотой и всевозможным великолепием¹²⁵. Пожалуй, понадобилось бы слишком много времени, чтобы рассказать обо всем, — разве только о самом невероятном: это огромное величественное здание было построено всего за пятнадцать дней. В этом дворце он поставил высокие каменные возвышения и сделал их весьма похожими по виду на горы. Повсюду он засадил их деревьями и устроил так называемый висячий сад, потому что его жена¹²⁶, выросшая в Мидийской стране, очень хотела видеть перед собою горы».

20. (142) Вот что сообщил Беросс об упомянутом прежде царе, а кроме того еще многое другое в третьей книге «Халдейской истории», где он упрекает эллинских историков¹²⁷ в том, что они заблуждались, полагая, будто Вавилон был построен ассирийской Семирамидой¹²⁸, и все удивительные сооружения ошибочно приписывали ей. В отношении этого следует признавать достоверность халдейских источников, тем более что записи в финикийских архивах согласуются с тем, что сказано об этом вавилонском царе у Беросса, — что он покорил Сирию и всю Финикию. Этому соответствуют и указания Филострата¹²⁹, который в своей истории упоминает об осаде Тира, а также и свидетельства Мегасфена¹³⁰ из четвертой книги его сочинения об Индии, где тот пытается доказать, что упомянутый вавилонский царь мужеством и величием своих подвигов превзошел Геракла, поскольку, по его словам, тот покорил значи-

тельную часть Ливии и Иберию¹³¹. А что касается Иерусалимского храма, о котором сказано было, что завоевавшие город вавилоняне сожгли его и что восстановление началось только после того, как Кир стал властелином Азии, то все это находит подтверждение в сочинении Беросса. Вот что он говорит в третьей книге своего сочинения: «Навуходоносор, после того как было начато сооружение вышеупомянутой стены, заболел и скончался, царствовал сорок три года. Власть перешла к сыну его Эвильмарадуху¹³². Управляя делами в государстве, он вел себя крайне безнравственно и незаконно. Против него был устроен заговор мужем его сестры Нериглисаром, и он был убит, царствовал два года. После его смерти принявший власть злоумышленник Нериглисар царствовал четыре года. Его сын Лаборосоарходос, который был еще отроком, правил всего девять месяцев; многое обнаруживало его дурные наклонности, и потому против него составилась заговор, и он кончил жизнь в мучениях от рук своих приближенных. После его смерти заговорщики собрались вместе и решили передать власть некоему вавилонянину Набонниду, который также входил в число участников заговора. При нем стены города со стороны реки были выложены обожженным кирпичом и асфальтом. На семнадцатом году его царствования Кир, шедший с огромным войском из Персии, покорил всю оставшуюся часть Азии и двинулся на Вавилонию. Узнав о его приближении, Набоннид встретил его со своим войском, вступил в сражение и, потерпев неудачу, с немногочисленными силами бежал и засел в городе Борсиппе¹³³. Кир захватил Вавилон и приказал снести внешнюю оборонительную стену, поскольку город показался ему слишком хорошо укрепленным и неприступным, и затем двинулся на Борсипп, чтобы взять Набоннида осадой. Но Набоннид не стал этого дожидаться, а сдался сам. Кир обошелся с ним милостиво и, определив ему местом пребывания Карманию, отослал его из Вавилонии. И Набоннид, проведя оставшуюся часть жизни в этой стране, там и закончил свои дни»¹³⁴.

21. (154) Это достоверное свидетельство согласуется и с нашими священными книгами. Ибо в них сказано, что Навуходоносор на восемнадцатом¹³⁵ году своего царствования разрушил наш храм, который в продолжение пятидесяти лет¹³⁶ оставался в развалинах. На втором¹³⁷ году царствования Кира снова было заложено основание, а на втором¹³⁸ году царствования Дария новый храм был завершен. Я дополню это и свидетельством финикийян, поскольку для полноты следует

воспользоваться всеми имеющимися сведениями. Подсчет времени производится так¹³⁹: «При царе Итобале¹⁴⁰ Навуходоносор осаждал Тир в продолжение тринадцати лет¹⁴¹. После него царствовал Ваал десять лет. После него на трон воздвигались судьи, которые царствовали: Экнибал, сын Баслеха,— два месяца; Хелбес, сын Абдея,— десять месяцев, верховный жрец Аббар — три месяца, судьи Миттин и Герострат, сын Абдилима,— шесть лет. После них Балатор царствовал один год. После его смерти отправили послов и призвали из Вавиллона Мербала, который царствовал четыре года. После его смерти призвали его брата Хирома, который царствовал двадцать лет. В его время в Персии правил Кир». Таким образом весь период времени обнимает пятьдесят четыре года и еще три месяца¹⁴². Ведь на седьмом¹⁴³ году правления Навуходоносора была начата осада Тира, а в четырнадцатый год правления Хирома Кир стал царствовать в Персии. В отношении Храма с нашими книгами согласны также свидетельства халдеев и тирян, с несомненной очевидностью о древности нашего народа говорит и то, о чем я уже сообщил. А потому все те, кто не слишком увлекается спорами, я думаю, удовольствуются уже сказанным.

22. (161) Теперь следует вознаградить и пытливость тех, кто не полагается на варварские источники и склонен доверять одним только эллинам. Я намерен указать из них тех, которые знают о нашем народе и в соответствующих местах своих сочинений упоминают о нас. Так Пифагор Самосский, один из самых древних, который мудростью и благочестием превзошел, по общему признанию, всех прочих философов, без сомнения не только знал о нашем существовании, но и стал во многом подражать нашему образу жизни. От него, как известно, не осталось ни одного сочинения, но многие историки засвидетельствовали о нем. Из них наиболее известен Гермипп¹⁴⁴, взявший на себя труд составить его полное жизнеописание. Так вот, в первой книге этого сочинения о Пифагоре он сообщает, что «Пифагор, когда один его ученик по имени Каллифонт¹⁴⁵, родом из Кротона, умер, говорил, что душа его днем и ночью сопровождает его и что она повелевала ему не проходить по тому месту, где спотыкался осел¹⁴⁶, воздерживаться от возбуждающей жажду¹⁴⁷ воды и избегать всякого злословия»¹⁴⁸. К этим словам он прибавляет следующие: «Так он говорил и поступал, подражая верованиям евреев и фракийцев и усваивая их себе». Ведь и вправду говорят, что сей муж перенес в свою

философию многие из бытующих у евреев воззрений. И в городах наш народ издавна был небезызвестен, многие обычаи перекочевали в жизнь некоторых из них и в иных признавались достойными подражания. Об этом свидетельствует Феофраст¹⁴⁹ в сочинении «О законах». Он говорит, что тирские законы запрещают клясться иноземными клятвами, в числе которых он упоминает и о так называемой клятве Корбан¹⁵⁰. Ни у кого не встречается такой клятвы, только у евреев. Это означает — что подтвердил бы какой-нибудь знаток еврейского языка — «приношение Богу». Да и Геродоту Галикарнасскому был небезызвестен наш народ, поскольку по некоторым его замечаниям можно заключить, что он упоминает о нем. Во второй своей книге, говоря об истории колхов, он пишет так¹⁵¹: «Из всех людей у одних только колхов, египтян и эфиопов издавна существует обряд обрезания. Что же касается финикиян и палестинских сирийцев, то они признают, что научились этому от египтян. Сирийцы, живущие по рекам Фермодонт¹⁵² и Парфений¹⁵³, и их городские соседи макроны¹⁵⁴ говорят, что совсем недавно научились этому у колхов. Ведь это единственный народ, совершающий обрезание, и они, по всей видимости, делают то же самое, что и египтяне. А о самих египтянах и эфиопах — кто у кого перенял этот обычай, сказать не могу». Итак, Геродот упомянул, что палестинские сирийцы¹⁵⁵ совершают обрезание. Но из жителей Палестины одни только иудеи имеют такой обычай. Стало быть, он знал об этом и говорил о них. Также и Хирил¹⁵⁶, древнейший поэт, упомянул о нашем народе, что тот на стороне персидского царя Ксеркса участвовал в походе против Эллады. Перечисляя все племена, последним он помещает и наш народ, говоря:

После же них показался народ, удивительный видом, речь финикийскую он испускал устами своими, там, где Салимский хребет, у широкого моря живет он, головы сплошь до темени бриты у них, но поверх их кожу голову коня надевают, тверделую паром¹⁵⁷.

Итак, всем, я думаю, ясно, что он упомянул о нас, поскольку и Салимские горы есть в стране, которую мы населяем, и так называемое Асфальтовое озеро. Ибо из всех сирийских озер оно самое большое и обширное. Таково упоминание о нас Хирила. А что не только самые малоизвестные из эллинов знали о евреях, но также восхищались теми из них, с кем приходилось им

встречаться, и люди наиболее прославленные своей мудростью, несложно убедиться. Так Клеарх¹⁵⁸, который был учеником Аристотеля и не имел себе равных среди философов перипатетической школы, в первой книге «О сне» говорит, что его учитель Аристотель рассказывал о некоем муже еврейском. Он приводит такие слова, приписывая их самому Аристотелю. Написано так: «О многом можно было бы долго говорить, но сколь удивительного образа жизни и философии придерживался этот человек, рассказать было бы не бесполезно». «Будь уверен, Гиперохид,— сказал он,— тебе покажется, что я говорю о чем-то похожем на сон». Тогда Гиперохид с почтением молвил: «Но об этом как раз все и желают послушать». «Тогда,— сказал Аристотель,— чтобы не нарушить правил риторики и не смутить учителей красноречия, я расскажу вначале о его происхождении». «Говори,— сказал Гиперохид,— что считаешь нужным». «Тот самый человек был евреем и происходил из Килы Сирийской, а тамошние жители ведут свой род от индийских философов. Говорят, у индусов философы зовутся каланами¹⁵⁹, а у сирийцев — иудеями, поскольку имя свое они получили по месту, ибо место, которое они населяют, называется Иудея. Имя же их города весьма мудреное, называется он Иерусалим. Этот человек пользовался гостеприимством у многих и, поскольку, приходя из отдаленных своих мест, посещал прибрежные города, был греком не только по языку, но и по духу. В то время мы жили в Азии¹⁶⁰, и он, путешествуя в тех же местах, что и мы, повстречался с нами и с некоторыми другими из схоластиков, испытывая их мудрость. И поскольку прежде он был дружен со многими из людей образованных, то в беседах с ними сообщал не только свои собственные суждения». Об этом рассказывал у Клеарха Аристотель и кроме того с восхищением говорил о величайшей строгости иудейского мужа в жизни и о его благоразумии. Желаящие могут узнать больше из самой книги, я же ограничиваюсь самым существенным и стараюсь не приводить лишнего. Клеарх, упомянув о нас, сделал для этого отступление. Ибо цель его сочинения иная. Зато Гекатей Абдерский¹⁶¹, современник царя Александра и приближенный Птолемея Лага¹⁶², который был философом и вместе с тем человеком весьма сведущим в делах практической жизни, не между прочим упомянул о евреях, но посвятил им целую книгу, из которой я хочу сделать извлечения касательно наиболее существенного. Вначале я уточню время. Он упоминает о битве при Газе между Птолемеем и Деметрием, которая, по свидетельству Кастора¹⁶³,

произошла через одиннадцать лет после смерти Александра, в сто семнадцатую олимпиаду. Указывая эту олимпиаду, он говорит: «Тогда Птолемей Лаг победил в битве при Газе Деметрия Антигона, прозванного Полиоркетом». Что Александр умер в сто четырнадцатую олимпиаду, это признают все. Из этого следует, что в его время и при царствовании Александра процветал наш народ¹⁶⁴. Гекатей между тем говорит следующее: «После битвы при Газе Птолемей распространил свое владычество и на сирийские области, и многие люди, прослышав о доброте и человеколюбии Птолемея, пожелали последовать за ним в Египет и посвятить себя служению государству. Среди них,— говорит он,— был иудейский первосвященник Езекия¹⁶⁵, в возрасте шестидесяти шести лет, человек, пользующийся почтением у единоплеменников, одаренный величайшим умом, наделенный даром красноречия и как никто другой опытный в ведении государственных дел; впрочем,— говорит он,— первосвященников иудейских, которые получают десятину от доходов и управляют общественными делами, общим числом у евреев более тысячи пятисот». И снова, упоминая о вышеназванном муже, он говорит: «Этот человек, достигнув такого почета и приблизившись к нам, привлек к себе некоторых из своих соотечественников и убедил их во всех преимуществах жизни там; им было основано целое поселение, жизнь которого определялась законами»¹⁶⁶. Затем Гекатей снова рассказывает о том, как мы относимся к законам,— что предпочитаем многие страдания, лишь бы не преступить их, и принимаем это как благо. «Вот потому-то,— говорит он,— хотя соседи и захожие иноземцы распускают о них дурные слухи, и нередко персидские цари и сатрапы их притесняют, невозможно заставить их изменить своему образу мыслей, всякое мучение и самые жестокие из смертей они ради этого принимают с готовностью, лишь бы не поступиться верой предков». К тому же приводится немало свидетельств их твердости в исполнении законов. «Однажды Александр,— говорит он,— прибыл в Вавилон и пожелал восстановить разрушенный храм Бела¹⁶⁷. Всем без исключения воинам он приказал насыпать землю, и одни только евреи не подчинились. Их жестоко избивали и подвергали суровым пыткам, до тех пор пока царь не простил их и не оставил в покое. А когда войско вступило в их собственную страну,— говорит он,— и воздвигло храмы и алтари, они разрушили их и за одни сооружения заплатили денежный штраф, а за другие были прощены». При этом он замечает, что за подобные деяния по

справедливости можно восхищаться евреями. Упоминает он и о том, что наш народ весьма многочисленный. «Многие тысячи наших соотечественников,— говорит он,— персы¹⁶⁸ сперва увели в Вавилон, а затем, уже после смерти Александра возникших там смут, переселили в Египет и Финикию». Он же свидетельствует о красоте и обширности страны, которую мы населяем. «Тремя миллионами арур,— говорит он,— лучшей и плодороднейшей земли владеют они, ибо такова площадь, которую занимает Иудея». А кроме того и о том, что с древнейших времен мы живем именно в Иерусалиме, городе величайшем и прекраснейшем, он говорит в таких словах: «Есть у евреев множество крепостей и селений по всей стране¹⁶⁹, город же укрепленный один — более пятисот стадий в окружности¹⁷⁰, в котором живут около ста двадцати тысяч человек. Там в самом центре города есть каменная обводная стена¹⁷¹, длиной около пяти плетров, шириной в сто локтей, с двумя воротами. Внутри располагается четырехугольный жертвенник, сложенный не из обтесанных камней, а из простых булыжников¹⁷², каждая боковая сторона длиной в двадцать локтей, а высотой десять локтей¹⁷³. Рядом с ним большое здание, где стоит жертвенник¹⁷⁴ и светильник, и тот и другой из золота, весом два таланта. На них днем и ночью горит неугасаемый огонь. Нет ни изображений, ни приношений, нет вообще никакой растительности, как-то: священных рощ или чего-то подобного¹⁷⁵. Дни и ночи там находятся священники¹⁷⁶, совершающие какие-то священнодействия. В храме они совершенно воздерживаются от употребления вина»¹⁷⁷. Он свидетельствует, что мы участвовали в походах царя Александра, а затем и его преемников. Рассказ же о том, что произошло с одним иудейским мужем в присутствии самого писателя, я хотел бы привести. Он говорит так: «Когда я отправился к Красному морю, то в числе других сопровождавших нас еврейских всадников был некто по имени Мосоллам, человек сильный духом и телом, и по общему признанию лучший стрелок среди эллинов и варваров. Когда один прорицатель, гадавший по птичьему полету, предложил посреди пути остановиться, этот человек спросил у него, почему они встали. Указав ему на птицу, прорицатель ответил, что если она останется на том же месте, то всем следует остановиться, если же она поднимется и полетит вперед, следует продолжать свой путь, а если повернет назад, то нужно возвратиться. Тогда, молча натянув свой лук, он пустил стрелу, попал прямо в птицу и убил ее. Когда же прорицатель и все остальные в негодовании

стали осыпать его проклятиями, он отвечал: «К чему безумствовать, если несчастная птица теперь у вас в руках? Каких разумных советов можно было от нее ожидать, если она не позаботилась даже о том, чтобы саму себя уберечь от гибели? Ведь если бы она могла предвидеть будущее, она не прилетела бы к этому месту, побоявшись, что в нее пустит стрелу Мосоллам-еврей». Однако довольно о свидетельствах Гекатея, поскольку желающие узнать больше без труда найдут и саму эту книгу. Я же поспешу назвать также имя Агатархида¹⁷⁸, который упомянул о нас, подшучивая, как ему самому кажется, над нашей простодушностью. Он рассказывает историю Стратоники¹⁷⁹, говоря о том, как она оставила своего мужа Деметрия и пришла из Македонии в Сирию; когда же Селевк, занимаясь в то время созданием войска в Вавилоне, не пожелал жениться на ней, чего ей очень хотелось, она подняла восстание в Антиохии. А затем, когда царь вернулся и осадил город, она бежала в Селевкию и имела возможность тотчас отплыть, но, поверив неблагоприятному сновидению, решила остаться, была схвачена и казнена». Предварительно рассказав об этом, Агатархид смеется над суеверием Стратоники и в качестве примера упоминает в нескольких словах о нас. Вот как он пишет: «Так называемые евреи, населяющие самый неприступный из городов, который местные жители называют Иерусалимом, имеют обыкновение в седьмой день не заниматься ничем; они не носят оружия в это время, не прикасаются к земледельческим работам, не заботятся ни о каких других обязанностях, а только с поднятыми руками с утра до вечера молятся в храме. Когда в город со своим войском входил Птолемей Лаг, эти люди вместо того, чтобы защищать город, соблюдали свой безумный обычай. При этом отечество их обрело жестокого деспота, а в законе обнаружилось включенное в него никуда не годное предписание. Этот случай, кроме них самих, всех остальных научил тому, что не следует обращать внимания на сновидения и на прочие сохранные обычаем предрассудки, которые должны уступать место здравому размышлению о том, что происходит». Агатархиду этот случай кажется смехотворным, но непредвзятым исследователям — весьма достойным похвалы, если самой свободе и спасению отечества люди предпочли верность обычаям и исконному благочестию.

23. (213) А что некоторые писатели не по незнанию о нас, а вследствие недоброжелательности или каких-то иных подобных причин не оставили о нас достоверных свидетельств, я хотел

бы привести доказательство. Так Иероним¹⁸⁰, написавший историю диадохов, жил в одно время с Гекатеем и, будучи другом царя Антигона, занимал должность наместника в Сирии. Однако Гекатей написал о нас целую книгу, Иероним же в своей истории нигде о нас не упоминает, хотя едва ли не всю свою жизнь провел в тех местах¹⁸¹. Настолько различными оказались намерения этих людей, что один удостоил нас пристального внимания, другому же какое-то низкое чувство совершенно заслонило истину. Впрочем, для установления древности достаточно египетских, халдейских и финикийских памятников, помимо столь многочисленных эллинских писателей. Кроме уже упомянутых мной, и Феофил¹⁸², и Феодот¹⁸³, и Мнасей¹⁸⁴, и Аристофан¹⁸⁵, и Гермоген¹⁸⁶, также Эвгемер¹⁸⁷, Конон¹⁸⁸ и Зопирион¹⁸⁹, а возможно, и многие другие (поскольку не все книги были мне доступны) проявляли к нам не поверхностное внимание. Многие из вышеперечисленных мужей отступили от истины в изложении древнейших событий, поскольку не обращались к нашим священным книгам, однако все они свидетельствовали о нашей древности, в защиту которой я и предполагал здесь говорить. Впрочем, Деметрий Фалерский¹⁹⁰, Филон Старший¹⁹¹ и Эвполем¹⁹² не на много отклонились от истины, и в этом их можно понять, поскольку они были не в состоянии со всей тщательностью изучить наши писания.

24. (219) У меня остается еще один весьма важный вопрос из намеченных в начале книги — доказать лживость злонамеренной клеветы, распространяемой некоторыми о нашем народе, и воспользоваться свидетельствами таких писателей для изобличения их же самих. Что подобное случалось и со многими другими народами по причине чьей-то к ним неприязни, известно, я думаю, тем, кто хоть сколь-нибудь знаком с историей. Некоторые даже вздумали обесславить происхождение и опорочить общественное устройство городов¹⁹³ наиболее прославленных, как, например, Феопомп¹⁹⁴ писал об афинянах, Поликрат¹⁹⁵ — о лакедемонянах, и автор «Триполитик»¹⁹⁶ (им ведь был не Феопомп, как некоторые полагают) — о фиванцах. Много недобрых слов было сказано и Тимеем¹⁹⁷ в историях как вышеперечисленных, так и некоторых других городов. В особенности же этим занимаются те, кто желает прославиться, — одни из зависти и тщеславия, другие — потому что считают, что оставят о себе память необычайностью своих суждений. Они никоим образом не обманываются в своих ожиданиях, если

имеют в виду людей неразумных, но люди здравомыслящие осуждают величайшую низость их замыслов.

25. (223) Начало клевете против нас положили египтяне. Некоторые историки им в угоду стали искажать истину, не признавая того, как оказались в Египте наши предки, и не говоря правды об их исходе оттуда. У них было множество причин ненавидеть нас и завидовать нам. Прежде всего то обстоятельство, что наши предки правили в их стране, а переселившись от них в свою землю, и там жили счастливо; затем совершенно иное представление о божественном вселило в них величайшую ненависть, потому что наше благочестие настолько отлично от так называемого у них, насколько сущность Бога отлична от природы бессловесных тварей. Объединяет их древний обычай почитать богами животных, а в воздавании им почестей между собою разнятся эти легкомысленные и неразумные люди, изначально имеющие о богах неверное представление. Они не захотели перенять наше благочестивое понятие о божестве, а видя, что многие подражают нам, прониклись к нам злобой. Некоторые из них впали в такое неразумие и бессовестность, что не только не постеснялись говорить прямо противоположное имеющимся у них древним письменным свидетельствам, но в своем ослеплении даже не заметили, что стали противоречить самим себе.

26. (227) Первое и исключительное место я отведу сочинению, которым немногим ранее я уже воспользовался для того, чтобы засвидетельствовать нашу древность. Тот самый Манефон пообещал, что составит египетскую историю по переводам из священных книг¹⁹⁸. Сперва он сообщил о том, что великое множество наших предков пришло в Египет и покорило местное население, затем признал и то, что некоторое время спустя они покинули страну и захватили нынешнюю Иудею, где основали город Иерусалим и построили храм. До сих пор он действительно следовал письменным документам, но затем позволил себе записывать услышанные им сплетни о евреях и сообщил о нас невероятные сведения, сознательно причислив нас к множеству египетских прокаженных и больных другими болезнями, которые, по его словам, приговорены были покинуть страну. Выдумав какого-то Аменофиса, несуществующего царя с вымышленным именем, и потому не решаясь определить время его правления¹⁹⁹, хотя для других царей он с точностью указывает годы царствования, он связывает с ним какие-то баснословные сказания, совершенно позабыв собственные слова о том, что пятьсот

восемнадцать лет²⁰⁰ назад пастухи удалились в Иерусалим²⁰¹. (231) Когда они ушли, царем был Тетмос²⁰². Со времени правления этих царей, согласно ему, прошло триста девяносто три года до царствования братьев Сета и Гермей, из которых, как он утверждает, Сет получил имя Египет, а Гермей²⁰³ — имя Данай. После изгнания последнего Сет правил 59 лет, а затем старший из его сыновей Рамзес — 66 лет. (232) И вот, признав сперва, что задолго до того наши предки оставили Египет, и выдумав затем подставного царя Аменофиса²⁰⁴, он вслед за тем говорит, что тот, подобно Гору²⁰⁵, одному из своих царственных предшественников, пожелал созерцать²⁰⁶ богов. Он сообщил об этом желании своему тезке Аменофису, сыну Пааписа²⁰⁷, который, как считалось, причастен божественного совершенства благодаря своей мудрости и дару предвидеть будущее. Этот человек сказал ему, что он сможет созерцать богов, если полностью очистит страну от прокаженных и других нечистых. Обрадованный царь велел изгнать из Египта всех, кто имел скверну на теле (число их составило восемьдесят тысяч человек), и приказал заключить их в каменоломни²⁰⁸ к востоку от Нила, чтобы те работали там наравне с прочими египетскими заключенными. Среди них, говорит он, было даже несколько ученых жрецов, зараженных проказой. Однако Аменофис, этот мудрец и прорицатель, побоялся навлечь на себя и на царя гнев богов за то, что кто-то увидит их самовольно, и придумал сказать²⁰⁹, что какие-то люди возьмут нечистых в союзники и будут править Египтом тринадцать лет. Не решившись сказать этого царю самолично, он оставил ему подробное письмо и покончил с собой. Царь был в отчаянии. Затем он пишет дословно следующее: «С тех пор как оскверненных отправили в каменоломни, прошло немало времени, и царь пожаловал им некогда оставленный пастухами город Аварис²¹⁰, чтобы у них было собственное пристанище и кров. Этот город по древнему преданию был посвящен Тифону. Придя туда, они получили возможность обособиться и избрали своим предводителем некого Осарсифа, жреца из Гелиополя²¹¹, и дали клятву во всем подчиняться ему. Своим первым законом тот запретил поклоняться богам, воздерживаться от особо почитаемых в Египте священных животных, но всех приносить в жертву и употреблять их в пищу, а также повелел не вступать в общение ни с кем, кроме связанных с ними единой клятвой. Издав эти и многие другие постановления, которые были особенно враждебны египетским обычаям, он приказал сообща соорудить оборонительную стену и го-

товиться к войне с царем Аменофисом. Сам же, собрав жрецов и прочих своих нечистых сограждан, решил отправить посольство к изгнанным Тетмосом пастухам в город, называемый Иерусалим. Рассказав о том, какому бесчестию подвергли его самого и других, он стал уговаривать их вместе пойти войной против Египта. Он предложил им направиться сначала в Аварис, на родину их предков, где пообещал приготовить для войска обильные запасы продовольствия, а когда будет нужно, на их стороне вступить в войну и без труда покорить им страну. Обрадованные этим обстоятельством, те единодушно выступили в поход числом около двухсот тысяч и вскоре пришли в Аварис. Аменофис, царь Египта, лишь только узнал об их появлении, впал в отчаяние, припомнив предсказание Аменофиса, сына Пааписа. Сперва, созвав население Египта и посоветовавшись с его предводителями, он приказал доставить к себе священных животных, особо чтимых в храмах, и повелел каждому жрецу укрыть почитаемые статуи богов в наиболее безопасных местах. Своего пятилетнего сына Сетоса, называвшегося Рамессом по имени отца Рамзеса, он отправил к своему другу. А сам, с отборным египетским войском, насчитывавшим около трехсот тысяч человек, не стал вступать в сражение с шедшими навстречу врагами, поскольку ему пришла в голову мысль, что он идет против воли богов, а повернул назад и возвратился в Мемфис. Взяв Аписа и других доставленных туда священных животных, он тотчас отправился в Эфиопию со всей своей свитой и войском, поскольку в знак благодарности эфиопский царь подчинялся ему. Тот принял радушно египетского царя и его подданных, которых его страна могла прокормить и имела достаточно городов и деревень, чтобы предоставить изгнанникам убежище на эти роковые тринадцать лет. Кроме того, к воинам царя Аменофиса он прибавил эфиопский гарнизон для охраны границы с Египтом. Так обстояли дела в Эфиопии. А пришедшие из Иерусалима гиксосы вместе с нечистыми жителями Авариса обращались с покоренным населением настолько бесчеловечно, что их владычество для тех, кто был свидетелем их святотатства, казалось самым ужасным из всех зол. Ибо они не только сжигали дотла города и деревни и не удовлетворялись разграблением храмов и осквернением статуй богов, но употребляли их для разведения огня и приготовления мяса почитаемых священных животных, причем сперва они заставляли самих жрецов и прорицателей закалывать и приносить их в жертву, а затем, раздевая их самих донага, прогоняли.

Говорят, что тот самый жрец, который основал их государство и написал законы, происходил из Гелиополя и звался Осарсифом по имени тамошнего бога Осириса, но, оказавшись среди них, он изменил свое имя и стал называться Моисей».

27. (251) Вот что египтяне рассказывают о евреях,— и еще много подобного тому, что я для краткости опущу. А Манефон между тем сообщает, что после этого Аменофис пришел из Эфиопии с огромным войском, и сын его Рамесс, также во главе своего войска. Вместе они напали на пастухов и прокаженных, наголову разбили их и, многих из них умертвив на месте, остальных преследовали до сирийских пределов. Вот в каких словах сообщает об этом Манефон. Что же касается того, что он излагает сведения вздорные и лживые, я берусь со всей очевидностью это доказать, предпослав всему тому, что впоследствии будет об этом сказано, следующее. Он сообщил нам и признал то, что мы изначально по происхождению своему не египтяне, но пришли сами из какой-то другой страны и властвовали над Египтом, а затем снова удалились. А относительно того, что с нами впоследствии не смешивались прокаженные египтяне и что вождь нашего народа Моисей не имеет к ним никакого отношения, но родился на много поколений раньше, тому я попытаюсь привести доказательства, опираясь на его собственные слова.

28. (254) Первоначальная причина этих выдумок, как он ее преподносит, поистине смехотворна: «Царь Аменофис,— говорит он,— пожелал созерцать богов». Каких богов? ежели тех, что принято почитать у них, то и бык, и козел, и крокодилы, и обезьяны с собачьими мордами были у него перед глазами. Небесных же богов как мог он лицезреть? И откуда возникло у него само желание? Оттого, клянусь Зевсом²¹², что до него их созерцал какой-то из его предшественников. От него-то он и узнал, как и куда смотреть, чтобы их увидеть, так что ни в каком новом способе он и не нуждался. Умен же был прорицатель, по совету которого царь взялся за совершения этого дела. Почему же он не предвидел неисполнимость его желания, раз от этого не отступился? И с чего он взял, будто богов нельзя увидеть из-за калек и прокаженных? Ведь боги гnevаются на людей за нечестивые поступки, а не за телесные увечья. И возможно ли всего за один день²¹³ собрать восемьдесят тысяч калек и прокаженных? И почему же царь ослушался прорицателя? Ведь тот посоветовал ему изгнать прокаженных за пределы Египта, а он упрятал их в каменоломни, как будто нуждался

в рабочих, а не желал очистить страну. Манефон утверждает, что прорицатель покончил с собой, поскольку предвидел гнев богов и все грядущие беды в Египте, и что он оставил царю письмо с предсказанием. Тогда почему же с самого начала прорицатель не знал о своей смерти? Почему он тотчас не воспрепятствовал царю в его желании созерцать богов? И к чему бояться тех бед, которые должны были случиться не с ним? Или что же еще могло быть для него более ужасным, из-за чего он поспешил покончить с собой? Однако давайте рассмотрим и самую большую нелепость. Царь, узнав все это и опасаясь будущих событий, тех самых калек, от которых ему по предсказанию надлежало очистить Египет, не стал изгонять из страны, а «по их просьбе», как говорит Манефон, отдал им город некогда населенный пастушеским народом, называемый Аварис. Поселившись в нем, по его словам, они избрали себе предводителя из числа бывших гелиопольских жрецов, и тот новыми законами запретил им поклоняться богам и воздерживаться от употребления в пищу почитаемых в Египте животных, но всех позволил есть и приносить в жертву, и в общение вступать только с теми, кто связан с ними единой клятвой. Он заставил жителей поклясться в верности этим законам, соорудил крепостную стену и пошел на царя войной. И затем прибавляет, что «он послал в Иерусалим просить пастухов стать их союзниками в этой войне, пообещав отдать им Аварис, потому, дескать, что этот город населяли предки тех, кто прибудет из Иерусалима, и также уверил их, что, обосновавшись в нем, они смогут овладеть всем Египтом». Вслед за тем он говорит, что «их двухсоттысячное войско пришло в Аварис, но египетский царь Аменофис, считая, что не следует идти против воли богов, тотчас бежал в Эфиопию, а жрецам приказал оберегать Аписа и других священных животных». Затем он сообщает, что «пришельцы из Иерусалима разрушали города, жгли храмы, убивали жрецов²¹⁴ и вообще не было таких дикостей и беззаконий, которых они бы ни совершили. А тот человек, — говорит он, — который дал им законы и государственное устройство, происходил из Гелиополя, имя его Осарсиф, от имени чтимого в Гелиополе бога Осириса. После своего переселения он стал называться Моисеем. По словам Манефона, Аменофис через тринадцать лет (ибо столько лет суждено было ему пребывать в изгнании) пришел из Египта с огромным войском и, напав на пастухов и прокаженных, одержал победу в этом сражении, причем многих он умертвил на месте, а остальных преследовал до пределов Сирии».

29. (267) При этом он даже не понимает, что преподносит безыскусную ложь. Ибо прокаженные и множество пастухов, если когда-то прежде и гневались на царя и на всех тех, кто по предсказанию прорицателя так с ними поступил, то после того как они вышли из каменоломен и получили от него целую область с городом, они должны были бы стать всецело ему преданными. Если бы они и в самом деле его ненавидели, то свои тайные замыслы против него обнаружили бы как-то иначе, а не стали бы начинать войну против всех, поскольку, раз уж их было такое огромное множество, само собой [среди египтян] у них было много родственников. Притом даже если бы они решили начать войну, они не осмелились бы воевать против их богов и не стали бы вводить законы, противные отеческим установлениям, на которых они были воспитаны. Мы должны еще быть благодарны Манефону за то, что зачинателями этого беззакония стали, по его словам, не пришельцы из Иерусалима, но они сами, египтяне, потому что из них главным образом их жрецы придумали все это и заставили население принести клятвы. С этим, пожалуй, почему бы и не согласиться? Никто из их родственников и друзей не присоединился к ним и не захотел разделить с ними тяготы войны, и прокаженные послали в Иерусалим просить о заключении с ними союза. Что это у них к ним за любовь и какое-такое стародавнее родство? Наоборот, те были их врагами и весьма существенно отличались обычаями. Он же говорит, что они тотчас поверили обещаниям, что овладеют Египтом, как будто им было совершенно ничего не известно об этой стране, из которой их некогда силой изгнали. Так, если бы у себя дома они нуждались и бедствовали, возможно, тогда они и отважились бы прийти им на помощь, но они населяли цветущий город и страну намного обильнее Египта, и ради чего стоило им подвергаться опасности и помогать своим давним врагам, к тому же еще и калекам, которым даже из их собственных родственников никто не посочувствовал? Не могли же они заранее знать о будущем бегстве царя. Ведь и сам Манефон говорил тому явно противоречащее, — что будто бы «сын Аменофиса во главе трехсоттысячного войска шел им навстречу в Пелузий»²¹⁵, и об этом было хорошо известно тем, кто собирался воевать, а о перемене его решения и бегстве разве могли они тогда догадываться? Иерусалимское войско захватило продовольственные запасы Египта, говорит он, и совершило множество ужасных злодеяний. За это он укоряет их, словно они были вовсе им не враги, или как будто за это следует

упрекать чужеземцев, позванных откуда-то извне, в то время как и до их прихода то же самое творили сами египтяне, и поклялись, что будут и впредь так поступать. «Однако некоторое время спустя Аменофис напал на них и победил в сражении и, многих убивая, преследовал до сирийских пределов». Вот, оказывается, как просто овладеть Египтом каким угодно пришельцам. И ведя в Египте войну, и зная, что Аменофис еще жив, они не стали укреплять свои границы со стороны Эфиопии, хотя имели к тому достаточно средств, и не позаботились о том, чтобы держать наготове остальное свое войско. «А царь,— говорит Манефон,— уничтожал их повсюду до границ Сирии, преследуя по безводной пустыне». Хотя известно, что войску непросто преодолеть пустыню и без боев.

30. (278) Итак, на основании сообщений самого же Манефона, наш народ происходит не из Египта, и никто из египтян с нами не смешивался. Ведь более чем вероятно, что множество больных и прокаженных погибли в каменоломнях, поскольку томились там длительное время, многие — в последовавших за тем сражениях, и еще больше — в самом последнем, и затем в бегстве²¹⁶.

31. (279) Мне остается ответить ему несколькими возражениями, касающимися Мойсея. Египтяне считают его человеком необыкновенным и божественным, а потому, желая видеть в нем своего соотечественника, они с невероятной дерзостью утверждают, что он был одним из гелиопольских жрецов, изгнанным вместе с остальными прокаженными. Однако наши письменные памятники говорят, что он родился за пятьсот восемнадцать лет до этого и увел наших предков из Египта в страну, которую мы теперь населяем. А что он не страдал подобным телесным недугом, выясняется из того, что он сам говорил²¹⁷. Ибо прокаженным он запрещает оставаться в городе или жить в деревне; им надлежит по одиночке бродить в разодранных одеждах, а всякого, кто прикоснется к ним или окажется с ним под одной крышей, он считает нечистым. И даже если болезнь будет излечена и человеку возвратится его прежний вид, он предписывал различного рода очищения, омовения ключевой водой и острижение всех волос, и лишь после того, как тот совершит множество всяческих жертвоприношений, он позволял ему войти в священный город. А между тем, казалось бы, человек с таким недугом должен был отнестись к больным той же болезнью с большей заботой и вниманием. Его постановления касались не только прокаженных,

но всем, кто имел хоть малейший телесный изъян, он запретил участвовать в священнодействиях²¹⁸. И даже если во время священнодействий с кем-либо случалось подобное несчастье, он лишал его этой чести. Потому возможно ли, чтобы он принимал эти постановления против самого себя и издавал законы себе же на позор и во вред? Кроме того, совершенно не похоже на правду и то, как он поменял имя. «Звали его Осарсиф»,— говорит Манефон. Это слово для соответствующего изменения не подходит. А настоящее его имя Моисей означает «спасенный из воды», ведь египтяне называют воду «мои»²¹⁹. Итак, мне кажется, ясно вполне, что Манефон не слишком погрешал против истины, пока следовал древним летописям, но как только обратился к безымянным сказаниям, то либо неправильно согласовал их друг с другом, либо слишком доверился людям, которые злобно клеветали на нас.

32. (288) От Манефона я хочу перейти к разбору того, что написано Херемоном²²⁰. Ведь и он утверждает, что пишет историю Египта. Подставив, как и Манефон, царя с тем же именем Аменофис и сына его Рамесса, он говорит, что «во сне Аменофису явилась Изидида²²¹, которая укоряла его за то, что в ходе войны был разрушен ее храм. Ученый жрец Фритифант²²² сказал, что, если он очистит Египет от людей, имеющих скверну, страхи его прекратятся. Собрав двести пятьдесят тысяч оскверненных, он изгнал их. Предводительствовал ими книжник Моисей и Иосиф, также священник и книжник. По-египетски звали их: Моисея — Тисифен, Иосифа — Петесеф. Придя в Пелузий, они нашли там триста восемьдесят тысяч человек, оставленных Аменофисом, которых царь не пожелал пускать в Египет. Заключив с ними союзнический договор, они пошли на Египет войной. Не ожидавший их прихода Аменофис бежал в Эфиопию, бросив беременную жену. Она, скрываясь в каких-то пещерах, родила сына, по имени Рамесс²²³, который, достигнув совершеннолетия, прогнал евреев числом около двухсот тысяч в Сирию и дал возможность отцу возвратиться из Эфиопии».

33. (293) Так говорит Херемон. Именно поэтому я и считаю, что из сказанного лживость обоих²²⁴ очевидна. Ибо если существует какая-то истина, то невозможно говорить о ней настолько противоречиво. Ложные сведения они сообщают потому, что пишут не согласно другим источникам, а что им самим в голову придет. Так, Манефон утверждает, что первоначальной причиной изгнания прокаженных было желание царя созерцать богов, Херемон же указывает свою причину,— что это якобы видение

Изиды. Первый говорит, что царю посоветовал изгнать прокаженных Аменофис, второй — что им был Фритифант. Также и об их численности они почти полностью согласны друг с другом — один называет восемьдесят тысяч, другой — двести пятьдесят. К тому же Манефон сперва отправляет прокаженных в каменоломни, затем отдает им город Аварис, в котором их поселяет, потом заставляет ополчиться на всех прочих египтян с их обычаями, и только после этого, по его словам, они просят помощи у жителей Иерусалима, а Херемон — что, удаляясь из Египта, они повстречали в Пелузии триста восемьдесят тысяч человек, брошенных Аменофисом, что, соединившись с ними, они напали на Египет и что Аменофис бежал в Эфиопию. Но поистине самое непонятное то, что сочинитель истории о прокаженных и о видении Изиды ни словом не обмолвился о том, откуда взялось это многотысячное войско — то ли они египтяне по происхождению, то ли пришли из какой-то другой страны, — и не потрудился растолковать, по какой причине царь не пожелал пустить их в Египет. Вместе с Моисеем Херемон также упоминает имя Иосифа, как будто тот был изгнан с ним в одно время, — а он на самом деле умер задолго до Моисея и старше его на четыре поколения, что составляет около ста семидесяти лет. К тому же Рамесс, сын Аменофиса, если верить Манефону, юношей вместе с отцом выступает на войну и затем вместе с ним бежит в Эфиопию, этот же говорит, что он родился уже после смерти отца²²⁵ в какой-то пещере, и после этого выигрывает сражение и прогоняет евреев числом около двухсот тысяч в Сирию. Удивительная беспечность! Поначалу он ни словом не обмолвился о том, кто такие эти триста восемьдесят тысяч человек, и куда подевались те четыреста тридцать, — в сражении ли пали или перешли на сторону Рамесса. И затем самое странное, — что у него невозможно понять, кого он называет евреями, или кто у него имеется в виду под этим именем, то ли двести пятьдесят тысяч прокаженных, то ли те триста восемьдесят тысяч собравшихся в Пелузии. Впрочем, было бы излишним продолжать изобличать тех, кто изобличил себя сам, ибо то, что сказано другими, всегда менее убедительно.

34. (304) К ним я прибавлю и Лисимаха²²⁶, который принимает ту же лживую посылку, что и вышеназванные, но своими выдумками далеко превосходит их нелепости. Из чего и следует, что он написал свое сочинение, движимый чувством ненависти к нам. Он говорит, что «при египетском царе Бокхорисе еврейский народ, зараженный проказой, чесоткой и еще какими-то

болезнями, стал стекаться в храмы, чтобы просить там подаяния. Когда заболело множество людей, в стране случился неурожай. Бокхорис²²⁷, царь Египта, послал к оракулу Аммона²²⁸ узнать о причинах неурожая. Бог повелел ему очистить святилища от безбожников и нечестивцев, изгнав их из храмов в пустыню, а больных проказой и чесоткой — утопить, поскольку богу Солнца не угодна их жизнь; затем очистить святилища, и тогда земля снова будет плодоносить. Получив оракулы, Бокхорис созвал жрецов и служителей алтарей и приказал им произвести отбор среди нечистых, чтобы одних передать воинам, которые отведут²²⁹ их в пустыню, а прокаженных обернуть в свинцовые листы и бросить в море. Прокаженные и чесоточные были утоплены, а остальные схваченные нечестивцы были удалены в пустыню, чтобы там погибнуть. Но, собравшись вместе, они посоветовались о том, что им делать, и, когда наступила ночь, разложили костры, зажгли факелы²³⁰ и остались в живых; следующую ночь, проведя в посте, они стали молить богов, чтобы те спасли их. На другой день некто Моисей посоветовал им рискнуть пойти наугад, пока не выйдут к каким-нибудь селениям, и повелел им из людей никого не жалеть и не испытывать к ним никаких добрых чувств, а только ненависть, и разрушать храмы и жертвенники богов, которые встретятся им на пути²³¹. Единодушно согласившись исполнить это приказание, они двинулись через пустыню и не без потерь достигли населенных мест. Над людьми они творили всякие бесчинства, святилища богов грабили и сжигали и, наконец, пришли в страну, которая называется теперь Иудея. Там они основали город и поселились в нем. Этот город получил название Иеросила²³² в напоминание об их святотатстве. Впоследствии, когда со временем они приобрели могущество, чтобы избежать упреков, они изменили название; город стал называться Иерусалим, а сами они иерусалимляне».

35. (312) Этот уже не позаботился даже о том, чтобы назвать того же царя, что они, но придумал имя поновее. Ему не понадобились ни сновидение, ни египетский прорицатель, — за оракулом о чесоточных и прокаженных он отправляется прямо к Аммону. В храмы, говорит он, стало стекаться множество евреев, однако тех ли самых прокаженных называет он этим именем, или только больных из числа евреев? Он ведь говорит «еврейский народ». Что за народ? По происхождению пришлый или местный? Почему же тогда ты называешь их евреями, если они египтяне? И после того как царь многих из них утопил

в море, а остальных изгнал в пустыню, каким образом возможно, чтобы уцелело такое множество? И как это им удалось сперва преодолеть пустыню, а затем овладеть страной, которую мы теперь населяем, к тому же основать там город и построить прославленный храм? Также ему следовало бы не только назвать имя законодателя, но и рассказать, кто он по происхождению и откуда, и ради чего он стал вводить подобные меры в отношении почитаемых богов и по отношению к людям призывать к беззакониям во время пути²³³? Ведь будь они египтянами по происхождению, они не изменили бы отеческим обычаям с такой легкостью; а будь они пришельцами из другой страны, все равно у них должны были существовать какие-то законы, закрепленные многовековой привычкой. Потому если они дали клятву никогда не прощать обиды тем, кто их изгнал, это было бы вполне правдоподобно, но что эти люди со всеми начали беспощадную войну в то самое время, когда, по его словам, сами бедствовали и нуждались в помощи всех и каждого,— все это обнаруживает скорее не их собственное неразумие, а весьма большую глупость того, кто написал эту ложь. К тому же он осмелился утверждать, что сначала и имя городу они нарекли по собственному святотатству, но впоследствии изменили его. Понятно, что за такое имя их потомков могли только стыдить и ненавидеть, но основатели города, стало быть, назвав его так, решили себя этим прославить. Однако в своем неумеренном желании хулить всех и все этот достойнейший человек не сообразил, что мы, евреи, говорим «святотатствовать» не на том же языке, что и эллины. Нужно ли еще что-то говорить о писателе, который лжет столь бессовестно? И поскольку эта книга уже приобрела положенный ей объем, я начинаю следующую и в ней попытаюсь сказать обо всем остальном, что имеет отношение к поднятому вопросу.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Итак, в предыдущей книге, почтеннейший мой Эпафродит, я изложил вопрос о древности нашего народа, доказав ее истинность на основании сочинений финикийян, халдеев и египтян; также я привел многочисленные свидетельства эллинских писателей и высказал свои возражения Манефону, Херемону и некоторым другим. Теперь же я принимаюсь за изобличение всех остальных из числа тех, кто что-либо написал против нас, хотя относительно возражений грамматiku Апиону²³⁴ у меня возникли сомнения, стоит ли вообще серьезно к нему относиться. Ибо из написанного им одни отрывки по содержанию схожи с тем, что сказано у других писателей, иные — он присочинил весьма бездарно, большинство же обнаруживают какое-то шутовство и, сказать по правде, полную невоспитанность, как будто составлены человеком испорченного нрава, который всю свою жизнь только и делал, что занимался шарлатанством. Однако поскольку множество людей по неразумию пленяются подобными речами более, нежели серьезными сочинениями, и приветствуют злословие, а к похвалам относятся неодобрительно, я почел своим долгом не оставить без разбора и этого писателя, который открыто, как на суде, выступил с обвинением против нас. Вместе с тем я замечая, что и такое свойство присуще многим людям — испытывать несказанную радость, когда один принимается порочить другого, но тотчас сам уличается в собственных ошибках. Потому совсем не просто заниматься разбором его сочинений, или хотя бы в точности понимать, что он хочет сказать: при той немислимой путанице и напластованиях лжи некоторые его рассуждения попадают в похожий разряд с уже исследованным нами вопросом об исходе наших предков из Египта, другие же представляют собой обвинение проживающих в Александрии евреев. К этим добавляются еще некоторые его высказывания, в которых он ругает богослужение в нашем храме и прочие согласные обычаю предписания.

2. (8) Итак, что наши предки были по происхождению не египтяне и что не из-за телесной скверны или каких-то иных

подобных недугов они были оттуда изгнаны, я, как мне кажется, доказал не только в должной мере, но даже более подробно, чем нужно. О том же, что дополнительно к этому сообщает Апион, я вкратце напомню. В своей третьей книге «Египетской истории» он говорит следующее: «Моисей, как я слышал от египетских старцев²³⁵, происходил из Гелиополя. Делая вид, что следует отеческим обычаям предков, он ввел молитвы под открытым небом на всех городских стенах, сколько их есть, и обратил весь город на восток, поскольку и город бога Солнца²³⁶ расположен таким же образом²³⁷. Вместо обелисков²³⁸ он установил столбы, у подножья которых была изображена ладья, при этом тень от вершин падала на нее так, что она совершала тот же путь, что и солнце по небу»²³⁹. Таково странное высказывание этого ученого человека, причем чтобы доказать его ложность, не нужно ничего говорить, но все понятно из самих упомянутых им дел и поступков. Ведь сам Моисей, когда построил первую скинию Богу, не оставил на ней ни единого изображения и последующим поколениям запретил делать это. И Соломон, построивший впоследствии Иерусалимский храм, воздержался от всякого подобного излишества, придуманного Апионом. Также он говорит, что слышал от старцев, будто Моисей происходил из Гелиополя. Это означает, что сам он был еще молод, но поверил тем, кто по возрасту своему знал Моисея и был его современником. Однако даже о поэте Гомере, будучи сам грамматиком, он, пожалуй, не смог бы с уверенностью сказать, где его отечество, — как и о Пифагоре, который тоже родился совсем не недавно. В отношении же Моисея, который жил за столько лет до них, ему, оказывается, намного легче поверить рассказам старцев, — именно потому ясно, что он лжет. Что же касается времени, когда, по его словам, Моисей вывел из Египта тех самых прокаженных, слепых и хромых, то я не сомневаюсь в том, что этот достовернейший ученый повторяет писавших до него. Ибо Манефон свидетельствует, что евреи переселились из Египта в царствование Тетмоса, за триста девяносто три года до бегства Дана в Аргос, Лисимах в свою очередь — что это случилось при царе Бокхорисе, то есть на тысяча семьсот лет раньше, Молон²⁴⁰ же и некоторые другие — как им вздумалось. Апион же, который без сомнения достоин доверия большего, нежели все остальные, определил исход с точностью — временем седьмой Олимпиады, и в первом ее году, говорит он, финикияне основали Карфаген²⁴¹. При этом он упоминает о Карфагене, полный уверенности в том, что это

послужит ему неоспоримым доказательством его правоты, и ему невдомек, что тем самым он изобличает самого себя. Ведь если верить финикийским письменным свидетельствам об основании этого города, то в них говорится, что царь Хиром правил задолго до основания Карфагена, многим ранее, чем те сто пятьдесят лет²⁴², о чем выше я уже приводил свидетельства финикийских источников, когда говорил о том, что Соломону, построившему Иерусалимский храм, Хиром был другом и во многом помог ему при создании храма. Собственно же Соломон спустя шестьсот двенадцать лет²⁴³ после исхода евреев из Египта построил храм. Назвав не глядя то же число изгнанников, что и Лисимах (он говорит, что их было 110 000 человек²⁴⁴), он приводит до удивления убедительное объяснение, почему суббота называется так, а не иначе. «Шесть дней находясь в пути,— говорит Апион,— они заболели бубонами, и по этой причине на седьмой день остановились, найдя убежище в стране, именуемой ныне Иудея, и назвали этот день субботой, сохранив египетское слово, ибо заболевание бубонами египтяне называют саббатосисом»²⁴⁵. Посмеяться ли над этим вздором или наоборот вознегодовать на заключенную в этих словах бессовестную ложь? Понятно, что этой болезнью заболели все 110 000 человек. Однако, если они были слепыми, хромыми и больными всякой болезнью, как говорит о них Апион, они не смогли бы пройти и однодневного пути. Если же они были в состоянии преодолевать пустыню и к тому же победоносно сражаться с теми, кто оказывал им сопротивление²⁴⁶, они вообще не должны были на седьмой день заболеть. Ибо не бывает так, чтобы это случалось с теми, кто совершает по необходимости подобные переходы — тысячи солдат постоянно преодолевают такие же расстояния,— как невероятно и то, что это произошло само по себе,— то была бы самая большая несообразность. Апион, которому можно только удивляться, сперва сообщил о том, что они пришли в Иудею через шесть дней, а затем говорит, что «Моисей взошел на гору, называемую Синай, которая находится между Египтом и Аравией, в продолжение сорока дней оставался сокрытым от всех, а затем, спустившись оттуда, дал евреям законы». Хотя каким образом и возможно ли вообще, чтобы одни и те же люди провели в безводной пустыне сорок дней и к тому же прошли ее всю в шестидневный срок? Также и в отношении названия субботы подмена слов выдает либо его величайшую бессовестность, либо вопиющее невежество²⁴⁷. Ведь слова «саббо» и «саббатон» весьма заметно

разнятся между собой: «саббатон» на еврейском языке значит прекращение всякого дела, а «саббо», как он и говорит, означает у египтян бубонную болезнь.

3. (28) Вот такие новые сведения о Моисее и о переселении евреев из Египта сообщает египтянин Апион в дополнение к свидетельствам других писателей²⁴⁸. Следует ли удивляться тому, что он говорит неправду о наших предках, сообщая, что они по происхождению египтяне? Ведь о себе самом он лжет, говоря прямо противоположное. Хотя он родился в египетском Оазисе²⁴⁹ и был, так сказать, чистейшим египтянином, он отрекся от своего настоящего отечества и народа, и, заявляя, будто он александриец, тем самым признал неполноценность своего происхождения. Поэтому, разумеется, он называет египтянами тех, кого сам ненавидит и желает обесславить. Ведь если бы он не считал египтян людьми недостойными, сам он не стал бы отказываться от родства с ними,— как должно поступать людям, которые гордятся своим отечеством и питают благородное желание быть причастными его делам, а тех, кто не по праву посягает на общее с ними происхождение, разоблачают. По отношению к нам египтяне могут испытывать одно из двух: либо, возвеличивая себя самих, они станут признавать родство с нами, либо сделают нас причастными дурной своей славы. Благородный Апион, по-видимому, своими поношениями в нашу сторону как бы пожелал заплатить александрийцам за предоставленное ему право гражданства, и, зная их неприязнь к евреям, проживающим вместе с ними в Александрии, он решил опорочить их, а заодно — и всех остальных, оставаясь в обоих случаях бессовестным лгуном.

4. (33) Между тем давайте посмотрим, в каких таких страшных злодеяниях обвиняет он живущих в Александрии евреев. «Придя из Сирии,— говорит он,— они поселились у не изрезанного заливами берега, по соседству с морским прибором»²⁵⁰. Уж если это место можно ругать, тогда он ругает Александрию, не настоящую свою, а названную родину. Ведь прибрежная ее часть, по общему признанию, для поселения весьма удобна. И даже если бы евреи силой захватили ее, так что смогли и впоследствии там удержаться, то это свидетельствует об их отваге. Но для поселения это место им выделил Александр, и с македонянами они получили равные права²⁵¹. Я не знаю, что сказал бы Апион, если бы они поселились у Некрополя²⁵², вместо того чтобы занять местность, прилегающую к царскому дворцу²⁵³. Фила же их и поныне называется македонской. Если

он читал послания царя Александра и Птолемея Лага, и знаком с грамотами последующих египетских царей, и ему доводилось видеть поставленную в Александрии колонну, на которой перечислены права, данные евреям великим Цезарем²⁵⁴, — если, я повторяю, он знал все это и осмелился утверждать тому прямо противоположное, он просто негодяй, если же он ничего об этом не знал, то совершенный неуч. Право же, его удивление тому, что, будучи евреями, они называются александрийцами, говорит о подобном невежестве. Ведь все те, кто был призван в какую-либо колонию, даже если они сильно разнятся между собой происхождением, получают название по имени основателя. И нужно ли говорить о каких-то других народах, если те из нас, кто живет в Антиохии, называются антиохийцами, и право гражданства предоставил им основатель Селевк²⁵⁵. Подобно тому и в Эфесе, и в остальной Ионии они имеют то же название, что и коренное население, и это право даровали им диадохи. Впрочем, римское великодушие позволило всем обходиться и без своего собственного названия — и не только отдельным людям, но и целым народам²⁵⁶. Так, в прошлом иберы, тирренцы и сабиняне именуются теперь римлянами. Если же Апион не признает такого гражданства, пусть больше не называет себя александрийцем. Ведь, как я прежде и говорил, он родился в самой отдаленной части Египта, и с чего бы ему быть александрийцем, если дарованное гражданство не имеет силы, как, по его словам, в нашем случае? Между тем одним только египтянам ныне господствующим над ойкуменой римляне отказали в праве какого-либо гражданства²⁵⁷. Он же настолько великодушен, что, устаивая себя самого быть причастным тому, в чем было ему отказано, взялся при этом оклеветать тех, кто обладает этим преимуществом по законному праву. Ибо Александр не из-за недостатка в жителях поселил некоторых из наших соотечественников в построенном им с такой основательностью городе; лишь после того, как Александр совершенно убедился в их благонамеренности и преданности, он пожаловал нашим предкам сей дар. Ибо к народу нашему он относился с уважением, что подтверждает, говоря о нас, и Гекатей: ведь за послушание и верность, которые доказали Александру евреи, он отдал им во владение область самаритянскую, не облагая ее налогом²⁵⁸. Подобно Александру к александрийским евреям относился и Птолемей Лаг. Ведь он доверил им египетские сторожевые посты²⁵⁹, заранее зная, что они верой и правдой будут испол-

нять свой долг, и когда захотел утвердить свою власть в Кирене²⁶⁰ и в остальных ливийских городах, он отправил туда на проживание часть еврейского населения. После него Птолемей, прозванный Филадельфом²⁶¹, не только возвращал всех попавших к нему в плен евреев, но и зачастую наделял их деньгами. И что самое главное, он пожелал узнать наши обычаи и познакомиться с книгами Священного Писания. Именно поэтому он попросил прислать ему тех людей, которые смогут сделать для него перевод Закона, а позаботиться о том, чтобы этот труд был исполнен с надлежащей тщательностью, он поручил не кому-нибудь, но повелел взять на себя эту обязанность Деметрию Фалерскому²⁶², Андрею²⁶³ и Аристею²⁶⁴—тому самому Деметрию, славившемуся в свое время ученостью, и двум другим, собственным телохранителям²⁶⁵. В самом деле, он не пожелал бы изучить законы и древнюю нашу мудрость²⁶⁶, если бы не испытывал чувства восхищения перед людьми, которые живут по ним, или с презрением относился бы к ним.

5. (48) Впрочем, Апион не обратил ни малейшего внимания и на то, что почти все последовавшие за ним македонские цари, преемники Александра, отличались необыкновенным к нам расположением. Ведь и третий по счету Птолемей, называемый Эвергетом²⁶⁷, после того как покорил Сирию, в ознаменование победы не египетским богам принес благодарственные жертвы, но прибыл в Иерусалим и совершил богатые жертвоприношения Богу по нашему обычаю и посвятил в храм дары, достойные его победы²⁶⁸. Птолемей Филометор²⁶⁹ и его жена Клеопатра судьбу собственного царства всецело доверили евреям, и военачальниками над всем войском были евреи Ония²⁷⁰ и Досифей²⁷¹, над именами которых Апион подшучивает, хотя следовало бы восхищаться их деяниями и не злословить, а испытывать чувство благодарности за спасение Александрии, которой он притязает быть гражданином. Ведь когда они [александрийцы] вели войну с царицей Клеопатрой и над ними нависала опасность неминуемой гибели, эти военачальники заключили мир и положили конец междоусобице²⁷². Однако «после этого,— говорит он,— Ония пришел с небольшим войском в город, где находился римский легат Терм»²⁷³. И правильно сделал, смею сказать, и весьма справедливо. Ведь Птолемей, названный Фисконом, когда его брат Птолемей Филометор умер, отправился из Кирены вместе с его сыновьями, желая низложить Клеопатру²⁷⁴, чтобы затем самому незаконно завладеть царством.

Именно поэтому Ония стал продолжать войну на стороне Клеопатры и не поступился своей верностью царям, когда им угрожала опасность. Бог — свидетель справедливости его поступков. Ведь когда Птолемей Фискон принял решение сразиться с войском Онии, он схватил всех находившихся в городе евреев вместе с женами и детьми и, связав их и раздев донага, бросил под ноги слонам, чтобы те растоптали их; для этого он даже напоил животных вином, но случилось противное тому, что он ожидал. Слоны, не тронув евреев, устремились на его приближенных и истребили многих из них. Вслед за тем ему было ужасное видение, которое повелело не причинять этим людям никакого вреда. Также его любимая наложница (одни говорят, что ее звали Итака, другие — Ирина) умоляла его не совершать такого ужасного святотатства, и он уступил ей и раскался в том, что уже сделал или только собирался²⁷⁵. По этой причине все еврейское население Александрии, как известно, празднует этот день, ведь тогда с очевидностью они удостоились избавления от самого Бога²⁷⁶. Апион же, хулитель всего и всех, взялся представить евреев виновниками войны, которую они вели против Фискона, хотя лишь должен был их за это почитать. Также он упоминает о последней египетской царице Клеопатре²⁷⁷ и как будто нас упрекает в том, что она не испытывала к нам добрых чувств. Ему нет дела до того, что скорее нужно обвинять саму эту женщину, готовую на всякие несправедливости и злодеяния по отношению к своим родственникам, к своим мужьям, которые ее любили²⁷⁸, по отношению ко всему римскому народу, и к императорам, которые были ее благодетелями. Она не остановилась даже перед тем, чтобы убить в храме свою сестру Арсиною²⁷⁹, хотя та не причинила ей никакого вреда. Также и брат был погублен ее коварством²⁸⁰; к тому же она ограбила святилища отеческих богов и гробницы своих предков. И возведенная на престол первым Цезарем²⁸¹, она самонадеянно воспротивилась воле его сына и преемника и, изводя Антония своей любовью, сделала его врагом собственного отечества и заставила изменить своим друзьям, одних лишая царского достоинства, других в своем безумии²⁸² толкая на злодеяния. Однако о чем еще говорить, если она оставила его во время морского сражения — своего мужа и отца ее детей, и тем самым заставила вместе с войском предать принципат и последовать за ней? Когда же Александрия в последний раз была завоевана Цезарем, эта женщина дошла до того, что надеялась на спасение, если собственноручно истребит евреев²⁸³.

Потому в жестокости и вероломстве ей нет равных. Неужели ты считаешь, что нам следует гордиться тем, что, как говорит Апион, в голодное время у евреев нет хлеба на столе?²⁸⁴ Конечно, она получила должное возмездие. А мы более всего находим свидетеля нашей поддержки и той преданности, которую мы доказали ему в борьбе с египтянами, в лице самого Цезаря, а также в постановлениях сената и в посланиях Цезаря Августа, в которых с одобрением говорится о наших заслугах²⁸⁵. Апиону следовало бы познакомиться с этими документами и без предубеждения рассмотреть различного рода свидетельства о событиях, случившихся при Александре и при каждом из Птолемеев, а также и то, какие постановления принимал сенат и величайшие римские императоры. Если же Германик²⁸⁶ не мог наделить хлебом всех жителей Александрии, то это лишь говорит о бесплодии и неурожае и не дает повода к обвинению евреев. Каково отношение императоров к проживающим в Александрии евреям, не для кого не секрет. Ведь помощь хлебом поступала от них ничуть не более, чем от остальных жителей Александрии²⁸⁷. А знак самого большого доверия, некогда оказанного им царями, императоры пожелали сохранить (я имею в виду надзор за рекой и всеми сторожевыми постами) и никогда не считали их недостойными исполнять эту обязанность.

6. (65) Затем, Апион спрашивает: почему же, если они граждане, они не почитают тех же богов, что александрийцы? Я отвечаю ему так: а почему, хотя вы и египтяне, однако постоянно и непримиримо враждуете между собой из-за веры²⁸⁸? И разве не потому всех вас мы называем египтянами или вообще не считаем за людей, что вы противно человеческой природе поклоняетесь животным, кормите их и всячески ублажаете? Нашто народ, по крайней мере [в этом отношении], оказывается единым и постоянным. Если же среди вас, египтян, бытуют столь заметные разногласия во взглядах, почему же ты удивляешься людям, которые прибыли в Александрию из других мест и остались верны своим издревле установленным обычаям? Также он обвиняет нас в возмущениях. Но даже если это обвинение справедливо по отношению к александрийским евреям, на каком основании он распространяет его на всех остальных, которые, как известно, живут в мире и согласии? Тем более не для кого не секрет, что настоящими виновниками возмущений были александрийские граждане, подобные Апиону. Ведь пока греки и македоняне владели этим городом, они никогда не устраивали против нас никаких гонений и позволяли нам жить

по древним обычаям. Однако, когда вследствие времени смут среди них возросло число египтян, то прибавилось и это явление. Между тем как наш народ всегда оставался несмешанным, сами они и положили начало всем этим бедам, поскольку их народ, не обладая сдержанностью македонян и благоразумием греков, усвоил, как видно, дурные египетские привычки, к которым прибавилась еще и давняя к нам неприязнь. Вот поэтому то, в чем они обвиняют нас, относится, наоборот, к ним же самим. Ведь многие из них получили права гражданства только потому, что называли иноземцами тех, кто, как известно, для всех и добился этого преимущества. Ведь никто из царей или из нынешних императоров, как известно, не даровал египтянам права гражданства. А нам позволил поселиться там Александр, цари возвысили нас, а римляне удостоили чести нести сторожевую службу. Апион не желает признавать этих наших заслуг, поскольку мы якобы не воздвигаем статуй императоров, как будто сами они об этом не знают и нуждаются в его заступничестве²⁸⁹. Ему скорее следовало бы восхищаться великодушием и терпимостью римлян, которые не заставляют покоренные ими народы нарушать отеческие законы, но довольствуются таким почитанием, которое для их подчиненных было бы законным и благочестивым. Ибо они не дорожат теми почестями, которые воздаются им по насильственному принуждению. Конечно, у греков и у некоторых других народов почитается прекрасным создание изображений. Они приходят в неописуемый восторг, разукрашивая изваяния своих отцов, жен и детей, пусть даже некоторые из них вообще не имеют с ними никакого сходства. Иные же поступают так и со своими любимыми слугами. Потому разве удивительно, что они удостоивают подобных почестей своих правителей и властелинов? Однако наш законодатель запретил создавать изображения не потому, что, предвидя будущее могущество римлян, не считал нужным относиться к ним с уважением, но потому, что не видел в этом никакой пользы ни для людей, ни для Бога. К тому же, уж если он запретил изображать существа одушевленные, то тем более бестелесное Божество. Впрочем, иные почести, кроме божеских, он не запретил воздавать людям достойным, как мы и поступаем по отношению к императорам и римскому народу. Ибо мы постоянно совершаем за них жертвоприношения²⁹⁰, и вовсе немаловажно, что они устраиваются у нас ежедневно на общественный счет²⁹¹ всех евреев. Ни в каких других случаях, даже за наших детей, мы не совершаем жертвоприношений на обще-

ственный счет, но только императорам мы воздаем эту исключительную почесть, которой не удостаиваем ни единого из людей. Итак, пусть написанное здесь послужит Апиону ответом на все то, что было сказано им об Александрии.

7. (79) Удивляют меня и те, которые стали его подстрекателями в этом деле, я имею в виду Посидония²⁹² и Аполлония Молона, ибо они тоже обвиняют нас в том, что мы не почитаем тех же богов, что остальные. Они также лгут и выдумывают не соответствующие истине небылицы о нашем храме, не считая при этом, что поступают скверно. Между тем весьма постыдно для всякого свободного человека из каких угодно соображений лгать, тем более что столь знаменитая святыня, как наш храм, всем хорошо известна. Апион осмелился утверждать, что в этом святилище «евреи поместили ослиную голову, воздавали ей почести и удостаивали ее всяческого поклонения»²⁹³. Голова пропала тогда, — уверяет он, — когда Антиох Епифан²⁹⁴ разорил храм и обнаружил, что она сделана из чистого золота и стоит немалых денег»²⁹⁵. Итак, сперва ему в ответ я замечу, что даже если бы у нас и было что-то подобное, то египтянин ни в коем случае не мог бы поставить нам это в вину, поскольку ослы ничуть не хуже кошек²⁹⁶, козлов и прочих животных, которые почитаются у них богами. Затем, как же он не заметил, что его невероятная ложь разоблачается теми сведениями, которые он сам же и сообщает? Ведь мы всегда руководствуемся одними и теми же законами, которым мы безгранично преданы. И когда наш город, также как и другие города, потрясали различные беды, когда Антиох Пий²⁹⁷, Помпей Магн²⁹⁸, Лициний Красс²⁹⁹ или в последний раз Цезарь Тит³⁰⁰ в победоносной войне овладевали храмом, они ничего подобного там не находили, но только строжайшее благочестие, чего мы не можем сказать относительно других храмов. Впрочем, Антиох разграбил храм без всякого сколько-нибудь благовидного предлога; он пошел на это из-за нехватки денег, хотя и не был нашим врагом³⁰¹. И когда он напал на нас — своих союзников и друзей — ничего достойного осмеяния он там не обнаружил. Многие уважаемые историки также свидетельствуют об этом — Полибий Мегаполитанский³⁰², Страбон Каппадокийский³⁰³, Николай Дамасский³⁰⁴, Тимаген³⁰⁵, летописец Кастор³⁰⁶ и Аполлодор³⁰⁷. Все они говорят, что Антиох нарушил свой договор с евреями из-за нехватки денег, потому-то он и разграбил храм, богатый золотом и серебром. Все это должен был принять во внимание Апион, если бы у него самого не было соображения

осла и бесстыдства собаки³⁰⁸, которую они боготворят. Ведь никаких иных оснований для этой лжи у него нет. Мы не поклоняемся и не воздаем ослам никаких почестей, в отличие от египтян с их крокодилами и змеями. Тех, кого ужалит змея или схватит крокодил, они почитают счастливыми, угодными богу. У нас же, как и у других благоразумных людей, ослы перевозят навьюченную на них поклажу. И если они заходят на поля и начинают жевать или не слушаются приказаний, то их при этом изрядно бьют — ведь они служат нам во многих делах, в том числе и в земледелии. Апион то ли сам был слишком невежественным, чтобы складно лгать, то ли, что более вероятно, собрав какие-то разрозненные сведения, оказался не в состоянии представить их в законченном виде, — раз ни один из его выпадов против нас не достигает цели.

8. (89) Он рассказал и другую порочащую нас басню об эллинах, в связи с чем вполне уместно заметить, что тому, кто берется рассуждать о благочестии, не худо бы знать, что даже входить в храм менее непристойно, чем нечестиво разглагольствовать о священнослужителях. Однако они³⁰⁹ стараются скорее оправдать этого нечестивого царя, чем сообщить справедливые и правдоподобные сведения о нас и о нашем храме. Так, желая угодить Антиоху и покрыть его святотатственное вероломство, которое по отношению к нашему народу он позволил себе из-за недостатка в средствах, они приписали нам вещи, которые мы будто бы намеревались совершить впоследствии. Глашатаем всех остальных стал Апион, который сказал, что «Антиох нашел в храме ложе и лежащего на нем человека, перед которым был поставлен небольшой стол, исполненный изысканными яствами, плодами морскими и земными. Царь был поражен этому. А тот стал тотчас славить его приход, как будто он пришел оказать ему величайшую услугу, и, припав к его коленям и протягивая к нему правую руку, стал молить его об освобождении. Царь приказал ему, чтобы тот сел и рассказал ему, кто он такой, почему живет здесь, и откуда все эти яства, и тогда этот человек, обливаясь слезами, поведал ему жалобную историю о своем несчастии. Он сказал, — говорит Апион, — что по происхождению он эллин, и что когда он бродил по стране в поисках пропитания, его неожиданно схватили какие-то незнакомые люди, привели в храм и там заперли, и что ему ни с кем не позволяют видаться, хотя и откармливают всевозможными яствами. Поначалу эти бесчисленные видимые благодеяния доставляли ему радость, потом стали внушать подозрение и нако-

нец, привели его в полнейшее недоумение. Когда же ему удалось расспросить об этом приходящих к нему слуг, тут-то он и узнал об ужасном еврейском обычае, ради которого его откармливали. Они совершают его каждый год в определенное время. Поймав какого-нибудь греческого бродягу, они в продолжение года кормят этого человека, затем, отведя в какой-то лес, убивают, тело его по своему обряду приносят в жертву и, вкусив от его внутренностей³¹⁰, во время жертвоприношения приносят клятву в том, что всегда будут ненавидеть эллинов. Вслед за тем останки этого человека они бросают в какой-то ров». Потом Апион сообщает, что тот будто бы сказал, что «жить осталось ему всего лишь несколько дней, и просил из уважения к эллинским богам посрамить коварных евреев в их кровавых замыслах и избавить от постигших его напастей»³¹¹. Подобная история исполнена не столько подлинной трагичности, сколько с очевидностью обнаруживает ужасающее бесстыдство. При этом она ничуть не оправдывает Антиоха в его святотатстве, на что рассчитывали те, кто ему в угоду все это написал. Ведь когда он входил в храм, у него и в мыслях не было встретить там что-либо подобное, но все произошло для него неожиданно. Потому, независимо от чьих-то желаний, он был нечестивцем и в не меньшей степени безбожником, сколь ни многочисленны потоки бессовестной лжи, которая весьма просто распознается из самого рассказа о событиях. Ведь не только по отношению к эллинам выясняется своеобразие наших законов, но более всего применительно к египтянам и ко многим другим народам. Людям из каких только стран не случалось побывать у нас хотя бы однажды, но одних только эллинов, составив очередной заговор, мы избирали для пролития их крови³¹² — и возможно ли, чтобы на эти жертвоприношения собирались решительно все евреи, и всем этим тысячам людей доставалось попробовать их внутренностей, как об этом говорит Апион? Почему же этого найденного в храме человека, кто бы он ни был (ведь имени его он не называет)³¹³, царь с почетом не препроводил в его отечество, в то время как, сделав это, он мог бы прослыть человеком благочестивым, особенно расположенным к эллинам и к тому же заручиться поддержкой многочисленных сторонников против ненавидящих его евреев. Однако оставим это: людей неразумных следует убеждать не голословно, но опираться на факты. Итак, все, кто видел здание нашего храма, знают его устройство³¹⁴ и его постоянную безупречную чистоту и святость. С четырех сторон он был окружен портиками, из которых

каждый, согласно закону, имел собственную стражу. К внешнему портику подходить было позволено всем, в том числе и чужеземцам. Не допускались туда только женщины во время месячных очищений. Ко второму портику подходили только евреи и их жены, если только были ритуально чисты. К третьему — знатные евреи мужеского пола, прошедшие обряд очищения. К четвертому — только священники, одетые в священнические одежды, а в Святая Святых — только первосвященники также в соответствующем облачении. Порядок благочестия был настолько строг, что для священников было положено особое время, чтобы войти в храм. Тем, кто совершал жертвоприношения, надлежало приходить рано утром с открытием храма и уходить в полдень, перед его закрытием. Кроме того, в храм не разрешалось вносить никаких сосудов. Внутри находился только жертвенник, престол, кадилница и светильник — все, что предписано законом. Никакие посторонние или какие-то иные тайные священнодействия там не совершались, и не устраивались внутри никакие трапезы. Все прежде сказанное может быть с очевидностью засвидетельствовано всем народом, и можно также привести доказательства из действительных событий. Ведь хотя и существует четыре разряда священнослужителей³¹⁵, и каждый из них составляет более пяти тысяч человек, обязанности служения в храме они, однако, исполняют отдельно друг от друга в установленные дни, и когда заканчивают одни, совершать жертвоприношения приходят им на смену другие. Собравшись в храме в середине дня, они принимают от своих предшественников ключи и священные сосуды по счету, при этом они не приносят с собой ничего, что имеет отношение к еде или питью. Равным образом не позволено приступать с этими предметами и к жертвеннику, за исключением того, что предназначено к жертвоприношению³¹⁶.

Что же ввиду всего этого сказать об Апионе, кроме разве что он, не обращая на это никакого внимания, сообщил сведения самые невероятные? Право же, стыдно, что ученый грамматик не в состоянии доказать истинных познаний в истории. Притом зная о благочестии нашего храма, он закрывает на это глаза, выдумывая историю с поимкой и немислимым откармливанием какого-то грека, с обилием великолепных яств и какими-то нечестивцами, которые могут входить туда, где не позволено находиться даже самым знатным из евреев, если они не священники. Все это величайшее святотатство и нарочитая ложь, имеющая целью ввести в заблуждение тех, кто не пожелает разо-

браться в истине. В таких-то и тому подобных немислимых злодействах, о которых здесь было сказано, нас пытаются обвинить.

9. (112) В свою очередь наш благочестивейший писатель, как бы в насмешку, прибавляет к своим пустейшим выдумкам еще одну³¹⁷. По его словам, тот самый грек рассказал, что «когда евреи вели затяжную войну с идумеями³¹⁸, из какого-то идумейского города к ним пришел некий человек по имени Завидон³¹⁹, почитавший у себя бога Аполлона, и пообещал, что доставит им Аполлона Дорского³²⁰. Он сказал, что бог сам явится в наш храм, если все еврейское население придет и соберется там. Завидон соорудил какое-то деревянное приспособление и забрался внутрь. Снаружи он приделал светильники в три ряда и стал расхаживать в нем, так что издали казалось, будто землю посетила звезда³²¹. Евреи, пораженные необычайностью зрелища, молча стояли поодаль. А Завидон тем временем преспокойно вошел в храм, сорвал золотую ослиную голову (какой остроумный поворот событий) и поспешил удалиться обратно в Дор». Не сказать ли и нам теперь, что Апион слишком тяжело навьючил осла (то есть себя самого) и уж совсем его перегрузил неподъемной ношей всякого рода глупостей и вранья? Он пишет о местностях вовсе несуществующих и по своему невежеству путает города. Ведь Идумея — страна, которая граничит с нами со стороны Газы³²², и там нет никакого города Дора. Между тем в Финикии Дором называется город у горы Кармель, но он не имеет ничего общего с рассказами Апиона хотя бы потому, что находится на расстоянии четырех дней пути от Идумеи³²³. И почему же тогда он все еще обвиняет нас в том, что у нас нет никаких общих с другими народами богов, раз наши предки с такой легкостью поверили, что к ним придет Аполлон, и были в полном убеждении, что видят, как он со своими звездами расхаживает по земле? Светильников-то, понятное дело, они никогда прежде и в глаза не видели, хотя каких только — и сколько — не возжигается у них по праздникам³²⁴. Когда же он шел по стране, ни единый человек из многотысячного ее населения ему не повстречался, притом пустовали и стены, оставленные стражниками, несмотря на то, что была война. Не говоря уже и обо всем остальном — ворота храма были высотой шестьдесят, шириною двадцать локтей, почти повсеместно покрытые позолотой или кованым золотом³²⁵; каждый день их запирало не менее двухсот³²⁶ человек, и оставлять их открытыми было

запрещено. Тем проще, рассудил Апион, наш свеченосец преодолест их, если захочет,— тем более что ослиная голова была при нем. И что же, потом он снова возвратил эту голову нам, или ее заполучил сам Апион и предъявил Антиоху, чтобы тот поверил в его очередную сплетню?

10. (121) Совершенным обманом оборачивается и его история с клятвой, в которой мы будто бы клянемся Богом, сотворившим небо, сушу и воды, в вечной ненависти ко всем иноплеменникам, и в особенности к эллинам³²⁷. Уж если так, то следовало бы сразу сказать — в вечной ненависти ко всем иноплеменникам, и более всего к египтянам. Пожалуй, тогда ему бы удалось согласовать историю о клятве с прежними своими выдумками,— если уж соплеменниками его египтянами предки наши были изгнаны не в наказание за какие-то злодеяния, а по несчастной случайности. От эллинов же нас отделяет более расстояние, нежели обычай, так что ни малейшей ненависти или вражды к ним мы не питаем. Напротив, случилось так, что многие из них принимали наше вероучение, но одни оставались ему верны, другие же, не выдержав его строгости, отпадали. К тому же никто никогда не говорил, что слышал от нас подобную клятву, за исключением Апиона, который, разумеется, слышал, потому что сам же ее и сочинил.

11. (125) Между тем можно только удивляться и всему тому, что от своего большого ума Апион напридумывал вслед за тем. По его словам, доказательством того, что законы, по которым мы живем, несправедливы, и что Бога мы почитаем не так, как подобает, служит то, что мы ни над кем не властвуем, но сами постоянно находимся в рабстве то у одного, то у другого народа, и что с нашим городом постоянно случаются какие-нибудь несчастья,— их-то собственный город³²⁸ [т. е. Александрия], понятное дело, с незапамятных времен славился своим могуществом и не покорился даже римлянам, хотя, впрочем, можно было бы и не злоупотреблять великодушием последних. Ибо нет такого человека, который не подтвердил бы, что все сказанное Апионом в полной мере относится к нему самому. Ведь очень немногим народам удавалось длительное время удерживать свое господство; изменившиеся обстоятельства заставляли их снова покоряться другим. Даже весьма многочисленный народ зачастую подпадал чьей-нибудь власти. И выходит, одни только египтяне, благодаря тому что боги, как он утверждает, бежали в их страну и спаслись там, превратившись в животных³²⁹, обрели этот исключительный дар — не служить никому из покорителей Азии или Европы,— а уж египтянам-то,

как известно, за целую вечность не удалось прожить на свободе ни единого дня, и даже не столько благодаря своим собственным правителям. Ибо как с ними поступали персы³³⁰, разорявшие их города, разрушавшие храмы и убивавшие тех, кого они почитают богами,— и это случилось не однажды, но повторялось много раз,— об этом я умолчу, поскольку негоже уподобляться Апиону в его бесцеремонности, который, кстати сказать, не помнит о судьбе ни афинян, ни лакедемонян, из которых одних считают самыми мужественными, а других самыми благочестивыми все без исключения эллины. Не буду упоминать ни о царях, знаменитых своим благочестием, из которых самые прославленные³³¹ каких только несчастий не пережили за свою жизнь,— ни о пожарах, уничтоживших афинский акрополь³³², эфесский³³³ и дельфийский³³⁴ храмы и множество других,— и никто при этом не обвинял пострадавших, а только виновников. И тут нашелся наш новоявленный обвинитель Апион, который позабыл обо всех несчастиях, постигших его родной Египет. Просто его ослепил Сесострис³³⁵, баснословный египетский царь. О наших же царях Давиде и Соломоне, которые подчинили себе многие народы, нам бы не хотелось говорить. Потому оставим их в стороне, хотя, впрочем, об общеизвестном Апион также не знает — что когда персы и их преемники македоняне господствовали над Азией, египтяне были ими покорены и во всем уподобились рабам, мы же сохраняли свободу и к тому же в продолжение почти ста двадцати лет³³⁶, вплоть до времени Помпея Магна, властвовали над соседними городами. И когда все цари были повсеместно римлянами побеждены, одни только наши единоплеменники за свою преданность оставались их неизменными друзьями и союзниками.

12. (135) «Из нас якобы не происходили великие люди, изобретатели ремесел, например, или великие мудрецы». Тут же он перечисляет их имена — Сократа, Зенона, Клеанфа и тому подобных, и затем — самое поразительное из всего того, что он говорил,— к этим людям он причисляет и самого себя, говоря, что почитает за счастье, что Александрия имеет такого гражданина. Он-то и нужен был сам себе в свидетели, поскольку всем остальным известно, что он гнусный шарлатан, порочный в жизни своей и в словах, так что об Александрии, пожалуй, следует только сожалеть, если она гордится таким человеком. А о наших соотечественниках, достойных ничуть не меньших похвал, знают те, кто познакомился с книгами о нашей древнейшей истории.

13. (137) На остальные его обвинения, пожалуй, следовало бы вообще не отвечать, чтобы ему самому предоставить обвинять самого себя и всех прочих египтян. Он ставит нам в вину то, что мы приносим в жертву животных и не употребляем в пищу свинины, а также смеется над обрезанием. Что касается закалывания домашних животных, то в этом мы несколько не отличаемся от всех остальных народов, зато Апион подобными упреками лишь обнаруживает, что сам он по происхождению египтянин³³⁷. Ибо это его ничуть не встревожило бы, будь он эллин или македонянин. Они-то дают обеты приносить богам гекатомбы и поедают мясо жертвенных животных на пиршествах, но из-за этого на земле до сих пор еще не перевелся скот, чего так боится Апион. Между тем если бы все следовали египетским обычаям, на земле уже давно перевелись бы люди, и она наполнилась бы дикими зверями, которых они почитают за богов и потому прилежно откармливают. А если спросить его, кто из египтян, по его мнению, всех благочестивее и мудрее, он без сомнения назвал бы жрецов, потому что цари, как говорят, еще в глубокой древности возложили на них двоякую обязанность: богослужение и попечение о мудрости. Как раз они-то все и совершают над собой обрезание и воздерживаются от употребления в пищу свинины. Да и к тому же из остальных не найдется ни одного египтянина, который не приносил бы когда-нибудь в жертву свинью³³⁸. А потому не помутился ли Апион рассудком, взявшись глумиться над нами в угоду египтянам и обвиняя при этом тех, которые не только сами придерживаются осмеянных им обычаев, но и научили обрезанию других, о чем свидетельствует Геродот³³⁹? Именно поэтому, как мне кажется, Апион заслуженно понес соответствующее наказание за глумление над отеческими обычаями. Ведь он сам был вынужден сделать обрезание, когда у него появилось гнойное воспаление на детородном органе, но оно оказалось ему совершенно бесполезным, и он умер от загноения в страшных мучениях. Ибо следует строго придерживаться благочестия, уважать собственные законы и не хулить при этом чужие. Он же от своих уклонился, а наши оболгал. Таков был конец жизни Апиона, и мы на этом тоже заканчиваем свою речь о нем.

14. (145) Но поскольку и Аполлоний Молон, и Лисимах, и некоторые другие отчасти по незнанию, но главным образом по причине недоброжелательства к нам распространяют лживые и несправедливые слухи о нашем законодателе Моисее, пред-

ставляя его колдуном и обманщиком, а также о предписаниях наших законов, утверждая, что они не научают нас никакой добродетели, а только пороку,— мне хотелось бы в немногих словах рассказать о нашем общественном устройстве в целом и коснуться некоторых частных, насколько это будет в моих силах. Ибо тогда, я полагаю, станет очевидным, что законы, по которым мы живем, наилучшим образом располагают к воспитанию в нас богопочтения, добрых отношений между собой, любви ко всем людям, а также к справедливости, стойкости в трудах и презрению к смерти. Я прошу тех, кому случится познакомиться с моим трудом, отнестись к нему без предвзятости. Ибо я не имел в виду написать похвальное слово нам самим, однако считаю, что наиболее достойным и справедливым ответом всем тем, кто возводил на нас многочисленную клевету, будет апология, составленная на основании тех самых законов, по которым мы живем. С другой стороны, обвинение Аполлония против нас, в отличие от Апионова, не целостно, а разрознено и разбросано по всему его сочинению³⁴⁰. Он то принимается хулить нас за безбожие и человеконенавистничество, то укоряет нас в малодушии, а в одном месте, наоборот, ругает нашу безрассудную отвагу. К тому же он говорит, что мы самые бездарные из варваров и потому одни только мы не сделали никаких полезных для жизни изобретений. Все это, я считаю, будет опровергнуто с очевидностью, если окажется так, что наши законы, которые мы исполняем неукоснительно, предписывают совершенно обратное тому, что он говорил. Но раз уж я вынужден говорить об иных, несколько отличных обычаях других народов, то настоящие виновники этому те, кто пожелал умалить и оклеветать наши законы. Я полагаю, после этого им будет нечего сказать — ни что у нас вовсе не существует подобных постановлений,— ведь самые основные из них я приведу,— ни что мы не стремимся более всего на свете исполнять предписания своих же законов.

15. (151) Сделав это краткое отступление, в начале мне, пожалуй, следует сказать о само собой разумеющемся,— что от людей, живущих без порядка и закона, все те, которые пожелали приобщиться к ним и первыми ввели их у себя, отличаются послушанием и добротою нравов. Нет ничего удивительного в том, что всякий народ старается возводить свои обычаи к глубокой древности, чтобы не показалось, будто они подражают другим, но что, наоборот, сами они указали всем остальным, что жить следует сообразно законам. При таком устроении их

жизни доблесть законодателя состоит в том, чтобы избрать наилучшие законы и убедить тех, кто собирается по ним жить, в необходимости всех своих постановлений, доблесть же большинства — их неукоснительно соблюдать и ни при каких обстоятельствах ни в горе, ни в радости не изменять ни единого из них. Между тем я утверждаю, что всех упомянутых где-либо законодателей наш законодатель превосходит своей древностью. Ведь получается так, что и Ликурги, и Солоны, и локриец Залевк³⁴¹ и все прочие эллинские знаменитости по сравнению с ним родились чуть ли не на днях, причем в древности само слово, обозначающее «закон», было эллинам неизвестно, о чем свидетельствует сам Гомер, который нигде в своих поэмах это слово не употребляет³⁴². Ибо в его время закона просто не было, а народы жили, руководствуясь какими-то неопределенными мнениями и повелениями царей. С тех пор и еще очень долгое время они продолжали пользоваться своими неписаными правилами и постоянно изменяли их в зависимости от обстоятельств. А наш законодатель, древнейший из всех (ибо с этим соглашаются даже те, кто во всем остальном высказывается против нас³⁴³), оказался наилучшим вождем и наставником своего народа и, взявшись устроить всю их жизнь согласно закону, убедил их это принять, а сохранить свои постановления в неприкосновенности поручил людям сведущим.

16. (157) Обратимся к самому первому из величайших его деяний. Когда наши предки решили покинуть Египет и возвратиться на родину, он повел за собой многие тысячи людей и благополучно преодолел с ними самые непреодолимые трудности, ведь им пришлось идти по огромной безводной пустыне и побеждать в сражениях врагов, оберегая при этом своих жен и детей вместе с добычей. Во всех без исключения случаях он показал себя выдающимся военачальником и мудрым наставником, который обо всех проявлял истинную заботу. Он убедил свой народ во всем положиться на него; они подчинялись всякому его приказу, но он ни разу не воспользовался властью для собственной выгоды. При всяком удобном случае вожаки повсеместно стремились к утверждению своей власти и тирании, а народ приучали к полнейшему беззаконию, однако этот человек, обладавший таким могуществом, напротив, считал, что следует жить благочестиво и относиться к своему народу с искренней благожелательностью — именно так, полагал он, ему более всего удастся проявить свою добродетель и избавить от верной гибели тех, кто поставил его над собою вождем. Он

видел перед собой благую цель и совершал великие деяния, и потому мы были уверены в том, что имеем в его лице божественного наставника и предводителя³⁴⁴. И прежде сам убедившись в том, что он мыслит и поступает во всем по воле Божьей, он подумал, что следует безотлагательно привести свой народ к осознанию необходимости этого. Ибо поверившие, что Бог видит их жизнь, удерживаются от совершения малейших проступков. Вот каким был на самом-то деле наш законодатель — не колдуном, не обманщиком, как о нем несправедливо говорят наши хулители, а подобно тому, как у самодовольных эллинов — Минос³⁴⁵ и прочие позднейшие законодатели. Большинство из них приписывало свои законы [какому-нибудь боже-ству] — Минос, например, говорил, что получил оракулы своих законов от Аполлона в его дельфийском святилище, — причем то ли они считали, что оно так на самом деле и есть, то ли им казалось, что таким образом будет проще всех убедить. Кто-из них дал самые правильные законы и кому удалось наиболее верно рассудить о вере в Бога, можно выяснить из сопоставления самих законодательств. Об этом-то и следует теперь погово-рить. Итак, невозможно перечесть частных отличий в обычаях и законах у всех народов. Иные отдали власть самодержцу, иные нескольким избранным родам, иные доверили ее народу. А наш законодатель, отказавшись от всего вышеперечисленного, создал так называемую теократию³⁴⁶, — если это слово не слиш-ком искажает настоящий смысл, — отдав начальство и власть в своем государстве Богу и убедив всех единственно в Нем видеть причину тех благ, которые выпадают на долю всех и каждого и которые они [его соплеменники] ощутили, когда переживали трудные времена. От Него невозможно сокрыть ни единого поступка, ни человеческого помышления. А Сам Он, по словам законодателя, — нерожденный, вечно неизменный, пре-восходящий красотой всякое смертное существо, ведомый нам по Его действию, но непостижимый в своей сущности. О том, что мудрейшие из эллинов научились так мыслить о Боге после того, как он положил этому основание, я не стану сейчас гово-рить. А о том, что это хорошо и достойно естества и великоле-пия Бога, они засвидетельствовали с очевидностью. Ведь и Пи-фагор, и Анаксагор, и Платон, также как и все последовавшие за ними стоики, да и вообще почти все философы, мыслили именно так о существовании Бога. Однако хотя и научая умозрению немно-гих, они все же не осмеливались преподавать свое истинное учение большинству, объятому предрассудками. А наш законодатель,

поскольку сам поступал в полном соответствии с законами, убедил не только своих современников, но и грядущим поколениям внушил на века неколебимую веру в Бога. Причина этого также и в том, что по своему содержанию его законодательство далеко превзошло все остальные в действенной пользе. Ведь богопочтение он рассматривал не как составляющую часть добродетели, но его составляющими считал все остальные добродетели — я имею в виду справедливость, стойкость, целомудрие, согласие во всем между собой граждан. Ведь все наши поступки, досуг и разговоры немыслимы вне принятого у нас богопочтения, и ничто из того он не оставил без предписания или определения. Вообще существует два способа воспитания, образующих нравственное поведение, из которых первый состоит в поучении словом, а второй достигается через практическое упражнение душевных сил³⁴⁷. Так, прочие законодатели в отношении их расходились во мнениях и всегда один, казавшийся им более пригодным, предпочитали другому, как, например, лакедемоняне или критяне пользовались способом упражнения, не словесным, а афиняне и почти все остальные эллины то, что следует или не следует делать, предписывали законами, оставляя в небрежении воспитание нравственности делами.

17. (173) Наш законодатель самым тщательным образом сочетал оба эти способа³⁴⁸. Он не пренебрег нравственным упражнением и не отказался от словесного закона, но, начиная с самого произведения на свет и распорядка жизни каждого у себя в быту, ни единой мелочи не оставил на произволение тех, кто станет жить по этому закону. Напротив, он установил определения и точные правила относительно пищи — от чего должно воздерживаться и какую употреблять, — относительно общего распорядка жизни, сколько времени уделять трудам и, наоборот, отдыху, — чтобы живущие по нему, словно под властью отца или господина³⁴⁹, ни по собственному произволению, ни по незнанию не согрешали ни в чем. Он даже не оставил возможности оправдаться неведением, поскольку сделал знание закона самым важным и неизменным условием воспитания и повелел слушать его не один раз, не два и даже не несколько раз, но каждую неделю собираться для чтения закона и подробно его изучать³⁵⁰. Право же, другие законодатели, сколько я знаю, на это совсем не обращали внимания.

18. (176) Большинство людей настолько далеки от того, чтобы жить согласно своим законам, что почти совсем не знают

их, и только когда уже согрешат, от других узнают, что совершили преступление. И даже те, кто занимает у них самые высокие и ответственные должности, признаются в своем незнании, потому что для управления делами берут себе помощников³⁵¹, которые должны прежде всего знать законы. Из нас же, кого о них ни спроси, тому скорее труднее будет назвать свое собственное имя³⁵², чем рассказать их все. Вот потому от самого раннего пробуждения сознания в нас мы изучаем их и имеем как бы начертанными в своем сердце. Преступник среди нас явление редкое, избежать же наказания за преступление невозможно.

19. (179) Прежде всего именно это стало причиной удивительного единодушия между нами. Ведь то, что мы имеем единое понятие о Боге и не различаемся между собой образом жизни и обычаями, способствует доброму согласию между людьми. Только у нас невозможно услышать противоречащих друг другу суждений о Боге, что по большей части свойственно всем остальным (не только всякий случайный человек ни с того ни с сего заговаривает с первым встречным об этом возвышенном предмете, но посягают на это даже некоторые из философов — одни в своих рассуждениях принимают вовсе отрицать существование Бога³⁵³, другие отрицают Его промышление о людях³⁵⁴), — равным образом и в повседневных отношениях между нами не бывает разногласий, но все дела мы делаем сообща, с единой мыслью о Боге, согласной с нашим законом, которая гласит, что Он видит все. А что в повседневной жизни все должно сводиться к одному — к благочестию, о том можно услышать даже от женщин и прислуги.

20. (182) Именно вследствие этого некоторые и упрекают нас в том, что среди нас не было изобретателей каких-нибудь словесных или практических новшеств. Ведь все остальные почитают своим долгом не следовать ни единому из отеческих установлений и проявления величайшей мудрости обнаруживают в тех, кто осмелился более всего от них отступить. Мы же, напротив, полагаем, что добродетель и благоразумие только в том и состоят, чтобы вообще ничего не совершать и не помышлять вопреки изначально установленным законам. Именно это, пожалуй, и является очевидным доказательством совершенства нашего законодательства. Ведь все попытки внесения исправлений говорят о недостатках существующих законодательств.

21. (184) Для нас, убежденных в том, что данный нам закон изначально сообразован с волей Божьей, было бы уж слишком

большим неуважением не хранить его. Ибо что же тогда в нем изменять, и чего же еще искать, и чему хорошему можно научиться у других народов? Разве что целиком позаимствовать у них иное государственное устройство? Но какое же из них окажется лучше и справедливее того, в котором высшим правителем над всеми избран Бог, священникам доверено сообщать заниматься важнейшими делами в государстве, а возглавлять их, в свою очередь, поручено первосвященнику, одному из них? Законодатель сразу удостоил их этого звания не за богатство и не вследствие какого-то другого случайного преимущества, но доверил это особое служение Богу тем, кто отличался среди остальных его соотечественников послушанием и благоразумием. На них было возложено неусыпное попечение о соблюдении закона и обо всех остальных жизненно важных вопросах³⁵⁵. Ведь и присматривать за всем, и разбирать возникающие споры, и наказывать тех, кому вынесен приговор, были поставлены священники³⁵⁶.

22. (188) Потому какая же еще власть священнее этой? И какое почитание большее, чем это, приличествует Богу? Весь народ укоренен в благочестии, особое попечение об этом возложено на священников, вся общественная жизнь совершается подобно обряду. Ведь то, чему иноплеменники в течение всего нескольких дней с усердием посвящают себя, но потом более не выдерживают, — что называется у них таинствами и посвящениями, — мы с большим воодушевлением и неизменным чувством совершаем постоянно. Каковы же сами эти запрещения и требования? Они просты и понятны. Первое, которое толкует о Боге, гласит: Бог объемлет все, будучи благим, всесовершенным, довлеющим самому себе и всему, он начало, середина и конец всего. Он проявляет себя в своих действиях и благодеяниях и более очевиден, чем что бы то ни было, но вид Его и величие нам недоступны, ибо всякое даже самое драгоценное вещество, взятое для создания Его образа, недостойно, всякое искусство в своих средствах изображения бессильно. Ни о чем подобном мы и не помышляем, и само изображение есть для нас грех. Мы видим перед собой Его творения — свет, небо, солнце, луну, воды, рождение живых существ, созревание плодов. Все это Бог сотворил не руками, не с каким-то усилием или с чьей-то помощью, но лишь по его благому желанию все тотчас возникло в совершенстве. Всем должно повиноваться Ему и почитать Его, упражняясь в добродетели, ибо это и есть лучший способ почитания Бога.

23. (193) Един храм единого Бога (ведь подобное всегда стремится к подобному³⁵⁷) — общий для всех общего для всех Бога³⁵⁸. В нем постоянно служат священники, а главенствует над ними всегда первенствующий по роду. Вместе с другими священниками ему надлежит совершать жертвоприношения Богу, охранять законы, разрешать споры, наказывать повинных в беззаконии. А кто ослушается его, понесет наказание как согрешающий против Самого Бога. Мы приносим жертвы не ради собственного насыщения и опьянения (ибо это не угодно Богу и может оказаться причиной разнузданности и мотовства), но со скромностью, простотой и соблюдением порядка, сохраняя при этом величайшее благоразумие³⁵⁹. При жертвоприношениях должно молиться прежде всего за всеобщее спасение, затем за себя самих (ведь мы созданы для сообщества людей), и тот, кто предпочитает его собственному благу, более всего угоден Богу. Призывать Бога в молитвах и просить Его нужно не для того, чтобы Он подавал нам блага (ибо Он Сам, по своему усмотрению уже даровал их всем в надлежащей мере), но чтобы мы могли их принимать и, получив однажды, хранить. Кроме жертвоприношений закон установил также очищения после похорон, от [внебрачного] ложа, от соития с женщиной и от многого другого, о чем было бы излишним сейчас говорить. Таково наше понятие о Боге и о служении Ему, которое само по себе и есть закон³⁶⁰.

24. (199) Каковы же постановления о браке? Закон признает только естественное совокупление с женщиной, и только в том случае, если оно совершается для рождения детей³⁶¹. Совокупление же мужчин между собой он почитает мерзостью, и смерть полагается тому, кто это совершит³⁶². Женитьбу ради приданого он запрещает, также как и насильственное похищение и склонение хитростью или обманом, но повелевает просить руки невесты у человека, имеющего право выдать ее замуж, если к тому нет препятствий в родственных отношениях. [Жена, говорит закон, во всем хуже, чем муж. Именно потому она должна подчиняться, но не с тем, чтобы муж превозносился над ней, а чтобы она направлялась им, ибо Бог дал власть мужчине]³⁶³. Должно, чтобы муж совокуплялся с нею одной³⁶⁴, а соблазнять жену другого незаконно. Если же кто совершит это — изнасиловует девушку, давшую согласие другому, или соблазнит замужнюю женщину³⁶⁵ — ему не избежать смерти. Закон повелевает воспитывать всех своих детей. И запрещает женщинам истреблять или вытравливать плод, а если бы это

обнаружилось, она почиталась бы детоубийцей, которая губит жизнь и сокращает человеческий род³⁶⁶. Именно потому, если кто-то совершит насилие или прелюбодеяние, то он уже не может быть чистым. Также и после законного совокупления мужа и жены закон требует совершать омовение³⁶⁷. Ибо при этом оскверняется и душа, и тело, как бы оказавшись на чужбине. Ведь душа, пребывающая в теле, страдает, и с приходом смерти снова тотчас отделяется от него³⁶⁸. Именно потому во всех подобных случаях закон предписывает очищения.

25. (204) Кроме того, при рождении детей он не только запрещает устраивать пиршества и подавать тем самым повод для пьянства (но предписывает с самого начала подходить к воспитанию с благоразумием)³⁶⁹ и повелевает детям обучаться грамоте, изучать законы и знать о деяниях предков, чтобы одним подражать, а на примерах других воспитываться, и никогда не преступать законы, оправдываясь их незнанием.

26. (205) Что касается обрядов над умершими, то по закону не полагается устраивать ни пышных погребений, ни богатых надгробных памятников, и заботиться о похоронах надлежит ближайшим родственникам. При погребальном шествии закон обязывает всякого присоединиться к нему и вместе с остальными оплакать покойника. Затем следует и дом, и живущих в нем подвергнуть очищению, чтобы тем более человек, совершивший убийство, не думал при этом о себе, что он чист³⁷⁰.

27. (206) Почитанию родителей закон отводит следующее место после почитания Бога³⁷¹, и того, кто не воздает им за полученные от них благодеяния и хоть в чем-то от этого уклоняется, он повелевает предавать побиванию камнями³⁷². По закону более молодые люди должны почтительно относиться к старшим³⁷³, поскольку старше всех Бог³⁷⁴. Также он не позволяет ничего скрывать от друзей, ведь нет дружбы там, где нет доверия во всем³⁷⁵. Даже если случается между друзьями ссора, он запрещает разглашать общие секреты. Если какой-нибудь судья примет подношение, наказанием ему будет смерть³⁷⁶. Отвергающий мольбу о помощи, когда может помочь, несет ответственность. То, что сам не отдавал, не получишь назад. Нельзя прикасаться к чужому и, если даешь в долг, запрещается получать от этого прирост. [Это и многое другое, подобное тому, весьма способствует добрым отношениям между нами.]³⁷⁷

28. (209) Стоит упомянуть и о том, какого мнения придерживался наш законодатель о терпимости к иноплеменникам.

Ему, как станет ясно, лучше всех удалось предупредить опасность того, что мы исказим свои законы или будем враждебно относиться к тем, кто избирает для себя жить по ним. Ведь сколько бы ни приходило к нам чужеземцев с желанием подчиняться тем же законам³⁷⁸, что и мы, он всех принимает дружелюбно, полагая, что родство возможно не только по общности происхождения, но и вследствие избрания [единого] образа жизни. С теми же, кто без всякой цели приходит к нам, он не допустил никакого смещения в обычаях.

29. (211) Также он сделал предписания и относительно всего остального, в чем нуждаются люди,— следует предоставлять всем, кому это необходимо, огонь, воду, пищу, указывать дорогу³⁷⁹, никого не оставлять без погребения³⁸⁰. И не быть слишком жестокими по отношению к врагам. Ибо он не разрешил опустошать их страну огнем³⁸¹ или вырубать плодовые деревья³⁸² и запретил грабить тех, кто пал в битве³⁸³. И о пленниках он проявил заботу, чтобы оградить их от поругания, в особенности женщин³⁸⁴. В своем желании воспитать нас в кротости и человеколюбии он не забыл даже о бессловесных животных. Он допустил использование их только сообразно закону, а любое другое запретил³⁸⁵. Тех животных, которые приходят к человеческому жилью, как бы прося защиты, он не позволил убивать. И запретил забирать из гнезда родителей с их детенышами³⁸⁶. И даже в неприятельской стране он предписал щадить рабочий скот и не убивать³⁸⁷. Так по отношению ко всему он велел проявлять милосердие, одни из вышеперечисленных законов учредив для поучения, а другие, наоборот, для наказания тех, кто их неоправданно преступил.

30. (215) Наказание для большинства преступников — смерть, будь то прелюбодей³⁸⁸, насильник³⁸⁹, мужеложец³⁹⁰ или тот, кто на это согласился. Столь же неумолим закон и по отношению к рабам³⁹¹. И если кто обманет мерою или весом, или поведет незаконное дело хитростью, если присвоит чужое, или потребует назад то, чего не давал, за все полагаются наказания, и не такие, как у других народов, а гораздо более строгие³⁹². За несправедливости к родителям или за непочтение к Богу, даже если кто только собирается это совершить, тотчас наказывается смертью³⁹³. А поступающие во всем согласно закону в награду за это получают не серебро, не золото, не масличный³⁹⁴ или сельдереевый³⁹⁵ венок и тому подобные знаки всеобщего признания, но всякий,

сознавая это, может в глубине души быть уверен (о том пророчествовал законодатель и непоколебимую веру в это вселил Бог), что тем, кто сохранил верность законам, пусть даже им пришлось с бесстрашием за них умереть, Бог даровал право родиться вновь и получить лучшее, в сравнении с прежним, существование³⁹⁶. Я бы не решился здесь об этом писать, если бы сами события не говорили о том, что уже не раз многие наши соотечественники предпочитали с достоинством претерпевать всевозможные мучения, нежели хотя бы единое слово произнести вопреки закону.

31. (220) [Впрочем, даже если бы случилось так, что людям было бы ничего не известно ни о существовании нашего народа, ни о нашем добровольном послушании законам]³⁹⁷ и при этом кто-нибудь стал бы уверять эллинов в том, что ему самому удалось написать [такие законы], или взялся бы утверждать, что где-то еще за известными нам пределами земли он повстречал людей, которые имеют столь же возвышенное понятие о Боге и на протяжении веков твердо хранят верность столь же совершенным законам, мне кажется, им всем должны были бы броситься в глаза непрестанные попытки внесения изменений в их собственные законодательства. Безусловно, всех тех, кто брался что-либо подобное для государства или законодательства написать, это обстоятельство не позволяет причислить к людям, создавшим нечто замечательное, а лишь убеждает в том, что они исходили из ложных оснований. Я оставляю в стороне всех прочих философов, которые писали об этом в своих сочинениях. Но даже Платон, пользующийся у эллинов необычайным уважением за возвышенную чистоту жизни и значимость и убедительность своих слов, чем в философии он смог превзойти всех остальных, до сих пор подвергается чуть ли не издевательствам и насмешкам со стороны тех, которые мнят себя знатоками государственного устройства³⁹⁸. Хотя при ближайшем рассмотрении у него можно обнаружить для многих более приемлемые и близкие нормы жизни. Сам же Платон признавал, что доверять невежественной черни истинное понятие о Боге небезопасно³⁹⁹. Однако они считают, что учение Платона — всего лишь пустые слова, сказанные с большим искусством ради красоты слога. Более же всего из законодателей они превозносят Ликурга и все в один голос возвеличивают Спарту, потому что она оставалась неизменно верной его законам⁴⁰⁰. В самом деле, следует видеть в этом доказательство того, что повиновение законам есть добродетель. Но пусть почитатели лакедемонян

сопоставят тот промежуток времени с более чем двухтысячелетней историей нашего государства⁴⁰¹ и кроме того учтут, что лакедемоняне соблюдали собственные законы неукоснительно, пока были свободны, но когда счастье изменило им, они почти совершенно о них позабыли. А мы, изведавшие на себе крайнее непостоянство судьбы из-за сменяющих друг друга властителей Азии, в величайшей нужде и опасностях не предали своих законов, причем следовали им не ради своего удовольствия или успокоения, но — если в этом разобраться, — требования, которые они предъявляют к нам, гораздо более серьезные и трудно-исполнимые, чем у лакедемонян с их мнимой суровостью. Им-то не приходилось ни возделывать землю, ни заниматься ремеслом. Они были свободны от всякого труда, и только и делали, что холили себя и упражнялись, достигая красоты своего тела, притом жили они в городе и для исполнения всех жизненно необходимых работ использовали слуг, которые в достатке обеспечивали их съестными припасами⁴⁰². А к этому и впрямь [полагается] только одно человеколюбивое и достойное занятие — испытывая добровольно всевозможные труды и лишения, одерживать победы над теми, с кем им случалось воевать. Впрочем, я уж и не говорю о том, что они были совсем не герои. Ведь не только по одиночке, но зачастую и все разом, не взирая на предписания своего закона, они прямо с оружием сдавались в плен врагу⁴⁰³.

32. (232) Ну, а у нас — я даже не говорю о стольких случаях, — но известно ли хотя бы два или три, когда кто-то отступился бы от закона или испугался смерти, причем я не имею в виду ту легкую смерть, которой умирают в сражении, но смерть под пыткой, самую мучительную из всех? Именно потому я считаю, что некоторые из тех, кто одерживал над нами победу, не из чувства ненависти к побежденным подвергали нас пыткам, но потому что хотели посмотреть на удивительное зрелище — что есть какие-то люди, уверенные в том, что для них существует только одно зло — не выстоять и сделать что-то вопреки законам или нарушить их хотя бы единым словом. В самом деле, не следует удивляться тому, что мы, в отличие от всех остальных, мужественно умираем за наши законы. Ибо остальным не легко исполнить и то, что из числа прочих наших обычаев кажется менее всего обременительным — я имею в виду ручной труд, неприязнательность в пище, а также предписания — даже в тех случаях когда желание велико — без разбора ничего не есть и не пить из того, что под руку попадется, к тому

же избегать прелюбодеяний и роскоши и не проводить жизнь в праздности. Наши единоверцы, даже когда бросаются на врагов врукопашную или отражают их натиски, и тогда не забывают о своих жизненных предписаниях. Вследствие все той же верности в таких случаях требованиям закона нам отрадно сознавать, что и там мы поступаем по достоинству.

33. (236) К тому же всякие Лисимахи и Молоны, и прочие подобные им писатели — они же негодные софисты и обманщики несмышленных юношей — называют нас самыми скверными из людей. Самому мне не хотелось бы обсуждать обычаи других народов. Ведь предками нам заповедано хранить наши собственные законы и не нападать на чужие. Тем более что наш законодатель именем Самого Бога однозначно запретил насмехаться и хулить почитаемых у других народов богов⁴⁰⁴. Но раз наши обвинители думают опорочить нас, сравнивая с другими, то невозможно отмалчиваться, а с другой стороны, предстоящее рассуждение придумано не нами, но опирается на мнения людей весьма почтенных, мы же всего лишь их собираем. Ибо кто из величайших эллинских мудрецов не осуждал самых прославленных поэтов и наиболее уважаемых законодателей за то, что они изначально распространили в народе такие представления о богах? Сколько их было числом, они определяли по собственному усмотрению, производя их друг от друга и выдумывая всевозможные способы их порождения. Словно животных по породам, они подразделяли их в зависимости от местопребывания и образа жизни на подземных, морских, притом древнейшие из них были заключены у них в тартар. А тем из богов, кому досталось небо, они назначили так называемого отца, который на самом деле был для них тираном и деспотом. Именно потому против него составляется заговор его жены, брата и дочери, порожденной им из собственной головы, которые якобы собирались схватить его и низвергнуть, также как некогда он сам своего собственного отца⁴⁰⁵.

34. (242) Все это естественно приводит здравомыслящих людей в возмущение или просто вызывает смех, раз среди богов одни, оказывается, безбородые мальчуганы, другие — умудренные сединой старцы⁴⁰⁶, а из прочих каждому поручено заниматься своим делом — один кует⁴⁰⁷, другая ткет⁴⁰⁸, кто-то воюет с людьми⁴⁰⁹, а иные играют на кифаре или не прочь пострелять из лука⁴¹⁰. И наконец — случающиеся между ними распри и препирательства из-за людей, причем дело доходит до того, что они не только друг другу причиняют вред, но и от

людей получают раны и потом от этого мучаются и страдают⁴¹¹. Но что поистине возмутительнее всего, — как можно чуть ли не всем божествам, — и богам, и богиням, — приписывать необузданное любовное влечение и постоянные соития [с людьми]? К тому же сам первенствующий среди них благородный отец преспокойно взирает на то, как соблазненных и забеременевших от него женщин заключают в темницу или топят в море⁴¹². Детей своих он также не в состоянии избавить от тяготеющего над ними проклятия и без слез пережить их утрату. Забавно, однако, и все остальное, что из этого следует — боги на небе настолько бессовестны в своем любовании развратом, что некоторые из них даже признаются в своей зависти к тем, кто в нем запутался⁴¹³. Впрочем, чего же еще от них ожидать, если даже почтеннейший царь не смог сдержать своей страсти к жене хотя бы до того, как войдет с нею в спальню⁴¹⁴? А те боги, которые якобы были в услужении у людей — одни строили за плату дома⁴¹⁵, другие нанимались пастухами⁴¹⁶, а иных даже заключали в медную темницу наподобие преступников⁴¹⁷, — кто из здравомыслящих людей сможет не возмутиться теми, кто это придумал, и не осудить величайшую глупость всего того, о чем здесь говорилось? И страх, и робость, и даже бешенство и коварство, и каких только еще самых гнусных страстей не приписали они природе и облику божества. А богам, имеющим добрую славу, целые города по их научению приносили жертвы. Именно потому они оказались в крайне затруднительном положении, когда одних богов им следовало почитать дарователями всевозможных благ, а других величать губителями. Потому-то их, как самых отъявленных негодяев из людей, они осыпают дарами и подношениями, убежденные в том, что их не постигнет очередное ниспосланное ими несчастье, если за это заплатить.

35. (250) Однако в чем же причина стольких разногласий и ошибочности в суждениях о божестве? Что касается меня, я вижу ее в том, что изначально их законодатели не уразумели, что есть истинная природа Бога, и в соответствии с тем, насколько им не удалось составить себе об этом отчетливого представления, они создали иной [отличный от нашего] порядок государственного устройства; при этом, словно не придавая этому никакого значения, они позволили поэтам вводить каких им вздумается богов, благо те все стерпят, а ораторам — через всеобщее голосование проводить постановления, допускающие к ним чужеземные божества. Художники и ваятели также не преминули воспользоваться полученной ими от эллинов

величайшей свободой, всякий из них сам выдумывал какой-нибудь новый образ божества и лепил его из глины или рисовал. А у самых прославленных из них были для этого золото и слоновая кость, предполагающие долговечность их созданий. [Одни храмы стоят в совершенном запустении, а другие усердно посещаются, изобилуя всевозможными приношениями за очищения]⁴¹⁸. Затем боги, которые прежде были в почете, состарились. Также и следующие за ними, если можно так выразиться, оттесняются на второй план. А остальным, заново введенным, воздаются почести [так что святыни брошены и пустуют, о чем мы прежде сказали в отступлении]⁴¹⁹. Из храмов одни пустуют, а новые строятся теперь кем угодно по человеческому произволению, хотя следовало бы, наоборот, хранить в неприкосновенности само понятие о Боге и воздаваемое Ему почитание.

36. (255) Так и Аполлоний Молон был из числа людей недалеких, но самонадеянных. Однако истинным эллинским философам все прежде сказанное было известно, и они прекрасно знали настоящую подоплеку иносказательных толкований. Именно потому они относились к ним с недоверием, а с нами были согласны в том, какое представление о Боге истинно Ему подобает. Так Платон говорит о том, что ни одного поэта не следует допускать в государство, и почтительно выпроваживает самого Гомера, предварительно увенчав его лаврами и возлив на него елей, чтобы тот своими баснями не искажал истинного понятия о Боге⁴²⁰. При этом Платон более всего подражает нашему законодателю,⁴²¹ — хотя бы потому что с такой строгостью не предписывает никакого иного воспитания для граждан, кроме подробнейшего изучения всех законов⁴²². К тому же он решил, что не следует смешиваться с кем попало из чужеземцев, заботясь о том, чтобы государство состояло исключительно из законопослушных граждан⁴²³. Не принимая во внимание всего этого, Аполлоний Молон взялся обвинить нас в том, что мы не допускаем к себе людей, придерживающихся иных представлений о Боге, и не желаем иметь ничего общего с теми, кто предпочитает жить по другим обычаям. Однако это свойственно не только нам, и не только вообще всем эллинам, но и самым прославленным среди них. Лакедемоняне всегда высылали из страны чужеземцев, и своим согражданам запрещали ее покидать, подозревая и в том, и в другом случае величайшую опасность для своих законов⁴²⁴. Тогда, пожалуй, их тоже — и не без основания — следовало бы обвинять в нетерпимости,

поскольку ни единому человеку они не предоставили права гражданства и не позволили проживать у себя. Мы также не считаем возможным подражать обычаям других народов, но при этом с радостью принимаем тех, кто согласен жить по нашим. Пожалуй, именно это и есть, как мне кажется, очевидное доказательство нашей терпимости и великодушия.

37. (262) Я не стану более говорить о лакедемонянах. Что же касается афинян, которые считали свой город открытым для всех, то Аполлоний просто не знал, как на самом деле они ко всему этому относились: ибо всякого, кто произнес о богах вопреки законам хотя бы слово, они наказывали беспощадно. В таком случае, отчего же, как не от этого, погиб Сократ? Город свой он врагам не предавал, никакого храма не грабил, но поскольку давал новые клятвы и, как иные утверждают, говорил не то в шутку, не то всерьез⁴²⁵, что какое-то божество ему подсказывает, он был приговорен к смерти и принял чашу с ядом. Его обвинитель привлек его к суду за то, что он развращает юношей, наставляя их с презрением относиться к исконному государственному устройству и законам. Такая участь постигла Сократа, гражданина Афин. Был также и Анаксагор из Клазомен⁴²⁶, который утверждал, что солнце само по себе есть раскаленная глыба; однако афиняне считали солнце богом, и уже приговорили было Анаксагора к смерти, если бы не всего лишь несколько камушков. И за поимку Диагора Мелосского⁴²⁷ была объявлена награда в один талант, потому что тот, как известно, позволил себе насмехаться над их мистериями. Также и Протагор⁴²⁸, если бы вовремя не бежал, был бы схвачен и казнен, потому что осмелился написать о богах нечто несогласное с общепринятым у афинян мнением. Впрочем, стоит ли удивляться тому, что они поступали так с достойнейшими мужами, если не щадили даже женщин? В свое время они признали достойной смерти некую жрицу, когда кто-то обвинил ее в том, что она вводит в мистерии чужих богов⁴²⁹. По их закону это было запрещено и в наказание тем, кто вводит чужеземное божество, полагалась смерть. Понятно, что люди, имеющие такой закон, принятые у других народов божества богами не считали. В противном случае они не стали бы себя же ограничивать их числом. Итак, у афинян дела шли своим чередом⁴³⁰. Но даже скифы, находящие удовольствие в убийстве людей и мало чем отличающиеся от диких зверей,— и те считали, что следует сохранять в чистоте собственные

обычай. Так, они умертвили Анахарсиса⁴³¹, восхищавшего эллинов своей мудростью, поскольку тот по возвращении от них оказался всецело пропитанным эллинским духом. И у персов также можно обнаружить множество случаев наказания людей смертью по той же причине. Причем о персидских законах Аполлоний, уж конечно, был самого высокого мнения, и даже ими восхищался, поскольку эллинам поневоле пришлось испытать на себе их прославленное мужество и свойственное им единодушие в понятиях о божестве, — особенно когда те дотла сжигали их храмы и чуть было совсем их не поработили. Потому-то он и стал приверженцем всех персидских обычаев, насилуя чужих жен и оскоряя мальчиков⁴³². У нас же предполагается смерть, даже если учинить подобное беззаконие и по отношению к бессловесному животному⁴³³. А заставить нас отступить от этих законов не может ни страх перед победителями, ни желание подражать почитанию чужих святынь. Мы воспитывали в себе не то мужество, которое нужно для ведения войны ради наживы, а то, с которым должно соблюдать собственные законы. Именно потому мы терпеливо переносим все прочие беды, и только когда нас заставляют нарушить наши законы, мы бесстрашно вступаем в жестокую войну и стойко переносим все несчастья, вплоть до самых страшных. Чего ради стали бы мы подражать чужим законам, если мы видим, что они не исполняются даже теми, кто сам их учредил? Ведь почему бы лакедемонянам не отказаться от полностью закрытого устройства своего государства и от презрительного отношения к браку, а элейцам и фиванцам — от своего противоестественного и уж слишком откровенного мужеложства? Так, всего того, что ранее признавалось у них полезным и прекрасным, пусть даже на деле им и не удалось избавиться от этого совершенно, они теперь не признают, но дополнительно вводят об этом законы, которые некогда обладали у эллинов такой силой, что даже богам приписывали мужеложство, а уж потом, естественно, допускали кровосмесительные браки с родными сестрами, тем самым оправдывая свой разврат в самых противоестественных и непристойных удовольствиях.

38. (276) Я не буду говорить здесь о наказаниях, — о том, какие поблажки большинство законодателей заранее предоставили разным негодьям, назначив за прелюбодеяние денежный штраф⁴³⁴, а за изнасилование — обязательный брак⁴³⁵, и какие отговорки они предусмотрели для безбожников и святотатцев

на тот случай, если бы кому-то пришло в голову в этом разбираться. У большинства народов преступать законы превратилось в своего рода привычку, но только не у нас. Пусть мы лишимся всего — богатства, своих городов и прочих наших благ, но закон пребудет нерушимым. И ни один еврей не сможет настолько удалиться от своего отечества и не устрасится жестокости никакого владыки настолько, чтобы убояться всего этого больше, чем неисполнения закона. А потому, раз уж мы с таким почтением относимся к соблюдению своих законов, то им следует признать, что наше законодательство наиболее совершенное. Если же они считают, что законы, которые мы исполняем столь ревностно, дурны, то почему бы им в таком случае самих себя не признать виновными в неисполнении своих самых совершенных законов? Впрочем, если считать, что время — лучший судья, то именно его я и хотел бы призвать в свидетели преимущества нашего законодателя и правильности того понятия о Боге, которое он передал. Ведь с тех пор прошло столько лет, что если сопоставить по времени нашего законодателя со всеми прочими, то окажется, что он далеко превосходит их всех.

39. (280) Мы засвидетельствовали перед всеми остальными народами преимущества наших законов, которые неизменно приобретают себе все новых сторонников из их числа. Эллинские философы были первыми, кто осознал саму необходимость бережного отношения к древним обычаям. Они стали придерживаться этого в своих делах и учении, имея похожие понятия о Боге, уча простоте жизни и добрым отношениям между людьми. И даже не только они, но и простой народ издавна стремился подражать нашему благочестию, и нет ни эллинского, ни варварского города, и ни единого народа, у которого не было бы обычая почитать седмицу⁴³⁶, когда мы отдыхаем от трудов, и не соблюдались бы посты⁴³⁷, обычаи зажигания свечей⁴³⁸, а также многочисленные из бытующих у нас предписаний относительно пищи. Они стараются подражать также и нашему взаимному согласию и благотворительности, трудолюбию при всяком деле и нашей непоколебимой верности законам во всяком несчастии⁴³⁹. Но более всего удивительно то, что закон имеет силу сам по себе, не увлекая никакими прелестями и наслаждениями. Подобно тому, как Бог повсюду присутствует в мире, так и закон повсеместно проник ко всем людям. Никто, взглянув на свое собственное отечество и свой родной дом, не станет отрицать сказанного мною. Следовало бы в таком случае обвинить все народы в сознательной испорченности, раз они

захотели последовать самым скверным чужим вместо своих собственных прекрасных обычаев,— или уж в таком случае закончить с обвинениями и клеветой в нашу сторону. Ибо мы не имеем в виду ничего дурного, когда почитаем нашего законодателя и верим тому, что было сказано им о Боге. Ведь даже если бы мы сами не осознавали преимущества наших законов, нас бы все же убедило быть о них высокого мнения уже само бесчисленное множество тех, кто стремится им подражать.

40. (287) Впрочем, о наших законах и государственном устройстве я весьма подробно рассказал в написанном мною сочинении «О древностях». А здесь лишь в той мере, насколько это было необходимо, я еще раз напомнил об этом, не имея, впрочем, намерения оскорбить обычаи других, а свои собственные превознести, а лишь для того, чтобы изобличить всех тех, кто своими сочинениями несправедливо оклеветал нас и в своем бесстыдстве позволил себе противоречить самой истине. Я полагаю, в своем сочинении мне удалось исполнить то, что было мною обещано. Я доказал преимущественную древность нашего народа, в то время как наши обвинители смели утверждать, что он молод. Я привел многочисленные свидетельства писателей древности, которые упомянули о нас в своих сочинениях, хотя наши хулители уверяли в том, что ни единого такого писателя не существует. Кроме того, они утверждали, что египтяне являются нашими предками, мною же доказано, что они пришли в Египет из другой страны. Они лгали, что тех будто бы изгнали оттуда за телесную скверну, а оказалось, что они удалились в свою родную землю по собственной воле и в добром здравии. Также и нашему законодателю в своем злословии они приписывали самые дурные свойства, а между тем обнаружилось, что с давних пор Сам Бог, и уж после Него время выступают свидетелями его добродетели.

41. (291) О наших законах более добавить нечего. Они сами за себя говорят, наставляя не в безбожии, а в истинном благочестии, призывая не к человеконенавистничеству, а к доброму отношению между людьми; всякому беззаконию они враждебны, заботятся о справедливости, исключают всякую праздность и любовь к роскоши, приучают к стойкости и трудолюбию, запрещают войну ради наживы, приучают уметь за них постоять, беспощадны в наказаниях и не позволяют обманывать себя на словах, но всегда требуют подтверждения делами. Так мы и поступаем всегда, что очевиднее любой буквы. Именно потому я, пожалуй, возьму на себя смелость сказать, что мы-то по

большей части и стали для всех прочих народов наставниками во всяком добре и благе. Ибо что может быть прекраснее безупречного благочестия? Что более справедливо, чем само повиновение законам? Что приносит пользу большую, нежели согласие друг с другом во всем — сплоченность в несчастии и всеобщая нелюбовь к злобным распрям в благополучии, — чем способность презирать на войне смерть, а в мирное время заниматься ремеслами или земледелием и всегда и везде сознавать, что Бог видит все и проявляет заботу? Если бы у других народов обо всем том было бы написано что-то раньше, или сохранилось бы в большей неприкосновенности, чем у нас, мы были бы им весьма признательны как ученики своим учителям. Однако, если уж мы, как можно заметить, и пользуемся этими законами преимущественно перед всеми, и первенство в их изобретении, как было доказано, принадлежит нам, пусть умолкнут разные Апионы, Молоны и все сколько ни есть любителей лжи и злословия. А тебе, Эпафродит, почитающему истину превыше всего, и по твоему примеру всем тем, которые подобным образом пожелали узнать о нашем народе, да будет посвящена эта и предыдущая книги.

КОММЕНТАРИЙ

¹ В наиболее авторитетном манускрипте (codex Laurentianus - далее *L*) сочинение озаглавлено *Φλαύου Ἰωσήπου περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων*. В первичной латинской версии (далее *Lat*) заглавие отсутствует. В одной из латинских версий (codex Corsinianus - далее *Cors.*): *Invective Josaphi contra Apionem et Molonem*. У Евсевия (Н.Е. III, 9; Praep. eu. 361b; 458bd; 476d): *Περὶ τῆς Ἰουδαίων (τῶν Ἰουδαίων) ἀρχαιότητος*. У Порфирия (De abstin. IV, 11): *Περὶ τῆς Ἰουδαίων ἀρχαιότητος πρὸς τοὺς Ἕλληνας*. В первом издании (далее - *ed. pr.*): *Φλαύου Ἰωσήπου περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων κατὰ Ἀπίωνος*. Краткий вариант заглавия (*contra Apionem*) впервые встречается у бл. Иеронима.

² По-видимому, Эпафродит грамматик (см. Suda, "Eraphroditus", а также, вероятно: CIL 6.9454). Вольноотпущенник, патрон которого был префектом Египта и занимал видное положение при Домициане. См. RE V (5) 2711-2714 (Stein). Менее вероятно, что этим человеком был Эпафродит, вольноотпущенник Нерона, казненный не позднее 95 г. н.э. Если сочинение "Иудейские древности" вместе с приложенным к нему "Жизнеописанием" вышло ок. 93 г., то Иосиф едва ли успел бы осмыслить отклики на это произведение и отреагировать двумя книгами "Против Апиона" еще при жизни человека, которому было посвящено это сочинение (см. Т.Раджак. Иосиф Флавий. Историк и общество. М.-Иер., 1993. с. 246-247, 252, 261-262).

³ (*Ἰουδαϊκῇ*) *Ἀρχαιολογία* - *Antiquitates Judaicae* - излагает историю евреев с древнейших времен до начала войны с римлянами, т.е. до 66 г. Указанные 5000 лет - приблизительный промежуток, ср. Antiquit. I.13. О вопросах датировки "Иудейских древностей" и о связи этого сочинения с "Жизнеописанием" см. Т.Раджак. с. 25-26, 261-262.

⁴ Ср. Plato. Tim. 22 B et C, где в похожих терминах египетский жрец толкует Солону о молодости греков. Тж. С.А. II. 192; 224.

⁵ *ἐν δημοσίαις ἀναγραφαῖς* - прилагательное, по всей видимости, имеет значение "государственный", "имеющий общегосударственное значение" и понимается в широком смысле.

⁶ Возможно, имеются в виду несколько потоков во времена Девкалиона, Огига, Дардана.

⁷ Herod. V, 58. "Не без труда" (μόλῃς) - намек на постепенное складывание греческого алфавита из финикийского, о чем также говорится у Геродота.

⁸ Вопрос о ὀφίματα λυγρά - Ном. II. VI, 168.

⁹ Это место послужило основанием Фридриху Вольфу для гипотезы о принадлежности различных песен "Илиады" и "Одиссеи" различным рапсодам (Prolegomena ad Homerum, 1795), что придало иное звучание "гомеровскому вопросу" в новое время.

¹⁰ Кадм Милетский, автор 'Αττικάι 'Ιστορίαι в 16-ти книгах. См. RE X (7) 1476 (F.Jacoby).

¹¹ Акусилай Аргосский причислялся некоторыми к семи мудрецам. Автор "Генеалогий" ("Родословий"). См. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989, с. 90-91. Упоминается также в Antiquit. I.3,9. См. RE I (3) 1222-1223 (Schwartz).

¹² т.е. о небесных телах.

¹³ Ферскида с острова Сирос (ок. 600 г. до н.э.) также включали в число семи мудрецов. См. Фрагменты... М., 1989, с. 84-89. Согласно биографической традиции, учитель Пифагора. Сула содержит указание на то, что "он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев". См. RE XIX (2-я сер.) (3) 2409-2429 (Richard Laqueur).

¹⁴ Пифагор с острова Самос (ок. 540-500), по всей видимости, совершал путешествия в Египет и Вавилон. Ничего достоверного не известно о его сочинениях. См. Фрагменты... с.138-149.

¹⁵ Фалес Милетский (624-546) научился геометрии у египтян. См. Фрагменты... с.100-115. Вообще, возведение греческой мудрости к египетской (реже вавилонской или финикийской) было топом и обыкновенно способствовало к возвеличиванию первой.

¹⁶ Гелланик из Митилены - логограф V в., современник Геродота, автор многочисленных сочинений, от которых сохранились только фрагменты. См. RE VIII (7) 104-153 (F.Jacoby).

¹⁷ Имеется в виду "Теогония" Гесиода (ок. 700 г.). Примерно о том же, что и Гесиод, писал Акусилай в "Генеалогиях", но прозой.

¹⁸ Эфор из Эолийских Ким жил в IV в., автор всеобщей истории, доведенной им до 340 г., которая послужила главным источником для Диодора Сицилийского. См. RE V (1) 1-16 (Schwartz).

¹⁹ Тимей (ок. 352-256) написал историю своей родной Сицилии. Критиковался за это сочинение Полибием. См. RE VI (2-я сер.) (3) 1076-1203 (Richard Laqueur).

²⁰ Антиох, современник Фукидида, родом из Сиракуз, автор истории Сицилии и Италии, доведенной до 424 г. См. RE I (60) 2492-2493 (Schwartz).

²¹ Филист также родом из Сиракуз. Жил в IV в. и написал историю Сицилии, пытаясь подражать Фукидиду, за что получил прозвище - pusillus Thucydides. См. RE XIX (2-я сер.) (3) 2409-2429 (Richard Laqueur).

²² Каллий жил в III в. в Сиракузах и написал историю сиракузского царя Агафокла в 22-х книгах. См. RE X (22) 1628-1629 (F.Jacoby).

²³ Труды по древней истории и географии Аттики. См. RE II "Atthis" (3) 2180-2183 (Schwartz).

²⁴ Драконт, первый афинский законодатель, архонт в 621 г.

²⁵ Писистрат, афинский тиран, современник Солона, ум.в 527 г.

²⁶ Аркадцы, полагавшие, что они древнее луны, считались автохтонами (Ср. Herod. VIII, 73).

²⁷ Ср. Antiquit. I. 2.

²⁸ Халдеи - первоначально этноним, затем название вавилонских жрецов и астрологов, в каком смысле это слово употребляется в книге пророка Даниила (2. 2; 4 и др.) .

²⁹ Как замечает Th.Reinach, Иосиф смешивает ведение списков родословий священством во время II Храма с совершенно иным способом, который предписывался книгами Ветхого Завета. Нужно помнить, что исторические книги после Пятикнижия были включены во вторую или пророческую часть еврейского канона священных книг и приписывались пророческим авторам.

³⁰ Lev. XXI, 7-9, 13-15. Предписания относительно священнических браков строго соблюдались во все времена. Уже при Ездre (Ез. 2, 61-63) и Неемии (Неем. 7, 63-65) все священники, которые не могли доказать своей родословной на основании записей, не допускались к жертвоприношениям. Что эти правила соблюдались священниками в Египте и Вавилоне, сообщается также в Талмуде (Кетубот 25a).См. Jeremias, J. Jerusalem in the Time of Jesus. L., 1969, p. 213 ff; также A.Buchler. Family Purity and Family Impurity in Jerusalem before A.D. 70. L., 1956, p. 68.

³¹ Все же принято чтение Гутшмида - ἐκ τῶν ἀρχαίων вм. имеющегося во всех списках ἐκ τῶν ἀρχαίων (A.von Gutschmid. Kleine Schriften, IV. Leip.,1893, S.398). Ср. Vita 3-6, где, однако, о том же сказано иначе - ἐν ταῖς δημοσίαις δέλτοις.

³² Антиох Енифан, сделавшись в 175 г. царем сирийским, через несколько лет после вступления на престол вторгся в Иерусалим и ограбил храм. Это вторжение, как известно, вызвало маккавейские войны.

³³ Помпей в 61 г. завоевал Иерусалим после трехмесячной осады

³⁴ Квинтилий Вар, римский наместник в Сирии, отправился в Палестину для подавления вспыхнувшего после смерти Ирода восстания евреев против римского полководца Сабина и учинил там страшную резню.

³⁵ Имеется в виду недавняя иудейско-римская война.

³⁶ Все греческие манускрипты дают ἐκ τῶν ἀρχαίων γραμμάτων. Также латинская версия (далее L) - (novas) ex veteribus tabulas (conficiunt). Ср. с прим. 31.

³⁷ Ср. *Antiquit.* III, 276; XIII, 292; *Vita*, 414. Это запрещение относительно священнических жен в Библии не встречается, а вырабатывается впоследствии

³⁸ Ср. *Antiquit.* I, 16; XX, 227.

³⁹ Следует предположить синтаксическую неправильность в построении предложения, либо принять чтение Гуттмида, который объединяет окончание предыдущей главы с началом 8-й, что тоже в таком случае не безупречно в отношении соблюдения норм языка (использование частиц *oḅv* и *yār*).

⁴⁰ Артаксеркс наследовал Ксерксу в 465 г. У Иосифа (тж. *Antiquit.* XI, 184) и в Септуагинте (книга Эсфирь) идентифицируется с Агасфером.

⁴¹ H.St.J.Thackeray приводит возможный список из 13-ти книг: 1. Иис.Нав. 2. Судей + Руфь 3. книги Самуила 4. книги Царей 5. Летописи 6. Ез. + Неем. 7. Эсфирь 8. Иова 9. Исайи 10. Иеремии + Плач 11. Иезекииля 12. Малые пророки 13. Даниила.

⁴² 1. Псалмы 2. Песнь песней 3. Притчей 4. Екклесиаста. Всего Иосиф говорит только о 22 книгах, имея в виду, безусловно, тот же объем ветхозаветных книг, но придерживаясь иного деления. Многие отцы церкви также говорят о каноне из 22 книг. В талмудической литературе 24 канонических книги упоминаются только в аморейскую эпоху. См. тж. G.Hölscher. *Kanonisch und Apokryph. Ein Kapitel aus der Geschichte des alttestamentlichen Kanons.* Leipz., 1905, S.2-6, 36-38.

⁴³ Имеются в виду авторы апокрифических книг.

⁴⁴ Второзак. 4, 2.

⁴⁵ Ср. С.А. II, 219.

⁴⁶ Ср. *Bel. Iud.* I, 1 ff.

⁴⁷ Букв. "закованным".

⁴⁸ *Bel. Iud.* III, 392-408; IV, 623-629, 658. О положении Иосифа в плену и последующей жизни в Риме см. Т.Раджак. с. 206-238.

⁴⁹ Какова роль "помощников" и насколько хорошо владел Иосиф неродным ему греческим языком - вопросы, не имеющие однозначного решения. См. H.St.J.Thackeray. *Josephus, the Man and the Historian.* 1929; Также Т.Раджак. с. 63-64; 257-260.

⁵⁰ Ср. *Vita* 361 ff.

⁵¹ Архелай, сын Хелкии и муж Мариам, сестры царя Агриппы II (*Antiquit.* XIX, 355; XX, 140).

⁵² О нем ничего не известно. Предположение Reinach'a о том, что это царь Халкис, безосновательно, поскольку последний умер еще до войны (*Antiquit.* XX, 104).

⁵³ В параллельном месте (*Vita*, 362) царь Агриппа II упомянут среди получивших книги в подарок.

⁵⁴ Ср. *Thuc.* I, 22.

⁵⁵ Ср. *Antiquit.* I, 5; XX, 261. В действительности перевод Иосифа сильно зависит от греческого текста Септуагинты.

⁵⁶ Ср. *Vita*, 342; 358.

⁵⁷ Фукидид (I, 5) говорит, что до времени Миноса разбой был почетным занятием. Ср. тж. *Hom. Od.* III, 71 ff.

⁵⁸ Подобно Иосифу, позднейшие историки Полибий и Дионисий Галикарнаский указывают на отсутствие у древних греческих писателей всяких известий о Риме. Сведения о нем начинают проникать в греческую литературу около времени Пунических войн. См. *Gutschmid. op. cit.* S.416.

⁵⁹ В Писании встречается упоминание о греках под именем *ив* (*Iavan*), т.е. ионийцы. См., напр., Быт. 10, 2. Более тесные сношения евреев с греками начались со времени Александра Великого.

⁶⁰ Праотец еврейского народа Авраам, как известно, происходил из Ура Халдейского. Несмотря на то, что Навуходоносор разрушил Храм, а население увел в плен, евреи чувствовали себя хорошо под властью вавилонян, так что только сравнительно небольшое их число воспользовалось разрешением Кира вернуться на родину.

⁶¹ Манефон жил в царствование Птолемея Филадельфа (283-246), был родом из Себеннитоса и принадлежал к касте жрецов. Составил на греческом языке историю Египта с древнейших времен до Александра Великого, дошедшую в отрывках. См. *RE XIV "Manethon"* 1060-1101 (1064-1080 - Манефон у Иосифа) (*Richard Laqueur*).

⁶² *Ed. Meyer, Chronologie égyptienne* (французский перевод), Р., 1912, р. 103-139, различает несколько частей в приведенном Иосифом отрывке Манефона: п. 75-82 - подлинный отрывок Манефона; п. 83 взят из другого сочинения вместе с не принадлежащей Манефону этимологией; в отрывках п. 84-90 и п. 94-102 речь идет об одном и том же времени; второй отрывок восходит к Манефону, а первый взят из какого-то другого греческого источника, цитирующего Манефона; п. 94-97 и п. 98-102 первоначально не были объединены и также восходят к греческому опосредующему источнику; п. 232-250 аутентичны Манефону. См. тж. *Meyer, Ed. Geschichte des Altertums*, I/2. Darmstadt, 1954, S.12-13, 314; *Schwartz, J. Le "cycle de Petoubastis" et les commentaires égyptiens de l'Exode.* in: *Bulletin de l'Institut français d'Archéologie Orientale*, 49 (1949) p. 67-83.

⁶³ *Thackeray: Τούτιμας*. В тексте *Niese* слова "был у нас царь" отсутствуют, как у *Евсевия* и в латинском переводе. *Niese* принимает чтение *τοῦ τίμαρος ὄνομα*. По чтению, предложенному *Гутшмидом* (*op. cit.* S.421), следует перевести так: "Тутимеос (стоит в качестве заголовка ко всему отрывку) При нем чужеземная буря разразилась и из восточных стран..."

⁶⁴ *Thackeray: Σάλιτις*.

⁶⁵ Все манускрипты дают ἐν Σαίτῃ, что географически невозможно. Потому стало традиционным чтение ἐν Σαθροίτῃ (издания J.G.Müller, B.Niese, Th.Reinach и H.St.J.Thackeray). P.Montet (Les nouvelles fouilles de Tanis (1929-1932). 1933/ Publication de la Faculté des Lettres de Strasbourg, 2-e série, vol. 10) поддержал гипотезу о том, что Аварис то же, что Танис, и высказал предположение, что Σαίτης - эквивалент Ταίτης. Тогда более вероятно первое чтение (См. Collomp, P. Manéthon et le nom du nome où fut Avaris. Rev. ét. anc. 42 (1940) p. 74-85).

⁶⁶ Город лежал недалеко от Пелузия и был местом культа бога Сета (Тифон), который считался у египтян богом зла, но у гиксов был возведен в достоинство первого божества.

⁶⁷ Гутшмид признает эту форму более правильной. Niese принимает чтение Βηών L; Banon Армянская версия "Хроники" Евсевия (далее Eus.Arm.) Βυών Юлий Африканский (далее J.Afr)

⁶⁸ Παχύν J.Afr 'Αρχάης Manetho apud Schol. Platonis ad Tim. 21E (далее Schol.Pl.)

⁶⁹ Aphosis Eus.Arm. 'Αφοζις J.Afr 'Αφωφίς Schol.Pl.

⁷⁰ Samnas Lat Anan Eus.Arm. 'Ιανίας ed.pr. 'Αννάς Gutschmid

⁷¹ Ases Lat Aseth Eus.Arm

⁷² Объяснение, даваемое Манефоном слову ΓΚΣΣΣ, вполне подтверждается египтологией. Встречающаяся, напр., у Евсевия форма 'Ικουσσώς соответствует множественному числу этого слова в египетском языке.

⁷³ Ed.Meyer считает, что под ἄλλο ἀντίγραφον (знач."список", "копия") следует понимать какое-то иное грекоязычное сочинение по истории Египта, где также цитируется Манефон. В п. 91, снова говоря о пленниках, Иосиф пишет "в какой-то другой книге (βιβλίῳ) "Истории Египта", что в таком случае также должно означать другое сочинение.

⁷⁴ Это объяснение, как считает Meyer, не может принадлежать Манефону.

⁷⁵ Верхний Египет и при гиксосах продолжал отчасти сохранять самостоятельность. Цари, начавшие борьбу с гиксосами, составляют 17-ю династию.

⁷⁶ 'Αλίσφραγμούθωσις L Alisfragmuthos Lat.

⁷⁷ Египетская мера площади (около 2025 или 2756 кв.м), которую Иосиф (или его греческий источник) принимает за меру длины.

⁷⁸ Thummosim Lat Θμούθωσιν Eus.. Praep. Thimosim Eus.Arm.

⁷⁹ Из того, что Манефон приписывает основание Иерусалима гиксосам, не следует то, что он отождествлял их с евреями.

⁸⁰ Ср. Быт. 40, 15.

⁸¹ Этим царем был в предыдущем отрывке Туммос. Ed. Meyer принимает это за ошибку в переписывании. Следуя Юлию

Африканскому и Евсевию, первым царем, завоевавшим Аварис, был Amosis, а цари Мисфрагмутос и Туммос следовали в списке 6-м и 7-м. Этот и предыдущий отрывок были первоначально параллельны, а затем ошибочно были приняты следующими один за другим. Эта ошибка восходит не к Манефону, а к источнику-посреднику, которым пользовался Иосиф.

⁸² В египетских памятниках не упоминается.

⁸³ Соответствует Аменхотепу I памятников.

⁸⁴ 'Αμεισής *L* Amenses *Eus.Arm* 'Αμέσση *Theoph.Ant. III, 20*

⁸⁵ В памятниках не упоминается.

⁸⁶ Mifranthusis *Lat* Μηφρανθούσις *Theoph* Μισφραγμουθωσις *J.Afr*
Mephrahtimuthoses *Eus.Arm*.

⁸⁷ Etmusis *Lat* Τυθμώσις *Theoph* Τούθμωσις *J.Afr* Thmothesis
Eus.Arm

⁸⁸ Δαμφένωφις *Theoph*

⁸⁹ В памятниках не встречается.

⁹⁰ Acenchres *Lat* Khenkheres *Eus.Arm* 'Αχενρής *J.Afr*. В египетских памятниках не встречается, также как и три последующих царя.

⁹¹ Armes *Lat* Armajis *Eus.Arm*.

⁹² Соответствует Рамсесу I памятников.

⁹³ Имя этого царя упоминается здесь дважды, что, по всей видимости, ошибка.

⁹⁴ Два лица слиты в одно. Сети I - отец Рамсеса Великого.

⁹⁵ Маловероятно, чтобы сам Манефон говорил о Данае и Египте. Как считает Мейер, это выдает греческого автора сочинения, которым пользовался Иосиф.

⁹⁶ В действительности от Тетмоса (Амесиса), изгнавшего чужеземцев из Египта, до Аменофиса прошло 333 года. Мейер считает, что Иосиф, не делая собственных подсчетов, позаимствовал срок 393 года из греческого источника, куда уже включено время царствования Сетоса (Рамесса). В п. 231 Иосиф приводит срок 518 лет, вторично прибавляя к сроку 393 года время правления Сетоса (59 лет), что в сумме с 66 годами правления его преемника Рамсеса дает 518 (517) лет (333+59+59+66).

⁹⁷ Господство гиксосов продолжалось приблизительно от 1710 г. до 1580 г., т.е. за 400 лет до Троянской войны.

⁹⁸ Известный из Библии тирский царь Хирам, друживший с Давидом и Соломоном (2 Цар. 5. 11; 3 Цар. 5. 1 и дал.)

⁹⁹ 3 Цар. 5. 6-10; 9. 14.

¹⁰⁰ 3 Цар. 9. 11-13. См. тж. *Antiquit. VIII, 5. 3.*

¹⁰¹ О письмах говорится также в 2 Паралип. 2. 10. Два письма приводятся Иосифом в *Antiquit. VIII, 50-54.*

¹⁰² Об этом писателе ничего не известно. Иосиф цитирует его также в *Antiquit.* VIII, 147.

¹⁰³ По другим источникам, возможно, родом не из Эфеса, а из Пергама (*Clem. Al. Strom.* I, 114). Более подробных сведений не имеется. Цитируется также в *Antiquit.* VIII, 144.

¹⁰⁴ Так называлась восточная часть острова, на которой был построен новый Тир, своей величиной и великолепием скоро затмивший старый город. См. Jeremias, F. *Tyrus bis zur Zeit Nebukadnezar's* (Diss.) Leipz. 1891. S.48.

¹⁰⁵ По Эвполему, это был подарок Соломона (*Eus. P.E.* IX, 34). Геродот (II, 44) упоминает два храма Геракла и ни одного Зевса.

¹⁰⁶ Четвертый месяц македонского года, прибл. февраль-март.

¹⁰⁷ Thackeray: Ἰτακαίους Ср. *Antiquit.* VIII, 146. Τίτιδος *L* Titiceos *Lat*. По принятому чтению Гутшмида, жители финикийской колонии Итаки.

¹⁰⁸ Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Metusastartus *Lat* μεθ οὗς ἀστάρτος *L* Μεθουάστартος *Theoph* μεθ οὗ Ἀστартος *Eus*.

¹⁰⁹ Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Ἀστίριμος *L* Ἀθάριμος *Theoph* Astirimos *Lat*.

¹¹⁰ Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Βαδέζωρος *L* ὁ υἱὸς αὐτοῦ Βαζωρος *Theoph* Badezodus *Lat*.

¹¹¹ Принято чтение Thakeray'a. Ср.: Φυγμάλιον *L* Pigmalion *Lat* Physmanon *Eus.Arm*.

¹¹² Город Карфаген в Ливии был основан Элиссой, сестрой Пигмалиона, известной как Дилона.

¹¹³ Общее число лет не соответствует получающейся сумме из-за порчи цифр в тексте.

¹¹⁴ Источник не известен. Ed.Meyer, *Geschichte des Altertums*. II/2, S.79, п. 2, считает этот год ошибкой, также как и J. Liver (*The Chronology of Tyrè. IEJ, III* (1953), p. 115, п. 6). В "Древностях" (VIII, 62) сказано "на одиннадцатом году". Библия сообщает о том, что Храм был построен на четвертом году царствования Соломона (3 Цар. 6. 1). См. также Katzenstein, H.J. "Is there a Synchronism between the Reigns of Hiram and Solomon?" *Journal of Near Eastern Studies* 24 (1965) p. 116-117.

¹¹⁵ Год основания Карфагена в точности не известен и колеблется между 826 и 888 годом. Время построения Храма также не вполне определено (XI в.).

¹¹⁶ По библейскому преданию (3 Цар. 6. 1) от исхода евреев из Египта до построения Храма прошло 480 лет, а следовательно от вступления в Ханаанскую землю - 440 лет.

¹¹⁷ *Antiquit.* VIII, 61 ff.

¹¹⁸ Беросс (ок. 330-250) - жрец храма Бела в Вавилоне. Написал историю Вавилона, включавшую по меньшей мере три книги, от которой сохранились только отрывки. RE III (4) 309-316 (Schwartz).

О фрагментах Беросса у Иосифа см. Galling, K. Studien zur Geschichte Israels im persischen Zeitalter. Tübingen, 1964. S.29-32.

¹¹⁹ Отрывок, в котором рассказывается история потопа, сохранился и обнаруживает поразительное сходство с библейским сказанием. Открытый в 1872 году известным ассириологом Дж. Смитом клинописный текст сказания о потопе согласен с рассказом Беросса в самых существенных чертах.

¹²⁰ Основатель нововавилонского царства (625-605 гг.)

¹²¹ Принято чтение Thackeray'a. Niese: Ναβουκοδρονόρ L. Вавилонский царь, завоевавший Иудею и разрушивший Храм, царствовал в 605-562 гг.

¹²² II Паралип. 36, 17-23. 4 Цар. 24.11-16

¹²³ Возм. имеются в виду события 4 Цар. 23. 29; 24. 7; Иер. 46. 2 и след.

¹²⁴ Это место испорчено. Для слов ἀναγκάσας ("принудив"), προσκαρτέρησεν ("потворствовал") и κατασκευάζειν ("устанавливать") издатели предлагают различные варианты. См. Giangrande, G. "Emendations to Josephus Flavius 'Contra Apionem'" Classical Quarterly 12 (1962) p. 108-117. Принято чтение Гуттмида - ἀνακαίνας "обновив", προσκαρτέρησεν "присторив" и κατασκευάζειν.

¹²⁵ См. описание Вавилона - Herod. I, 178-185.

¹²⁶ Женой Навуходоносора была Амитис, дочь мидийского царя Киаксара.

¹²⁷ Напр., Ктесий (у Диадора II, 7-8).

¹²⁸ Мифическая царица Ассирии, с чьим именем связано утверждение ассирийского могущества, основание Вавилона и многие грандиозные сооружения. Геродот (I, 184), по-видимому, сообщает о другой Семирамиде.

¹²⁹ Этот Филострат известен только благодаря Иосифу. Тж. Antiquit. X, 228.

¹³⁰ Мегасфен был направлен Селевком I Никатором послом к индийскому царю Чандрагупте (ок. 300 г.) Собрал богатый материал и написал сочинение об Индии, дошедшее в отрывках.

¹³¹ Тж. Antiquit. X, 227. Об этих походах упоминает также Евсевий (Р.Е. IX, 41), что, впрочем, лишено всякого исторического основания.

¹³² Ср. 4 Цар. 25. 27; Иер. 52. 31.

¹³³ Бирс Нимруд, недалеко от Вавилона, на западе от Евфрата.

¹³⁴ Рассказ об участии Набоннида расходится с данными клинописных источников.

¹³⁵ В соответствии с 4 Цар. 25. 8 и Иер. 52. 12, разрушение Храма произошло на девятнадцатом году правления Навуходоносора.

¹³⁶ Время пленения отсчитано от падения Седекии (587 г.) до разрешения Кира в 1-й год царствования (538 г.) - 49 лет.

¹³⁷ Езд. III, 8.

¹³⁸ Это указание относится к возобновлению прерванной работы по строительству Храма (Езд. IV. 24), который был закончен только через 4 года (ibid. VI. 15).

¹³⁹ Этот отрывок, возможно, также позаимствован из Менандра Эфесского.

¹⁴⁰ ἐπὶ θωβάλου *L Lat*

¹⁴¹ *Antiquit.* X, 228.

¹⁴² На самом деле 55 лет и 3 месяца. Однако, под этим периодом времени нужно разумеать не время правления тирских царей и судей, а сумму лет, протекших от разрушения Храма Навуходоносором до восстановления его при Кире, т.е. пятьдесят лет. Reinach и Gutschmid исправляют 54 на 50.

¹⁴³ Начало осады Тира совпало с годом завоевания Навуходоносором Иерусалима и разрушением Храма, как видно из Иезек. 26. 7; 12. Этот год был девятнадцатым (по Библии) и восемнадцатым (по исчислению Иосифа) годом царствования Навуходоносора. Gutschmid предлагает чтение "семнадцать" вместо "семь".

¹⁴⁴ Гермипп из Смирны, жил в III в., автор жизнеописаний философов, в том числе и Пифагора.

¹⁴⁵ О нем ничего не известно.

¹⁴⁶ Ср. *Antiquit.* II, 80. Возможно, намек на басню о почитании осла.

¹⁴⁷ Все, что не относится к Ἰσίδωρ пифагорейцев. У евреев подобного предписания не существует.

¹⁴⁸ Ср. Исх. 22. 28; Лев. 19. 14, 16.

¹⁴⁹ Ученик Аристотеля, ум. в 287 г. В особенности известен своими сочинениями по ботанике.

¹⁵⁰ קרב Лев. I. 2; 2, 5. Ps. 40, 7 и др. В Септуагинте δόρα. См. Zeitlin, S. "Korban". *Jew. Quart. Rev.* 53 (1962-63) p. 160-163.

¹⁵¹ Herod. II, 104. Ср. *Antiquit.* VIII, 262.

¹⁵² Река в Каппадокии, впадает в Черное море.

¹⁵³ Река в Пафлагонии, также впадает в Черное море.

¹⁵⁴ Народ, живший около Черного моря, известен также под именем макрокефалов.

¹⁵⁵ Иосиф представляет дело так, будто Геродот говорит о евреях. В сочинении последнего нигде не встречаются прямые указания относительно евреев и населяемой ими стране. Однако, если Геродот имел в виду филистимлян, которые не знали обрезания, он ошибался. Потому Иосиф, по всей видимости, прав в своем рассуждении.

¹⁵⁶ Родом с о. Самос, современник и друг Геродота (Strab. VII, 9. 303). Известен как автор исторического эпоса о греко-персидских войнах.

¹⁵⁷ Dornseiff, F. *Echtheitsfragen Antik-Griechischer Literatur.* Berl., 1939, S. 67, считает, что отрывок подлинный, однако, маловероятно,

что имеются в виду евреи. У позднейших писателей зачастую 'Ιεροσόβλιμα употребляется в сокращенной форме 'Ιόβλιμα, что явилось причиной сопоставления упоминаемых у Гомера солимов, жителей Малой Азии (Od. 5. 283), с евреями (ср. Tac. Hist. V, 2). Также описание воинов не может быть отнесено к евреям, которым запрещалось коротко стричься (Лев. 19. 27; Иер. 9. 26). Возможно, в приведенной цитате имеются в виду эфиопы (ср. Herod. VII, 70).

¹⁵⁸ Родом из города Сола на Кипре, автор многих несохранившихся сочинений. О подлинности приведенного отрывка см. Schuhl, P.-M. "Sur un fragment de Cléarque. Les premiers rapports entre savants grecs et juifs". Rev. hist. rel. 147 (1955) p. 124-126; а также Lewy, H. "Aristotle and the Jewish Sage According to Clearchus of Soli" Harv. Theol. Rev. 31 (1938) p. 205-235.

¹⁵⁹ Каланом звали гимнософиста, который последовал из Индии за Александром и сжег себя заживо навиду у его армии (Plut. Alex. 65 etc.).

¹⁶⁰ В Мизии, ок. 347-344 г.

¹⁶¹ Гекатей из фракийского города Абдеры, известен как автор нескольких исторических сочинений, в том числе одного по истории Египта. Ему также приписывали сочинение "Об иудеях", в подлинности которого сомневались уже в древности (Orig. Contra Celsum. I, 15). Однако, вопрос не имеет однозначного решения. Вполне вероятно, что некоторые отрывки (в том числе и те, которыми воспользовался Иосиф) подлинны. См. Léwy, H. "Hecataios von Abdera περί 'Ιουδαίων" Zeitschr. neutest. Wiss. 31 (1932) S.117-132; Domseiff, Fr. Echtheitsfragen... Berl. 1939, S.56-57; Schaller, B. "Hecataios von Abdera über die Juden. Zur Frage der Echtheit und der Datierung" Zeitschr. neutest. Wiss. 54 (1963) S.15-31.

¹⁶² Птолемей I Сотер, основатель династии, умер в 283 г.

¹⁶³ Кастор с о. Родос, историк и хронограф, жил во II в.

¹⁶⁴ Александр Великий умер в 323 г. Битва при Газе произошла в 312 г.

¹⁶⁵ Об этом первосвященнике ничего не известно. Thackeray считает, что слово ἀρχιερεύς, употребленное без артикля, может и не означать первосвященника по официальному статусу. В то время первосвященником был Ония (ср. Antiquit. XI, 347).

¹⁶⁶ Смысл этой фразы не вполне ясен. Дан один из возможных переводов.

¹⁶⁷ Ср. Antian. Exp. Alex. VII, 17; Strab.. XVI, 1. 5, 738.

¹⁶⁸ Здесь, очевидно, персы смешиваются с вавилонянами.

¹⁶⁹ Только в Галилее во время Иосифа было 204 города и деревни (Vita, 235).

¹⁷⁰ Преувеличение, поскольку окружность города составляла всего лишь 33 стадии.

¹⁷¹ Речь идет о стене, окружавшей храмовую гору, которая лежала в восточной части города.

¹⁷² Исх. 20, 25; Второзак. 27, 6.

¹⁷³ Если это показание верно, тогда жертвенник второго Храма был таких же размеров, что и Храма Соломона (II Паралип. 4, 1; тж. Езд. 3, 3).

¹⁷⁴ Кадильный жертвенник, предназначенный для воскурений (Исх. 30, 1).

¹⁷⁵ Второзак. 16, 21.

¹⁷⁶ Имеется в виду храмовая стража, состоявшая из священников.

¹⁷⁷ Лев. 10, 9; Иезек. 44, 21.

¹⁷⁸ Агатархид родом из Книда, II в., автор исторических сочинений, в том числе "Истории диадохов". RE I (3) 739-740 (Schwartz).

¹⁷⁹ Стратоника, дочь Антиоха I (Сотера) и жена Деметрия II Македонского. См. Strabo, 16, 749, тж. биографию Деметрия Плутарха.

¹⁸⁰ Происходил из Кардии Херсонесской и занимал при Александре Великом, Антигоне и Селевке должность полемарха. Написал историю Диадохов, жизнеописание Александра Великого и воспоминания. RE VIII (10) 1540-1560 (F.Jacoby).

¹⁸¹ То есть в Сирии и Иудее. В юности он был даже надзирателем при работах по добыванию асфальта на Мертвом море (Diod. 19, 100).

¹⁸² Определенных сведений об этом писателе нет.

¹⁸³ Под этим именем известно несколько греческих авторов. Один из них, происходивший из Тарса, написал историю Фригии на финикийском языке, которая затем была переведена на греческий язык (Clem. Strom. I, 326). У Евсевия (Praep. ev. IX, 22) упоминается другой Феодот, написавший сатиру на евреев. RE X (2 сер.) (20) 1958.

¹⁸⁴ Географ Мнасей, II в. Оставил описание Азии и Европы. RE XXX (6) 2250-2252 (Laqueur).

¹⁸⁵ Возможно, имеется в виду грамматик Аристофан Византийский, живший ок. 260 г. RE II (14) 994-1005.

¹⁸⁶ Возможно, ритор из Тарса, живший ок. 161 г. RE VIII (22) 865-867 (Radermacher).

¹⁸⁷ Происходил из сицилийского города Мессаны, жил в IV в. RE VI (3) 952-972 (Jacoby).

¹⁸⁸ Известный мифограф I в. Жил в Риме во времена Цезаря и Октавиана, написал 50 рассказов легендарного характера. RE XXII (2 сер.) (9) 1335-1338.

¹⁸⁹ Составитель лексикона, грамматик, нач. I в. н.э. Его труды вошли отчасти в словарь Суды. RE XIX (2 сер.) (3) 765 (Ziegler).

¹⁹⁰ Известный государственный человек и ученый, живший в конце IV в. Написал много исторических и риторических сочинений, принимал деятельное участие в основании александрийской библиотеки. RE IV (85) 2817-2841.

¹⁹¹ Еврейский ученый, вероятно, из Византия, живший в III в. Занимался историей, написал книгу об иудейских царях, об осадных орудиях и сочинение по механике. См. RE XXXIX (46) 51-52 (Laqueur)

¹⁹² Жил во II в. Написал сочинение о евреях в Ассирии, о пророчествах Илии, об иудейских царях. Об упоминаемых здесь писателях Иосиф, по всей видимости, узнал из вторичных источников и, возможно, уже после написания книги - из сочинений Николая Дамасского или Александра Полигистора или из бесед со своими римскими друзьями, как считает Thackeray. Reinach придерживается мнения, что этими сведениями Иосиф обязан только Александру Полигистору.

¹⁹³ То есть. греческих городов-государств.

¹⁹⁴ Феопомп с о. Хиос, родился около 380 г., ученик Исократы, историк. В конце жизни был вынужден удалиться в Египет, к царю Птолемею, которым был принят крайне недружелюбно.

¹⁹⁵ Автор книги *Λακωνικά*, жил в Афинах и был противником Исократы.

¹⁹⁶ Также *Τρικάρωνος*, памфлет против Афин, Спарты и Фив, написанный Анаксименом из Лампсака, который искусно имитировал стиль Феопомпа и послал списки в эти города, чем окончательно дискредитировал Феопомпа (Paus. VI. 18. 3).

¹⁹⁷ См. примечание 19.

¹⁹⁸ О приводимом здесь отрывке Манефона см. Montet, P. "Le Roi Amenophis et les Impurs" Rev. ét. anc. 42 (1940) p. 263-269.

¹⁹⁹ Поскольку у Юлия Африканского указаны сроки правления этого царя, Ed. Meyer видит в этом доказательство того, что Иосиф пользовался вторичным источником, а не самим Манефоном. В приводимом отрывке, по его мнению, аутентичны пп. 232-251. См. Ed. Meyer. *Chronologie égyptienne*. P., 1912, p. 120-127.

²⁰⁰ О вычислениях Иосифа см. прим. 96.

²⁰¹ Иосиф несправедлив в своих упреках, поскольку Манефон недвусмысленно разделил два изгнания из Египта - гиксосов, которые основали Иерусалим, и прокаженных, союзниками которых стали потомки гиксосов.

²⁰² Тетмос, то есть Туммос - п. 88.

²⁰³ В гл. 15 этот царь упоминается под именем Армаис.

²⁰⁴ Идентификация с Аменофисом, при котором произошло второе изгнание, сомнительна, но Иосиф не прав, называя его выдуманным. Манефон упомянул трех царей с этим именем (п. 95-97). Иосиф идентифицирует этого царя с Аменофисом IV.

Reinach, однако, считает, что Манефон имел в виду Аменофиса III (п. 97).

²⁰⁵ 9-й царь XVIII династии. Возможно, смешивается с богом Гором.

²⁰⁶ Досл. "стать созерцателем (θεατήν) богов". Вряд ли имеет значение физического созерцания, на которое направлены дальнейшие насмешки Иосифа.

²⁰⁷ Приближенный Аменофиса III, чья статуя с надписью была открыта Mariette (Maspero. Histoire ancienne, II, P., 1897, p. 299, 448.) У Фотия (Bibl. 166) упоминается жрец по имени Паапис. Niese: Πάπισ.

²⁰⁸ Herod. II, 8.

²⁰⁹ G. Giangrande, "Emendations to Josephus Flavius" Clas. Quart. 12 (1962) p. 112, вместо не совсем понятного места καὶ προσθεμένων ἐἰπεῖν предлагает καὶ προσθεμένων εἰπεῖν в конструкции "независимый родительный" без логического подлежащего. Принято все же первое чтение, как в editio princeps..

²¹⁰ См. гл. 15, прим. 66.

²¹¹ Город к востоку от Мемфиса, знаменитый своим храмом в честь бога солнца. Жрецы Гелиополя славились своей ученостью (ср. Herod. II, 3).

²¹² Странное выражение в устах Иосифа, повторяющееся в п. 263, если принять во втором случае чтение Niese.

²¹³ Указания на один день нет в цитированном отрывке Манефона.

²¹⁴ ἱππίας L Lat.

²¹⁵ Пелузий лежал в Нижнем Египте на восточном рукаве Нила. Будучи ключом к Египту, город неоднократно был свидетелем военных действий (Herod. II, 141. III. 10; Diod. 15, 42; 16; 48; Plut. Anton. 74; Liv. 45, 11)

²¹⁶ Reinach считает, что в этом месте необходимо признать лакуну в тексте, поскольку вывод неполный и итог аргумента без окончания.

²¹⁷ Лев. 13 и 14. Числ. 5.

²¹⁸ Лев. 21. 18-23.

²¹⁹ Этимология этого слова не вполне ясна. В тексте Μωσῆν. Употребляется также форма Μωσῆς. Более правильной может считаться первая, если придерживаться египетской этимологии (Исх. 2. 10) - "спасенный из воды". Вторая может соответствовать причастию действительного залога от глагола מָצָא - "спасающий", "извлекающий". Созвучие египетского и древнееврейского корней создаст игру слов, которая объединяет оба смысла.

²²⁰ Жил в I в. н.э. Стоический философ, библиотекарь в Александрии, воспитатель Нерона. Кроме других работ, написал историю Египта иероглифическим письмом.

²²¹ Изиды была покровительницей сновидений. Ее жрецы занимались толкованием снов.

²²² Thackeray: *Φρι τοζαύτην* L.

²²³ *Μεσσηνήν* ed. pr.

²²⁴ То есть Манефона и Херемона.

²²⁵ Явное противоречие с тем, что сказано у Херемона.

²²⁶ Александрийский писатель, о котором почти ничего не известно. Жил позже, чем Мнасей (II в.)

²²⁷ Царь из XIV династии, VIII в. Апион приурочивает исход к царствованию этого фараона, также как и Тацит (Hist. V, 3) Иосиф приписывает этому царю более раннюю дату.

²²⁸ См. Tacit. Hist. V, 3. Об оракуле Аммона см. Herod. I, 46; II, 83.

²²⁹ G. Giangrande, "Emendations...", согласен с Niese, который считает, что инфинитив будущего времени *κατάξειν* не может употребляться в целевой конструкции. Так или иначе, смысл от этого существенно не меняется.

²³⁰ Прежде всего эти меры должны были обезопасить их от нападения диких зверей.

²³¹ Кроме Апиона, Тацит (Hist. V, 5), Justin. (XXXVI, 2) и Diod. (XL, 1) упрекают евреев в беспощадной жестокости.

²³² *ἱερός* "святой" и *συλᾶν* "грабить". Также *ἱεροσυλέω* "грабить храмы".

²³³ Ср. библейские предписания о благорасположении даже к египтянину (Второзак. 23. 7), о справедливости к чужеземцам (Лев. 24. 22; Второзак. 15. 15).

²³⁴ Апион, сын Плейстоники, родился около 30 г. до н.э. в Верхнем Египте. Учился в Александрии и преподавал риторику в Риме при императорах Тиберии, Калигуле и Клавдии. Во время Калигулы он возглавлял антииудейское посольство из Александрии к императору и был противником Филона. Известен также своими интерпретациями к Гомеру. Написал историю Египта в пяти книгах, которые содержали нападки на евреев. Об отдельной работе о евреях ничего доподлинно не известно. RE I (3) 2803-2806 (Cohn).

²³⁵ Thackeray считает, что это слово употреблено здесь в официальном смысле - "от египетских старейшин". Ниже, в этой же главе это слово объясняется Иосифом иначе.

²³⁶ т.е. Гелиополь.

²³⁷ Это место сильно испорчено. Смысл не совсем ясен. См. Reinach, Th. Notes sur le second livre du Contre Apion de Joseph. Gedankenbuch zur Erinn. an David Kaufmann. Breslau, 1900. p. 13-15.

²³⁸ Herod. II, 111.

²³⁹ В этих словах Апион, очевидно, обвинял Моисея в нововведениях и нарушении традиций.

²⁴⁰ Молох, называемый также Аполлонием Молоном, происходил из карийского города Алабанды. Преподавал риторику на

Родосе и в Риме. Цезарь и Цицерон были его учениками. Кроме того написал несколько исторических сочинений, в которых сообщил, по Иосифу, немало ложных сведений о евреях. RE II "Apollonios" (85) 141-144.

²⁴¹ То есть в 752 или 751 году.

²⁴² см. С.А. I. 126.

²⁴³ Также в Antiquit. XX, 230. В Antiquit. VIII, 61 Иосиф говорит о периоде в 592 г. Библейское указание (3 Цар. 6. 1) - 480 лет.

²⁴⁴ В 34 главе I книги Лисимах не указывает число изгнанных из Египта.

²⁴⁵ Об этимологии и сопоставлении этих слов см. Scheller, M. "Σαββῶ und σαββάτωσις" Glotta 34 (1955) S.298-300. Правильную этимологию слова суббота от глагола שָׁבַט Иосиф дает в конце этой главы.

²⁴⁶ Принято чтение, предложенное G. Giangrande: вместо πάντες, которое относится к придаточному предложению ("сражаясь все вместе") - πάντων, в начале главного предложения ("вообще").

²⁴⁷ Другие писатели, более авторитетные, также давали неверные этимологии этого слова. Лактанций (VII, 14) - от שֵׁשֶׁת (шесть), Плутарх (Symp. IV, 6) и Тацит (Hist. V, 5) указывали на родство этого слова с именем бога Сабасноса, одного из эпитетов бога Диониса.

²⁴⁸ См. Lévy, I. "Notes d'histoire et d'épigraphique" Rev. ét. juiv. 41 (1900) p. 174-195.

²⁴⁹ Имеется в виду большой Оазис, лежащий в Верхнем Египте и называемый Геродотом (III, 26) "город Оазис" ("в переводе остров Блаженных"). По сообщению Страбона, оазисы также служили местом ссылки преступников (II. 130; XVII, 790). Возможно, в этом причина того, что Апион стыдился своей родины.

²⁵⁰ В восточной части города, где нет бухты. Апион, возможно, указывает на то, что евреи занимали в Александрии самую неудобную часть города, вдали от гавани, где нет ни заливов, ни пристаней. Иосиф не понимает этого замечания Апиона, или делает вид.

²⁵¹ Ср. Bel. Iud. II, 18. 7: "Что же касается Александрии, то здесь борьба между местными жителями и евреями существовала еще со времен Александра, который, найдя евреев готовыми оказывать ему содействие в борьбе с египтянами, вознаграждал их за союзничество тем, что дал возможность проживать в городе, располагая такими же правами, как и греки. Они удержали это отличие и при его преемниках, которые сверх того еще и отделили им особую часть города, чтобы евреи могли, не смешиваясь с иноземцами, сохранять в чистоте собственный образ жизни; наконец, им позволили именовать себя македонцами. Когда же Египтом завладели римляне, ни

первый Цезарь, ни его преемники ни в чем не уменьшили права, данные евреям во времена Александра".

²⁵² "Город мертвых", так называлась местность к юго-западу от более возвышенной части города, известной под именем Ρακοῖτις. Западная сторона города считалась более аристократической. А в северо-восточной его части Βροῦχσιον недалеко от царского дворца, стадиона и гимназия располагался еврейский квартал.

²⁵³ Это предложение Thackeray помещает впереди двух предыдущих предложений.

²⁵⁴ Имеется в виду Юлий Цезарь, хотя эпитет "великий" обычно прилагается Иосифом к Помпею.

²⁵⁵ Селевк I Никатор, род. ок. 353 г.

²⁵⁶ Право именоваться римскими гражданами

²⁵⁷ Египтяне могли получать право римского гражданства, только став предварительно александрийскими гражданами (См. Plin. Epist. X, 4, 5; XII, 22, 23)

²⁵⁸ Ср. I Мак. 10, 30, 38; 11, 34.

²⁵⁹ Известно, что несколько еврейских гарнизонов были в Египте. Из пятой главы можно заключить, что имелась в виду охрана речных устьев. Еврейский гарнизон упомянут в Bel. lud. I, 141, тж. Antiquit. XIV, 133.

²⁶⁰ Киренские евреи во время Суллы составляли один из четырех классов населения (Antiquit. XIV, 115).

²⁶¹ Птолемей II Филадельф, сын Птолемея Лага, вступил на престол в 283 г.

²⁶² см. С. Ар. I, 218.

²⁶³ О нем ничего не известно, кроме упоминания Иосифа.

²⁶⁴ Известен как автор сочинения об иудеях. Что он был телохранителем Птолемея Филадельфа, известно только из этого упоминания.

²⁶⁵ Это указание взято из письма Аристеса к его брату Филократу, пересказанного Иосифом в Antiquit. XII, 12. Недостоверность сообщаемых в нем сведений не подлежит сомнению. Тж. Philo. De vita Mos. 2.

²⁶⁶ В тексте φιλοσόφου.

²⁶⁷ Птолемей III (Благодетель) царствовал с 246 по 221 г.

²⁶⁸ Сам факт принесения завоевателем жертвы чужеземному богу ни о чем не говорит (ср. 3 Макк. I, 9). Однако, расположение Птолемея III к евреям не подлежит сомнению.

²⁶⁹ Птолемей VI Филометор правил от 181 до 145 г. Был женат на своей сестре Клеопатре IV. При нем Финикия и Палестина принадлежали Сирии. Евреев, бежавших от преследований Антиоха Епифана, принимали в Египте радушно.

²⁷⁰ Отождествляется с Онией IV, основателем храма близ Леонтополя, сыном первосвященника Онии III. Возможно,

насмешку над его именем следует полагать в созвучии с греческим *ὄνος* ("осел"), но имя Ония семитского происхождения.

²⁷¹ Возможно, к нему относится упоминание 2 Макк. 12. 19, 35.

²⁷² После смерти Филометора в 146 г. его вдова Клеопатра провозгласила царем их малолетнего сына Птолемея VIII. Брат умершего царя Птолемей VII (Евергет II Фискон) был вызван из Кирены александрийцами, убил своего малолетнего соперника и вступил на престол, женившись на овдовевшей царице, своей сестре.

²⁷³ Thackeray подвергает сомнению отождествление этого человека с легатом Люцием Термом, посланным в Египет для восстановления там порядка (Polyb. frag. XXXIII. 5).

²⁷⁴ Отсюда и до начала девятой главы сохранился только латинский перевод.

²⁷⁵ Согласно 3 Макк. 5 и 6, виновником этого злодеяния выступает не Птолемей VII, а Птолемей IV Трифон. Об этом эпизоде см. Willrich, H. "Der historische Kern des III. Makkabäerbuches" Hermes, 39 (1904) S.244-258.

²⁷⁶ Ср. 3 Макк. 6. 35 и дал.

²⁷⁷ Клеопатра VII, дочь Птолемея XI Авлета, правившая Египтом от 51 до 30 г. Каталог ее преступлений Иосиф также приводит в Antiquit. XV, 89 ff.

²⁷⁸ Reinach считает, что латинский переводчик не всегда правильно понимал греческий текст. Вместо "которые ее любили", возможно, "и ее возлюбленные".

²⁷⁹ Была убита Антонием по приказу Клеопатры в храме Артемиды в Эфесе (Antiquit. XV. 89) или в Милете (App. Bel. Civ. V, 9).

²⁸⁰ Птолемей XV, младший из братьев, ее муж и соправитель. Возможно, был отравлен ею в Риме ок. 44 г.

²⁸¹ См. Plut. Caes. 9.

²⁸² Вместо *demens* возможно *dejiçiens* "отвергая".

²⁸³ Это место явно неправильно истолковано латинским переводчиком. Reinach восстанавливает возможный греческий текст так: *εἰ δύναται αὐτὴν* (вм. *αὐτοὺς*, т.е. евреев) *αὐτοῖς φονεῖν*.

²⁸⁴ В таком контексте это предложение лишено всякого смысла. Конец этой главы более подходит для него. Однако, Thackeray считает, что Иосиф говорит о вине Клеопатры в том, что "нет хлеба на столе".

²⁸⁵ Юлий Цезарь был благодарен евреям за поддержку, оказанную ему при покорении Египта во время так называемой александрийской войны. Идумейский аристократ, приближенный первосвященника Гиркана Антипатр включил в состав войска, посланного на помощь Цезарю Митридатом, около 3000 евреев (Bel. Iud. I. 187 ff; Antiquit. XIV. 127 ff). За эту помощь Цезарь разрешил евреям восстановить стены Иерусалима. Октавиан также дружелюбно относился к евреям.

²⁸⁶ Племянник Тиберия, в 19 г. посетил Египет и сделал важные нововведения в администрации города, в частности снизил цены на зерно (Тас. Анн. II, 59).

²⁸⁷ Латинский текст неясен. Дан дословный перевод.

²⁸⁸ О разногласиях египтян по религиозным вопросам упоминали многие авторы (Herod. II, 42; Strab. XVII, 1; Juvenal. Sat. XV, 33). Плутарх (De Iside, 72) рассказывает даже о кровопролитных стычках.

²⁸⁹ Иосиф, возможно, имеет в виду приказ Калигулы воздвигнуть свою статую в Иерусалимском Храме (Antiquit. XVIII, 261 ff) и ту роль, которую играл Апион в посольстве к императору в это время.

²⁹⁰ В соответствии с Bel. Iud. II, 197, два раза в день.

²⁹¹ Согласно Филону (Leg. ad Caium, 157), жертвоприношения были установлены первоначально на счет самого императора. См. тж. Clark, K.W. "Worship in the Jerusalem Temple after A.D. 70" New Test. Stud. 6 (1966) p. 269-280.

²⁹² Посидоний из Апамеи, ок. 135-51, известный стоик, философ и историк, друг Помпея и Цицерона.

²⁹³ Ср. Тас. Hist. V, 3 f.

²⁹⁴ См. тж. Antiquit. XII. 4.

²⁹⁵ Впервые упоминание о культе осла встречается у Посидония, затем у Аполлония Молона, Апиона, Плутарха, Диодора Сицилийского, Тацита и некоего Демокрита (в Суде). Осел был первым атрибутом главного божества гиксосов и пользовался у них большим почетом. У евреев (Исх. 13, 13; 34, 20) считался животным нечистым.

²⁹⁶ Слово *furonibus* непонятно. Дан перевод как у Thackeray'a.

²⁹⁷ Niese считает, что это Антиох VII Благочестивый (Pius). Вероятно, у Иосифа было все же *Θεός* по причине путаницы с Антиохом II (Dius или Theos) - Antiquit. XIII, 218.

²⁹⁸ Известна его ненависть к евреям. Под его влиянием и Посидоний, вероятно, издал свои памфлеты.

²⁹⁹ В 54-53 г. был наместником в Сирии и разграбил Иерусалимский Храм (Antiquit. XIV, 105 ff).

³⁰⁰ Тит окончательно завладел имуществом храма в 70 г.

³⁰¹ Деньги понадобились Антиоху Епифану в его борьбе с Египтом.

³⁰² Полибий, 214-122 г., был автором дошедшей в отрывках всеобщей истории в 40 книгах. Иосиф имеет в виду к. XXVI, 10.

³⁰³ Страбон, 66 до н.э. - 24 н.э., известный географ и автор недошедшей истории. Иосиф часто ссылается на него в сочинении "О древностях".

³⁰⁴ Жил во времена императора Августа, был приближенным царя Ирода Великого, занимая при нем должность историографа.

Часто цитируемый Иосифом его исторический труд состоял из 144 книг, которые дошли в отрывках.

³⁰⁵ Историк I в. до н.э., труды которого Иосиф знал по цитатам у Страбона.

³⁰⁶ См. прим. 163.

³⁰⁷ Жил во II в. до н.э. Автор исторического сочинения "Хроника" в стихах и работы по греческой мифологии.

³⁰⁸ Со времен Гомера бесстыдство собаки вошло в поговорку (II, I, 159; VI, 344; VIII, 299).

³⁰⁹ Апион, Посидоний и Аполлоний Молон.

³¹⁰ viscera - все, кроме кожи, костей и крови.

³¹¹ Этот рассказ впервые встречается у Апиона. Он послужил источником для последующих обвинений евреев в ритуальных убийствах. Характерно то, что в качестве жертвы фигурирует именно грек. Об этом см. Halévy, J. "Le culte d'une tête d'âne" Rev. sem. II (1903) p. 154-164. Gutmann, J. Eine antisemitische Erfindung am Ende des zweiten Tempels. Zijunim. Berl., 1929. S.181-185.

³¹² Reinach, предполагая лакуну после этих слов, вставляет сюда полностью 10 главу.

³¹³ Niese предполагает здесь лакуну.

³¹⁴ Одно из немногочисленных указаний на устройство Храма, построенного Иродом Великим около 20 г. до н.э. Также Bel. Iud. V,5 и Antiquit. XV, 11. и в Талмуде (Миллрот, 2, 3).

³¹⁵ В других местах Иосиф упоминает деление на 24 священнических семейства (Vita 2; Antiquit. VII, 365 f), о чем упоминается в I Паралип. 24, 7-11. Существует предположение, что с Ездрой и Неемией вернулось из Вавилона в Иерусалим только четыре семейства, которые по жребию разделились на 24 смены. Но некоторые издатели исправляют четыре на двадцать четыре.

³¹⁶ Имеются в виду хлеба предложения.

³¹⁷ Niese вместо (adjiciens fabulae) inania facta читает Mnaseam. Thackeray принимает эту конъектуру. В таком случае, все сказанное ниже приписывается Мнасею (С. Ар. I, 216), а не греку, обнаруженному в храме.

³¹⁸ Ср. I Макк. 5, 3; 2 Макк. 10, 15; 12, 32.

³¹⁹ Кроме этого упоминания у Иосифа, об этом человеке ничего более не известно.

³²⁰ Дор, город на побережье Палестины, в древности был резиденцией хананейский царей. Ранее принадлежал Финикии.

³²¹ Конец лакуны в L. Далее до конца сочинения сохранился греческий текст.

³²² Один из главных пяти городов земли филистимлян, в противоположной стороне относительно Дора.

³²³ Niese: τῆς'Ιουδαίας.

³²⁴ Вероятно, имеется в виду праздник Ханука в воспоминание о победе Иуды Маккавея над Лисием и об очищении оскверненного Храма. Ср. I Макк.4, 52-59; Antiquit. XII, 325.

³²⁵ Величина ворот самим Иосифом определялась различно (ср. Bel. Iud. V, 202). Ввиду испорченности текста величина в 60 локтей подвергается сомнению.

³²⁶ В Bel. Iud. VI, 293 говорится о 20 человеках, которые запирали восточные ворота внутреннего двора. Иосиф имеет в виду общее число людей для запираания всех десяти ворот Храма.

³²⁷ При Селевкидах евреи действительно были крайне враждебны ко всему греческому и к самим грекам.

³²⁸ то есть Александрия.

³²⁹ По сообщению Плутарха (De Iside, 72), египетские боги бежали от гнева Тифона и спаслись, превратившись в животных.

³³⁰ Персидские пары составляли XXVII династию от Камбиза до Дария Нота. Самыми жестокими царями были Камбиз, Артаксеркс I, Дарий II Нот.

³³¹ Принято чтение G. Giangrande, "Emendations to Josephus Flavius" Clas. Quart. 12 (1962) p. 115: ὧν ἐν ἀκροῖς (= πρώτοις) ὀνόματα вместо ὧν ἐν ἀκροῖσι. Niese также ставит это место под сомнение.

³³² Сожжение Акрополя Ксерксом в 480 г. См. Herod. VIII, 53.

³³³ Храм Артемиды, по преданию, сожжен Геростратом в ночь рождения Александра Великого.

³³⁴ Несколько раз горел в 548-547 гг.

³³⁵ См. Herod. II, 111.

³³⁶ Время несколько преувеличено: от освобождения Иерусалима от сирийцев Иудею Маккавеем (165 г.) до прихода Помпея в 63 г. прошло 102 года. В это время Иудея была свободна и даже подчинила себе Идумею.

³³⁷ Однако, по сообщению Геродота (II, 47), египтяне приносили в жертву свиней в день полнолуния, а после жертвоприношения вкушали свинину.

³³⁸ Принято чтение Thackeray'a: εἰς τὴν θύαν, вместо εἰς συνθήαν L Lat. Ср. Herod. II, 37; 47; 104.

³³⁹ Herod. II, 104. Подобно всем прочим семитам, евреи переняли обычай обрезания от египтян. Финикийцы его не знали.

³⁴⁰ В этом месте текст сомнителен.

³⁴¹ Жил по преданию в середине VII в. и вероятно первым дал писанные законы, особенно в отношении равномерности распределения имущества.

³⁴² До Гесиода (Theog. 66; 417) слово νόμος не встречается. У Гомера - θεσμός и θεσμός со значением устного постановления.

³⁴³ Апион относит дату рождения Моисея к VIII в.

³⁴⁴ По чтению Niese: "что наставник и руководитель его Сам Бог".

³⁴⁵ По преданию критский царь Минос получил законы от своего отца Зевса, который здесь ошибочно назван Аполлоном.

³⁴⁶ Этот термин встречается здесь впервые и создан Иосифом. См. Kautzsch, E. *Biblische Theologie des Alten Testaments*. Tübingen, 1911. S.57-59.

³⁴⁷ В тексте: ...ὁ μὲν λόγων διδασκαλικὸς, ἕτερος δὲ ὁ διὰ τῆς ἀσκήσεως τῶν ἔθνων.

³⁴⁸ Ср. Philo. *De opif. mundi*, 1, где содержится похвала Моисею за то, что он избежал крайностей других законодателей.

³⁴⁹ Ср. Гал. 3, 24.

³⁵⁰ Установление общественных чтений закона по субботам Иосиф приписывает Моисею, следуя раввинистической традиции (*Talm. Jer. Megilla*, IV, 1). Тж. см. *Antiquit.* XVI, 43; Philo. *De opif. mundi*, 128. Второзаконие требует этого всего лишь раз в семь лет в праздник Кушей (Второзак. 31, 10-13). Этот обычай устанавливается с введением синагог.

³⁵¹ Παράδροι были приставлены к афинским архонтам, римские наместники имели официальных наблюдателей.

³⁵² Слова Иосифа имеют долю истины, если учесть, что имя включало в себя целый ряд предков.

³⁵³ Имеются в виду скептики.

³⁵⁴ Эпикурейцы.

³⁵⁵ О том же говорится в отрывке Гекатея (*Diod. Sic. XL sub finem*), который Иосиф, возможно, имел в виду.

³⁵⁶ Согласно Второзак. 25, 2, приговор исполнялся не самим священнослужителем, а особым сторожем в суде или при Храме. Священник должен был при этом только присутствовать.

³⁵⁷ Пословица. в точном виде у Аристотеля (*Eth. Nic. IX, 3, 3*).

³⁵⁸ Иосиф не упоминает храм Онии в Леонтополе, хотя несколько раз говорит о нем в "Древностях".

³⁵⁹ Дан перевод по тексту, сохранившемуся у Евсевия в чуть более обширной редакции.

³⁶⁰ Этого предложения нет у Евсевия. Однако Niese считает его обязательным.

³⁶¹ В Ветхом завете об этом не сказано прямо (Малах. 2, 15), но раввинистическая литература обладает на этот счет весьма определенными указаниями.

³⁶² Лев. 20, 13; 18, 22 и 29.

³⁶³ Niese считает это интерполяцией. Ср. Быт. 3, 16.

³⁶⁴ Нигде в ветхозаветных книгах не предписана моногамия. Так, у патриархов было единовременно несколько жен. Лишь в 1030 году wormский раввинский съезд издал постановление, в силу которого евреи, живущие среди христиан, должны соблюдать моногамию.

³⁶⁵ Лев. 20, 10. Второзак. 22, 22-27.

³⁶⁶ Пятикнижие не дает на этот счет никаких указаний. Отношение различных народов к этому вопросу различно. Греки не считали грехом уничтожение зародыша в матке (Arist. Polit. VII, 16), у римлян (Cic. Pro cluen. II) и у германцев (Tac. Germ. 19) наоборот.

³⁶⁷ Лев. 15, 18.

³⁶⁸ Разработанное Платоном в диалоге "Федон" представление о теле как темнице души. Тж. Bel. Iud. II, 8, 7; VII, 8, 7.

³⁶⁹ Дан перевод на основании текста, приведенного у Евсевия.

³⁷⁰ Числ. 19, 11; 14; 18. Истолкование, которое дает Иосиф этому обряду, эмоционального свойства.

³⁷¹ Исх. 20, 12; 21, 17; Второзак. 5, 16.

³⁷² Второзак. 21, 18 ff.

³⁷³ Лев. 19, 32.

³⁷⁴ Ср. Дан. 7, 9.

³⁷⁵ Нет в Пятикнижии.

³⁷⁶ Исх. 23, 8; Второзак. 16, 19; 27, 25.

³⁷⁷ Niese сомневается в принадлежности этого места Иосифу.

³⁷⁸ Имеются в виду прозелиты.

³⁷⁹ Второзак. 27, 18.

³⁸⁰ Второзак. 21, 23.

³⁸¹ Об этом в Пятикнижии не сказано.

³⁸² Второзак. 20, 19.

³⁸³ Об этом в Законе ничего не сказано.

³⁸⁴ Второзак. 21, 10 ff. Ср. Исх. Нав. 10, 24 ff.

³⁸⁵ Возможно, имеется в виду кастрация животных (Лев. 22, 24).

³⁸⁶ Второзак. 22, 6.

³⁸⁷ В Законе этого нет.

³⁸⁸ Лев. 20, 10.

³⁸⁹ Второзак. 22, 23.

³⁹⁰ Лев. 20, 13.

³⁹¹ G. Giangrande, "Emendations to Josephus Flavius" Clas. Quart. 12 (1962) p. 117, вместо слов ἐπὶ δούλοις предполагает чтение ἐπιβούλοις, т.е. "к злоумышляющим".

³⁹² Ср. Лев. 19, 11-13; 35-36. Второзак. 25, 13 ff.

³⁹³ Второзак. 21, 18. Лев. 24, 13.

³⁹⁴ Как на состязаниях в Олимпии.

³⁹⁵ Как на Немейских и Истмийских играх.

³⁹⁶ О бессмертии души Иосиф говорит также в Bel. Iud. III. 374 и Antiquit. XVIII, 14.

³⁹⁷ Niese не уверен в подлинности этого места.

³⁹⁸ Ср. Diog. Laert. III, 24.

³⁹⁹ Plat. Tim. 28c.

⁴⁰⁰ Законодательство Ликурга оставалось действенным в продолжении приблизительно четырех веков, до начала пелопоннесской войны.

- ⁴⁰¹ То есть от Моисея до Тита.
- ⁴⁰² То есть илютов.
- ⁴⁰³ Имеется в виду битва при Сфактерии (Thuc. IV, 38).
- ⁴⁰⁴ Ср. перевод LXX (Исх. 22, 28) - θεοὺς οὐ κακολογήσεις. Тж. Antiquit. IV, 207 и Phil. Vita Mos. II, 205; De spec. leg. I, 53.
- ⁴⁰⁵ Ср. Hom. II. I, 399; XIV, 247; XV, 18 и др.
- ⁴⁰⁶ Ср. Cic. De nat. deor. I, 30 (83): Iovem semper barbatum, Apollinem semper imberbem.
- ⁴⁰⁷ Гефест.
- ⁴⁰⁸ Афина.
- ⁴⁰⁹ Арес.
- ⁴¹⁰ Аполлон и Артемида.
- ⁴¹¹ Hom. II. V, 335 ff; 375 ff.
- ⁴¹² Зевс и его смертные возлюбленные Даная, Ио, Лето, Семела.
- ⁴¹³ Hom. Odys. 8, 266-368.
- ⁴¹⁴ Hom. II. XIV, 312 ff.
- ⁴¹⁵ Посейдон и Аполлон (Hom. II. XXI, 442 ff; Apollod. XXI, 448 ff).
- ⁴¹⁶ Феб (Hom. II. XXI, 448).
- ⁴¹⁷ Титаны.
- ⁴¹⁸ Niese считает это интерполяцией.
- ⁴¹⁹ Также, вероятно, интерполяция.
- ⁴²⁰ Plato. Rep. III, 398A.
- ⁴²¹ Ср. Aristobulus ap. Eus. Praep. ev. XIII, 12.
- ⁴²² Именно это, как ни странно, оставляется Платоном без внимания.
- ⁴²³ Plato. Legg. XII, 949E ff.
- ⁴²⁴ Ср. Strabo, XVII, 1 и Diod. Sic. fr. XL, 1.
- ⁴²⁵ Принято чтение Niese: (ἑφαρκε)ν ἢ διαπαίζων вместо νῆ Δία παίζων.
- ⁴²⁶ Ок. 499-427 г. Своим спасение обязан Периклу.
- ⁴²⁷ Современник Александра Великого, был известен как безбожник.
- ⁴²⁸ Протагор из Абдеры, V в., один из известнейших греческих софистов. Его сочинения были публично сожжены.
- ⁴²⁹ Ср. Plut. Demost. 41F. Пострадали за это жрицы Нинус и Феорида.
- ⁴³⁰ Фраза не совсем ясна. В латинской версии переводчик совсем опустил ее. Другой вариант: "Потому афинское государство и погибло".
- ⁴³¹ Происходил из царского рода, отправился в Грецию, чтобы послушать Солона, и преуспел в философии. Желая по возвращении ввести у себя на родине греческие культы, поплатился за это жизнью (Herod. IV, 76).
- ⁴³² Об этом персидском обычае см. Herod. VI, 32. Также из сообщения Геродота (VIII, 105) можно заключить, что обычай

кастрирования мальчиков был распространенным среди греков уже в глубокой древности.

⁴³³ Преувеличение, однако см. Лев. 22, 24.

⁴³⁴ Согласно Лисию (*De caede Erat.* VII, 14) и *Demosth. Cont. nearch.* 1367, за подобные преступления налагалась пеня.

⁴³⁵ По еврейскому законодательству виновный навсегда терял право развода.

⁴³⁶ Аристобул находил следы празднования субботы даже у Гомера и Гесиода и указывал на то, что Платон почерпнул свое учение из книг Моисея (*Eus. Praep. ev.* XIII, 12).

⁴³⁷ Геродот упоминает об обычае египтян поститься в известных случаях (II, 40; IV, 186).

⁴³⁸ См. о подобных афинских празднествах *Herod.* VI, 105 и *Paus.* I, 30.

⁴³⁹ Возможно, им. в виду прозелиты, которые естественно исполняли требования закона. См. Bialoblocki, S. *Die Beziehungen des Judentums zu Proselyten und Proselytentum.* Berl., 1938, S.31.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗДАНИЯ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДЫ

- Des Flavius Josephus Schrift gegen den Apion Text und Erklärung von
J.G.Müller, herausg. durch C.J. Riggensbach und C.von Orelli. B., 1877.
- Flavii Josephi Opera. ex versione Latina antiqua. ed. C.Boysen. Vienna.
1898.
- Flavii Josephi Opera. Ed. et apparatu critico instruxit B.Niese. Ed. 2-a,
v.V, Berolini, 1955.
- Flavii Josephi Opera. Graece et Latine. Recogn. G.Dindorfius. Parisiis.
Didot, 1845.
- Flavius Joseph. Contre Apion. Texte, ét. et annoté par Théod. Reinach et traduit
par Léon Blum. P., 1930.
- Josephus Flavius' Works. ed. and transl. by H.St.J. Thackeray and
R.Marcus. v. I. Cambr. L. 1926.
- Флавий Иосиф. О древности иудейского народа. Против
Апиона. пер. и ком. Я.Израэльсона и Г.Генкеля. СПб, 1895.

ДРУГАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Раджак, Т. Иосиф Флавий. Историк и общество. М. — Иер., 1993.
- A Complete Concordance to Fl. Josephus. ed. by K.H.Rengstorf. Leiden, 1973.
- Allgeier, A. *Biblische Zeitgeschichte in den Grundlinien dargestellt*. Freiburg. 1937.
- Belkin, S. "The Alexandrian Source for C.A. II". *Jew. Quart. Rev.* 27
(1936-37) 1-32.
- Belkin, S. *Literature of the First Century C.E.* NY, 1936.
- Bialoblocki, S. *Die Beziehungen des Judentums zu Proselyten und Proselytentum*. Berl., 1938.
- Bickermann, E. "Ritualmord und Eselskult. Ein Beitrag zur Gesch. antiker Publ"
Monatsschr. f. Gesch. u. Wiss. d. Judent. 71 (1927) 171-187, 255-264.
- Buchler, A. *Family Purity and Family Impurity in Jerusalem before A.D. 70*.
L., 1956.
- Clark, K.W. "Worship in the Jerusalem Temple after A.D. 70" *New Test. Stud.*
6 (1966) .
- Collomp, P. "Manéthon et le nom du nome ou fut Avaris". *Rev.ét.anc.* 42 (1940).
- Dornseiff, F. *Echtheitsfragen Antik-Griechischer Literatur*. Berl., 1939.
- Feldman L.H. *Flavius Josephus and modern scholarship (1937-1980)*. Berl.-
NY. 1984.

- Galling, K. *Studien zur Geschichte Israels im persischen Zeitalter*. Tübingen, 1964.
- Giangrande, G. "Emendations to Josephus Flavius "Contra Apionem" *Classical Quarterly* 12 (1962).
- Gutmann, J. *Eine antisemitische Erfindung am Ende des zweiten Tempels*. Zizunim. Berl., 1929.
- Gutschmid, A. von. *Kleine Schriften*, IV. Leip., 1893.
- Halévy, J. "Le culte d'une tête d'âne" *Rev. sémi.* II (1903).
- Hölscher, G. *Kanonisch und Apokryph. Ein Kapitel aus der Geschichte des alttestamentlichen Kanons*. Leipz., 1905.
- Janne, H. "Un contresens de Cassiodore: les "furets" du Contre Apion" *Bysantion* (Bruxelles) II (1936) 225-227.
- Jeremias, F. *Tyros bis zur Zeit Nebukadnezars* (Diss.) Leipz. 1891.
- Jeremias, J. *Jerusalem in the Time of Jesus*. L., 1969.
- Katzenstein, H.J. "Is there a Synchronism between the Reigns of Hiram and Solomon?" *Journal of Near Eastern Studies* 24 (1965).
- Kautzsch, E. *Biblische Theologie des Alten Testaments*. Tübingen, 1911.
- Lewy, H. "Aristotle and the Jewish Sage According to Clearchus of Soli" *Harv. Theol. Rev.* 31 (1938).
- Liver, J. *The Chronology of Tyre*. *IEJ*, III (1953).
- Lumbroso, G. "Lettere al signor professor Wilken" *Arch. Pap.-Forschung*. 7 (1924) 221-222.
- Lundström, S. "Josephus. Contra Apionem 2.233" *Eranos* (Uppsala) 51 (1953) 99-100.
- Lévy, I. "Notes d'histoire et d'épigraphique" *Rev. ét. juiv.* 41 (1900).
- Lévy, H. "Hecataios von Abdera περί 'Ιουδαίων" *Zeitschr. neutest. Wiss.* 31 (1932).
- Meyer, Ed. *Geschichte des Altertums*, I/2. Darmstadt, 1954.
- Meyer, Ed. *Chronologie égyptienne*, P., 1912.
- Montet, P. "Le Roi Amenophis et les Impurs" *Rev. ét. anc.* 42 (1940).
- Morgenstern, J. "The King-God among the Western Semites and the Meaning of Epiphanes." *Vetus Test.* 10 (1960) 138-197.
- Reinach, Th. *Notes sur le second livre du Contre Apion de Josèph*. *Gedenkbuch zur Erinn. an David Kaufmann*. Breslau, 1900.
- Schaller, B. "Hecataios von Abdera über die Juden. Zur Frage der Echtheit und der Datierung" *Zeitschr. neutest. Wiss.* 54 (1963).
- Scheller, M. "Σαββῶ und σαββάτωσις" *Glotta* 34 (1955).
- Schrekenberg, H. *Bibliographie zu Flavius Josephus*. Leiden, 1968.
- Schuhl, P.-M. "Sur un fragment de Cléarque. Les premiers rapports entre savants grecs et juifs". *Rev. hist. rel.* 147 (1955).
- Schwartz, J. Le "cycle de Petoubastis" et les commentaires égyptiens de l'Exode. in: *Bulletin de l'Institut français d'Archéologie Orientale*, 49 (1949).
- Thackeray, H.St.J. *Josephus, the Man and the Historian*. 1929.
- Willrich, H. "Der historische Kern des III. Makkabäerbuches" *Hermes*, 39 (1904).
- Wolf, F. *Prolegomena ad Homerum*, 1795.
- Zeitlin, S. "Korban". *Jew. Quart. Rev.* 53 (1962-63).

УКАЗАТЕЛЬ

*собственных имен, встречающихся
в тексте Филона и Иосифа*

- Аббар С.А. I, 21.
 Абдастрат С.А. I, 18.
 Абдей С.А. I, 21.
 Абдилим С.А. I, 21
 Абибал С.А. I, 17; 18.
 Аварис
 С.А. I, 14; 26; 28; 33.
 Август С. Fl. 7, 10, 19;
 de leg. 21, 36;
 С.А. II, 5.
 Августы С. Fl. 12, 10;
 de leg. 22.
 Авдимон С.А. I, 17; 18.
 Авилий Флакк С. Fl. I.
 Агатархид С.А. I, 22.
 Агриппа С. Fl. 5, 6, 12;
 de leg. 28, 35, 36, 41, 42;
 С.А. I, 9.
 Азия de leg. 4, 7,
 12, 21, 33, 36;
 С.А. I, 12; 14; 20; 22
 II, 11; 31.
 Аид de leg. 32.
 Акенхер С.А. I, 15.
 Акусилай С.А. I, 2; 3.
 Александр С.А. I, 22.
 II, 4; 5; 6.
 Александрия
 С. Fl. I, 5-7, 10, 13;
 de leg. 18, 19, 33;
 С.А. II, 1; 3; 4; 5; 6;
 11; 12.
 Аменофис С.А. I, 15; 26;
 27; 28; 32; 33.
 Аменофис, сын Пааписа
 С.А. I, 26.
 Амесса С.А. I, 15.
 Аммон С.А. I, 34; 35.
 Амфиарай de leg. 11.
 Амфилох de leg. 11.
 Анаксагор С.А. II, 16; 37.
 Анахарсис С.А. II, 37.
 Андрей С.А. II, 4.
 Андрон С. Fl. 10.
 Андрос С. Fl. 18, 19, 21.
 Антигон С.А. I, 23.
 Антиох Тей С.А. II, 7.
 Антиох Епифан С.А. I, 7.
 II, 7; 8; 9.
 Антиох С.А. I, 3.
 Антиохия С.А. I, 22; II, 4.
 Антоний С.А. II, 5.
 Апахнас С.А. I, 14.
 Апеллес de leg. 30.
 Апион С.А. II, 1-14; 41.
 Апис С.А. I, 26.
 Аполлодор С.А. II, 7.
 Аполлон Дорский С.А. II, 9
 Аполлон de leg. 13, 14;
 С.А. II, 16.
 Аполлоний Молон
 С.А. II, 7; 14; 36; 37.
 Апофис С.А. I, 14.
 Аравия С.А. I, 19. II, 2.

- аргивяне С.А. I, 16.
 Аргос de leg. 36;
 С.А. I, 3; 16. II, 2.
 Арес de leg. 13, 15.
 Аристей С.А. II, 4.
 Аристотель С.А. I, 22.
 Аристофан С.А. I, 23.
 Аркадия С.А. I, 4.
 Армаис С.А. I, 15.
 Армесс С.А. I, 15.
 Арсиноя С.А. II, 5.
 Артаксеркс С.А. I, 8.
 ассирийцы С.А. I, 14; 15.
 Ассис С.А. I, 14.
 Астарим С.А. I, 18.
 Астарта С.А. I, 18.
 Асфальтовое озеро
 С.А. I, 22.
 Аттика С. Fl. 19, 20;
 de leg. 36;
 С.А. I, 3.
 Атфиды С.А. I, 3.
 афиняне С.А. I, 4; 24.
 II, 11; 16; 37.
 Ашкелон de leg. 30.

 Бадезор С.А. I, 18.
 Балатор С.А. I, 21.
 Баслех С.А. I, 21.
 Басс С. Fl. 11, 13.
 Бел С.А. I, 19; 22.
 Беотия de leg. 36.
 Беросс С.А. I, 19; 20.
 Бнон С.А. I, 14.
 Бокхорис С.А. I, 34. II, 2.
 Борсипп С.А. I, 20.
 Брундизий С. Fl. 5, 18, 20.
 Бубастит С.А. I, 14.

 Ваал С.А. I, 21.
 Вавилон de leg. 36;
 С.А. I, 7; 19; 22.
 Вавилония С.А. I, 20.
 вавилоняне
 С.А. I, 6; 19; 20.
 Вакх de leg. 13.
 Валеазар С.А. I, 18.
 варвары С.А. I, 11; 22.
 Веспасиан С.А. I, 9.
 Вифиния de leg. 36.

 Газа С.А. I, 22. II, 9
 Гай Норбан Флакк
 de leg. 40.
 Галилея de leg. 41;
 С.А. I, 17.
 галилеяне С.А. I, 9.
 галлы С.А. I, 12.
 Гекатей С.А. I, 22; 23. II, 4.
 Геликон de leg. 26, 27.
 Гелиополь С.А. I, 26. II, 2.
 Гелланик С.А. I, 3.
 Геракл de leg. 11, 12;
 С.А. I, 18; 20.
 Герион de leg. 11.
 Германик С.А. II, 5.
 Германия de leg. 45.
 Гермей С.А. I, 26.
 Гермес de leg. 13.
 Гермипп С.А. I, 22.
 Гермоген С.А. I, 23.
 Герод С.А. I, 9.
 Геродот С.А. I, 3; 12;
 14; 22. II, 13.
 Герострат С.А. I, 21.
 Гесиод С.А. I, 3.
 Гиара С. Fl. 18.
 гиксосы С.А. I, 14; 26.
 Гиперохид С.А. I, 22.
 Гипотайния С. Fl. 7.
 Гомер de leg. 11.
 С.А. I, 2. II, 2; 15; 36.
 Гомил de leg. 28.
 Гор С.А. I, 26.

 Давид С.А. II, 11.
 Данай С.А. I, 15; 16; 26. II, 2.
 Дарий С.А. I, 21.
 Делеастарт С.А. I, 18.

- Деметрий Полиоркет
 С.А. I, 22.
 Деметрий Фалерский
 С.А. I, 23. II, 4.
 Диагор С.А. II, 37.
 Дий С.А. I, 17.
 Диксархея С. Fl. 5; de leg. 29.
 Дионис de leg. 11, 12.
 Дионисий С. Fl. 4.
 Диоскуры de leg. 11, 12.
 Дор С.А. II, 9
 Досифей С.А. II, 5.
 Драконт С.А. I, 4.
 Друзилла С. Fl. 8.

 Европа de leg. 4, 7, 12, 21;
 С.А. I, 12. II, 11.
 Евфрат de leg. 2, 31, 34, 36.
 Египет С. Fl. 6, 7, 11, 18,
 египтяне de leg. 25.
 Езекия С.А. I, 22.
 Елена С. Fl. 19.

 Завидон С.А. II, 9
 Залевк С.А. II, 15.
 Зевс С.А. I, 17; 18; 28.
 Зенон С.А. II, 12.
 Зопирион С.А. I, 23.

 Ианиас С.А. I, 14.
 Ибер С. Fl. 1.
 Иберия С.А. I, 20.
 иберы С.А. I, 12. II, 4.
 идумеи С.А. II, 9.
 Идумея С.А. II, 9
 Иероним С.А. I, 23.
 Иеросил С.А. I, 34.
 Иерусалим С. Fl. 7;
 de leg. 23, 31, 36, 40;
 С.А. I, 7; 9; 15; 18; 22;
 26; 28; 29; 33. II, 5.
 иерусалимляне С.А. I, 34.
 Иерусалимский храм
 С.А. I, 17; 19; 20; 21.
 II, 2; 7; 23.

 Изида С.А. I, 32; 33.
 Израиль de leg. 1.
 Индия С.А. I, 20.
 индусы С.А. I, 22.
 Ионийский залив С. Fl. 19.
 Иония С.А. II, 4.
 Иосиф С.А. I, 14; 32.
 Ирина С.А. II, 5.
 Ирод С. Fl. 5;
 de leg. 37, 38.
 Исидор С. Fl. 4, 15, 17;
 de leg. 45.
 Истм С. Fl. 19.
 Итака С.А. II, 5.
 итакийцы С.А. I, 18.
 Италия С. Fl. 15, 19;
 de leg. 2, 14, 16, 23, 33.
 Итобал С.А. I, 18; 21.
 иудейская война С.А. I, 10.
 Иудея de leg. 30, 31,
 34, 37, 38.
 С.А. I, 7; 14; 22;
 26; 34. II, 2; 9.
 Кадм Милетский С.А. I, 2.
 Кадм С.А. I, 2.
 каланы С.А. I, 22.
 Каллий С.А. I, 3.
 Каллифонт С.А. I, 22.
 Капитон de leg. 30.
 Карабас С. Fl. 6.
 Кармания С.А. I, 20.
 Кармель С.А. II, 9
 Карфаген С.А. I, 17; 18. II, 2.
 Каст С. Fl. 11.
 Кастор С.А. I, 22. II, 7.
 Квинтилий Вар С.А. I, 7.
 Кеос С. Fl. 19.
 Кехрея С. Fl. 19.
 Килесирия de leg. 36;
 С.А. I, 19; 22.
 Киликия de leg. 36.
 Кипр de leg. 36;
 С.А. I, 15.
 Кир С.А. I, 19; 20; 21.
 Кирена С.А. II, 5.

- Китн С. Fl. 19.
 Клавдии de leg. 6.
 Клавдий Германик
 de leg. 30.
 Клеанф С. А. II, 12.
 Клеарх С. А. I, 22.
 Клеопатра VII de leg. 20;
 С. А. II, 5.
 Клеопатра С. А. II, 5.
 de leg. 20.
 колхи С. А. I, 22.
 Конон С. А. I, 23.
 Корбан С. А. I, 22.
 Коринф С. Fl. 19. 20.
 de leg. 36.
 Красное море С. А. I, 22.
 Крит de leg. 36.
 критяне С. А. II, 16.
 Крон de leg. 2.
 Ксеркс С. А. I, 8.

 Лаборосоарходос
 С. А. I, 20.
 лакедемоняне С. А. I, 24.
 II, 11; 16; 31; 36.
 Лампон С. Fl. 4, 15, 16.
 Лепид С. Fl. 18, 21.
 Ливан С. А. I, 17; 18.
 Ливия С. Fl. 7, 18;
 de leg. 36;
 С. А. I, 18; 20.
 Ликург С. А. II, 15; 31.
 Лисимах С. А. I, 34.
 II, 2; 14; 33.
 Лициний Красс С. А. II, 7.
 Лизй de leg. 13.

 Магий Максим С. Fl. 10.
 Македония de leg. 36;
 С. А. I, 22.
 македоняне
 С. А. II, 6; 11; 13.
 Макрон С. Fl. 3, 4;
 de leg. 6, 8, 10.
 макроны С. А. I, 22.

 Манефон С. А. I, 14; 15; 16;
 26; 27; 28; 29; 30; 33.
 II, 1; 2.
 Марей С. Fl. 7.
 Марк Силан de leg. 9.
 Марк Агриппа de leg. 37.
 Мегасфен С. А. I, 20.
 Мемфис С. А. I, 14; 26.
 Менаандр Эфесский
 С. А. I, 18.
 Мербал С. А. I, 21.
 Меттен С. А. I, 18.
 Метусастарт С. А. I, 18.
 Мефрес С. А. I, 15.
 Миаммун С. А. I, 15.
 мидийцы С. А. I, 12; 15.
 Мидия С. А. I, 19.
 Минос С. А. II, 16.
 Мисфрагмутос С. А. I, 14.
 Миттин С. А. I, 21.
 Мифрамутос С. А. I, 15.
 Мнасей С. А. I, 23.
 Моисей С. А. I, 8; 19; 26; 27;
 28; 31; 34. II, 2; 14; 16.
 Молон С. А. II, 2; 33; 41.
 Мосолиам С. А. I, 22.
 Музы de leg. 2.

 Набоннид С. А. I, 20.
 Набопалассар С. А. I, 19.
 Навуходоносор
 С. А. I, 19; 20; 21.
 Некрополь С. А. II, 4.
 Нериглисар С. А. I, 20.
 Николай Дамасский
 С. А. II, 7.
 Нил С. А. I, 26.
 Ной С. А. I, 19.

 "О древностях" С. А. I, 1; 10;
 18. II, 40.
 Ония С. А. II, 5.
 Орос С. А. I, 15.
 Осарсиф С. А. I, 26; 28; 31.
 Осирис С. А. I, 26; 28.

- Палестина С.А. I, 22.
 Памфилия de leg. 36.
 Парфений С.А. I, 22.
 парфяне de leg. 34.
 Пеан de leg. 14.
 Пелопоннес С. Fl. 19, 20;
 de leg. 36.
 Пелузий
 С.А. I, 15; 29; 33; 32.
 Перитий С.А. I, 18.
 Персия С.А. I, 20; 21.
 персы С.А. I, 12; 22;
 II, 11; 37.
 Петесеф С.А. I, 32.
 Петроний de leg. 31-34.
 Пигмалион С.А. I, 18.
 Пилат de leg. 38.
 Пирей С. Fl. 19.
 Писистрат С.А. I, 4.
 Пифагор С.А. I, 2; 22.
 II, 2; 16.
 Платон С.А. II, 16; 31; 36.
 Полибий С.А. II, 7.
 Поликрат С.А. I, 24.
 Помпей Магн С.А. I, 7.
 II, 7; 11.
 Понт de leg. 36.
 Понт С.А. I, 12.
 Посидоний С.А. II, 7.
 Протагор С.А. II, 37.
 Протей de leg. 11.
 Птолеми de leg. 21.
 Птолемей Лаг С.А. I, 22. II, 4.
 Птолемей Фискон С.А. II, 5.
 Птолемей Филометор
 С.А. II, 5.
 Птолемей Эвергет С.А. II, 5.
 Птолемей Филадельф
 С.А. II, 4.
 Публий Петроний de leg. 42.
 Рамесс С.А. I, 15; 26; 32.
 Рамзес С.А. I, 26.
 Ратотис С.А. I, 15.
 Рейн de leg. 2.
 Рим С.А. I, 9; 12.
 римляне С.А. I, 9; II, 4; 6; 11.
 сабиняне С.А. II, 4.
 Салимские горы С.А. I, 22.
 Святая Святых С.А. II, 8.
 Священное Писание
 С.А. I, 10. II, 4.
 Селевк С.А. I, 22. II, 4.
 Селевкия С.А. I, 22.
 Семирамида С.А. I, 20.
 Сесострис С.А. II, 11.
 Сет С.А. I, 26.
 Сетос С.А. I, 15; 26.
 Сетроит С.А. I, 14.
 Сеян С. Fl. 1;
 de leg. 6, 24.
 Сидон de leg. 31, 42.
 Силан de leg. 9, 10.
 Силатис С.А. I, 14.
 Синай С.А. II, 2.
 сирийцы С.А. I, 22.
 Сирия С. Fl. 5;
 de leg. 28, 31, 33, 36;
 С.А. I, 14; 19; 20; 22; 23;
 28; 29; 32; 33. II, 4; 5.
 Сицилия С.А. I, 3.
 скифы С.А. I, 12. II, 37.
 Сократ С.А. II, 12; 37.
 Соломон С.А. I, 17; 18.
 II, 2; 11.
 Солон С.А. II, 15.
 Спарта С.А. II, 31.
 Стефаний С. Fl. 13.
 Страбон Каппадокийский
 С.А. II, 7.
 Стратоника С.А. I, 22.
 Суний С. Fl. 19.
 Тартар de leg. 14.
 Терм С.А. II, 5.
 Тетмос С.А. I, 15; 26. II, 2.
 Тибр de leg. 23, 28.
 Тимаген С.А. II, 7.
 Тимаос С.А. I, 14.

- Тимей С.А. I, 3; 24.
 Тир С.А. I, 18; 20; 21.
 тиряне
 С.А. I, 13; 17; 21. II, 4.
 Тисифен С.А. I, 32.
 Тит С.А. I, 9; II, 7.
 Тифон С.А. I, 26.
 Тмосис С.А. I, 15.
 Трахон de leg. 41.
 "Триполитики" С.А. I, 24.
 Трифон С. Fl. 10.
 Трофоний de leg. 11.
 Троя С.А. I, 2.
 Троянская война С.А. I, 16.
 Туммос С.А. I, 14.
 Фалес С.А. I, 2.
 Фарос С. Fl. 5. 13.
 Фелит С.А. I, 18.
 Феодот С.А. I, 23.
 Феопомп С.А. I, 24.
 Феофил С.А. I, 23.
 Феофраст С.А. I, 22.
 Ферекид Сиросец С.А. I, 2.
 Фермодонт С.А. I, 22.
 Фессалия de leg. 36.
 фиванцы С.А. I, 24. II, 37.
 Фивы С.А. I, 14.
 Филипп С. Fl. 5.
 Филист С.А. I, 3.
 Филон Старший С.А. I, 23.
 Филострат С.А. I, 20.
 Финикия de leg. 32. 36;
 С.А. I, 12; 15; 17;
 19; 20; 22. II, 9.
 финикияне С.А. I, 2; 6; 12;
 13; 17; 21; 22. II, 1; 2.
 фракийцы С.А. I, 12; 22.
 Фритифант С.А. I, 32; 33.
 Фукидид С.А. I, 3; 12.
 Хавулон С.А. I, 17.
 халдеи С.А. I, 2; 6; 13;
 19; 21. II, 1.
 Хеврон С.А. I, 15.
 Хелбес С.А. I, 21.
 Херемон С.А. I, 32; 33. II, 1.
 Хирил С.А. I, 22.
 Хиром С.А. I, 17; 18; 21. II, 2.
 Цезаря de leg. 38.
 Эвбея de leg. 36.
 Эвгемер С.А. I, 23.
 Эвий de leg. 13.
 Эвильмаралух С.А. I, 20.
 Эвод С. Fl. 10.
 Эвполом С.А. I, 23.
 Эврихор С.А. I, 18.
 Эгейское море С. Fl. 18.
 Экнибал С.А. I, 21.
 элейцы С.А. II, 37.
 Эллада de leg. 21.
 С.А. I, 2.
 Эпафродит С.А. I, I. II, 41.
 Эпибаптерий de leg. 22.
 Этолия de leg. 36.
 Эфес С.А. II, 4.
 Эфиопия С.А. I, 26; 27;
 29; 32; 33.
 Эфиопия С. Fl. 6.
 эфиопы С.А. I, 22.
 Эфор С.А. I, 3; 12.
 Юлий Архелай С.А. I, 9.
 Юлия Августа de leg. 40.
 Явне de leg. 30.

Приложение

СОЛОМОН ЛУРЬЕ

*профессор древней истории
в 1-м Высшем Педагогическом
Институте*

АНТИСЕМИТИЗМ
В ДРЕВНЕМ МИРЕ,
ПОПЫТКИ ОБЪЯСНЕНИЯ ЕГО
В НАУКЕ
И ЕГО ПРИЧИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "БЫЛОЕ"
ПЕТРОГРАД
1922

*Памяти
моего отца и учителя
врача
Якова Анатольевича
Лурье
посвящаю эту книгу*

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Соломон Яковлевич Лурье (1891—1964) был евреем. В качестве историка античности он мог увлекаться теми или иными теориями, заниматься теми или иными сюжетами, но собственная жизнь в собственную эпоху значила для него намного больше, чем все теории вместе взятые. А в жизни и эпохе властвовал антисемитизм. На тяжкий жизненный опыт столкновения с антисемитизмом Лурье жалуется уже в 1922 г. в публикуемой ниже книге (с. 6). Опыт этот пополнился в пору борьбы с космополитизмом (1949 г.), когда Соломон Яковлевич был вынужден оставить Ленинградский университет.

Поэтому справедливо сказать, что в истории антисемитизма Лурье чувствовал себя как дома. К пониманию его причин он пришел «путем самонаблюдения... и изучения окружающих» (с. 5). Поскольку не устарел антисемитизм (или изменился не очень сильно), то и книга Лурье не очень устарела. Новые источники (в частности, папирусы и надписи) вводились в оборот, новые социологические теории влияли на историков, но главные выводы Лурье не обесценились. Пожалуй, самое серьезное, что можно было бы добавить к ним,— роль антисемитизма в «воспитании масс», в массовой культуре (если можно говорить о такой для античной эпохи). И уж заведомо для русскоязычного читателя книга Лурье остается вне конкуренции. Поэтому мы и публикуем ее как приложение к выпуску 3 «Библиотеки Флавиана».

А. Б. Ковельман.

Сокращения в указании собраний первоисточников

- Fr = J. Freudenthal, *Alexander Polyhistor etc.* Breslau 1875.
MW = L. Mitteis und U. Wilcken, *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde.* I B. II H. Berlin 1912.
R = Th. Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme.* Paris 1895.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа была задумана в 1914—1915 гг., когда русское еврейство больше всего страдало от общественного антисемитизма, обострившегося вследствие новых наветов о роли евреев в европейской войне. Всякого мыслящего и чувствующего человека должен был заинтересовать вопрос о причинах этого исторического явления, крайне важного, хотя бы уже вследствие своей многовековой давности. Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, — иными словами, что антисемитизм — явление не случайное, что он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и нееврея. Путем самонаблюдения (автор имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях) и изучения окружающих, мне удалось придти к определенным взглядам по вопросу о причинах антисемитизма. Когда я случайно в это время наткнулся на книгу Th. Reinach'a «Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme», я с удовольствием увидел, что данные эллинистической эпохи подтверждают те выводы, которые я сделал, изучая современность, и это дало мне повод приступить к настоящей работе. Работа обещала очень много, так как вместе со мной за эту же работу взялся мой покойный отец, лучше моего научно вооруженный для нее и стоявший на диаметрально противоположной точке зрения: еврейский вопрос — результат исторического недоразумения; еврейство существует потому, что существует случайно появившийся в мир антисемитизм, и будет существовать, только пока он существует. Возможность обмениваться мыслями по каждому отдельному вопросу с человеком, стоящим на столь противоположной точке зрения, давала право надеяться, что работа выйдет вполне серьезной и обоснованной. К сожалению, уже в самом начале моих занятий отец погиб на своем медицинском посту, заразившись неизлечимой болезнью. В то же время наступили события весны 1917 года, когда казалось, что антисемитизм, а вместе с ним и весь еврейский вопрос, канул в вечность вместе с други-

ми признаками старого режима. Поэтому я забросил начатую работу, как я думал, на очень долгое время.

Прошло три-четыре года, и мне пришлось, однако, к ней вернуться. Ход событий показал, что весенние настроения 1917 года были пустой иллюзией, и блестяще подтвердил верность сделанных мною прежде выводов о причинах и происхождении антисемитизма: несмотря на полное отсутствие официальных еврейских ограничений, антисемитизм вспыхнул с новой силой и достиг такого расцвета, какого нельзя было и представить себе при старом режиме. В частности, он тяжело отразился и на моей личной жизни. Понятно, что я должен был забросить все текущие научные и педагогические занятия и вернуться к оставленной работе.

Таким образом, настоящая работа — результат продолжительного размышления и исследований, и потому, как бы ни были велики ее недостатки, ей, во всяком случае, не может быть поставлена в вину компилятивность или простая регистрация чужих мнений. Моя точка зрения совершенно новая.

Действительно, чуть ли не каждый исследователь выдвинул особое объяснение происхождения антисемитизма: одни видят причину антисемитизма в том, что евреи — выше окружающей их среды и потому вызывали зависть соседей, это — народ бескорыстных идеалистов и апостолов (М. Фридлиндер), другие, наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды — они корыстолюбивы и кровожадны (Ф. Штегелин), это — народ ростовщиков (В. Зомбарт); для одних — все дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку еврейства в том, что оно слишком охотно проникалось чуждой культурой (И. Фрейденталь); одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений — узконационалистическое — породило антисемитизм (А. Бертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно сплоченную семью и объясняют антисемитизм именно этой сплоченностью (Т. Моммзен); одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Мейер), другие, наоборот, объясняют антисемитизм более или менее случайными причинами временного характера — религиозными, экономическими,

политическими и т. д. — и считают, что еврейского народа не существует, а есть только граждане различных национальностей, исповедующие иудейскую религию (Т. Рейнак).

Как я уже сказал, я определенно примыкаю к той группе ученых, которые, исходя хотя бы из одного того, что везде, где только ни появляются евреи, вспыхивает и антисемитизм, делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно соприсущих еврейскому народу. Поэтому необходимо отвергнуть объяснение антисемитизма случайными экономическими, религиозными или политическими конъюнктурами. Конечно, я располагаю доказательным материалом только для эпохи, входящей в круг моих научных знаний — для античности. Но я а priori убежден, что в средние века дело обстоит не иначе. Очень любопытна в этом отношении статья L. Canet в *Revue des études juives*, 61 (1911), стр. 213 сл. (*La prière pro iudaeis de la liturgie catholique romaine*). В католической церкви установлена в Великую Пятницу молитва за церковь, за папу, за клир, за императора, за прихожан, за страдающих (больных, голодных и т. д.), за евреев и за язычников. Каждое отдельное молитвословие состоит из 1) вступления, начинающегося словами: «Помолимся за... (*oramus pro...*)», 2) коленопреклонения с молитвой про себя и 3) заключения. Одна из частей этой молитвы представляет собою молитвословие за евреев («помолимся за вероломных евреев» — *oramus pro perfidis iudaeis*); в этом молитвословии в отличие от всех прочих (включая даже молитвословие за язычников), начиная с IX века, существеннейшая часть — коленопреклонение — опускается. В церковной литературе это объясняется тем, что евреи, издеваясь над Христом, становились перед ним на колени; поэтому христианам не подобает становиться на колени за евреев. Объяснение это — заведомо произвольное и придуманное *ad hoc*: согласно Евангелию, над муками Христовыми издевались не евреи, а римские солдаты. Тщательно изучив церковную литературу, Канэ (стр. 219) приходит к выводу: «У всех авторов дело сводится к тому, чтобы оправдать уже существующую практику, а не чтобы ее ввести впервые. Повидимому, эта практика установилась сама собой, и в ней нужно видеть проявление народного антисемитизма. Доказательство этого мы имеем в заметке на полях саκραментария Ратольда (или С. Васт и Корби): «в этом месте никто из нас (т. е. из членов католического клира) не должен становиться

на колени вследствие злобы и ярости народа». И так, именно народ не позволял становиться на колени... В том, что народные массы в Корби отказывались становиться на колени, когда их призывали молиться за евреев, нет ничего удивительного; таким образом, установился новый обычай. Духовенство только позаботилось о том, чтобы самая молитва сохранилась и чтобы этот обычай был оправдан. Из этого случайно выхваченного примера мы видим, что даже в этом случае, где легче всего было бы свалить всю вину на пропаганду духовенства и объяснять все религиозными и экономическими причинами (церковь, мол, была крупным ростовщиком, и антисемитизм вызывался стремлением церкви устранить конкуренцию ростовщиков-евреев, З о м б а р т), в действительности, церковь только послушно плелась в хвосте народного антисемитизма.

Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм, по нашему мнению, была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь ни от кого не обособляясь) оставался национально-государственным организмом. Действительно, всякого рода «конституции» и «законодательства» — только внешнее закрепление ряда явлений чисто психологических, и не эти «клочки бумаги» определяют наличность национальности и государства, а ряд чисто психологических социально-правственных переживаний. А эти переживания налицо у евреев не в меньшей, а в большей мере, чем у народов, обладающих своим языком и своей территорией; эта особенность евреев, как мы увидим, удовлетворительно объясняется своеобразием древней истории евреев. Однако, эта особенность осталась непонятой не только «хозяевами» евреев, но и учеными исследователями из среды самого еврейства, воспитанными на правовых доктринах «хозяев». Если Фрейденталь готов считать основой национальной самобытности — язык (см. ниже, ч. II, 1), если Р. Г. Леви (*Revue des études juives*, 62, (1911), 188) категорически заявляет, что нет еврейского народа, а есть только граждане различных государств, исповедывающие Моисеев закон («pas plus qu'il n'y a de «peuple catholique» ni de «peuple protestant», il n'y a de «peuple juif»), — то они уже в древности имеют предшественником Филона (ниже, 115). Точно также и для неевреев этот факт остался непонятным: любопытно, что, напр., Блудай характеризует чувство, связывающее евреев разных стран, как «земляческое» (*landsmannschaftliche*; ниже, стр.

54). А между тем, те психологические переживания, которые налицо у каждого нравственно здорового еврея и в которых часто он сам не отдает себе отчета, могут быть охарактеризованы, только как государственно-национальные.

В этом отношении показательно следующее. Во время европейской войны, когда, с одной стороны, расцветали махровым цветом возникшие уже в средние века легенды о еврейском шпионаже, сжигании евреями хлеба на корню, собирании золота в гробы для отправки неприятелю и т. д., а, с другой стороны, еврейская пресса («Восход») из кожи вон лезла, чтобы доказать несуществующий патриотизм евреев, и печатала портреты евреев — георгиевских кавалеров, — в еврейской массе был особенно популярен трогательный рассказ. Во время панического бегства австрийцев в Карпатах какой-то еврей — унтер-офицер, грубый и малограмотный человек, но неоднократно отличившийся и имевший георгиевские кресты, — бросился в атаку одним из первых и, настигнув ближайшего австрийского солдата, пронзил его штыком. Несчастный успел только воскликнуть: «Шма, Исроэль!» (еврейская повседневная молитва) и упал мертвым. С злополучным же героем произошла резкая перемена. Он забился в угол, целых три дня ничего не ел и на четвертый день зарезался бритвой. Если мы вдумаемся в этот рассказ, то увидим, что психологические переживания унтер-офицера до и после убийства соплеменника вполне однородны; разница лишь в том, что до убийства объектом его национально-государственного чувства была Россия, а после убийства обнаружилось, что это чувство было поверхностным, наносным, и что в душе унтер-офицера гораздо глубже сидело другое национально-государственное чувство, объектом которого был еврейский народ. В этом же отношении любопытно, что тот самый Фрейденталь (Alexander Polyhistor und die von ihm erhaltenen Reste jüdischer und samaritanischer Geschichtswerke, Breslau 1874-75, стр. 198), который исходит из принципа, что национальность прежде всего выражается в языке, тем не менее, говоря о причине, побудившей ассимилированных евреев-эллинистов диаспоры писать еврейскую историю, характеризует ее не как «земляческое» (landsmannschaftliche, В л у д а у) и даже не как национальное чувство, а как чувство патриотическое (Vaterlandsgefühl). Характерное противоречие!

Естественно, что неевреи не могли ни понять, ни признать этого факта. Если язык и территория — *conditio sine qua non* всякого национального чувства, то свое еврейское национально-

государственное чувство у живших в н у т р и эллинского общества евреев диаспоры должно было представляться им, как преступность, как нравственное вырождение. Однако, изучение жизни и нравов их соседей-евреев не давало материала для того, чтобы сделать вывод, что евреи в нравственном отношении ниже своих хозяев. Вот почему, как мы увидим ниже, антисемиты древности черпают материал для своих обвинений не из реальной жизни, а из Библии, которую они тщательно штудировали специально для этой цели и которая, как всякий памятник старины, естественно содержала не мало нравственно отжитых понятий.

Так как такая точка зрения на причины возникновения антисемитизма высказывается в науке впервые, то ясно, что доказательство ее возможно только на основе новой, самостоятельной переработки материала первоисточников. Если эта работа над первоисточниками не столь тщательна и не имеет столь исчерпывающего характера, как мне бы хотелось, то причина этого в невыносимой экономической и психологической обстановке настоящего времени.

Моя научная специальность — история Греции; поэтому я был в состоянии самостоятельно изучать только историю антисемитизма в эллинистически-римскую эпоху. Если мой труд озаглавлен «Антисемитизм в древнем мире», то только потому, что данные об антисемитизме в предыдущие эпохи настолько малочисленны, что не заслуживают рассмотрения в особой книге, а в моей книге необходимы, как параллель и введение. Само собой разумеется, что памятники этой эпохи (главным образом, документы еврейской колонии на Элефантине) не могли быть здесь подвергнуты самостоятельному разбору; я должен удовольствоваться только использованием разработанного уже в науке материала, и никакой ответственности за то или иное понимание этих документов я, поэтому, не несу.

Для истории антисемитизма в древности имеется материал и литературный и документальный, как на греческом и латинском, так и на еврейском и арамейском языках.

Литературные памятники на греческом и латинском языках были мною изучены наиболее внимательно. Это, во-первых, произведения антисемитской литературы и отдельные антисемитские выпады античных писателей. Все они собраны в книге Th. Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaisme*, Paris 1895. (В Berliner Philologische Wochenschrift. 1895, стр. 985-989, Вильрих поместил придирчивую рецензию на эту кни-

гу и дал длинный список пропущенных Рейнаком мест. Я просмотрел эти места, но ничего интересного для моей темы не нашел). Во-вторых, это остатки еврейской светской литературы — исторических работ и произведений изящной словесности. Это — в первую голову Филон и Иосиф Флавий, далее — отрывки из утраченных трудов еврейско-эллинистических историков, собранные в уже цитированной книге Freudenthal'я; отрывки из трагедии Езекиеля лучше всего изданы L. M. Philippson, *Ezechiel und Philo*, Berlin 1830. В третьих, это — греческая Библия, апокрифы и псевдэпиграфы. Сличение канонической части Септуагинты с еврейским подлинником и изучение умышленных отступлений в переводе даст немало материала для нашей темы. К сожалению, такое сличение сделано мною только для отдельных мест; я не располагал временем, чтобы провести его в полном объеме. Септуагинту (каноническую часть и апокрифы) я использовал в издании C. de Tischendorf, *Vetus testamentum graece iuxta LXX interpretes**, T. I et II, Lipsiae 1880. Сивиллины оракулы я изучал по изданию Rzach, *Oracula Sibyllina*, Wien 1891. Пособием для изучения апокрифов и псевдэпиграфов мне служил двухтомный перевод со вступительными статьями, изданный E. Kautzsch'ем.

Из документальных источников мне удалось заново выбрать и полностью использовать папирусы и египетские надписи¹. Несколько хуже обстояло дело с внеегипетскими надписями. Из них мною использованы те, на которые я нашел ссылки в литературе, и те, которые так или иначе реферированы в еврейских научных *periodica*. Конечно, было бы желательно просмотреть полностью собрания греческих и латинских надписей и извлечь из них все, имеющее отношение к нашему вопросу. Но это было бы равносильно поставлению *Corpus inscriptionum graecarum et latinarum ad res iudaicas pertinentium*, а для такой работы я, при нынешних условиях, конечно, не располагал временем.

Еще хуже обстоит дело с литературными памятниками на еврейском и арамейском языках (Библия и Талмуд). Вследствие весьма слабого знания еврейского языка, нужные для моей работы позднейшие части Библии я принужден был изучать в образцовом немецком переводе E. Kautzsch'a и только в особенно интересных, трудных или спорных местах я мог обращаться к подлиннику. Но хуже всего обстояло дело с Талмудом. Пользоваться переводом я не считал себя в праве не только потому, что не существует общепризнанного авторитетного перевода Талмуда, подобно Kautzsch'евскому переводу Библии,

но еще и вследствие обычно выдвигаемого антисемитами обвинения, будто в переводах и последних изданиях Талмуда все наиболее «криминальные» места выпущены. Поэтому для привлечения к делу Талмуда необходима самостоятельная работа над талмудическим текстом, что при моей нынешней подготовке совершенно невозможно. Если начатые мною ныне занятия дадут мне надлежащую подготовку и если внешние условия не помешают этому, я возьмусь за особую работу о Талмуде, как об источнике для истории антисемитизма в древности. Пока же я приводил только те места Талмуда, которые уже освещены в литературе нашего вопроса со ссылками на привлечших их ученых.

Что касается литературного вопроса, то и здесь имеются пробелы. Благодаря тому, что мне удалось получить доступ к переданной ныне в Азиатский Музей Академии Наук библиотеке покойного проф. Хвольсона, литература вопроса до 1909-1910 г. мною использована почти сполна. Хуже обстояло дело с более новой литературой. В Азиатском Музее имеются и были мною использованы книги по интересующим меня вопросам вплоть до 1920 года, но подбор их далеко не полный и оставляет желать многого. Что же касается библиотеки моей *alma mater*, Петроградского Университета, то, к глубочайшему моему прискорбию, я лишен возможности ею пользоваться.

К сожалению, в моем труде читатель не найдет ссылок на русскую литературу вопроса. Сколько мне известно, вся русская литература сводится к статье Н. Брюлловой «Антисемитизм в древности» в «Еврейской энциклопедии» (изд. под ред. Л. Каценельсона и бар. Д. Г. Гинцбурга; II отд. — иудео-эллинический — под ред. проф. Ф. Ф. Зелинского, том II, ст. 639-643). Эта статья представляет собой краткий реферат ярко антисемитской брошюры Stähelin'a, *Der Antisemitismus des Altertums*, без малейшей попытки критически разобраться в сообщаемых фактах. Реферат сделан крайне небрежно: так, в труде Посидония Апамейского приближенные Антиоха VII Сидета рассказывали этому царю о разоблачениях, сделанных Антиохом IV Епифаном в иерусалимском храме; Брюллова, по-видимому, не поняла прочтенного у Штегелина и на ст. 641 приписывает эти разоблачения непосредственно Антиоху VII. Далее, Штегелин говорит о мнимой еврейской монополии торговли папирусом в весьма осторожных выражениях, слагая всю ответственность на Шлаттера; Брюллова говорит об этом давно опровергнутом в науке (ниже, стр. 36) навете, как о непреложном факте. Единственное

собственное добавление Брюлловой: «в различных спекулятивных отраслях торговли и государственного хозяйства евреи играют преобладающую роль» — представляет собою не основанное ни на каких фактах дальнейшее развитие мыслей Штегелина. Ясно, что на эту статью было неуместно ссылаться в научной работе.

Далее, как мне сообщили, на днях выходит в свет книга проф. Тюменева: «Евреи в древности и средние века», но к моменту сдачи моего труда в печать, мне не удалось достать этой книги.

За отсутствием в типографии греческих и еврейских шрифтов, мне пришлось все цитаты приводить в латинской транскрипции.

В заключение считаю долгом выразить свою глубокую благодарность дорогому товарищу П е т р у В и к т о р о в и ч у Е р н ш т е д т у, хранителю Азиатского Музея Академии Наук, за его содействие в разыскании научной литературы, за указания новейших научных трудов по интересующим меня вопросам, за руководство в моих первых шагах по изучению древнееврейского языка и за сообщение мне ряда весьма существенных для моей работы фактов (на стр. 162 читатель найдет сделанное им ценное примечание 23).

Петроград, 15 февраля 1922 г.

Соломон Лурье

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АНТИСЕМИТИЗМ В ДРЕВНЕМ МИРЕ И ПОПЫТКИ ЕГО ОБЪЯСНЕНИЯ В НАУКЕ

Изучение исторического материала приводит нас к выводу, что антисемитизм в древнем мире не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался как раз в таких же формах, как и теперь. Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предъявлялось бы им уже в древности. Более того, самое развитие отношений между евреями и не-евреями — терпимость и ассимиляция, антисемитизм и партикуляризм — в древности происходило в таких же формах, как и ныне. В этом убеждают нас и замечания древних авторов (собраны у Th. Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaisme*, Paris 1895) и свидетельства документальные (папирусы и надписи) и отзвуки в еврейской литературе (Библия, Апокрифы, Талмуд, остатки светской литературы). Уже эта полная тождественность предъявляемых евреям обвинений и форм развития антисемитизма должна была бы привести нас к выводу, что и причины, вызывавшие антисемитизм в древности и теперь, одни и те же. Ссылки на особенности структуры античного общества неубедительны и беспочвенны. Нам говорят², что в древности евреи уже потому были обречены на отчуждение, что они по своим религиозным убеждениям не могли принимать участия в официальных государственных культах. А так как в античном государстве религия связана неразрывными нитями с государством и, более того, является руководящим началом всей государственной жизни, то евреи, не желавшие оставлять своей религии, принуждены были отказаться от участия в общественной жизни древности. При этом совершенно упускается из виду, что то, что верно для античного общества V века, уже грешит против истины, когда речь идет об эпохе эллинизма. В это время интеллигенция уже была сильно

заражена атеизмом, и религиозные требования государства сводились уже только к соблюдению известного чисто внешнего обрядового минимума. С другой стороны, эллинизм характеризуется широкой религиозной терпимостью, он относится с большим вниманием и интеллигентностью к особенностям культов различных народов, и эти особенности вызывают в нем лишь любознательность, а не религиозное озлобление и фанатизм³. С другой стороны, и евреи, как мы увидим⁴, сплошь и рядом делали все возможное, чтобы избежать обострения религиозного антисемитизма. Наконец, нельзя недооценивать и роли христианской религии в современном мире, особенно в некоторых его государствах (католическая Испания и Польша, Русь православная); более внимательный анализ показывает, поскольку речь идет об еврействе, что религиозный момент играет здесь гораздо большую роль, чем в античном мире.

Но не нужно таких априорных аналогий для того, чтобы прийти к выводу, что причины, вызывавшие антисемитизм в древности и ныне — одни и те же. В этом мы убедимся из изолированного изучения обоих рядов явлений. Вдобавок, ведь и причина современного антисемитизма — вещь спорная и неясная; в древнем мире общественные отношения значительно проще, и самый антисемитизм еще только появляется. Поэтому и установить причины античного антисемитизма должно быть легче и проще, чем причины нынешнего, и наоборот, следует ожидать, что, установив эти причины, нам будет легче разобраться и в причинах современного антисемитизма.

Но и нахождение причин антисемитизма в древности — вещь нелегкая. Большинство причин, указываемых древними авторами, оказываются дутыми, а истинные причины можно пытаться установить только из намеков и по методу исключения.

1. Еврейская религия как причина античного антисемитизма

Рассмотрим, что именно вменялось и вменяется в вину евреям древности.

Своеобразие еврейских религиозных установлений — обычная мишень для нападков античных писателей-антисемитов. Особенно часто подвергалось насмешкам и порицанию полное бездействие евреев в субботу⁵.

При этом почти всеми авторами рассказывался анекдот о том, как Птоломею I удалось взять Иерусалим в субботу, благодаря тому, что евреи не сопротивлялись, следуя своему закону. Так же часто высмеиваются и еврейские законы о пище, главным образом, запрещение есть свинину (Страбон, fr. 54 = Geogr. XVI, 38; Посидоний Апамейский, fr. 25, Ювенал, fr. 171a = Sat. VI, 156 слл., Тацит, fr. 180 = Hist. V, 4, Рутилий Намацян l. c.). Наконец, те же авторы (кроме Посидония) в тех же местах⁶ с негодованием говорят о еврейском обычае обрезания, называя его варварским.

Далее евреям ставилось в вину то, что они, живя на территории других народов, а след., по древним представлениям на территории чужих богов, тем не менее отказывались признавать и тем или иным способом чтить этих богов, хотя бы наряду с их богом.

Несомненно, однако, что эти религиозные особенности ни в малейшей степени не могли быть причиной антисемитизма. Обрезание, запрещение употреблять в пищу известные сорта мяса и т. д., все это — установления, свойственные не только евреям, но также египтянам и ряду других известных нам древних народов. А между тем, «необходимо обратить внимание на то, что греки эллинистического времени принципиально относились с величайшей веротерпимостью ко всем народам мира, но только не к евреям; очевидно, причина может заключаться только в чем-то таком, что свойственно одним евреям»⁷.

Если в еврейской религии было чем-то необычным празднование субботы, то не менее необычным должно было казаться и казалось в египетской религии почитание кошек, в персидской — запрещение сжигать трупы умерших и т. д., и тем не менее ничего похожего на антисемитизм здесь не возникало.

Что касается отказа евреев участвовать в культе государственных божеств, то об этом было уже сказано выше, стр. 14; здесь добавлю только, что евреи всячески старались не вносить обострения в этот вопрос и найти средний компромиссный путь. В надписи ClG. 4838 с (= W. Dittenberger, *Orientis graeci inscr. sel.*, Lips. 1903. Nr. 73, 74, стр. 125), мы читаем: «Благодарит бога Птоломей, сын Дионисия, еврей. Благодарит бога Федот, сын Дориона, еврей, за спасение на море». Надпись стоит в пределах храма бога Пана в Эдфу и, конечно, неевреи должны были думать, что под богом в надписи разумеется не еврейский Бог, а Пан-Путеводитель. (Euodos) «Путешественники эти были египетские евреи, возвратившиеся из далекой и опасной торговой

экспедиции; вероятно, во внимание к своим языческим спутникам они выразили свою благодарность Богу в такой форме, которая во всяком случае допускала ее отнесение к языческому божеству»⁸. Далее, в надписи, относящейся к 29 г. до Р. Х., опубликованной Рубензоном в *Arch. für Papyrologie*, V 163, еврейское посвящение вещи Богу редактировано так: «Богу великому, великому, высочайшему». Это повторение, как указал там же (в примечании) Вилькен, характерно для египетского культа и, таким образом, представляет собою такую же, выражаясь биологически, «защитную окраску». Еще любопытнее то, что в папирусе *Par. Oх. 489* (117 г. по Р. Х.) еврей прикладывает к документу печать, на которой изображен Геракл, а в малоазиатском Иасе еврей-метек Никита из Иерусалима вносит 100 др. на устройство праздника Дионисий (*REJ X 76* = *Schurer*, о. с. 16). Наиболее неприемлемым для евреев в официальных религиях древности был культ царей (египетских царей и римских императоров). И тем не менее даже здесь евреи пошли на компромисс: как указывает Филон (*in Flacc. 7, leg. ad Gaj. 20*), в периболах александрийских синагог, т. е. в открытых колоннадах и во внутренних дворах были выставлены посвященные дары, щиты, золотые венки и почетные декреты в честь римских императоров. Так как в эллинских храмах такие предметы были посвящениями богу, то неевреи должны были истолковать эти предметы, как признание божественности царей или императоров. Иногда царям посвящалась даже вся синагога или та или иная часть ее; например, в надписи из Схедии (*Dittenberger, Or. gr. inscr. sel. № 726, II. 467*) мы читаем: «Сию молельню (соорудила) еврейская община за («за здравие» или «имени» в греческом тексте — *hureg*) царя Птолемея и царицу Веренику, его сестру и жену, и его детей». Надпись эту относят к царствованию Птолемея III Евергета, т. е. к 247-222 году. Такая же формула применяется и позже в царствование покровителя евреев Птолемея VI Филометора (170—145). В одной из таких надписей (*Dittenberger OGIS. 96*) посвящение делается сановным евреем — начальником филакитов, т. е. внутренней охраны или жандармерии, и еврейской общиной города Афибиса. Они сооружают «за царя Птолемея и царицу Клеопатру молельню Всевышнему Богу». Некий Гермий с женой Филотерой и детьми сооружают пристройку к этой синагоге, опять-таки «за царя Птолемея, царицу Клеопатру и их детей». (*Dittenberger, OGIS. 101*). Так же формулирована и надпись из Сев. Галилеи, *Schürer*, о. с. 93. Кроме того, в александрийских

синагогах совершались торжественные жертвоприношения по случаю вступления на престол императоров, их выздоровления после тяжелой болезни, победы и т. д. (Филон, *leg. ad Gajum*, 44 слл.). Наконец, в фаюмском папирусе BGU IV 1068 (= MW62) еврей присягает именем обожествленного при жизни императора!

Если и таких уступок не хватало, евреи готовы были исчерпать самые крайние возможности компромисса, лишь бы без риска для жизни и состояния продолжать оставаться евреями. Подобно тому, как в позднейшее время «появление целых масс мнимых магометан и мнимых христиан представляло собой неслыханный, совершенно единичный факт в истории человечества»⁹, так и в древности иногда как раз самые набожные евреи, официальные представители еврейской веры, прибегали к этому средству и внешне принимали «язычество». Таков, напр., рабби Элизер бен Парта, живший в царствование Адриана¹⁰.

Не надо забывать, что в эпоху эллинизма интеллигенция была уже неверующей или маловерующей и довольствовалась в делах религии известным внешним минимумом; принятый евреями компромиссный путь вполне удовлетворял эллинов, исключая, разумеется, тех моментов, когда уже по другим соображениям, антисемитизм входил в правительственную или партийную программу; в этих случаях и непочитание евреями официальных божеств могло быть использовано, как средство борьбы с ними.

Такой характер и носит, несомненно, это обвинение в единственном месте, где оно встречается в литературе — у заведомо недобросовестного (см. ниже, стр. 76) александрийского антисемита Апиона (Joseph. c. Apion. II, 4, 6 = Reinach, Textes, стр. 130, § 7). «Если евреи — граждане, то почему они не чтут тех же богов, что и александрийцы?». Фактически, как мы узнаем из Филонова *Legatio ad Gajum*, речь здесь шла о культе императоров; это было со стороны александрийских греков лишь маневром в борьбе, так как в душе они, как александрийские патриоты, ненавидели римлян гораздо больше, чем евреи. Обычно же эллины не только довольствовались этим компромиссом, но и сами старались не выходить из его рамок. Так, напр., из фрагмента Николая Дамасского, сохраненного нам Иосифом Флавием (*Ant. jud.* XII, 3,2), мы видим, что евреям было предоставлено право гражданства в ионических городах, причем на них заведомо не налагалась обязанность принимать участие в государственном культе, и что, несмотря на протест местных

антисемитов, эти права их были подтверждены (в 14 г. до Р. Х.) М. Агриппой.

Таким образом, своеобразие еврейской религии не могло, при веротерпимости эллинистического общества, служить причиной антисемитизма или, вернее, могло служить ею лишь постольку, поскольку оно является составною частью того еврейского «самоутверждения», которое в современной науке гиперболически и несправедливо окрещено партикуляризмом. Об этом я буду говорить подробно во второй части этой книги.

Своеобразие еврейских религиозных обычаев не было столь резким, чтобы оно могло вызвать возмущение греко-египетских масс. Это мы видим из того, что антисемитская агитация александрийских греков, в своей борьбе с евреями, не довольствуется причудливостью существующих в действительности еврейских обрядов, а или заведомо недобросовестно объясняет их, или придумывает новые несуществующие еврейские религиозные обычаи, навязывая им наиболее нелепые или кровожадные из обычаев своих ближайших соседей — египтян или негров.

Из религии Египта заимствован приписываемый евреям культ осла. Когда в Александрии еврейский рассказ об исходе из Египта был сопоставлен с египетским рассказом о господстве гиксов, было найдено много черт сходства и поэтому евреи часто отождествлялись с гиксосоми (см. ниже, ч. II, 1). Главным же божеством гиксов считался Сет-Тифон, священным животным которого был осел¹¹, и, естественно, что Тифон представлялся либо с головой осла, либо (менее антропоморфично) верхом на осле. С другой стороны, у древних было излюбленным грамматическим приемом — объяснять названия городов и племен тем, что на них было перенесено имя их основателей, вроде того, напр., что Рим получил свое имя от Ромула, Коринф от Коринфа и т. д. Таким образом, и вождями евреев во время их первого вторжения в Иудею были сделаны Иерусалим и Иуда (Тас. Hist. 5, 2). По счастью, Плутарх в своем рассуждении об Исиде и Осирисе (§ 31 = fr. 68 Rein.) сохранил нам еще явственное следы отождествления египетского предания о боге гиксов Тифоне с еврейским преданием об исходе: «Те, которые рассказывают, что после сражения Тифон обратился в бегство и бежал семь дней верхом на осле, а, когда оказался в безопасности, родил сыновей Иерусалима и Иуду, явным образом вносят в египетский миф еврейские рассказы». Тифон был таким образом отождествлен с Моисеем; теперь нам станет понятно, из каких источников берет свое начало вымысел

жившего в начале II века до Р. Х. Посидония Апамейского, сообщавшего, будто Антиох Епифан, ворвавшись в Иерусалимский храм, нашел в святой святых статую, представляющую Моисея, сидящего верхом на осле с книгой в руках (fr. 25 R.). Другая версия упростила этот рассказ, заменив статую Моисея на осле золотой головой осла. Так Мнасей Патрский (fr. 19 R.), приблизительно современник Посидония, сообщает о некоем Забиде, которому удалось хитростью проникнуть в Иерусалимский храм и украсть оттуда золотую голову осла. Известнейший из антисемитов древности, александриец Апион (I в. по Р. Х.) комбинирует оба рассказа: из первого он заимствует для большей исторической достоверности Антиоха Епифана, из второго — золотую голову осла. По-видимому, от себя он прибавлял, что евреи чтили эту голову особым культом и воздавали ей божеские почести и что она заключала в себе огромное количество золота (Ios. c. Ap. II, 7 = fr. 63 D § 1 R.). Тот же рассказ повторяется Дамокритом (fr. 60 R), а впоследствии и Тацитом (Histor. V, 4). Было даже придумано объяснение, почему евреи почитают именно осла: оказывается, во время странствования евреев в пустыне, когда они умирали от жажды, только благодаря стаду ослов они нашли дорогу к источнику (Tac. Hist. V, 4, Plut. Quaest. conv. IV, 5, 9 § 2 = fr. 69. 180 R.).

У соседей египтян — негров, как известно из работ современных этнографов, до сих пор существуют с одной стороны обычаи обрезания девочек¹², с другой — человеческие жертвоприношения. Оба эти обычая были приписаны и евреям. Страбон (fr. 54 R — Geogr. XVI, 37) сообщает, что у евреев установлено «обрезание мальчиков (peritomai), обрезание девочек (ektomai) и другие подобные обычаи».

Более роковые последствия имело приписывание евреям существовавшего в это время у негров обычая человеческих жертвоприношений¹³. Дамокрит, время жизни которого точно не установлено (fr. 60 R), сообщает, что евреи каждые семь лет хватают иностранца, ведут его в храм и убивают, изрезая мясо на мелкие кусочки.

Дамокрит жил вряд ли раньше Р. Х.; вождь александрийских антисемитов и организатор погрома в Александрии знаменитый Апион жил в I в. по Р. Х. и был, вероятно, его современником. Трогательный рассказ этого бойкого и неразборчивого¹⁴ журналиста я привожу полностью (fr. 93 D § 2 R = Ios. c. Ap. II 8): «В Иерусалимском храме Антиох нашел ложе, на котором

возлежал человек. Рядом стоял стол, уставленный всевозможными яствами из животных, населяющих землю, моря и воздух. Человек этот был в ужасе. Увидев царя, он обратился к нему с жестом униженной мольбы, как бы ожидая от него своего спасения. Царь приказал ему довериться и рассказать, кто он, почему он живет в этом храме и для чего перед ним поставлены яства. Тогда этот человек со стоном и слезами стал жалобным голосом рассказывать о своем горе. Он сообщил, что он грек и что, когда он в поисках заработка проезжал по Палестине, он был внезапно схвачен иноплеменниками и отведен в храм. Здесь его заперли, запрещают видаться с кем бы то ни было из людей и откармливают всевозможными яствами. Сначала его радовали эти неожиданные благодеяния, но затем в его душу вкралось подозрение, сменившееся ужасом. Расспросив у подающих ему слуг, он узнал о существовании у евреев ужасного закона, во исполнение которого его и откармливают; все это повторяется ежегодно в установленное по календарю время. Каждый раз евреи хватают греческого путешественника, откармливают его в течение года, а затем отводят в лес и убивают. Тело его приносится в жертву с соблюдением особых торжественных обрядов, евреи вкушают от мяса убитого и клянутся над жертвой, что они пребудут врагами греков, и затем бросают остатки человека в вырытую для этой цели яму»¹⁵.

Если своеобразие еврейских религиозных обычаев показалось александрийским грекам недостаточным для того, чтобы объяснить, чем оправдывается ненависть к евреям, и пришлось придумать новые ритуальные обвинения, то, с другой стороны, и нежелание евреев принять участие в местном культе, как мы видели, не носило столь резкого и оскорбительного характера, чтобы вызвать ненависть местного населения. И здесь пришлось этот характер присочинить. Египетский жрец и историк Манефон (Ios. c. Ap. I, 26—27 = fr. 11 § 7 R) сообщает, что евреи «уже во время их пребывания в Египте грабили храмы, уничтожали изваяния богов, сокровенные святилища превращали в кухни, где жарились священные животные египтян; они заставляли египетских жрецов и гадателей собственноручно закалывать и совершать жертвенные обряды, а затем выгоняли их голыми на улицу». Александрийский ученый Лисимах (Ios. c. Apion. I, 34 = fr. 59 § 4 R), живший в начале I века до Р. Х., сообщает, что Моисей дал евреям наставление уничтожать все храмы и алтари, какие они ни встретят во время странствования. Тацит дает ряд не имеющих ничего общего с еврейской традицией и несомненно

родившихся в кругах александрийских антисемитов объяснений еврейских обрядов (Hist. V, 4 = fr. 180 R): евреи приносят в жертву барана для поношения Аммона, быка — потому что египтяне обоготворяют Аписа. Точно так же они не едят свинины в воспоминание о парши, которой они в древности страдали, так как свинья подвержена этой болезни; они едят неквашенный хлеб, в воспоминание о том, как они воровали зерна и питались ими. Далее тот же автор сообщает, что первое наставление, которое получают переходящие в еврейство, это поносить богов. Последнее место дает нам указание на происхождение наветов о еврейском кощунстве. Дело, во-первых, в том, что Библия, тщательно изучавшаяся антисемитами в греческом переводе, содержит ряд выпадов против многобожия; во-вторых, в том, что евреи широко и с большим успехом пропагандировали свою религию. Об этом я скажу подробнее ниже (ч. II, общ. замеч.); здесь только приведу одно место Горация (Sat. I, 4, 141 слл.), из которого видно, с каким пылом занимались евреи пропагандой своей религии:

...Стихотворцев сберется большая толпа мне на помощь.
Ибо очень нас много, и тут уже все мы насильно,
Как Иудея, тебя заташим в нашу ватагу.
(Пер. Фета).

Конечно, при пропаганде и сопровождающих ее дискуссиях совершенно неизбежным являлись сравнение иудейских и других религий и критический разбор этих религий. Отсюда и потекло обвинение евреев в кощунстве и оскорблении эллинских святынь. Однако, несмотря на то, что большая часть еврейского закона увидела свет в обстановке борьбы с многобожием, и поэтому эта борьба является одной из характернейших отличительных черт еврейской религиозной проповеди¹⁶, евреи диаспоры старались, в целях установления сносных условий сожительства с греками, per fas et nefas доказать своим не в меру пылким в религиозном отношении соплеменникам, что осмеяние язычества — грех с точки зрения еврейского религиозного закона. Это примирительное направление взяло верх уже при первых Птолемах. Действительно (см. примечание 56), уже в эту эпоху была составлена так наз. Септуагинта, греческий перевод Библии для нужд синагогального богослужения в Египте. В Исходе (22,27) читается: *elohim lo theqalel*. *Elohim* обычно означает «Бог», но по форме — множественное число, и поэтому это слово может быть переведено и «боги» (ср., напр., Ex.

12,12; 34,15). Составители Септуагинты так и переводят: «theous ou kakologeseis — богов не поноси». Смысл такого перевода ясен. Однако, на Септуагинте воспитывалось все египетское еврейство, которое, как мы увидим ниже (стр. 84), еврейского языка не знало. Неудивительно, что это новое религиозное положение вошло в плоть и кровь египетского еврейства. Иосиф Флавий считает недопустимостью осмеяния чужой религии само собой подразумевающимся правилом нравственности (Ant. IV, 8, 10, с. Ap. II, 13, II, 33); так, в последнем месте он говорит: «я не стану дольше останавливаться на установлениях других людей; так у нас уже принято — хранить наши обычаи и не осуждать чужих; ведь наш законодатель прямо запретил нам осмеивать и поносить тех, кто у других людей именуется богом»¹⁷. Еврейский историк, выпустивший свой псевдэпиграфический труд под именем Артапана, идет даже еще дальше: согласно его труду Моисей и греческий бог Гермес (= египетский бог Тот) — одно и то же лицо (fr. 3 Fr. § 6 = Euseb. praer, ev. IX, 27, 432 с.); Иаков и его сыновья были основателями языческих храмов в Атосе и Гелиополе (fr. 2 Fr. § 4 = Euseb. I. с. 23, 430 а); более того: не кто иной, как Моисей, разделив Египет на 36 номов, «приказал каждому из номов поклоняться своему богу» (fr. 3 Fr. § 4 = Euseb. I. с. с. 24, 431 b), как это и было в Египте в позднейшее время; тот же Моисей, наконец, ввел впервые культ священных животных — ибиса (fr. 3 Fr. § 12 = Euseb. 433 d) и быка Аписа (fr. 3 Fr. § 12 Euseb. 433 b.). Конечно, труд Артапана — псевдэпиграфический, вложенный в уста египетского жреца (Freudenthal, о. с. 150—153), и потому здесь изложено не то, что думает автор, а что должен, в интересах еврейства, думать о евреях благочестивый египетский жрец. Тем не менее характерно, что националистически настроенный еврейский автор готов в апологетических целях отказаться от самого существования еврейской религиозной пропаганды — от проповеди единобожия!

При таком настроении естественно, что даже в религиозных диспутах евреям приписывалась осторожность в выражениях, когда речь шла о чужих святынях. Так, Филон поучает (de monarch, I, 7): «Не следует распускать языка и оскорблять поносными речами тех, которые считают богами не того, кого мы, дабы и они, выйдя из себя, не сказали чего-нибудь неподобающего об Истинно-Сущем»^{18,19}.

2. Экономические отношения как причина античного антисемитизма

Наиболее распространен теперь, в связи с той ролью, которая вообще отводится экономическим факторам в общественной жизни, тот взгляд, по которому причиной антисемитизма являлись экономические противоречия. При этом «правая» и «левая» понимают под этим разные вещи. «Правая» утверждает, что евреи с самого зарождения диаспоры занимались с особенной охотой злокозненными и кровожадными, но зато весьма доходными финансовыми операциями (Fr. Stähelin, Antisemitismus, 37); «левая», наоборот, считает, что причиной антисемитизма была конкуренция, причем евреи были не более кровожадными, а просто, работая в тех же областях, оказались более ловкими и приспособленными к жизненной борьбе. На такой точке зрения стоит У. Вилькен (Zum alex. Antisemitismus, 788 слл.): «Несомненно, что в экономической и социальной жизни не могло обойтись без трений, тем более, что евреи, как мы видим из документов, выступали в самых различных сферах экономической жизни. Благодаря их упорству и дарованиям (особенно в коммерческих делах), они стали опасными конкурентами, и таким образом к религиозному и политическому присоединился еще экономический и социальный антисемитизм... Повседневная жизнь с ее борьбой экономических интересов должна была иметь последствием углубление вражды».

Чтобы выяснить, насколько экономические мотивы могли играть решающую роль в возникновении антисемитизма, сопоставим весь материал, говорящий о занятиях евреев в древнем мире. Начнем с тех «злокозненных и кровожадных, но зато весьма доходных финансовых операций», на которые указывал Штегелин — с откупа и ростовщичества.

История вопроса о еврейском откупе в Египте весьма интересна и поучительна, благодаря своей типичности. *Aml bai lle pi cherig* — «много (найдешь) недостатков, когда не любишь», гласит мудрая валлийская пословица, и она вполне применима к данному случаю.

В 1899 г. У. Вилькен в своих «*Griech. Ostraka aus Aegypten*» (I, 522) указал, что среди откупщиков податей в Египте было очень много евреев: это он заключил из того, что на черепках (II в. до Р. Х.), представлявших собою расписки в получении нало-

гов, огромный процент сборщиков принадлежит лицам, носящим еврейские (или, по крайней мере, семитические) имена. Если не все семитические имена принадлежат евреям, то, с другой стороны, евреи в эту эпоху часто и охотно носили греческие имена, в особенности, как указал Вилькен (ук. соч. 524, пр. 2), имена сложные с *theos* по большей части принадлежат евреям. Таким обр., одно покрывает другое.

Откуп податей был несомненно позорным занятием, и откупщики податей вызывали справедливую ненависть беднейшего населения. Птоломеевские законы, как, впрочем, и большинство законов других стран и времен, делали откупщика экономически заинтересованным в извлечении тем или иным путем максимума налогов из бедноты и, конечно, этот результат достигался целым рядом несправедливостей, обид и насилий. Конечно, и Штегелин и Блудау должны были ухватиться за этот факт. «Сильное участие в подобных делах», замечает Штегелин (о. с. 37), «не могло повести к ослаблению неприязни народных масс к евреям». Блудау (о. с. 45—46) привлек сюда и евангельских мытарей и стих 64 из VI мимиамба Геронда (действие его происходит, вероятно, в той же Александрии): «Ведь, в каждом доме дверь теперь дрожит в страхе пред сборщиком налогов». Блудау ярко изобразил, как евреям, благодаря их сплоченности и солидарности, удавалось в целых округах заполучать откуп налогов исключительно в свои руки. Правда, для этого требовались большие капиталы, так как откупщики должны были обеспечить государство надлежащим залогом,— но для евреев это, конечно, не составляло затруднения (стр. 31).

Книга Штегелина вышла в 1905 г., книга Блудау в 1906 г., а в 1909 г. тот же У. Вилькен, который впервые выдвинул вопрос об еврейских откупщиках, в своей уже цитированной нами статье «*Zum alexandrin. Antisemitismus*» (788 пр. 3) показал, что из Каирского черепка № 9522, который он, к его глубокому сожалению, не мог использовать в момент выхода *Ostraka*, следует, что огромное большинство евреев (или семитов), принятых им за откупщиков, в действительности,— не откупщики, а арендаторы казенных земельных участков. Впрочем, уже до выхода в свет книги Штегелина и Блудау, в науке было обращено внимание на неправильность сделанного Вилькеном отождествления: по поводу типичного черепка такого рода, № 1255, уже в 1900 г. акад. М. И. Ростовцев (*Wochenschr. f. Klass. Philol.* 1900, ст. 124) показал, что речь здесь идет не об откупщике, а о земледельце.

Таким образом, из числа несомненных откупщиков — семитов только 5; процент ничтожный.

Далее, по сообщению Иосифа Флавия (с. Ар. II, 5), александрийским евреям была вверена охрана речного транспорта. Вилькен (Ostraka I, 283 сл.), очевидно под влиянием указанных черепков, в 1899 г. понимал это место в том смысле, что евреям был поручен не собственно военный надзор, а только контроль над правильным поступлением речных податей и пошлин, а равно и самое взыскание их. Но, как мы увидим ниже (стр. 38—39), евреям ввиду их сугубой благонадежности часто вверялась в Египте внутренняя охрана (жандармерия), так что в толковании Вилькена нет никакой нужды, хотя, конечно, весьма вероятно, что в функции речной полиции входило и взимание податей (Ср. Caesar, Bell. Alex. с. 13).

Итак, если и несомненно, что среди откупщиков были и евреи, то, во всяком случае, ничто не дает нам права говорить о еврейском засильи в этой области.

Перейдем теперь к ростовщикам и содержателям банкирских контор. Что в таком крупном торговом центре, как Александрия, было не мало евреев-ростовщиков и банкиров, не подлежит никакому сомнению. Вилькен (Zum alex. Antisemitismus, 789, пр. 4) прав, замечая, что крупные богатства, бывшие в начале императорской власти в руках некоторых еврейских семей, имели своим источником торговлю и денежные операции. Более того: я готов а priori допустить, что ввиду большей умелости евреев в торговых и финансовых делах вообще, % евреев — ростовщиков и банкиров был несколько выше, чем % неевреев, т. е., что, в то время как евреи составляли $\frac{2}{5}$ населения Александрии, евреи ростовщики и банкиры составляли, скажем, $\frac{3}{5}$ общего числа ростовщиков и банкиров. Но для того, чтобы утверждать, что еврейское ростовщичество вызвало антисемитизм, нужно доказать, либо что преобладающим занятием всего еврейства было ростовщичество, либо что ростовщики были в подавляющем большинстве евреями, либо, наконец, что ростовщичество ставилось евреям в преимущественную вину.

Выступить с первым из этих положений («ростовщичество было преобладающим занятием всего еврейства»), казалось бы, невозможно для всякого, кто знаком с историей еврейства в древности. Неудивительно поэтому, что с таким утверждением выступил не специалист, а дилетант в области древней истории, экономист В. Зомбарт (Die Juden und das Wirtschaftsleben, Leipzig 1911). В научной книге мы в праве были бы обойти

молчанием этот, в сущности, публицистический, хотя и весьма объемистый (476 стр.) труд, если бы положения Зомбарта не были поддержаны (печатно и в частной корреспонденции) таким знатоком истории евреев древности, как А. Бертолет. Поэтому я считаю себя обязанным остановиться здесь на этой книге.

Основа книги В. Зомбарта в сущности метафизическая. Противоположение еврейского мира арийскому основано на противоположности двух первопричин — сахаризма (от слова Сахара, пустыня) евреев и сальванизма арийцев. Евреи искони кочевники, арийцы — земледельцы; в культурном обществе скотоводству соответствует ростовщичество, так как деньги настолько же удобоподвижны и настолько же «любят счет», как стада (sic!). Исходя отсюда, Зомбарт и выставляет положение, по которому в то время, как торговля не была широко распространена среди евреев древности, ростовщичество было преобладающим, характерным занятием всего еврейского народа. Этот априорный взгляд Зомбарт пытается обосновать литературными ссылками, по нашему мнению, однако, ничего не доказывающими.

Первый довод Зомбарта таков: «Исполнилось удивительное благословение, которое следовало бы сделать эпиграфом всякой истории еврейской экономической жизни, то удивительное благословение, в котором выразилась вся судьба еврейского народа, — слова Иеговы: «Господь Бог благословит тебя, как он тебе это возвестил. Ты будешь давать займы многим народам, но ни у кого не будешь брать займы». (Второзак. 15,6). Бертолет (Deuteronomium, 1899, у Marti, Kurz. Handkommentar zum A. T. Abt. 5, стр. 48) делает к этому месту такое примечание: «Это место указывает на такую историческую обстановку в эпоху его возникновения, когда Израиль, как торговый народ, распространился по всему миру и, действительно, благодаря своим денежным операциям, приобрел могущество в мире». Бертолет видит (как он указывает в его любезном письме) во Второзак. 15, 4-6 позднейшую вставку и склонен, именно ввиду того, что слова, по-видимому, имеют предпосылкой широкое распространение Израиля, относить это место к греческой эпохе (после Александра Великого)... Характерным (для евреев) было занятие ростовщичеством, и именно для того времени, к которому Бертолет относит Второзак. 15, 6, справедливо его утверждение, что Израиль, благодаря своим денежным операциям, стал уже играть могущественную роль в мире. Равным образом он вполне

прав, когда толкует в таком же смысле указание Страбона (Jos. Ant. XIV, 7, 2, цит. нами ниже ч. II, 3)... «Ведь, трудно придумать, что еще могло бы означать (Страбоновское) «владычество евреев над миром», как не владычество евреев в денежной сфере; о каком-либо другом виде господства не может быть и речи» (о. с. 369 слл.).

Приведенное Зомбартом место из Второзакония, взятое вне контекста и без сравнения его в другими аналогичными местами, могло бы и самым беспристрастным исследователем быть истолковано, как *vaticinium ex eventu*, как торжествующий гимн победе покорившего весь мир народа ростовщиков. Но, так как и Зомбарту, и его ученому инструктору Бертолету прекрасно известны и контекст этого места, и проливающие свет на это место другие параллельные тексты Библии — напр., на стр. 251 Зомбарт сам мимоходом сопоставляет наше место Второзакония с проливающими на него свет 43 и 44 ст. 28 гл.! — приходится говорить о пристрастном истолковании отдельных мест из контекста, чтобы *per fas et nefas* доказать предвзятое положение — излюбленный прием тенденциозных научных работников (такого же мнения о книге Зомбарта В.-Г. Леви в его рецензии на эту книгу. *Revue des études juives*, 62, 1911, 188; к сожалению, он не приводит отдельных фактов в подтверждение своего взгляда).

Действительно, рассмотрим наше место в его контексте. Здесь говорится о необходимости соблюдения субботнего года: в этот год еврей-кредиторы должны отказаться от взыскания долгов со своих единоплеменников. Далее говорится о той награде, которая ожидает евреев в случае соблюдения ими этого закона: «В твоей среде не будет ни одного бедняка... в том случае, если ты будешь в точности повиноваться голосу твоего бога Иагве и будешь строго соблюдать все те наставления, которые я тебе сегодня даю. Ведь Бог твой Иагве благословит тебя, как он тебе это возвестил. Ты будешь давать займы многим народам, но ни у кого не будешь брать займы; ты будешь господствовать над многими народами, но над тобой никто не будет господствовать».

Зомбарт умно поступил, скромно проглотив вторую половину последней фразы. В самом деле, место это, взятое целиком, очень трудно считать *vaticinium ex eventu*, интерполированным в греческую эпоху. Для этого приходится допустить: 1) что в среде евреев в это время действительно не было ни одного бедняка и 2) что евреи чувствовали себя господами мира в такой мере, что могли открыто заявлять, что над ними никто не господствует. Но это противоречит и частым издевательствам римских поэтов над еврейской нищетой, и тому факту, что вся остальная еврейская литература греческого периода наполнена горькими жалобами на то, что евреи живут рабами у других народов, терпят притеснения и издевательства за свои грехи и т. д. Нужно умышленно вычеркнуть из своей памяти этот лейтмотив всех поздних частей Библии, чтобы допускать хоть на минуту, что евреи греческой эпохи считали себя не рабами, а господами в этом мире!

Все эти соображения и привели меня а priori к выводу, что вырванная Зомбартом из контекста библейская цитата не имела того смысла, какой он хочет в ней видеть, т. е. что выражения «давать» и «брать взаймы» употреблены здесь в некотором другом, переносном смысле. Подтверждение этого взгляда я нашел, просмотрев те места Библии, где встречаются глаголы, имеющие значение «давать взаймы» (⁶bm и lwh; первый глагол — только в нашем месте, второй — в остальных). Особенно интересна для понимания нашего места гл. 28 того же Второзакония ввиду ее полного параллелизма с нашим местом. 28,1-14 представляет собою благословения в случае соблюдения евреями закона, т. е. полную параллель к нашему месту. Совпадения д о с л о в н ы:

«Если ты в точности будешь повиноваться голосу твоего бога Иагве и будешь строго соблюдать все те наставления, которые я тебе сегодня даю... (15,1 = дословно 28,1).

«Ты будешь давать взаймы многим народам, но ни у кого не будешь брать взаймы (15,6 = дословно 28,12 с той лишь разницей, что в первом случае употреблен глагол ⁶bm, а во втором разнозначущий lwh).

«Иагве сделает тебя головой, а не хвостом, ты будешь всегда идти вверх и никогда не будешь спускаться вниз» (28,13).

«Ты будешь господствовать над многими народами, но над тобой никто не будет господствовать» (15,6).

(Разные выражения, но имеющие один и тот же смысл).

Такое дословное совпадение может быть объяснено только одним путем: 15,5-6 и 28,1-12 — две редакции заключительного Божьего благословения, предвозвещаемого евреям в случае соблюдения законов Девтеронимического Сборника, восходящие к одному и тому же прототипу; но в то время, как вторая редакция (28,1-12) при окончательной обработке нашей части Пятикнижия вошла в него полностью, от первой остался лишь жалкий обрывок, попавший вдобавок на ненадлежащее место. Действительно, здесь идет речь о награде евреям за соблюдение всех заключенных во Второзаконии Божьих установлений («если будешь строго соблюдать все те наставления, которые я тебе сегодня даю»); такое увещание естественно и принято в конце (или начале) целого сборника законов (в Иагвистическом кодексе — Ex. 23,20-33, в Жреческом кодексе — Lev. 26,3-45), но оно совершенно не к месту в середине его, после одного из законов, как в нашем случае²⁰. Бертолет и Зомбарт правы, так. обр., считая это место не связанным органически с остальным текстом 15 главы. Но считать это место возникшим в эллинистическую эпоху можно только в том случае, если и 28 глава возникла в это время, так как фраза, послужившая критерием для такой датировки, имеется и в 28 главе и, след., восходит к общему прототипу обоих мест. Но 28 главу нельзя датировать эпохой эллинизма (330 г. и позже) не только потому, что по общепринятому и хорошо обоснованному научному взгляду Пятикнижие получило свой окончательный, нынешний вид уже к концу V века (см., напр., E. Kautzsch, Die Heilige Schrift des A. T., Beilagen², 195), так что в эллинистическую эпоху возможны только мелкие интерполяции, а не вставка целых глав: и самая глава имеет ряд следов древнего происхождения. Напр.,

в ст. 68 Моисей угрожает евреям повторением египетского плена, совсем как Осия. 8, 13. 9, 3. 11, 5. «Действительно, приблизительно в 770-750 гг. Осия угрожал Египтом и Ассирией. Но Ассирия вскоре после этого сошла с исторической сцены: это случилось после смерти Ассурбанипала (скончавшегося в середине VII в. С. Л.). После этого остался только Египет, пока прибл. в 625 г. не появляется на историческую сцену Вавилон. Второзаконие угрожает здесь Египтом, и это как раз подходит ко времени нахождения книги Второзакония при Иосии в 622 году» (А. Мерх, о. с. 149). Далее, позднейшая прагматическая схема еврейской истории такова: грех — наказание (изгнание и рабство) — покаяние — прощение; по такой же схеме строятся и заключительные заветы сборников законов, действительно представляющие собою *vaticinium ex eventu*. Таково, напр., заключение жреческого кодекса — Lev. 26,3 слл.: Если вы будете соблюдать мои заветы — (вы будете награждены) (14 слл.). Если вы их не будете соблюдать — (вы будете наказаны — изгнанием, рассеянием и т. д. — *vaticinium ex eventu*) (40 слл.). Если вы затем раскаетесь, я вас прошу... Но и в бытность вашу в изгнании, я не забуду вас и не уничтожу до конца (44 слл.).

Таково же 1-е вступление к Второзаконию (4,25 слл.), представляющее позднейшую добавку к основному ядру Второзакония: Вы согрешите — Я изгнано вас из вашей страны за Иордан — Вы покаетесь, Иагве милосерд: он вас помилует. Совершенно таков же характер и второго заключения к Второзаконию (29,10—30,10): Вы согрешите (29,17 слл.), Иагве вас покарает (29,20-27), рассеет между народами (30,1); вы покаетесь (30,1-3), Иагве простит вас и вернет из изгнания (30,4 слл.)²¹.

По совершенно иному образцу составлено первое заключение (наша 28 глава) и второе вступление к Второзаконию (11,13-16), справедливо относимое большинством ученых к основному ядру Второзакония. Здесь резко и симметрично противопоставлены друг другу награда в случае исполнения и наказание в случае невыполнения заветов Иагве: «И вот я кладу перед вами ныне и благословение и проклятие: благословение, если вы будете повиноваться заветам Иагве, и проклятие, если вы не будете повиноваться» (11,26). Здесь — не *vaticinium ex eventu*; здесь нет речи ни о каком покаянии. Еврейскому народу ставится резкая дилемма: или то, или другое — никакого компромисса. Действительно, мы видели, какие награды обещаны еврейскому народу в первой части 28 главы в случае исполнения Божьих заповедей; во второй ее части совершенно симметрично расположены проклятия. Там обещано господство над другими народами, здесь — рабство у других народов (ст. 37; таким обр., и здесь нет необходимости видеть *vaticinium ex eventu*), там — плодородие, здесь — неурожай. Там говорилось: «Ты будешь давать займы многим народам, но ни у кого не будешь брать займы. Иагве сделает тебя головой, а не хвостом, ты будешь всегда идти вверх и никогда не будешь спускаться вниз». Здесь мы читаем: «Чужеземец будет идти все выше и выше, а ты будешь спускаться ниже и ниже; он будет давать тебе займы, а ты не будешь давать ему займы; он будет головой, а ты хвостом» (28,43-44). Ни о каком раскаянии нет и речи: проклятия предрекаются на вечное время, пока евреи не будут окончательно уничтожены — «вплоть до твоей окончательной гибели» (ст. 22); «вечно» (ст. 29. 33), «пока ты не будешь уничтожен» (ст. 45. 48. 51). Фатер (Abh. uber Moses und die Verf. des Pentateuch., § 28), Граф. Драйвер (An

introduction to the literature of the Old Testament, Edinb. 1898, 72. 95¹), Каутцци (о. с.) и др. справедливо поступили, отнеся 28 гл. (равно как и 11) к ядру Второзакония, возникшему уже в 621 г., и считая главы 4,29,20—30,20 более поздней прибавкой. Правда, в 28 гл. есть отдельные места, пожалуй, содержащие намеки на Вавилонский плен (так, напр., «народ, неизвестный Израилю», куда будет уведен еврейский царь — ст. 36, — по-видимому, вавилоняне, — ср. 2 Цар. 25, 7. 24, 12. 25, 27 и под. в ст. 37—64); тем не менее, Велльгаузен (*Die Composition des Hexateuchs*², Berl. 1889, 352) не прав, считая всю 28 главу поздним продуктом (однако и он считает ее возникшей никак не в греческое время!); ввиду выдвинутых нами соображений, необходимо согласиться с А. Мерксом (о. с. 73), что 28 глава в основе — дополненная, но отдельные интерполяции составлены во время плена или вскоре после него.

Если 28 глава относится к этому времени, то, как мы видели, приходится относить к той же эпохе и заинтересовавшее нас место в 15 главе. Единственным спасением для гипотезы Бертолета и Зомбарта было бы считать позднейшей интерполяцией только выражение о «займе». Но это выражение встречается в трех аналогичных местах (15,6; 28,12; 28,43), причем первое из них попало не на свое место и извлечено нами случайно. Нелепо представлять себе, что интерполятор эллинистической эпохи разыскал эти три места и сделал всюду совершенно одинаковую интерполяцию (лишь изменив ее 28,43, согласно контексту, в отрицательную форму).

Несомненно, гипотеза Зомбарта должна отпасть.

Но, возразят мне, пусть о «займе» здесь говорится в переносном смысле: не свидетельствует ли самая эта метафора об особой склонности древних евреев к денежным гешефтам (как полагает Зомбарт, о. с. 254)?

Это не так. По общераспространенному в древности взгляду божество дает в удел праведным и богобоязненным людям счастье, а грешникам — несчастье. Счастье понималось в житейском смысле — в смысле богатства, несчастье — в смысле бедности. Правда, в еврейской литературе встречаются изредка протесты против такого взгляда — в Псалмах, Притчах, Премудрости Соломоновой, изречениях Иисуса с. Сирахова и т. п., и, прежде всего, таким протестом является вся книга Иова. Но, конечно, эти поздние протесты — исключение; господствует указанный взгляд, по которому праведный = благочестивый = счастливый = богатый. Я не буду приводить примеров: они собраны у Драйвера (о. с. стр. 409 с прим.) и у Зомбарта (о. с. 250 слл.). Но если Зомбарт делает отсюда заключение об особо меркантильном характере специфической нравственно-религиозной психологии древних евреев, то это объясняется только его невежеством в области греко-римской культуры. Стоит заглянуть в греческий и латинский словарь²², и мы увидим, что отождествление — праведный = благочестивый = счастливый

= богатый не есть особенность евреев; оно характерно для всего древнего мира. И в еврействе, и в греко-римском мире в эпоху культурного расцвета появилась сильная оппозиция против такого взгляда и вела борьбу с этим взглядом до тех пор, пока в христианской морали новый взгляд не получил официального признания. Появился новый способ говорить о нравственности, ничуть, однако, не повлияв на повышение нравственного уровня по существу.

Как же мотивировали древние свой взгляд, по которому богатство равнозначно праведности, а бедность — преступности? Мотивировка очень простая. Бедный, не имея возможности удовлетворить свои необходимые потребности, принужден, прибегая к услугам других, становиться зависимым человеком, полурабом; если и этот путь не дает ему возможности просуществовать, он принужден снискивать средства к пропитанию путем преступления.

Но не только праведным, но и счастливым он быть не может; счастье состоит не только в удовлетворении необходимых потребностей, но еще и в сознании своей независимости и влияния, праведности и благочестия. Преимущество богатого и состоит как раз в том, что у него по удовлетворении всех потребностей остается излишек. Давая этот излишек в ссуду ближним, он ставит их в зависимое положение и становится господином. Мало того, своими ссудами он спасает ближних от голодной смерти и, следовательно, благодетельствует их; таким образом, благодаря этому излишку он без большого труда становится благочестивцем и праведником. Следы такой психологии мы найдем и в греческом языке. Для понятия «давать займы» грек пользуется глаголом *khrao*, означающим в широком смысле «приносить пользу, пользоваться, давать кому и на пользу», так что один и тот же глагол означает и «давать деньги под проценты» и «давать добрый совет» и «давать предсказание, оракул» (о боге). Глагол *khraomai* — в широком смысле «извлекать пользу, пользоваться чем-либо» — также одновременно означает и «брать деньги под проценты» и «получать оракулы». Одним словом, дающий деньги займы — благодетель, получающий займы — благодетельствуемый. Еще выпуклее и ярче это словоупотребление в позднем греческом языке, во многом сохранившем народное, не литературное словоупотребление древней эпохи²³.

Не иначе было и у древних евреев. Сказать о человеке «он дает займы», это то же, что назвать его и независимым, и влиятельным, и счастливым, и праведным, и благочестивым.

Это — очень распространенная метафора именно потому, что она очень прегнантная.

Ср. Псал. 37,21: Безбожник берет займы и не платит, благочестивец мягкосерд и дает займы.

Псал. 112,5. Блажен тот, кто милосерд и дает займы, кто во всех своих делах руководится справедливостью.

Притч. 19,17: Кто жалеет бедного, т о т д а е т з а й м ы Б о г у, и за его доброе дело ему будет воздано.

Притч. 22,7: Богатый — господин над бедным; берущий займы — слуга займодавца.

Теперь понятно, что значит (Deut. 15,6 = 28,12): «Ты будешь давать займы многим народам, но ни у кого не будешь брать займы», — это почти синоним следующей фразы: «ты будешь господствовать над многими народами, но над тобой никто не будет господствовать», но здесь есть еще и добавочный оттенок: «у тебя будет избыток, ты будешь счастлив, праведен и благочестив». Понятно и проклятие 28,37: «чужеземец будет давать тебе займы, а ты не будешь давать ему займы»; это значит: чужеземец будет господином, чужеземец будет счастлив, а ты будешь несчастным рабом.

Другим опорным пунктом для Зомбарта (стр. 370 слл.) служит место Неем. 5, 1 слл., из которого видно, что в Палестине беднота попала в кабалу к богачам за долги, лишившись своих земель. Отсюда Зомбарт делает вывод, что все еврейство делилось на две половины: ростовщики и притесняемые ими сельские рабочие. Не говоря уже о произвольности такого вывода, Зомбарт сам подрывает его убедительность тем, что (к сожалению, в другом месте книги, на стр. 374) указывает: «великие земельные реформы в Греции и Риме ясно показывают, что в этих странах по временам дело обстояло как раз так, как в Палестине во время Неемии». Напрасно только Зомбарт старается уверить нас, что в Греции и Риме главными ростовщиками были не частные лица, а храмы: Солону и Гракхам пришлось, как известно, бороться не с храмами, а с частными займодавцами.

Если место Неем. 5,1 не доказательно, то тем не менее а ргюі надо считать правдоподобной гипотезу Зомбарта: если не в эпоху Неемии, то короткое время спустя зажиточные люди в Палестине были по преимуществу ростовщиками. Однако это объясняется отнюдь не специфическими особенностями евреев. Когда та или иная страна по тем или иным причинам теряет свое торговое и промышленное значение, ее капиталисты

вынуждены или выехать в новые торгово-промышленные центры, где на свободный капитал больший спрос, или, оставаясь внутри страны, заняться ростовщичеством, ссужая деньги не-торговому земледельческому населению под залог земли. В таком положении оказалась Палестина, когда сухопутная торговля была вытеснена морской и роль торговых посредников между Египтом и Персидской монархией перешла от евреев к финикиянам и грекам. Этот экономический упадок Палестины должен был еще далее прогрессировать при диадочах, когда центром мировой торговли стала Александрия, когда в Сирии возникли крупные торговые города, когда Палестина стала страной постоянных войн между Сирией и Египтом, так что ее географическое положение из выгоды стало ущербом²⁴. Значительная часть еврейских капиталистов выезжает в Александрию и другие бывшие новой жизнью торговые центры; оставшейся в Палестине наименее предприимчивой части капиталистов остается заняться только ростовщичеством хищнического («кулаческого») типа²⁵. Повторяю, здесь не может быть речи о специфических особенностях евреев²⁶.

Далее, подтверждение своего взгляда, по которому евреи были нацией ростовщиков, Зомбарт (стр. 377) видит в тонко разработанной терминологии и систематике заемного дела в Талмуде. Так как Талмуд возник уже в 200 до Р. Х.— 500 по Р. Х., то Зомбарт считает евреев изобретателями заемной техники и обязательственного права. Соответственно этому он (стр. 69 слл.) видит в евреях средневековья изобретателей банковских чеков и долговых обязательств, действительных на предъявителя. Если бы Зомбарт был знаком с картиной эллинистической жизни, открывшейся нам из папирусов, он увидел бы, что античный мир обладал сложной и развитой системой долговых отношений: был прекрасно организованный нотариат, банковские чеки принимались к уплате наравне со звонкой монетой, формула «на предъявителя» была в большом ходу и т. д.²⁷. Таким образом, евреи не были изобретателями долгового права, а только в этом, как и в некоторых других случаях, сохранили для средневековья кое-какие жалкие остатки античной культуры.

Наконец, Зомбарт, ссылаясь почему-то на первое издание «Апостолов» Э. Ренана (1866 г., ныне книга вышла 11-м изданием), говорит, что в Риме раздавались жалобы на еврейское шахер-махерство (стр. 372). В имеющемся у меня 11 изд. книги Ренана я такого указания не нашел; равным образом, оно мне неизвестно и из римской литературы. Но любопытен тот вывод,

который делает Зомберт из этого утверждения: «В римском мире богатые евреи дают займы царям, а беднейшие — низшим слоям населения». Тщетно мы будем искать у Зомбарта обоснования особенно интересной для нас второй половины этого утверждения; ни одного указания на широкое распространение среди евреев мелкого ростовщичества от древности не дошло; еврей-банкир упомянут только в Par. Fay. 100 (99 г. по Р. Х.), а еврей-ростовщики в папирусе BGU IV 1079, о котором я скажу несколькими страницами ниже.

Но если нет данных для утверждения, что среди евреев преобладали ростовщики, то не удастся ли доказать, что среди ростовщиков древности преобладали евреи? По этому пути пошел Блудай (о. с. 6. 7), который в подтверждение своего взгляда мог сослаться только на арамейские документы из Элефантины, восходящие еще к эпохе персидского владычества над Египтом, к V веку до Р. Х. В его время эти документы были еще только что опубликованы, ныне они прекрасно изданы (с комментарием, переводом и пр.) Эд. Захау (*Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdisch. Militärkolonie zu Elephantine, Leipzig, 1911*); русский перевод и комментарий важнейших документов можно найти у И. М. Волкова в его книге «Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р. Х.» (Москва, 1915 г.).

На эти документы ссылался уже Магаффи (*Mélanges Nicole, Genève, 1905, p. 659—662*) и ввиду того, что, напр., в документах №№ 28, 29, 35 собрания Захау (VII, VIII, XV и XVII в русской книге И. М. Волкова), а равно и в нескольких других документах речь идет о денежном займе, выданном евреями, замечал: «Подобно тому, как евреи являются банкирами для большей части наций современной Европы, так они были уже и тогда до известной степени банкирами Египта». Однако более внимательное рассмотрение этих еврейских папирусов, сплошь происходящих из еврейской военной колонии Элефантины, показало, что не только займодавцы, но и должники в этих документах — сплошь евреи (или, по крайней мере, семиты). Да и вообще странно было бы представить себе, что маленькая еврейская колония на Элефантине, расположенная на далекой и дикой окраине, могла бы служить банкирским домом для всего Египта. В наших документах мы имеем дело с мелкими денежными займами в н у т р и еврейской общины; нет никакого основания думать, чтобы дающие ссуду были профессиональными ростовщиками, но если бы даже это было так, то эти лица, обслуживавшие только свою общину, не могли оказать никакого влияния на усиление антисемитизма²⁸.

Неудивительно, что тот же Блудай (о. с. 33) принужден в заключение с удивлением заметить: «Знаменательно, что (несмотря на приведенные Блудай порочащие евреев факты!) юдофобы древности никогда не бросали евреям прямого обвинения в ростовщичестве». Действительно, александрийский журналист Апион, нагромоздивший в своей работе одну на другую все существующие и несуществующие провинности евреев, никак не обошел бы такого явления. Впрочем, уже после выхода в свет книги Блудай, с появлением в печати папируса BGU (Berl. Griech. Urkunden) IV, 1079, положение вопроса существенно изменилось. Этот папирус представляет собой адресованное в 41 г. по Р. Х. в Александрию письмо купца Серапиона к его разорившемуся коллеге Гераклиду. Он советует Гераклиду занять денег, но при этом прибавляет: «остерегайся евреев» (*blepesaton apo ton Ioudaion*). Вилькен после ошибочно возведенной им на евреев напраслины по поводу откупа, проявляет уже чрезмерную осторожность. Так, по его мнению (*Zum alex. Antisemitismus*, 791—792), все дело здесь в еврейском восстании, вспыхнувшем за короткое время перед тем, после вступления на престол Клавдия; здесь мы имеем «свежую ненависть» и, таким образом, первую роль здесь играют политические причины. Это объяснение ни к чему не нужно. Письмо написано в эпоху, когда, независимо от еврейского восстания, александрийский антисемитизм достиг своего кульминационного пункта. Незадолго до этого подвизались в александрийской литературе Апион и вся плеяда александрийских антисемитов. Мы скоро увидим, что эти писатели пустили в широкое обращение существовавшее уже до них представление, что еврейская религия предписывает соблюдать правила нравственности только по отношению к соплеменникам, по отношению же к иноземцам она предписывает обратное, не оказывать никаких услуг (не показывать дороги, не давать воды) и причинять им всяческий вред и огорчения. Взгляд этот укоренился в эллинском обществе, и поэтому фразу «остерегайся жидов» мы могли бы найти и в том случае, если бы речь шла о еврейском портном, а не только о ростовщиках²⁹. Во всяком случае, нам справедливо указывает по поводу этого папируса Вилькен (о. с. 790), «во всей антисемитской литературе мы не встречаем ни одного упрека в ростовщичестве» и потому, если еврейских ростовщиков и ненавидели, то как евреев, с одной стороны, и как ростовщиков, с другой, а не как особо злостных еврейских ростовщиков.

Шлаттер (*Israels Geschichte*, Stuttgart. 1907, 182) и Штегелин (о. с. 36) из указания Страбона XVII, 1, 15 сделали произвольный

вывод, будто евреям принадлежала в Александрии монополия папирусной торговли. Шюрер (Theol. Lit. Zeit. 1905, 587 слл.) и Блудай (о. с. 32) справедливо опровергают этот домысел; Блудай резко обзывает его «праздной фантазией». Вот что пишет Страбон: «Лица, желающие увеличить доход (от продажи папируса) применяют на египетской почве ловкий иудейский прием, который последние ввели в дело при разведении финиковой пальмы, грецкого ореха и бальзама: евреи (в Палестине) нарочно не взращивают этих растений в большом числе, чтобы, вследствие недостатка продукта, можно было назначать высокую цену и таким образом увеличивать свои доходы, принося вред общему делу». Здесь нет ни слова о монополии вообще и о разведении евреями папируса в Египте в частности, а только для сравнения привлекаются еврейские садоводы в Палестине. Даже Штегеллину, по-видимому, было неловко выступать с таким обвинением, и он вместо всяких доказательств стыдливо цитирует... личное письмо Шлаттера (о. с. стр. 36, пр. 6). Привожу этот факт, как характерный образец неразборчивости ученых, когда в дело замешан антисемитизм³⁰.

Из других порочащих честь занятий евреям ставится в вину нищенство (Клеомед, fr. 121 R, I век до Р. Х., Марциал, Epigr. XII, 57, написанная в дек. 101 г., Ювенал, сатира III, ст. 10 сл., нач. II в.). Однако более внимательное чтение этих мест и сопоставление их, напр., со ст. 542 слл. VI сатиры Ювенала показывает, что здесь речь идет не о собственно нищих, а о всевозможных полупроповедниках, полудержимых, полушарлатанах, которых было очень много среди представителей всех импортированных в Рим из Малой Азии и Сирии религий. Эти евреи и еврейки толковали римлянам еврейскую религию, говорили проникновенно о грядущей Божьей мести неверным и награде верующим, о всевозможных видениях и вещих снах. Нищими их называли потому, что в противоположность своим собратьям, жрецам богини Кибелы, они довольствовались мизерным, нищенским даянием за свои религиозные поучения.

Действительное недовольство окружающего населения вызывало не то, что евреи занимались ростовщичеством и откупом податей, а то, что они часто достигали высоких должностей по служебной лестнице. При наиболее юдофильски настроенном царе Птолемеи VI Филометоре верховными главнокомандующими были евреи Ония и Досифей (Jos. c. Ap. II, 5), что вызывало возмущение в антисемитской литературе (ниже ч. II, 1). После смерти этого царя во время междоусобной борьбы царица

Клеопатра III Кокка назначила главнокомандующими снов двух евреев Хелкию³¹ и Ананию (Jos. Ant. XIII 10, 4, 13, 1-2). Позже высокую должность алабарха занимал племянник Филона Александр, впоследствии принявший эллинизм, и Деметрий (Jos. Ant. XVIII, 6, 3; 8, 1, XIX, 5, 1, XX, 7, 3 и др. м.; ср. Шюрер, *Gesch. d. jüd. Volkes*, III⁴ 132 с пр. 42). Но наиболее часты указания на службу евреев во внутренней охране, в своего рода жандармерии и чрезвычайках древности. Ввиду особой преданности евреев правительству в некоторые эпохи их истории (о причинах этой преданности будет сказано ниже стр. 54) их особенно часто и охотно назначали на эти должности. Уже в V в. до Р. Х. на юге Египта, в Элефантине, стояло «иудейское войско», игравшее не столько роль казачества, сколько жандармерии. Действительно, если во время первого водворения сюда еврейского гарнизона и имелись в виду нападения из Нубии, то впоследствии эта опасность в значительной мере миновала («и в задачу элефантинского гарнизона входила, кроме охраны нубийской границы, также охрана спокойствия и порядка во всем нижнем Египте» (И. М. Волков о. с. стр. 41 с пр. 1). «Элефантинские иудеи, состоявшие на персидской военной службе, были в глазах египтян ярким конкретным выражением этого ига: ни для кого не было тайной, что гарнизон служил не только для нужд высшей обороны, но и для поддержания спокойствия среди пограничных подданных-египтян» (И. М. Волков там же 71). Затем, как мы видели выше (стр. 26), в руках евреев находилась нильская речная жандармерия. Точно так же во главе Сиенской речной полиции, как мы видим из черепков, приводимых Вилькеном (*Ostraka* I, 273, № 302-304; такой же черепок имеется в петербургской коллекции Голенищева, изд. Г. Ф. Церетели в *Arch. f. Papyrussf.* V, 177 № 28), стоял Антоний Малхей, очевидно, еврей, получивший римское гражданство; может быть, и весь подчиненный ему отряд речных жандармов состоял из евреев. Далее в уже цитированной надписи Dittenberger OGIS. 96 в Африбисе синагогу сооружают Птоломей, сын Эпикида, начальник филакитов (охранников, жандармов)³² и еврейская община. Очень вероятно предположение Шюрера (*Gesch. d. jüd. Volkes*, III⁴, 132 пр. 40), что и весь этот отряд жандармерии состоял из евреев; подобно тому как еврейскую общину Элефантины составляло почти исключительно крепостное еврейское казачество, так и под еврейской общиной Африбиса могли разумеаться преимущественно филакиты из жандармского отряда³³. Из папирусов и над-

писей мне удалось установить занятия 91 еврея. Из них 2 военных (Ох. IV, 735) и 16 (18%) чиновников, в том числе на полицейской и жандармской службе 6 (кроме ук. надп.—BGU. 6. 1046. Ох. I, 43). В списке ситологов (казначейских чиновников, принимавших хлебную подать) какого-то фаяумского городка (BGV 715, 101-2 г. по Р. Х.) из 25 лиц 7 евреев!

Если служба евреев в жандармерии должна была вызывать и вызвала справедливое недоверие со стороны местного населения, то нигде мы не встречаем столь характерного для нынешних антисемитов возмущения по поводу торговых склонностей евреев. Вообще документального материала о еврейской торговле, к сожалению, очень мало, что давало возможность ученым выступать с самыми различными взглядами по этому поводу. Пока в европейской науке господствовало феодально-аристократическое направление и торговля считалась позорным делом, никто не сомневался в том, что евреи древности были нацией торговцев *par excellence*. Но *tempora mutantur*: пришло время, когда Германия стала видеть всю свою гордость в торговых победах на мировом рынке. Немец В. Зомбарт (о. с. 366—367) выступает с взглядом, по которому евреи древности вовсе или почти не занимались столь благородным делом, как торговля; они были сплошь ростовщиками. В доказательство своего взгляда он приводит два факта: 1) в эллинистическую эпоху посредниками между Грецией и Востоком были сами греки, финикияне и сирийцы, но никак не евреи (со ссылкой на В. Büchschütz, *Besitz und Erwerb im griechischen Altertum*, 1869, 443 слл.), 2) Иосиф Флавий (с Ар. I, 12) говорил: «Мы не населяем приморской страны и не занимаемся морской торговлей или вообще торговлей». Нетрудно видеть, что доказательства эти неубедительны: и в первом (Палестина лежит на пути из Греции на Восток) и во втором случае («мы не населяем приморской страны») речь идет не о еврействе диаспоры, которое нас здесь интересует, а о палестинском еврействе; причины же, почему Палестина в эллинистическое время потеряла всякое торговое значение и почему оставшиеся в ней капиталисты принуждены были стать ростовщиками, выяснены нами выше на стр. 34. И наоборот: еврейская наука, следуя аристократическим взглядам окружавшего евреев общества, с Талмудических времен до последнего времени старалась представить евреев древности исключительно земледельческим народом³⁴. Наоборот, в последнее время, когда занятие торговлей

стало рассматриваться, как самое распречтенное и патриотическое дело, немецкий еврей, главный брауншвейгский раввин Л. Герцфельд выступает с книгой «Handelsgeschichte der Juden des Altertums» (Braunschw. 1879), где старается представить евреев древности «народом честных купцов».

Оба эти взгляда, несомненно, представляют крайности. Конечно, уже один тот факт, что евреи селились преимущественно в крупных торговых центрах и что отдельные евреи стали обладателями крупных богатств (см. материал, собранный у Герцфельда, о. с. 237 и у Зомбарта о. с. 379), указывает на значительную роль евреев в мировой торговле. Но, с другой стороны, исключительные торговые дарования греков и римлян и чрезвычайно редкое появление еврейских имен в дошедших до нас многочисленных торговых документах эллинистического мира не позволяют думать, что роль евреев в торговле была преобладающей.

Документальный материал о торговле евреев древности сводится к следующему:

1) В папирусе Pap. Oх. X, 1281 (21 г. по Р. X.) упоминается Иосиф, по-видимому, крупный торговец льняной тканью, сдающий ткачу заказ на 100 кусков льняной материи; другой такой же торговец (linopolos) упоминается в надгробии из малоазиатского Тарса (Quarterly Statement, 1900, p 122; Schürer, o. с. 23).

2) В поучительном историческом романе, известном под названием III кн. Маккавеев (см. ниже стр. 59) рассказывается, что во время преследований евреев укрывали у себя в домах их соседи, друзья и сотоварищи по торговым компаниям (sympragmateuomenoi, III, 10).

3) Из сообщения Филона (Flacc. 8, leg. ad Galum, 19) о застое в морской торговле из-за погрома в Александрии и о насилиях, чинившихся над владельцами прибывающих еврейских кораблей, можно заключить о значительной роли евреев в морской торговле.

4) В уже цитированной надписи Dittenberger OGIS 74 и 73, содержащей посвящение богу евреев Птолемея, сына Дионисия, и Федота, сына Дориона, за спасение на море, можно заключить, что это были купцы, совершившие далекое морское путешествие.

5) Что касается мелкой внутренней торговли, то здесь документальные данные еще более малочисленны. В папирусах Flinders Petrie II № 28 II, VIII, IX и XI; III № 66 IV фигурируют торговцы маслом Феофил и Пиррий из Самарии. (Из папируса Р.

Grenf. I, 43 ни в каком случае, как мы увидим ниже, нельзя заключать, что продавец упоминаемой в нем лошади был евреем).

Далее, несомненно, внушительный процент евреев занимался свободными профессиями, в частности, наукою — еврейской и общегреческой. Необыкновенная склонность евреев к чисто теоретическим беседам и рассуждениям — было первое, что привлекло интерес греческих ученых к евреям. Древнейшее греческое свидетельство о евреях — это указание Феофраста (fr. 6 § 1 R), называющего евреев расой философов. «В течение всего периода жертвоприношений», говорит он, «эта раса философов не перестает беседовать между собой о божественных предметах». Живший также в III в. до Р. Х. ученик Аристотеля Клеарх из Сол (fr. 7 R) прямо считает евреев не народом, а философской школой: «В Индии философов называют каланами, а в Сирии — иудеями». Мегасфен, писавший в начале II в. (fr. 8 R), говорит: «Обо всем этом сообщается в творениях внегреческих философов — индийских браминов и сирийских иудеев». Относительно более позднего времени мы имеем свидетельство тем более ценное, что оно исходит из уст заядлого антисемита Флакка в бытность его наместником в Александрии (в 37 г. по Р. Х.). В своей речи к евреям он, между прочим, говорил: «Если случится вторжение неприятеля, наводнение и т. п., останетесь ли вы сидеть в ваших кружках, спокойно читать ваши священные книги и держать длинные речи по вопросам вашей религии? (Philo, de somniis, 2, 18). В литературе этого времени евреи принимают живейшее участие. Александрийскими евреями созданы не только почти все библейские апокрифы и греческий перевод Библии, но, вероятно, и некоторые более поздние части самой Библии. В Египте создавалась богатая апологическая литература (наряду с псевдографическими произведениями, выпускавшимися под именем греческих ученых — Псевдогекатея, Псевдоаристея, еврейской Сивиллы и т. д.). Евреи подвизались также в истории и изящной литературе. Общеизвестно также значительное участие евреев в греческой науке и философии этого времени. Если прибавить сюда еще то, что целый ряд лиц занимался специфически-еврейской экзегетической научной работой, то станет ясно, что целый ряд евреев всецело посвящал себя, как и впоследствии, литературной деятельности, живя или доходами с литературного труда или на средства общины, или на доходы с капитала или, наконец, на доходы жен.

Самой излюбленной евреями свободной профессией была медицинская деятельность. У знаменитого врача древности Цельса приводятся два рецепта, предложенных еврейскими врачами (Celsus, de medicina V, 19, II, 22, 4). Две надгробные надписи из Эфеса (цит. у Шюрера *Gesch. d. jüd. Volkes* III⁴ 15), относящиеся к II — III в. по Р. Х., упоминают еврея-врача мар Моисея (мар — ученый титул соответствующий нынешнему «магистр» или «доктор») и еврея архиатра Иу (лия?). «Архиатр» — «главный врач» — это городской врач, пользующийся освобождением от всех тягот (Schürer I, с.); их было от 5 до 10 в каждом городе. Еврей-архиатр засвидетельствован также для Венозы (Ascoli, *Iscrizioni* 1880, № 10). Еврей-актер при дворе Нерона упомянут у Иосифа (Vita, 3); еврейка-актриса в одном римском надгробии (Vogelstein-Rieger, *Geschichte der Juden in Rom*, т. I, стр. 61, № 33); там же (№ 30) упомянут еврей-живописец; у Марциала (XI, 94) — еврей-поэт; в папирусе Р. Ох. II 276 — капитан коммерческого судна.

Немало евреев занимались также земледелием. Из указ. 91 евреев, упоминаемых в сопост. мною папирусах и подписях, земледелием занято 41 (45%)³⁵, в том числе крупных земледельцев — 3, мелких — 34, батраков — 4. Процент этот в ы ш е д е й с т в и т е л ь н о г о, так как поземельная подать вносилась прямо, а налоги на городские промыслы сдавались на откуп.

Еврей-арендатор крупного помещичьего имения засвидетельствован, как типичное явление для очень поздней эпохи, для IV в. по Р. Х., Рутилием Намацианом (de *reditu suo*, I, 377 слл. = fr. 215 R).

Но, конечно, земледелием занималась только меньшая часть еврейского народа. Огромное большинство евреев занималось ремеслами. Правда, о них по указанной причине (Wilcken, *zum alex. Anteseinit.* 789 пр. 3) нет упоминаний в документальных памятниках, зато в древнейших частях Талмуда при описании пышности большой александрийской синагоги авторы между прочим говорят и о том, как размещалась сидевшая в ней публика. Публика сидела, рассказывается здесь, не попеременно, а золотых дел мастера сидели отдельно, серебряных дел мастера — отдельно, оружейники отдельно, медники отдельно, ткачи отдельно (Sukka 51 b, j. Suk, V, I сл. 20 a, Tosefta Sukka, ed. Zuckermann 198). Необходимо заметить, что в древности ремесла считались куда менее почетным занятием, чем торговля, и потому называть себя ремесленниками в целях самовозвеличе-

ния евреям не было никакого смысла. Вдобавок, о прихожанах большой синагоги в Талмуде говорится только между прочим, как об одной из подробностей синагогальной обстановки. Поэтому мы можем смело пользоваться этим указанием и придти к выводу, что в Александрии, как и в других местах, большинство еврейского населения занималось ремеслами, причем из них особенно культивировались и были в особенной чести тонкие ремесла — ювелирство и т. д. Что касается «ткачей», то и здесь имеются в виду представители тонкого художественного ткацкого искусства. Ср. Клавдиан, in *Eutropium* I, 357:

...увиджу

Ракушек витых, с людьми сопряженных, и кучу индийских
Выдумок праздных — обычный рисунок ковров Иудейских.

Блудай (о. с. 30), сопоставив оба эти места, приходит к справедливому выводу: «В древности славилась и имела широкий сбыт пестро разрисованные шерстяные изделия египетской ткацкой индустрии, в том числе ценные ткани с вышитыми фигурами зверей и людей и даже с целыми сценами, употреблявшиеся как ковры и как накидки на кровати. Бирт (*Rhein. Museum*, N. F. Bd. 45, 1890, 491—93) сопоставляет указанное место Клавдиана с выражением Плавта (*Pseudol.* 1, 2, 14): «александрийские ковры, разрисованные раковинами и зверями» и полагает, что и здесь речь идет о фабрикатах александрийских евреев (ср. упом. выше евреев-торговцев льняной тканью). Наконец, в папирусах фигурирует и городской еврейский пролетариат: 2 кормилицы (BGU 1106, 1153) и 3 раба (*Pap. Petr.* II, 23, *Mitteis*, *Chrest.* II, 2, 272, *Pap. Ox.* IX 1205).

Таким образом, из всех занятий евреев им ставилось в вину только занятие государственных должностей; из этих занятий позорными должны были считаться у местного населения только служба в учреждениях внутренней охраны. Так как враждебность к евреям, состоящим на государственной службе, вызывалась особыми причинами, которых нам придется подробно касаться во второй части книги, и так как на государственной службе состоял только небольшой % евреев, то в общем мы должны сказать, что сам по себе род занятий евреев никакой роли в развитии антисемитизма не играл.

Но может быть, антисемитизм вызывало не то, чем занимались евреи, а то, как они занимались тем или иным делом?

На этот путь и пытались стать авторы трудов об антисемитизме в древности. Эти ученые обвиняют евреев древности

в кровожадности, корыстолюбии, коммерческой недобросовестности и простой нечестности (в воровстве и т. д.).

Брошенное Штегелином (о. с. 37) обвинение в кровожадности совершенно голословно. «О кровожадных финансовых делах, в которых Штегелин обвиняет евреев Александрии, мы, однако, не имеем никаких сообщений», пишет Блудай (о. с. 46), настроенный отнюдь не юдофильски. Точно так же и корыстолюбие евреев не служило, по-видимому, причиной антисемитизма. Такого рода обвинение раздается в п е р в ы е только в V в. по Р. Х., когда мы читаем у Рутилия Намациана (*de reditu suo*, I, 385—386 = fr. 215 R, речь идет о еврее-арендаторе):

Счет представляет он нам за помятые травы и лозы...
Каждую каплю воды в крупную сумму считал.

Гораздо настойчивей выдвигалось в научных трудах обвинение евреев в коммерческой недобросовестности. При этом исходили из трех документов:

1) из письма II в. до Р. Х. Pap. Grenf. I 43 (= MW57), где якобы какой-то еврей, имя которого пишущему неизвестно (раньше это имя неправильно читалось «Даниил»), позволил себе мошенничество при продаже лошади (Stähelin, о. с. 36, Bludau, о. с. 29 и 45),

2) из прошения в суд III в. до Р. Х., Pap. Magdola 35, где гречанка жалуется, что еврей Дорофей стащил у нее платье и спрятал его у хазана еврейской синагоги (Wilcken, *zum alex. Antisemit.* 789, Bludau о. с. 45) и

3) из такого же прошения III в. до Р. Х. Pap. Magdola 15, где парикмахер-араб жалуется, что некий Малих (судя по имени еврей) не заплатил ему причитающихся денег (Wilcken, о. с. 789 с пр. 7).

Допустим на минуту, что вина лиц, упомянутых в этих документах, доказана. Что же мы сможем из этого заключить? Что среди евреев древности были и недобросовестные люди. Но это само собой понятно и не нуждается в доказательствах. Показательно было бы, если бы среди документов об уголовных преступлениях в подавляющем проценте обвиняемыми были бы евреи. В действительности, как раз наоборот: евреи составляли 1/7 населения всего Египта (1 миллион из 7) и 2/5 населения главного города Александрии (200 тыс. из 500). Между тем соответствующие нееврейские документы (о краже, мошенничестве и т. д.) из Египта дошли во множестве, тогда как еврейских только 3. Поэтому Вилькен (о. с. 790) справедливо замечает, что

«ничего не может быть несправедливее, чем обобщать эти отдельные случаи или, с другой стороны, закрывать глаза на то, что как раз относительно греков и египтян нам также документально сообщается много случаев обмана, кражи и т. д.». Точно так же и Блудай, для которого тот факт, что евреи древности были мошенниками, несомненен, с изумлением отмечает (о. с. 33), что прямое обвинение в коммерческой недобропорядочности никогда не выдвигалось юдофобами древности против евреев, и утешается лишь тем, «что в недобропорядочности и коммерческой ловкости трудно было превзойти греков и сирийцев, а римляне мало чем уступали последним». В самом деле, единственное место в греческой литературе, указывающее на подобные явления в связи с событиями живой действительности, это уже процитированное (выше стр. 36) указание Страбона (XVII, 1). Но здесь говорится лишь о ловкости евреев в коммерческих делах (*Ioudaike entrekheia*), а не о недобросовестности: умышленное разведение в ограниченном количестве финиковых пальм с целью не допустить понижения цен на финики никак не может быть квалифицировано, как коммерческая недобросовестность.

Действительно, во всех других нападениях древних антисемитов речь идет не о коммерческой недобросовестности, а о преступности вообще. Страбон (Geogr. XVI 28) называет евреев разбойниками, Сенека (fr. 145 R) — «преступнейшим племенем» (*sceleratissima gens*), Тацит (Hist. V, 5) говорит, что еврейские установления носят темный и преступный характер и упрочились благодаря своей безнравственности, евреи — гнусное племя (*taeterrima gens*). Эти обвинения отчасти являются «оценочной квалификацией» тех черт еврейского народа, о которых я скажу во второй части моего труда, отчасти же это плод научной работы александрийских антисемитов над Библией.

Уже выше (стр. 21) я указал, что Библия послужила одним из источников для обвинения евреев в оскорблении языческих святынь. Действительно, с момента организации в Александрии еврейской колонии, особенный интерес к евреям и египетских антисемитов привлекала та часть Библии, где говорится о пребывании евреев в Египте (книга Исход), как источник для бесчисленных аналогий с современностью: евреи находили здесь материал для национальной гордости и утешения во время преследований, антисемиты — доказательство еврейской безнравственности, преступности и политической неблагонадежности. «С тех пор, как при первых Птолемах влияние евреев

в Египте достигло поразительной силы, и евреи и язычники с особенным интересом стараются найти точки соприкосновения Израильской и Египетской истории и изучают (египетские) памятники и (еврейские) священные писания с точки зрения вновь устанавливаемых связей и зависимости между ними»... (Freudenthal, Alexander Polyhistor etc., 148). «Рассказы книги Исхода уже с раннего времени давали материал для юдофобской полемики в Египте» (I. Levi REJ. 63 1912 211).

Так, апокрифическая книга «Премудрости Соломоновой», написана, как мы увидим ниже, в эпоху жесточайших еврейских гонений в Египте. Рассказывая о страданиях евреев в фараоновском Египте, автор, как мы увидим, все время имеет в виду параллельные явления в Египте эллинистическом, и поэтому его торжествующий рассказ о том, как Бог, в конце концов, явно предпочел евреев, наградив их и жестоко наказав египтян, должен был служить утешением и подавать надежду на то, что рано или поздно то же случится и в греко-римском Египте.

С другой стороны, и антисемиты древности, изображая Моисея образцом преступности (Apoll. Molon fr. 27 R, Lysimach fr. 59 R § 4, Cels. fr. 88 R § 4, Quintilian. fr. 162 R = Inst. orat. III 7 21), несомненно, ссылались на Исход, 2, 12, где рассказывается, как Моисей, увидя, что египетский надсмотрщик бьет еврея, оглянувшись во все стороны и, увидя, что никого нет поблизости, убил египтянина и тайком закопал его в песок. Ясно, что такое место должно было привлечь внимание антисемитов древности; недаром еврейский историк Псевдо-Артапан заменил этот рассказ другим сходным: «Египтянин Ханетот спрятался в засаду, чтобы убить Моисея по поручению фараона Хенефрея. Ханетот, видя, что Моисей приближается, обнажил меч, чтобы убить его, но Моисей своевременно схватил его за руку и, схватив меч, убил Ханетота. Затем он бежал в Аравию»... (fr. 3, Fr. § 18 = Euseb. praer. ev. IX, 434a). Цель этой замены ясна: если Моисей убил египтянина не в гневе, а в состоянии **н е о б х о д и м о й с а м о о б о р о н ы**, то антисемиты лишаются всякой почвы для предъявления евреям на основании этого места обвинения в безнравственности³⁶; по-видимому, таким образом, это место было использовано антисемитами в целях полемики с евреями.

Если мы читаем у Тацита (V, 4 = fr. 180 R), что евреи едят мацу в воспоминание о похищенном (в Египте) хлебе, и у Трога Помпея (fr. 138b R = Justin. 36,2), что Моисей украл и похитил (furto abstulit) в Египте священные предметы, то эти обвинения восходят к другому месту Библии, вокруг которого завязалась

ожесточенная полемика между антисемитами и еврейскими апологетами. Этой полемике посвящена статья Изр. Леви в *Revue des études juives*, 63, 1912, 211 слл.: *Le dispute entre les égyptiens et les juifs devant Alexandre; echo des polemiques antijuives à Alexandrie*. Я удовольствуюсь лишь кратким повторением выводов этого ученого с тою лишь разницей, что древнейшее свидетельство об этой полемике, место из трагедии Езекиеля, осталось неизвестным Леви и привлекается мною, кажется, впервые.

Интересующее нас место Септуагинты это — Исход 3,21-22 = 12,35-36: «И я внушу египтянам любовь к этому народу: когда вы будете уходить, вы не уйдете с пустыми руками, но каждая женщина попросит у своей соседки (ссудить) серебряные и золотые украшения и одежду; их вы оденете на ваших сыновей и дочерей и таким образом вы ограбите Египет». «Сыны Израилевы поступили так, как им приказал Моисей, и попросили у египтян золотые и серебряные украшения и одежду. И Бог внушил египтянам любовь к этому народу и те ссудили им. И таким образом они ограбили египтян». Естественно, что такое место не могло не привлечь внимания александрийских антисемитов. Если мы впоследствии читаем у Филона (*Vita Mos.* I,25): «В самом деле, евреи, унеся с собой богатую добычу... сделали это не из любостязания и не из жадности к чужому добру, как сказал бы враг», то «упоминаемый здесь враг никак не воображаемый только противник» (I. Levi, о. с. 213). Оживленная защита от этого обвинения в еврейской литературе показывает, что это место действительно ставилось в вину евреям антисемитами и ставилось уже в III или начале II в. до Р. Х., так как еврейский трагический поэт Езекиель, живший во II в. до Р. Х. (L. M. Philippson, *Ezechiel und Philo*. Berlin, 1830), уже находит нужным защищать евреев от этого обвинения. Действительно, в ст. 162—166 (по изд. Филиппсона) его (ныне утраченной) трагедии «Исход», настолько близкой к книге «Исхода» Септуагинты, что представляет собой почти переложение ее стихами, мы читаем:

Когда же вы сберетесь в путь, Я к вам любовь
Внушу египтянам: и каждая жена
Одолжит у соседки утварь и наряд
И всяких украшений (в праздник чтоб носить)
Немало из серебра и золота: это все
Вам будет платою за ваш тяжелый труд.

Оправдание, таким образом, найдено; похищенные драгоценности — плата за тяжелые строительные работы, которые еврейский народ был принужден выполнять в течение многих лет без всякого вознаграждения. Это же объяснение мы находим впоследствии у Филона (Vit. Mos. 1,25). Но на этом апологеты еврейства не остановились, они пошли дальше и вполне в духе того времени прибегли к исторической фальсификации. Был сочинен исторический роман, в котором рассказывалось, как египтяне призвали евреев за это преступление их предков к суду Александра Великого (пользовавшегося глубокими симпатиями и евреев и язычников), и как Александр признал правыми евреев. Об этом процессе говорят Тертуллиан (adv. Marcionem, II,20) и в двух местах Талмуд (Megillath Taanit Sanhedrin, 91a). Рассказ Megillath Taanit наиболее подробный. Египтяне позвали евреев к суду (Александра)... Египтяне заявили, что основываются исключительно на тексте Пятикнижия. Там, заявили они, написано: «Каждая женщина возьмет займы у своей соседки». Общее число евреев было 600.000, и все они унесли с собой золото и серебро, согласно утверждению вашего закона: «они ограбили Египет». Поэтому возвратите нам наше золото и наше серебро. (Представитель обвиняемых) Гебиха бен Пасиса ответил им: «В доказательство своих прав вы ссылаетесь на Пятикнижие. Прекрасно. Согласно тому же Священному Писанию пребывание евреев в Египте продолжалось 430 лет. В течение этого времени наши прародители в числе 600.000 были принуждены изготавливать известку и кирпичи и делать всякого рода другую работу, не получая за это вознаграждения. Так сколько же причитается каждому человеку в день за подобную работу?». Философы принялись высчитывать, но они не высчитали еще даже ценности работы в течение одного века; как уже весь Египет должен был быть отдан в уплату долга евреям. Египтяне смутились и улепетнули, как можно быстрее». Иосиф (Ant. II,14) пытается отклонить это обвинение другим способом. В Библии непосредственно перед инкриминируемой фразой читается (12,33): «Египтяне понуждали наш народ поспешно уйти из их страны»... Иосиф связал эту фразу с нашей и пришел к такому выводу: «Египтяне даже одарили евреев подарками (sic!), одни потому, что горели нетерпением, чтобы евреи скорее ушли (12,33), другие в память о добрососедских отношениях (12,35: «И Бог внушил египтянам любовь к этому народу»).

Конечно, в Библии можно найти немало подобных мест, которые могли бы служить доказательством преступности евре-

ев, и, несомненно, эти места были использованы антисемитами. Но для нас важно лишь установить тот факт, что обвинения евреев в преступности, поскольку они не являются квалификацией своеобразного еврейского национального чувства (см. ниже, ч. II), как напр., в приведенном месте Сенеки, где выражение *sceleratissima gens* («преступнейшее племя») есть только квалификация того, что *victi victoribus leges dederunt*, «побежденные навязали свои законы победителям», — есть результат изучения не живых еврейских сограждан, а их священной книги — греческой Библии.

А всякая религиозная книга, являющаяся окаменелым пережитком давно прошедших эпох, хранит в себе много такого, что кажется всем, не ослепленным ее святостью, верхом безнравственности с точки зрения новых взглядов. Так было и с Библией; но не иначе было и с Илиадой, и хорош был бы тот, кто стал бы искать доказательств безнравственности греков эллинистической эпохи, исходя из поступков героев и богов в «Илиаде»! Зомбарт (о. с. 362) справедливо замечает по этому поводу: «Если мы кинем взгляд на Олимп или Валгаллу, то мы увидим, что там даже боги надувают друг друга самым низкопробным способом³⁷». Таким образом, о коммерческой недобросовестности евреев (точнее, трех евреев) говорят только три приведенные выше (стр. 44) документа.

Но установлено ли, что хоть эти три еврея были действительно мошенниками? Ничего подобного: внимательное изучение этих документов показывает, что и они никаких доказательств недобросовестности хотя бы отдельных евреев не содержат. Все они представляют собой жалобу одной лишь стороны: «кто, в действительности прав, мы знать не можем», говорит Вилькен (о. с. 789, пр. 7) применительно к третьему папирусу, где ответчик Малих вовсе не должен быть непременно евреем, а мог быть таким же арабом, как истец, и сверх того документ настолько фрагментарен, что вообще-то восстановление его гадательно. «Кто в действительности прав, мы знать не можем» — этот приговор Вилькена, по существу, применим и к остальным двум документам.

Действительно, в первом документе, как он теперь читается, евреем оказывается вовсе не продавец лошади, а третье лицо. Вот как этот документ теперь читается: «Ты написал нам» — пишет некто Менон Гермократу — «что ты (купил) для нас кобылу и что ее (надлежит получить, [axe] sthai) от еврея, имя которого нам неизвестно. Но так как он не передал нам ни

кобылы, ни проходного документа на нее, мы и написали тебе это письмо, дабы ты был в курсе дела». Этот папирус открывает целый ряд возможностей:

1) кобыла была задержана евреем в обеспечение уплаты долга, причитавшегося с приведшего ее,

2) отправитель или адресат пишет просто неправду или недоговаривает чего-нибудь и т. п.

Наконец, самое вероятное:

3) адресат письма не уплатил еще продавцу полной стоимости кобылы и поэтому она, впредь до уплаты всей ее стоимости, и была помещена у еврея, как у третьего лица (mesengyon).

Поэтому мы должны присоединиться к взгляду Т. Рейнака (Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaisme 1895, p. XIV):

«Что бы ни говорили, экономический антисемитизм, этот продукт средневекового законодательства и современного финансового движения, не играл существенной роли в греко-римскую эпоху».

3. Политические соображения как причина античного антисемитизма

Остается рассмотреть еще тот взгляд, по которому антисемитизм в античном мире был вызван политическими соображениями. Сторонники такого взгляда объясняют антисемитизм двояко: одни (юдофобы) видят причину во вредном политическом направлении евреев, другие (юдофилы) считают, что, наоборот, антисемитизм преимущественно провоцировался и даже создавался правительствами ради достижения тех или иных политических целей. Докажем неправильность и того и другого взгляда.

Что касается первого взгляда, то любопытно, что когда приходится точно формулировать, в чем же заключалось вредное политическое направление евреев, то взгляды древних и современных ученых расходятся по противоположным направлениям: одни видят причину в том, что евреи по природе были бунтовщиками и были настроены враждебно к правительственной власти, другие, наоборот, что они всегда были неизменно лояльны по отношению к каждому, в руки которого попадала государственная власть. И оба взгляда опираются при этом на достаточное количество документальных и строго проверенных данных.

О еврейской лояльности говорят уже выше сопоставленные свидетельства о службе евреев во внутренней охране (жандармерии). Уже в 407 г. еврейская община в Элефантине в своем письме-доносе (И. М. Волков, Арамейские документы, оф. док. V, стр. 15) сообщает персидской власти о ряде изменнических действий египетского духовенства и гарнизона и при этом прибавляет: «[Когда состоящие на службе(?)] в египетских отрядах отпали, мы не оставили нашего служебного поста, и в нас не было найдено никакого порока».

Лояльность евреев по отношению к Птоломеям — общеизвестный исторический факт. «Евреи всегда были крайне лояльными приверженцами каждого власть предержащего и умели использовать это для постепенного получения ряда важных привилегий» (Wilcken о. с. 786). Сами евреи постоянно ставили себе в заслугу и гордились этой лояльностью, как мы видим из книги «Эсфирь», написанной в Палестине в маккавейскую эпоху, и из добавлений к этой книге, а равно и из, так назыв., 3-ей кн. Маккавеев, написанных в Александрии в эпоху современных Маккавеем поздних Птоломеев.

В кн. «Эсфирь» (2,21. 6,2) сообщается, как еврей Мардохай обнаружил и открыл царю заговор двух царских слуг — Бигтана и Тереса; этот верноподданический поступок был, якобы даже записан в царскую памятную книгу.

В египетском добавлении к этой книге (1,12) придумана даже дубликат этого рассказа: Мардохай раскрывает еще заговор царских евнухов Габата и Тарры и этот поступок также записывается в памятную книгу, тогда как противник Мардохая — Аман выставляется здесь как сообщник этих евнухов и государственный изменник (там же, § 17,5 § 10). В так наз. III кн. Маккавеев еврей Досифей спасает Птолемея IV Филопатора от верной смерти (1,3). В этом произведении в уста самого Птолемея IV влагаются такие заявления: «Евреи безукоризненно сохраняли полнейшую и нерушимую верность ко мне и к моим предшественникам» (5,31); «они уже с самого начала выделялись из всех народов полнейшей благонамеренностью по отношению к нам» (5,26); «они были верными солдатами нашей внутренней охраны» (5,25). Наконец, здесь прямо заявляется: «Евреи всегда сохраняли полнейшую благонамеренность и неизменную верность по отношению к царям» (3,3)³⁸.

Не хуже засвидетельствована и лояльность евреев по отношению к новой — римской власти. Вот как описывает

Светоний (*Divus Julius*, гл. 84 конец) траур по Юлии Цезаре: «После его смерти, во время грандиозного официального траура можно было видеть, как одна за другой проходили толпы людей различных национальностей, оплакивавших его по своим обычаям, особенно же выделялись евреи, которые даже несколько ночей подряд бодрствовали у его могилы».

Блудай (о. с. 58) характеризует отношение евреев к римской власти такими словами: «С тех пор как Рим стал вмешиваться во внутренние дела Востока, евреи стали прилагать свою энергию, чтобы снискать расположение владыки мира и направить его против своих врагов. Так, еврейские цари из маккавейской династии искали в Риме поддержки против Селевкидов, точно так же и египетские евреи становились при каждом удобном случае на сторону Рима против национальной партии, которая стремилась к независимости от римского влияния. Когда консул Габиний по приказу триумвиров (в 55 в. до Р. Х.) возвел на египетский трон Птолемея XI Авлета, то евреи, жившие к югу от Пелузия и охранявшие подступы к Египту, заблаговременно отложились от Вереники IV, которая была проведена в регентши более слабой националистической партией (*Ios. Ant. XIV, 6,2, Bell. jud. I, 8,7*). Их склонил тогда к измене Антипатр, отец Ирода Великого, точно таким же образом как позже он склонил их к отложению от Птолемея XIII. Когда Митридат Пергамский двинулся на помощь Цезарю, осажденному в Александрии (весной 47 г. до Р. Х.), евреи готовы уже были броситься в борьбу за Птолемея против Митридата, но Антипатр показал им письмо первосвященника Гиркана II и таким образом привлек их на сторону Цезаря. Таким образом, как только были затронуты их земляческие (*sic! landsmannschaftlichen*) чувства, они отказались от борьбы за династию (*Ios. Ant. XIV, 8, 1—3, Bell. jud. I, 9, 3—5*). Они поняли, что их благо зависит теперь от милости Цезаря и поспешили выказать свою преданность этому идущему в гору человеку. Снова они изменили национальному делу, когда они, следуя духу времени, в борьбе между Антонием и Октавианом с присущей им ловкостью перешли в лагерь победителя, засвидетельствовав на деле перемену в своих взглядах».

Далее, как мы видели выше (стр. 17—18), евреи даже в самой заветной для них области — в области религии — шли на большие, правда, чисто внешние уступки для сохранения лояльности к обожествляющим себя царям и императорам.

Не меньшее количество исторических свидетельств говорит о том, что евреи были изменническим и мятежным народом. Во время большого пожара в Антиохии в поджоге обвиняют евреев (Ios. bell. jud. VII, 3, 4). Точно так же, когда при Нероне христиан обвиняли в поджоге Рима — Тас. Апп. XV, 44,— в них видели только еврейскую секту: поджог мотивировался odio humani generis — классическое обвинение, предъявлявшееся евреям. Цельс (у Оригена, с. Cels. III, 5 = fr. 88 R § 6) считает еврейский народ мятежным уже с самого его возникновения: евреи — это египтяне, ушедшие из Египта вследствие организованного ими мятежа против государства... «Причиной отпадения был мятеж против государства». В Historia Augusta еврейское бунтарство характеризуется так (Hadrianus, с. 5): «Ливия и П а л е с т и н а снова воспрянули своим м я т е ж н ы м д у х о м. В склонности к мятежам обвинял евреев и александрийский антисемит Апион (fr. 63 C. § 8—9 R = Ios. с. Ap. II 4—6). Даже отказ евреев ставить в синагогах статуи императоров истолковывался как проявление бунтовщичества (ibid). И действительно, из истории мы узнаем о нескольких восстаниях евреев против законной власти; особенно широкие размеры приняло восстание 114—115 г. по Р. Х., которое Евсевий (hist. eccl. IV, 2) характеризует так: «Весь еврейский народ только ждал поражения римлян, чтобы отплатить за все невзгоды последнего тридцатилетия; евреи безумствовали, как сорвавшиеся с цепи, подстрекаемые д и к и м , м я т е ж н ы м д у х о м». Наконец, самое подчеркивание в еврейской литературе лояльности показывает, что евреям приходилось защищаться от обвинений в государственной измене³⁹. Действительно, в так назыв. III кн. Маккавеев (3,7) мы читаем, что приближенные Птолемея IV «утверждали, что эти люди (т. е. евреи) не отличаются верностью ни к царю, ни к властям, но наоборот настроены враждебно и всячески стараются действовать во вред правительству. Так поносили они евреев обычно бросае м ы м и и м у п р е к а м и». В дальнейшем тексте этой книги (3, 24) Птоломей IV мотивирует свой декрет об истреблении евреев так: «на основании несомненных доказательств мы убеждены, что евреи настроены к нам крайне враждебно, и хотим обезопасить себя от того, чтобы эти безумцы не организовали неожиданно мятежа против нас и чтобы нам не пришлось иметь в тылу этих враждебных нам изменников-варваров».

Чем же были в конце концов евреи? Сверхлояльными или мятежниками? Очевидно, ни тем и ни другим. Как мы видели выше, в цитате из книги Блудау (стр. 52), евреи, становясь на сторону той или иной партии, считались прежде всего со своими национальными, т. е. еврейскими, интересами, — ставили свои «земляческие» (*landsmannschaftliche*) интересы выше государственного патриотизма, как выражается Блудау. И, так как они при этом сплошь и рядом проявляли беззаветную храбрость, то неудивительно, что их считали то сверхлояльными гражданами, то закоренелыми бунтовщиками и изменниками. Действительно, они были беззаветно преданы Птоломеям до тех пор, пока последние, начиная с Птолемея VII, не начали проводить юдофобскую политику. То же было и с римлянами: «покорение Иерусалима Титом, за которым вскоре последовало опечатание египетского храма, основанного Онием, вызвало полную перемену в отношении евреев к римскому правительству: прежнюю лояльность заменила пылкая ненависть к Риму» (Wilcken, *о. с.* 792).

Итак, евреи в древности всегда были националистически настроены, но объектом этого национализма было еврейство, а не та страна, в которой евреи жили. Поскольку это явление политическое, можно, конечно, говорить о политической причине антисемитизма. Об этом мы будем говорить во второй части книги, пока же заметим, что как не может быть речи о политической надежности евреев в обычном смысле слова (т. е. об отсутствии национального самолюбия, выражающегося в сверхлояльности к каждому власть предержащему), так нельзя считать их и бунтовщиками *par excellence*: наоборот, они всячески стараются жить в мире с «хозяевами страны». Евреи — не бунтовщики, они любят мир по своей природе. В этом александрийцы могли убедиться: когда (во время погрома) они произвели обыск в еврейских домах, они не нашли там никакого оружия (Филон, *in Flace.* 7, 11). При справедливых государях евреи живут мирно: они организуют восстания, только когда их выводят из себя (Иосиф, *Ant.* XVII, 10,6).

Юдофилы часто, говоря о политической причине антисемитизма, понимают это в том смысле, что антисемитизм создается и разжигается правительством в его собственных политических целях, напр., хотя бы для того, чтобы направить народный гнев, накопившийся против правительства, по линии наименьшего сопротивления. Такие попытки правительства, конечно, могли играть и играли некоторую роль в развитии антисемитизма

в его отдельных стадиях, но не больше. Действительно, афинским метэкам, т. е. поселенцам самых различных греческих и негреческих национальностей, предъявлялись обвинения, очень сходные с обвинениями, предъявлявшимися в разное время евреям (государственная измена, коммерческая недобросовестность, спекуляция товарами, в особенности хлебом, и т. д.). Сходны были также и официальные ограничения (гетто — «черта оседлости», процентная норма и т. д.)⁴⁰. Так как ввиду крайнего разнообразия и пестроты национального и социального состава метэков не может быть речи о каких-либо общих чертах их характера, то несомненно, что здесь именно наличие ограничений явилась единственной причиной огульных обвинений. Но этого факта нельзя привлекать для параллельного объяснения возникновения антисемитизма, так как при этом останется непонятным, почему именно евреи, а не какая-либо другая из числа многочисленных наций, лишившихся в это время государственной независимости, оказались «линией наименьшего сопротивления», и вдобавок это объяснение противоречит фактам. Действительно, в древности правительственный антисемитизм не столь частое явление, и налицо он только там, где уже давно антисемитизмом накалена общественная атмосфера, зато наоборот, несмотря на крайний антисемитизм общества, правительства с п л о щ ь и р я д о м берут евреев под свое покровительство. Докажем фактами оба эти положения.

Рассматривая зависимость между общественным антисемитизмом и правительственными репрессиями в древности, нам придется отдельно остановиться на трех эпохах: 1) на эпохе до Птолемея II, 2) на эпохе от Птолемея II до смерти Калигулы, 3) на эпохе от Клавдия до Адриана.

Древнейшее известное в истории гонение на евреев имело место еще в эпоху персидского владычества над Египтом: это разрушение еврейского храма в Элефантине в 410 г. до Р. Х. и еврейский погром в 405 г. до Р. Х. О погроме сообщается в следующих словах: «Вот имена женщин, которые пленены (6 имен). Вот имена мужчин, которые были найдены у ворот и убиты (5 имен). Вот дома, в которые они ворвались в Элефантине и драгоценности, взятые ими»... (Sachau, о. с. Р. 15; И. М. Волков, о. с. 77). Обстановка этих погромов во всем до мелочей совпадает с обстановкой позднейших «классических» еврейских погромов. Хотя в погроме и принимает участие местная персидская власть, но она повинна лишь в попустительстве и содействии (Волков, там же, 68). Организаторами и устроителями

погромов явилось египетское простонародье, возглавляемое тогдашней интеллигенцией, т. е. духовенством — жрецами местного храма.

О том, что антисемитизм возник в результате правительственных репрессий, здесь не может быть речи: по справедливому замечанию И. М. Волкова (СПР. 69), «нерасположение к евреям со стороны египтян констатировано еще в IX столетии автором библейской истории об Иосифе» (Быт. 43, 32, 46, 34) и уже накануне погрома «взаимное нерасположение египтян и иудеев привело к ряду мелких интриг и столкновений между ними» (Волков. о. с. 70). И вдобавок, в попустительстве и содействии виновны только низшие представители персидской власти, вышший представитель ее — наместник Аршам, как мы видим из письма элефантинских евреев, стал на сторону евреев, и «все люди, пытавшиеся причинить зло этому храму, были умерщвлены» (Волков 72). Одним словом, как мы увидим ниже, здесь полная аналогия с погромом 38 г. — активными преследователями евреев являются народные массы, а не правительство, которое либо идет в хвосте народного движения, либо даже противодействует ему. Следующее известное нам правительственное гонение на евреев имело место в 350 г. также в сфере персидского владычества, но уже не в Египте, а в Палестине. Царь Артаксеркс Ох насильственно переселил часть евреев в Гирканию, на берег Каспийского моря. К сожалению, сведения об этом мероприятии крайне скудны: единственным более или менее надежным источником является Евсевий (Chron, ed. Schöne II p. 112; Гиероним, Синкелл и Орозий, по-видимому, списывают с него, ср. Schürer, Gesch. der jüd. Volkes, 7 pr. 11). Предположение, что евреи приняли участие в восстании финикийцев, и что так. обр. эта мера была вызвана политическими соображениями — домысел ученых⁴¹. Если с одной стороны, стать на не совсем надежную почву догадок и комбинаций, а с другой, принять не совсем достоверное свидетельство Псевдо-Гекатея (у Ioseph. с. Apion. 1,22 § 4—6 = Reinach, о. с. стр. 230—231), то получится следующая картина. Выселение евреев в Гирканию, несомненно, явилось результатом какого-то еврейского восстания (в это же время восстала и Финикия), а такое восстание в эпоху теократии скорее всего могло явиться результатом религиозных гонений (Робертсон-Смит о. с. 419). Конечно, цитированные Иосифом Флавием места из Псевдо-Гекатея, не говоря уже о книгах «Эсфирь» и «Юдифь», не могут ни в каком случае считаться историческим источником, но смутные

реминисценции о религиозных насилиях в персидскую эпоху они все же могли сохранить. И действительно, вся эта исторически-новеллистическая литература, по-видимому, не случайно проецирует современные ее авторам религиозные гонения именно на персидскую эпоху. Так, напр., Псевдо-Гекатей (у Иосифа Флавия, с. Ар. I, 22) говорит: «Евреи пользовались дурной славой у всех соседей и прибывающих к ним иностранцев и многократно подвергались издевательствам со стороны персидских царей и сатрапов; тем не менее, они продолжали оставаться верными своим взглядам: они претерпевали за это самые мучительные пытки и казни, проявляя необыкновенное мужество и ни за что не соглашались отступить от веры отцов». Точно так же и рассказ Иосифа Флавия (Antt. XI, 71) представляет собою религиозно-поучительную новеллу типа книг «Эсфирь», «Юдифь» и III кн. Маккавеев (с последней он соприкасается особенно близко, представляя другой вариант того же сюжета); отдельные подробности его рассказа относятся всецело не к области истории, а к литературной области — к истории сюжета; однако, общий фон — религиозные гонения при Артаксерксе III Охе — является, скорее всего, достоверной исторической подкладкой. В противном случае нельзя было бы объяснить, почему все эти новеллы проецируются в персидское время, несмотря на то, что персы, как освободившие евреев от плена Вавилонского, имели бы, казалось, право на совершенно иную репутацию. Если так, то, может быть, соответствует исторической действительности и указание Псевдо-Гекатея, связывающего в одной фразе: «Евреи пользовались дурной славой у всех соседей и прибывающих к ним иностранцев» и: «многократно подвергались издевательствам персидских властей и сатрапов», — иными словами: и здесь правительственные гонения, скорее всего, были вызваны уже созревшим антисемитизмом.

Вторая половина первой из наших эпох — промежуток от Александра Македонского до Птолемея II (336—285), — это время, когда греческий мир впервые познакомился с евреями. Знакомство это еще не было особенно близким, так как «ассимилированные» евреи в эту эпоху еще составляли большую редкость. Отношение греческой интеллигенции к евреям в эту эпоху сочувственное⁴², Феофраст (fr. 5 R из Porph. de abst. II, 26) называет евреев «народом философов», другой ученик Аристотеля Клеарх из Сол (fr. 7R из Jos. с. Ар., I, 22) считает евреев философской сектой и рассказывает о встрече Аристотеля с вполне эллинизированным евреем, выделявшемся своей мудростью. Мегасфен

(fr. 8R из Clem. strom I, 15) также считал евреев сирийской сектой. Наконец, Гекатей Абдерский (fr. 9R из Diod, XI, 3) в своем очерке еврейской истории, в противоположность своим преемникам, относился к евреям без предубеждения, кое в чем он даже симпатизирует евреям, хотя у него уже можно заметить первые слабые следы неприязни к ним. Естественно, что и о правительственном антисемитизме в эту эпоху мы еще ничего не слышим.

Переходя ко второй эпохе от Птолемея II до Калигулы, мы увидим (данные сопоставлены ниже), что кривая правительственного антисемитизма идет все время вверх, но в то же время явственно замечаются четыре отдельные волны преследований. Первая ограничена Египтом и достигает кульминационного пункта при Птолемеях IV Филопаторе (223—205). Вторая в сфере господства Селевкидов достигает апогея при Антиохе IV Епифане (176—164). В Птолемеевский Египет эта волна докатилась лишь спустя некоторое время и достигла своей максимальной высоты при Птолемеях VII и VIII (146—81). Третья волна приходится на царствование Птолемея XI Авлета и Клеопатры (55—30), четвертая — на эпоху Гая Калигулы (37—41 по Р. Х.). Как же обстоит дело с антисемитизмом общества? Развивался ли и он такими же волнами и какая хронологическая зависимость между тем и другим антисемитизмом? Как ни скудны имеющиеся в нашем распоряжении данные, но они позволяют нам сделать вывод, что тот и другой антисемитизм протекали вполне параллельно и что, вдобавок, высшие пункты обострения общественного антисемитизма хронологически предшествуют соответствующим максимумам антисемитизма правительственного. Такими высшими пунктами являются соответственно: 1) Манефон (царствование Птолемея II, 285—247), 2) Мнасей Патарский (начало II в.), 3) Посидоний Анамейский и Аполлоний Молон (начало I в. до Р. Х.) и 4) Херемон, Лисимах, Дамокрит, Апион и др.; насколько их можно датировать, их деятельность можно отнести приблизительно к началу нашей эры.

Действительно, «Египетская История» Манефона, писавшего при Птолемеях II, в частях, касающихся евреев, проникнута ярким антисемитизмом. Вот что мы читаем об этом у Иосифа Флавия (с Ap. I, 26): «(В других частях) Манефон точно следует древним летописям, но здесь (т. е. в истории евреев) он поступает более произвольно и, как сам предупреждает, пишет, имея источником слухи и рассказы о евреях. Тут-то он и рассказывает невероятные басни». Изложение еврейской истории у Манефона

представляет собою как бы еврейскую священную историю наизусть, где каждое библейское указание извращено и переделано для вящего посрамления евреев и возвеличения египтян⁴³. Такая переделка предполагает кипучую деятельность активных антисемитских кружков, и, действительно, как мы видим из сообщения Иосифа об источниках Манефона, евреи, только в 306 г. появившиеся большими массами в Египте, к первой половине III в. уже приобрели себе столько врагов, что в местном обществе о них уже всюду ходят порочащие их слухи и рассказы. Несмотря на столь ясно обозначившийся общественный антисемитизм, позиция Птоломеев II и III была еще, как мы увидим ниже (стр. 64. 74), вполне сочувственной к евреям, и только Птоломей IV Филопатор решился, наконец, примкнуть к этому охватившему уже все общество настроению. Мы не имеем прямых указаний на преследования евреев при Птолемеях IV: так наз. III кн. Маккавеев, описывающая жестокие гонения, обрушившиеся на евреев при этом царе — религиозно-поучительная новелла значительно более позднего времени. Однако автор этой новеллы не решился бы пристегнуть излагаемых им событий к личности Птолемея IV, если бы еврейская община в Александрии не сохранила воспоминаний об этом царе как об активном антисемите (см. добавление), так как вообще о первых Птолемеях евреи всегда вспоминали с большим сочувствием.

Второй прилив антисемитизма берет свое начало с Мнасея Патарского. Мнасей был учеником Эратосфена и, так как Эратосфен в 195 г. до Р. Х. уже умер, то деятельность Мнасея надо относить к самому началу II в. Мнасей впервые пустил в обращение легенду о том, что главным предметом поклонения евреев, находящемся в святой святых иерусалимского храма, служила литая из золота ослиная голова (fr. 19 R из Jos. c. Ар. II, 9). «Эта легенда с этого времени стала одним из центральных пунктов, вокруг которого группировались антисемитские наветы. Такая легенда могла быть пущена в обиход только в эпоху сильнейшего антисемитского ожесточения. Поэтому нас не удивит, что через пару десятков лет после появления труда Мнасея в 169—8 г. Антиох IV Епифан, царь Сирии, под властью которого находилась в это время Палестина, врывается в Иерусалимский храм, подвергает его разграблению, вторгается даже в святая святых и оскверняет свиной кровью священные книги; затем он сооружает в храме алтарь Зевсу и воспрещает на всей территории Палестины исполнение еврейских религиозных обрядов. Оставляя в стороне вопрос, был ли Антиох бессердечным

деспотом или фанатическим миссионером панэллинской идеи, так как этот вопрос, много трактовавшийся в научной литературе, с нашей точки зрения не представляет никакого научного интереса, обратим внимание на то, что и Антиох шел в данном случае в хвосте сильного антисемитского движения и что, следовательно, его индивидуальность для судеб еврейского народа никакого значения не имела. Попытка Велльгаузена (*Israel. und jüd. Gesch.* 4, 241 слл.) и Штегелина (о. с. 18) свести и здесь все дело к причинам чисто политического характера (евреи сочувствовали Птолемеям) только заменяет один вопрос другим. Действительно, евреи вряд ли стали бы нарушать нейтралитет, представлявший наиболее выгодную линию поведения и мешаться в высшую политику, если бы здесь не были замешаны интересы еврейства⁴⁴. Первые Птолемеи были, по разным причинам, настроены сочувственно или, по крайней мере, снисходительно к евреям, тогда как Селевкиды, как мы видим, с начала II века все более втягивались в антисемитскую атмосферу окружавшего их общества. Только когда, в 146 г., партия, стоявшая у власти до этого времени, уступила место своим противникам, и в Египте начались, по сирийскому образцу, еврейские гонения. Иными словами, симпатии евреев к Птолемеям в царствование Антиоха IV сами по себе могут быть поняты только как реакция на антисемитское настроение селевкидского двора, а не наоборот.

Через несколько лет после насилий Антиоха IV, иудеи, под предводительством Маккавеев, добились полной национальной независимости их страны. Заметим (это очень важно для дальнейшего), что для этого времени (165—106 г.) в эллинистической Азии не засвидетельствовано никаких проявлений антисемитизма ни в литературе, ни в правительственной политике.

Иное было в Египте. Во время осквернения храма здесь правил Птоломей VI Филометор, относившийся к евреям весьма благосклонно. Он дал убежище бежавшему из Иерусалима первосвященнику Онию и разрешил ему построить еврейский храм в Леонтополе. Но уже в это время при Александрийском дворе образовались две партии, из коих одна возглавлялась женой Филометора Клеопатрой, а другая — братом его Птолемеем VII Фисконом, бывшим с 170 по 164 г. его соправителем. Из того факта, что вся еврейская колония, как один человек, стала на сторону партии Клеопатры, можно заключить, что партия Фискона была определено антисемитской; действительно, первосвященник Оний становится даже как полководец во главе войск Клеопатры (вместе с евреем Досифеем) и изгоняет подня-

вшего восстание Фискона из Египта (Ios. с. Ар. II, 5); это станет понятным только в том случае, если война была направлена против врагов еврейского народа. Когда в 145 г. Птоломею VII Фискону удалось вернуться в Египет и снова сесть на трон, естественно было ожидать, что он пойдет по пути притеснения евреев. По сообщению Иосифа Флавия (с. Ар. II, 5) Фискон заключил в оковы всех александрийских евреев, вместе с женами и детьми, а затем выпустил на них опьяненных слонов, которые должны были их растоптать. Благодаря чуду этого не случилось. Целый ряд деталей этого рассказа (пьяные слоны — здесь и в III книге Маккавеев; женщина — любовница царя — приходит на помощь: здесь, в «Эсфири» и «Юдифи», чудесное спасение, перемена в царе, учреждение праздника в память события, — во всех рассказах такого рода) показывает, что мы имеем дело с типичной религиозно-поучительной новеллой; однако, исторической подкладкой, несомненно, является факт преследований при Птолемее VII.

После смерти Птолемея VII двор опять разделяется на две партии. Во главе одной снова становится вдовствующая царица, на этот раз дочь Филометора Клеопатра III Кокка, во главе другой — ее сын Птоломей VIII Лафир. Первая партия сохранила свои юдофильские, вторая свои юдофобские традиции. Только этим можно объяснить тот факт, что евреи, только что жестоко проученные за вмешательство в партийную борьбу, снова примыкают к партии царицы и руководство войском Клеопатры снова поручается евреям — Хелкии и Анании, сыновьям того же Онии (Страбон у Ios. Antt. XIII, 10, 4, fr. 48, R). И на этот раз дело покровительствовавшей евреям партии окончилось неудачей. Птоломею VIII Лафиру удалось занять престол, после чего он подверг александрийских евреев тяжелым преследованиям (Willrich, Негтес, 39, 244 слл.). О том, до какой степени доходило в это время озлобление против евреев, можно судить по следующему рассказу Страбона (у Ios. Antt. XIII, 12, 6): «Птоломей Лафир после победы (над Иудеей) предал всю страну опустошению. С наступлением вечера он разбил свой лагерь в нескольких деревнях Иудеи, оказавшихся полными женщин и детей. Он приказал солдатам убить их, разрубить на куски, бросить члены в кипящие котлы и совершить ими возлияние». Мы знаем также, что не одно только правительство было озлоблено против евреев: после победоносного возвращения Лафира в Александрию (в 88 г. до Р. Х.) александрийские жители напали на своих сограждан евреев, устроив первый

и единственный известный нам народный погром в эпоху Птолемея (Willrich, *Hermes*, 39, 244 слл., U. Wilcken, о. с. 786, пр. 4).

Все исследователи сходятся в том, что преследования евреев при Птолемеях VII и VIII не имеют никакого отношения к антисемитизму, а объясняются чисто политическими соображениями, так как евреи как целое приняли открытое участие в вооруженном столкновении партий. Но такое объяснение закрывает глаза на две вещи: 1) почему евреи, уже однажды проученные за это, все же вмешиваются в борьбу греческих придворных партий, в то время, как мы знаем, что во всех других случаях позиция евреев определялась исключительно интересами еврейства как целого и, будь обе партии настроены не враждебно к евреям, для последних самой выгодной политикой был бы нейтралитет; 2) почему выступают на сцену, уже после победы Лафира, александрийцы и почему они нападают не на сторонников побежденной партии вообще, а именно на евреев. Оба затруднения устраняются, как только мы уясним себе, что партия Лафира, опиравшаяся на огромное большинство александрийского населения, была партией активно антисемитской и что вообще атмосфера в это время была насыщена антисемитизмом. Тогда объяснение преследований евреев политическими соображениями отпадает само собой: первопричиной и здесь является уже достигший высокого напряжения общественный антисемитизм.

В то время как в Египте после эксцессов Птолемея VII и VIII антисемитизм на некоторое время несколько ослабевает (в начале I века), в эллинистической Азии, где, как мы видели, антисемитизм замер после победы Маккавеев, начинается новая антисемитская волна. Друг Цицерона Посидоний Анамейский в самом начале II века (fr. 25 R из Диодора XXXIV, fr I; авторство Посидония доказывается Jos. с. Ар. II, 7) снова повторяет антисемитскую версию еврейской истории и обвиняет евреев в целом ряде преступлений. Здесь впервые мы находим полный список предъявлявшихся позже антисемитами обвинений: наряду с человеконенавистничеством и культом осла здесь впервые выдвигается обвинение в «мировом владычестве» (см. ниже стр. 66). Нас не должно смущать обрамление, дающее с первого взгляда возможность датировать антисемитизм более раннюю эпоху. «Документализация» — излюбленный литературный прием этого времени, особенно в национально-политической литературе. Ведь и евреи со своей стороны в своих

религиозно-политических новеллах (книга «Эсфири», греческие добавления к ней, III кн. Маккавеев, письмо Аристее), делают вид, что дословно цитируют хранящиеся в архивах царские указы, поддельная даже официальный канцелярский стиль. Точно так же и здесь часть обвинений Посидоний подтверждает «данными из истории» Антиоха IV, а прочие обвинения влагуются в уста приближенных Антиоха VII Сидета. В действительности же все это — только свидетельство антисемитизма Посидония и его современников.

Таким же ожесточенным антисемитизмом был проникнут другой азиатский грек — современник Посидония Аполлоний Молон. Как Посидоний был другом, так и Аполлоний Молон был учителем Цицерона, первого и наиболее рьяного представителя антисемитизма в римской литературе. С другой стороны, виднейший александрийский антисемит Апион сам называет своими литературными предшественниками Посидония и Аполлония Молона (Jos. с. Ар. II, 7). У Аполлония мы находим длинный список еврейских недостатков и преступлений, настолько полный, что некоторые из них несовместимы и взаимно исключают друг друга. Аполлоний сыграл крупную роль в истории антисемитизма, бросив впервые евреям обвинение в том, что они не способны к самостоятельному творчеству, а являются, таким образом, только подражателями (Jos. с. Ар. II, 14 и 148), — обвинение, не сходящее с уст антисемитов и в настоящее время. Тот же Аполлоний, как справедливо полагает Рейнак (о. с. 121), был источником для позднейших обвинений в ритуальном убийстве.

Эта третья антисемитская волна, как и вторая, поднявшись в эллинистической Азии, через пару лет докатилась до Египта. События 55—30 г. представляют полную аналогию событиям царствования Птолемеев VII и VIII. Те же две партии при дворе, то же присоединение евреев к одной из борющихся партий. Указание Диона Кассия (39, 57 след.) дает право предполагать, что победа Птолемея XI Авлета ознаменовалась серьезными еврейскими гонениями (ср. Bludau, о. с. 65). Как бы то ни было, при преемнице Птолемея XI, знаменитой Клеопатре, евреи определенно становятся на сторону римлян, Клеопатра же, во время голода в Александрии, лишила евреев права участия в получении раздаваемого хлеба (С Ар. II, 4—6 = fr. 63 C² § 5 R).

Еврейские литературные произведения, написанные в эпоху еврейских гонений, и, скорее всего, восходящие к этому времени,

со своей стороны подчеркивают, что антисемитизм не был создан правительством в его политических видах, а был широким народным движением. Автор так наз. письма Аристия — правоучительной исторической новеллы, рассказывает о симпатиях к евреям Птолемея II Филадельфа. Здесь в приводимом полностью «подлинном» царском указе Птоломеем II заявляет об освобождении на волю более чем 100 тысяч еврейских пленных рабов и о возмещении убытков евреям, пострадавшим от эксцессов толпы (§ 37). Если первое указание представляет собою правильное или неправильное историческое указание, почерпнутое автором из источников, то второе есть простой анахронизм, перенесение на эпоху Птолемея II обстоятельств современных автору, так как в царствование Птолемея II вряд ли может быть речь об евреях, пострадавших от эксцессов толпы. Точно так же и в так наз. III кн. Маккавеев (4, 1) мы читаем по поводу правительственных притеснений евреев при Птолемеи IV Филопаторе: «Повсюду, куда только ни получался этот указ (об уничтожении евреев), язычники, ликуя и веселясь, устраивали общественные пирушки: ведь, теперь, наконец, могла открыто проявиться давно копимая и глубоко засевшая в сердце ненависть к евреям». Не следует упускать из виду, что перед нами — исторический роман и что поэтому указание это ценно не для эпохи Филопатора, а только для эпохи написания новеллы.

Четвертая волна была самой разрушительной. Штегелин (о. с. 32) справедливо видит в Апионе кульминационный пункт всего античного антисемитизма. К счастью, исторические источники здесь текут обильнее, чем для других эпох, и поэтому, в данном случае уже ни у кого не является соблазна объяснять правительственные меры политическими соображениями: для всякого ясно, что в эту эпоху правительство плелось во хвосте народного движения. Об этом прямо свидетельствуют оба еврейских источника — Филон и Иосиф, из которых первый был непосредственным участником описываемых им событий. Филон говорит об «исконной враждебности александрийцев к евреям» (in Flac, 5), о «ненависти, пылавшей в сердцах с незапамятных времен» (Leg. ad Gaium, 18) и почти дословно повторяет эти выражения Иосиф (с. Ap. 2, 3, 3, 2. Bell. Jud. II, 18, 7).

Тяжелые события 38 г. по Р. Х. были подготовлены широко поставленной литературной кампанией против евреев, нача-

вшейся в Александрии с начала I в. по Р. Х. Эта кампания была открыта александрийцами Лисимахом и Херемоном (fr. 59 и 58 R) и получила дальнейшую разработку в трудах Апиона. Дамокрит и Никарх (fr. 60 и 61 R), вероятно, принадлежали, по справедливому предположению Рейнака (о. с. стр. 121—122), к той же плеяде; к сожалению, до нас не дошло никаких указаний о месте и времени их деятельности. Нового в еврейском вопросе эти люди уже ничего сказать не могли после «сделавших эпоху» работ Посидония Апамейского и Аполлония Молона. Они только видоизменяют и украшают данные этих писателей. Они подробно останавливаются на исходе евреев из Египта, всячески детализируя антисемитскую версию-карикатуру этой легенды и желая, таким образом, еще раз утвердить в общественном мнении тот факт, что евреи происходят от больных паршой египтян. Расписывается в форме исторической проекции еврейское безбожие и человеконенавистничество: напр., Лисимах производил даже название «Иерусалим» от греческого слова «hierosyla» — «ограбление храма». Много трактуется о ритуальных убийствах (Дамокрит) и еврейском культе золотой ослиной головы. Апион, «завершитель традиции», собрал все эти, а равно и все вообще когда-либо предъявлявшиеся евреям обвинения в одну кучу, плохо систематизированную и достаточно противоречивую. Новостью в его труде было только привлечение и позднейшей египетской истории, где он, подчеркнув роль евреев во время восстаний в Александрии (при Птолемеях VII, VIII и XI), указал на их бунтовщическую природу.

Римляне отнюдь не противодействовали этому все растущему антисемитизму греко-египетского общества, так как и здесь, в самом Риме, совершенно самостоятельно нарастало антисемитское движение.

Антисемитизм был занесен в Рим, вместе со всеми прочими продуктами тогдашней новейшей культуры, из эллинистического Востока. Характерно, что первым антисемитом в римской литературе был Цицерон, ученик уже известного нам Аполлония Молона и друг не менее известного нам Посидония. Таким образом, антисемитизм был на первых порах в Риме одним из многих подражательных «привозных продуктов»; однако уже вскоре он стал и здесь народным движением. Правда, Цицерон в речи «В защиту Флакка» (гл. 28) выступает как будто бы с совершенно новым в литературе обвинением — с впоследствии столь сильно трепавшейся в литературе теорией

о всемогуществе еврейского мирового кагала, и вся речь его наполнена эффектированным страхом перед местью всеильного еврейства. Но это обвинение кажется нам новым только потому, что предшествующая антисемитская литература дошла до нас только в отрывках. Действительно, с одной стороны, Цицерон был учеником Аполлония Молона и другом Посидония Апамейского, с другой, Страбон, выступающий несколько позже с аналогичным заявлением о всеилии мирового еврейства, никак не мог иметь своим источником речи Цицерона, тогда как, наоборот, определенно известно, что Страбон для своего исторического труда имел непосредственным и главным источником Посидония Апамейского⁴⁵. Таким образом, для меня несомненно, что и это обвинение находилось уже в труде Посидония.

Антисемитская пропаганда Цицерона, будучи чисто литературного, книжного происхождения, не имела непосредственного влияния. В Риме наблюдается явление, аналогичное с тем, что было в Греции начала эллинизма (стр. 57—58): первое знакомство с евреями производит скорее выгодное для них впечатление. Отношение Варроновых «Древностей» к евреям — скорее сочувственное (fr. 128 R из Августина, *Civitas Dei*, IV, 31, 2), отношение других писателей — снисходительно-ироническое (император Август, fr. 130 R из Светония, *Divus Augustus* с. 76, Гораций, Сатиры I, 4, 138 слл., I, 5, 97 слл., I, 9, 60 слл.), с другой стороны, еврейские религиозные обряды стали в это время даже «криком моды» в высшем римском обществе (Horat. *ibid*, Tibull. I, 3, 17-18, Ovid. *ars amatoria* I, 75, 415, 217 слл.). Если история Трога Помпея, resp. Юстина, в некоторых местах (Just., 36, 1-3) проникнута антисемитизмом, то это такое же «литературное заимствование», как и многое другое в его труде.

Однако уже при Тиберии начинается в обществе антисемитская пропаганда, а вслед за ней и правительственные ограничения. В 19 г. происходит выселение всех евреев из Рима, 4000 евреев призывного возраста были отправлены в отличавшуюся убийственным климатом Сардинию для борьбы с сардинскими разбойниками⁴⁶. Во главе антисемитской партии стоял всемогущий Сеян (источники — *ibid*, прим. 87). Ввиду того что евреи, несомненно, энергично хлопотали об отмене этой меры, в обществе началось противодействие такому потаканию проискам евреев; в литературе начали доказывать необходимость и спаси-

тельность этой меры. Из указания писателя этой эпохи Валерия Максима (fr. 141 R = Epitome Юлия Париса 1, 3, 3 и Непотиан), писавшего между 29 и 31 г., т. е. как раз накануне отмены этой меры, мы видим, что антисемиты ссылались на исконность и древность ее: уже в 139 г. до Р. Х. при консулах М. Попилии Лене и Л. Калпурнии произошло якобы первое изгнание евреев из Рима. В действительности, по-видимому, в 139 г. борьба шла с восточными культами вообще, и вряд ли евреи удостоились в это время даже особого упоминания. Мера эта, в 31 г., с уходом Сеяна, была отменена, но общественный антисемитизм был уже в это время в Риме в полной мере. Вот почему во время событий 38 г. евреям уже не удалось для противодействия антисемитским эксцессам опереться на римлян: волна александрийского антисемитизма встретила на этот раз с такою же волной в Риме, нашедшей свое завершение в том, что Гай Калигула, следуя традиции Антиоха IV, пытался поставить свою статую в Иерусалимском храме (Mommson, Röm. Gesch. V³, 518).

Рассказ Филона об александрийском погроме — самом ужасном из всех погромов древности — я приводить не буду⁴⁷. Здесь только обращаю внимание читателей на то, что представитель правительственной власти, Авиллий Флакк, не только не был устроителем погрома, но стал открыто на сторону погромщиков только тогда, когда погром уже был в полном разгаре, и то после колебания. Все принятые им затем репрессивные меры против евреев — запрещение субботы, статуи императоров в синагогах, насильственное выселение евреев в старое гетто, обыски в еврейских домах, принуждение еврейских женщин публично есть свинину, бичевание членов еврейского совета — были результатом непосредственного давления руководителей масс, а не наоборот. Отправленное евреями к Калигуле посольство с жалобой на произошедшее не имело успеха и повело только к новым издевательствам. Вопрос о том, были ли Гай Калигула помешанным, страдавшим манией величия, как думают Моммзен (Röm. Gesch. V³, 516), Штегелин (о. с. 383) и др., или же, наоборот, мудрым пастырем народов (Willrich, Beitr. zur alten Gesch., 3, 85 слл. 397 слл.), при нашем взгляде на историю лишен всякого интереса. Калигула поддержал александрийских антисемитов не вследствие своих каких-то индивидуальных особенностей, а потому что, как мы видим, антисемитское ожесточение в Александрии случайно совпало в это время с обострением общественного антисемитизма в Риме.

В еврейской литературе ответом на гонения 38 г. явилась книга «Премудрости Соломоновой», не довольствующаяся одной апологией, а дышащая жаждой мести (см. ниже . ч. II, общ. зам.). На основании ряда остроумных доводов, Goodrick⁴⁸ доказал, что книга эта написана именно в эту эпоху. Здесь нашли отзвук все злободневные вопросы, волновавшие александрийское еврейство в это, и только в это время: и навязывавшийся в это время евреям культ живого человека — римского императора Калигулы (XIV, 16. 17: «безбожный обычай[поклонения изваяниям] с течением времени упрочился и получил силу закона; по приказу тиранов стали чтить статуи: так как люди за дальностью расстояния не могли воздавать почитание им лично, они сделали вдали (от самих тиранов) копию их облика, сделали выставленное напоказ изображение почитаемого царя, дабы перед ним в его отсутствии можно было пресмыкаться так же, как если бы он сам был там») и оспаривавшееся у евреев право александрийского гражданства, согласно их — справедливому или несправедливому — притязанию предоставленное им Александром Великим и Птолемеем I (по еврейской традиции всячески заманивавшим евреев в Египет) и отнятое у них при позднейших Птолемеях (XIX, 15—проецируется, как это делалось обычно, см. выше стр. 46, в Египет времен Исхода): «С торжеством приняли они евреев, а затем, когда те уже получили все гражданские права, подвергли их неслыханным страданиям». Совпадения эти слишком серьезны, чтобы их можно было считать случайными; поэтому возражения против доводов Гудрика, сопоставленные у Oesterley, о. с. 462—463, я считаю неосновательными. Книга описывает пребывание библейских евреев в фараоновском Египте, но, как я указал уже, здесь — типичная проекция современности в прошлое. Здесь говорится о жесточайших и несправедливых преследованиях евреев (X, 16 слл., XI, 1 слл. XVI — XIX, см. Oesterley, о. с. 473), здесь приводятся бросаемые антисемитами евреям упреки (II, 14 слл.: «нам тягостно», говорят язычники — «даже глядеть [на еврея]: его образ жизни не похож на нравы других людей, его жизненный путь особенный. Он ставит нас ни во что и сторонится наших путей, как чего-то нечистого», XII, 19: «Ты (Господь) научил нас, что надо любить людей (быть philanthropon)» — Гудрик справедливо видит здесь полемику с теорией антисемитов, по которой евреям их религия предписывала ненавидеть иноплеменников — misanthropian). Наконец, мы находим здесь и характерный (см.

ниже ч. II, 1) довод: если еврейская вера правильная, то почему же их Бог не избавляет евреев от страданий, которым они подвергаются? (II, 17 слл.)

Перейдем теперь к третьей из намеченных нами эпох. Эта эпоха так насыщена антисемитизмом, что еврейские преследования представляют непрерывное явление, и было бы неблагоприятным делом пытаться и эту эпоху разложить на отдельные волны. Поэтому удовольствуемся тем, что покажем, как отдельные преследования евреев либо являются непосредственным результатом деятельности антисемитских масс, либо, по крайней мере, создаются в атмосфере напряженного общественного антисемитизма.

В царствование Клавдия из римских писателей выступали как антисемиты Сенека, придавший обвинению во всемогуществе «мирового кагала» его классическую формулу: «*Victi victoribus leges dederunt*» — «побежденные диктуют законы победителям» (fr. 145 R из Августина, *de civ. Dei* VI. 10)⁴⁹, и Персий, видевший в еврействе колдовство или чернокнижие (*Sat.* V, 176). Поэтому, если Клавдий, открывший свое царствование эдиктом о веротерпимости к евреям, впоследствии, в 49 г., запрещает евреям религиозные собрания (*Dio Cass. Hist. Rom.*, LX, 6, 6), то в этом последнем распоряжении необходимо видеть не что иное, как уступку римскому общественному мнению.

При Н е р о н е антисемитизм также исходит от общественных групп, а не от правительственной власти. В Цезарее (Палестина) евреи были лишены гражданских прав по требованию их сограждан греков (*Jos. Ant.* XX, 8, 7, 9). Это повело к ряду уличных столкновений между греками и евреями, и в конце концов 6 авг. 66 г. все евреи были перебиты. И здесь правительство оказало помощь погромщикам только тогда, когда погром был уже в полном разгаре (*Jos. Bell. Iud.* 11, 13, 7, 14, 4—5, 18, 1, Ср. Шюрер с. с., 127 прим. 19, Mommsen, *о. с.* 526). Приблизительно в то же время озлобленная толпа в Дамаске загнала евреев в гимназий, где они были уничтожены до последнего человека (*Bell. Iud.* 11, 20, 2). Подобные события разыгрались также в Аскалоне, Скитополисе, Гиппосе, Гадаре, Птолемаиде и Тире, — везде погром производился самим народом (*Bell. Iud.* 11, 18, 5). Враждебность жителей Аскалона к евреям засвидетельствована уже Филоном (*leg. ad Caium*, 30), о крайне антисемитском настроении жителей Тира свидетельствует Иосиф Флавий (с *Ap.* 1, 13). Случалось изредка, что правительство противодействовало погромщикам

и прекращало кровопролитие, как было, напр., в Цезарее-Панеаде (Mompsep, о. с. 532), но никогда не случалось, чтобы правительство устраивало погромы вопреки воле местного не-еврейского населения. Точно так же александрийский погром 68 г. по Р. Х. возник по почину толпы, решившей составить петицию Нерону о лишении евреев гражданских прав и начавшей с убийства нескольких евреев, которые были позорно волочимы по городу, а затем сожжены на костре. Представитель правительства, еврей-ренегат Тиберий Александр, правда, очень скоро перенял руководство погромом, выпустив против еврейского квартала более двух легионов солдат. Еврейский квартал был разграблен, и убито более 56 тыс. евреев, причем наиболее свирепыми погромщиками были не эти солдаты, а александрийская чернь (Jos. Bell. jud. 11, 18, 1—8). Таким образом, и здесь в сущности нельзя говорить о правительственном погроме — погром возник по почину народных масс.

В литературе царствования В е с п а с и а н а антисемитские выпады мы находим у Квинтилиана и Антония Юлиана. Квинтилиан представляет для нас особенный интерес, так как труд его, *Institutio oratoria*, посвящен грамматическим и риторическим вопросам, ничего общего с еврейством и вообще политикой не имеющим. Образцы словосочетания, заимствуемые им из обыденной жизни, конечно, представляли собою в его время нечто общеизвестное и бесспорное. Мы читаем у него (III, 7, 21): «Мы ненавидим также и источник зла. Для основателей государств зазорно, если они организовали народ, опасный для других народов. Это относится, напр., к основателю еврейского суеверия». Такой же характер носила и книга римского прокуратора в Иудее, М. Антония Юлиана, видевшего в еврейском учении, по которому претерпеваемые евреями муки есть наказание за совершенные ими грехи, доказательство порочности и греховности еврейского народа.

При таком положении дел нам станет вполне понятно опечаление еврейского храма в Леонтополе (близ Гелиополя), основанного Онием, несмотря на крайнюю лояльность, проявленную египетским еврейством, главной святыней которого был этот храм. Псевдо-графическая V-ая книга «Сивиллиных пророчеств», написанная александрийским евреем около этого времени, с ужасом рассказывает (в форме предсказания) об этом событии и видит в нем «начало конца мира» (Or. Sibyll., V, 504-507).

В других случаях правительство оказывалось по отношению к евреям все же более либеральным, чем общество. В Антиохии в царствование Веспасиана еврейские погромы были почти хроническим явлением (Bell. jud. VII, 3, 3), антиохийцы требовали полного изгнания из города евреев, а когда им в этом отказали, по крайней мере, лишения их гражданских прав, но и эта их просьба не имела успеха (Bell. jud. VII, 5, 2, Antt. XII, 3, 1).

То, что Тит, завершая завоевание Иудеи, не только исполнял задание государственного значения, но и находился под влиянием антисемитских настроений римского общества, видно из того, что, хотя покорение Иерусалима и было самым блестящим военным делом не только его царствования, но и целой эпохи, он отказался принять титул *Iudaicus* (по образцу *Parthicus*, *Dacicus* и т. д.), стыдясь такого названия (ниже ч. II, 2).

В царствование Траяна и Адриана римский антисемитизм достиг своего апогея. В ряде сатир (III, ст. 10, см. VI, 542 слл. и др.) Ювенал изливает свое презрение к евреям, как к народу нищих шарлатанов. В сатире XIV (96 слл.) развивается мысль, что принятие части еврейского вероучения уже фатально ведет к полному вхождению в еврейство, т. е. к преступности: это считается несомненно установленным фактом, так как для Ювенала несомненно, что еврейская вера учит не считаться с государственным законом и не делать никакого добра, а, наоборот, причинять всякое зло иноверцам. Равным образом, и Тацит дал полное собрание всех уже известных нам обвинений, предъявлявшихся евреям, особенно подчеркивая еврейское человеконенавистничество (Hist. V § 5). При таком положении дел история еврейского восстания при Траяне и Адриане, как она обычно излагается (напр. у Моммзена, V³, 542 слл.), если ее пополнить данными, почерпаемыми из вновь найденных папирусов (Par. Bremen № 40 у Wilcken, о. с. 794, Par. Par. 68 ibid. 807 слл.), теперь еще (Par. Ox. IX, 1189, X, 1242) представляется совершенно непонятной и даже внутренне противоречивой.

В 115 г. евреи Египта, Кирены и Кипра восстают против римлян. Как уверяют нынешние ученые, «никаких притеснений, ответом на которые было бы это восстание, не было» (Bludau, о. с. 91); восстание пытаются объяснить надеждой на создание мирового еврейского государства. Нельзя не заметить, что надежды эти нелепы и явно несбыточны. Дело не только в том, что евреи в областях, охваченных восстанием составляли менее 1/8

населения, тогда как их соседи относились к ним со жгучей ненавистью и никогда бы не согласились попасть под еврейское господство; дело в том, что, сверх того, евреям, конечно, пришлось бы, в конце концов, считаться с Римом, а безнадежность такой попытки была после разрушения Иерусалима ясна для всякого. Между тем еврейский народ, к этому времени уже почти 700 лет живший в рассеянии, приучился к осторожности и благоразумию в своих шагах. И действительно, римляне, несмотря на трудное военное положение (все войска были отвлечены азиатским походом Траяна), несмотря на отчаянное сопротивление, повсеместно подавили это восстание. При этом все еврейское население главного еврейского культурного центра — Александрии — было уничтожено римским войском (Arrian. Civ. II, 90), и все имущество египетских евреев конфисковано в казну (Рар. Ох. IX 1189).

Данные папирусов вводят нас в еще большее затруднение. Из Рар. Охуг. IV, 705, 31 ff. + Рар. Врем. 40 мы узнаем, что большой подмогой римскому войску в борьбе с евреями было народное ополчение крестьян, понесшее тяжелые потери людьми в этой борьбе. Это ополчение именуется *symmachia* «союзническое войско»; по-видимому, оно было добровольным. Действительно, ненависть местного населения к евреям была так велика, что жители Оксириха ежегодно с тех пор справляли особые торжества в день победы над евреями. Казалось бы, римское правительство должно только благодарить греко-египетское население за тяжелые жертвы и самоотверженную помощь, оказанную римлянам в такой трудный момент... Что же мы узнаем из папируса Р. Рар. 68?

Оказывается, вожди греко-египетских антисемитов принуждены были предстать перед суд Адриана. Им вменялось в вину, что они торжественно провели по городу, подвергая всяческим насмешкам и оскорблениям, вождя восстания, еврейского «царя», по-видимому, киренского еврея Лукуя или Андрея (Вилькен, о. с. 815). Им приходилось защищаться от этого обвинения и приводить в свое оправдание то обстоятельство, что еврейский царь был подвергнут оскорблениям по приказу римского наместника Лупа. Но эта ссылка не удовлетворяет Адриана, и он укоризненно замечает: «Вот до чего доводит междоусобная распря!» Далее евреи обвиняют антисемитов в том, что арестованные евреи были ими вытаснены из темницы и изранены, на что император, по-видимому, отвечает (восстановление гадательно): «Это так, но надо было бороться с совершившими это

преступление, а не с александрийцами вообще!» (т. е. это не оправдывает еврейского восстания). В дальнейшем ходе дела антисемиты возражают, что они не вытаскивали из темницы арестованных евреев, что это сделали сами евреи с целью потом обвинить антисемитов в этом поступке. Евреи заявляют в ответ, что это ложь. Далее император вменяет александрийцам в вину также и то, что они оскорбили какого-то почтенного еврея, бывшего посла, и что александрийцы были первыми зачинщиками безбожных поступков. Мы узнаем, что уже до этого, к ужасу александрийцев, евреям особым эдиктом было разрешено селиться и в тех частях города, где жили неевреи, т. е. что гетто было отменено и что, по-видимому, по делу об извлечении из тюрьмы и избиении арестованных евреев уже раньше 60 александрийцев были осуждены на изгнание, а их рабы обезглавлены, тогда как по мнению александрийской делегации, такой участи заслуживали сами арестованные евреи, а не александрийцы решительно ни в чем неповинные (BGU 341, вторая редакция парижского папируса). В результате вождь антисемитов Антонин присуждается императором к заключению в тюрьму.

Итак, если оставаться при общепринятом взгляде на еврейское восстание, то придется допустить, что римское правительство было не иначе как на службе у всесильного еврейского кагала. Действительно: евреи без всякого повода восстали против римлян и учиняли при этом неслыханные зверства (они, якобы, убили 220 тыс. человек в Кирене, 240 тыс. человек на Кипре). Греко-египетское население, самоотверженно рискуя жизнью, добровольно выступает на помощь римлянам. В результате, греков же тащат к суду императора по мелким обвинениям, ничего не стоящим по сравнению с зверским убийством 460 тыс. человек. Так, им вменяется в вину оскорбление еврейского «царя», оскорбление какого-то еврея-посла, нанесение ранений арестованным евреям... И что же? Император Адриан всецело становится на сторону евреев: вождя антисемитов Антонина он приказывает бросить в темницу. Мало того, оказывается, что уже до этого особым эдиктом было отменено гетто и 60 александрийцев были изгнаны за антиеврейские беспорядки, а рабы их даже казнены.

Конечно, у читателя явится мысль, что император Адриан был крайним юдофилом. Ничего подобного! Именно этот император для поправления еврейских национальных чувств основал в 130 г. на развалинах Иерусалима римскую колонию Элия

Капитолина, именно этот император запретил на всей территории римской империи обрезание, т. е., что одно и то же, исповедание еврейской веры (Spartian., Hadrian, 14).

Примири́ть эти противоречивые факты можно только одним путем. Очевидно, утверждение Моммзена (о. с. 543), Блудая (стр. 91), Вилькена (стр. 41) и др., что еврейское восстание при Траяне не было результатом притеснений или преследований, слишком поспешное; папирусный материал дает право сделать как раз обратное заключение. Мы видели выше, что разрушение Иерусалима вызвало целую волну жестоких расправ с евреями. Надо думать, что значительная часть антиеврейских беспорядков, на которые намекается в папирусе, имела место еще до еврейского восстания и вызвала его. По-видимому, даже и антисемитски настроенный Адриан должен был признать, что евреи вынуждены были к восстанию невыносимыми гонениями и что, несмотря на это восстание, евреи были все же гораздо более лояльными римскими подданными, чем их противники — египетские греки, как известно, ненавидевшие римлян еще гораздо больше, чем евреев⁵⁰.

Итак, этот несколько слишком длинный исторический экскурс с несомненностью подтвердил выставленное на стр. 55 положение, что правительственный антисемитизм в древности всегда появлялся в результате антисемитизма общества, а не наоборот. Докажем и второе положение, что — правительства, сплошь и рядом, покровительствовали евреям, несмотря на антисемитизм общества и против воли этого общества. В самом деле, в то время как греко-египетское общество зачитывается антисемитскими баснями в истории Манефона, Птоломей III предоставляет синагоге право убежища (Dittenberger OGIS 129), Птоломей VI Филометор, как мы видели (стр. 60), несмотря на существование сильной антисемитской партии, разрешает евреям построить храм в Египте, поручает им ответственные должности в государстве и т. д. (Jos. с. Ар. II 5, Ant. XIII, 3, 4). Вообще Птолемеи, по правильному замечанию Блудая (стр. 9), имели репутацию горячих юдофилов (eifrige Judenfreunde); но даже и их политические противники — Селевкиды были все же благосклоннее к евреям, чем окружавшее их общество. Это засвидетельствовано Диодором (34 fr. 1; вернее его источником, Посидонием Апамейским, см. Reinach о. с. fr. 25) для Антиоха VII. Такое благоприятствование правительств евреям вопреки воле общества Моммзен (о. с. 492) объясняет тем, что «евреи, благодаря их приспособляемости

и уживчивости, с одной стороны, и ни перед чем не отступающему упорству, с другой, были особенно удобным материалом для государственного строительства». Поэтому и римские императоры часто оказывались вынужденными, не считаясь с общественным настроением, покровительствовать евреям. Так, выше (66—67) мы видели, что Тиберий, следуя настроению общества, выселил всех евреев из Рима. В 31 г. однако, соображения государственной пользы вынудили его отменить эту меру и разрешить евреям вернуться в Рим (Philo, *leg. ad Caium* § 24). В царствование того же Тиберия представители малоазиатских греческих городов обратились к римскому наместнику Марку Агриппе с петицией о лишении евреев гражданских прав в этих городах, т. к. они не почитают официальных государственных божеств. Агриппа отклонил это ходатайство и сохранил за евреями их права вопреки воле их сограждан-эллинов (Nic. Dam. fr. 43 R = Jos. Ant. XII, 3, 2). Император Клавдий по расследовании дела о погроме в Александрии признал правыми евреев и даже казнил главарей антисемитов, несмотря на то, что их дело было в высшей степени популярно в александрийском обществе, так что впоследствии о них возникла целая литература, в которой они изображались, как мученики за эллинское дело (см. Wilcken, *о. с.* стр. 800 слл.). Так, из *Рар. Ох. X 1242* мы видим, что во время процесса александрийских антисемитов при Траяне они ссылались как на своих предшественников на мучеников при Клавдии (I. 72). То же было и при императоре Тите, как известно, меньше всего повинном в юдофильстве. Его наместник воспретил антиохийцам громить евреев, равно как и препятствовать им в отправлении их культа, а сам Тит категорически отклонил петиции антиохийских граждан о выселении евреев из этого города (Mommsen *о. с.* 541). Далее, Нерва отменил судебное преследование за «еврейскую жизнь», т. е. за соблюдение еврейских обычаев (Dio Cass. *Epit. Xiphilim.* 68, 1, 2), а Траян уничтожил, из соображений политического характера, гетто в Александрии, разрешив евреям селиться во всем городе, хотя александрийцы неоднократно просили императора о сохранении гетто (Wilcken *о. с.* 812). Наличие в пап. BGU 715 (выше, стр. 39) большого числа евреев-ситологов показывает, что в эпоху Траяна «евреи пользовались особым доверием римского правительства» (Wilcken, *Grundzüge*, I, 1,62). Во время процесса евреев и антисемитов сам Траян и жена его Плотина всецело становятся на сторону евреев (*Р. Ох. X 1242*). Точно так же и император

Адриан, подобно Клавдию и Траяну, при разборе дела о столкновении нееврейского населения с еврейским в Египте, стал на сторону евреев и, по крайней мере, одного из вождей погромщиков, Антонина, подверг тюремному заточению; и об Антонине стали затем в литературе говорить, как о мученике за эллинское дело (Wilcken, о. с. 807 слл.).

На все сказанное нам возразят ссылкой на то, что разобранные нами антисемитские общественные настроения характеризуют не все греко-римское общество, а только часть его, и притом худшую в нравственном отношении, что лучшая часть общества относилась к еврейству более терпимо и что на эту-то лучшую часть и опирались правительства.

Это неверно. Во главе антисемитского движения в древности, действительно, стояло много негодяев, но это решительно ничего не доказывает. Всякое народное движение, связанное с противозаконными, насильственными действиями, наряду с людьми пассивными, подпавшими влиянию активных руководителей, состоит, с одной стороны, из убежденных фанатиков новой идеи, а с другой стороны, из еще большего количества негодяев, пользующихся случаем, чтобы половить рыбу в мутной воде. Античный антисемитизм представлял собой именно такое народное движение и, поэтому, конечно возглавлялся не только проходимцами, но и убежденными идеалистами с незапятнанной репутацией.

Так, александрийский литератор Апион, один из организаторов погрома 38 г., по единодушному выводу современных ученых, был не только пустым болтуном, без каких-либо глубоких убеждений, но и сознательным негодяем. «Лгун, тщеславный всезнайка, специалист по надуванию масс, ловкий, остроумный, бесстыдный и безусловно лояльный» (Mommson, о. с. 518). Его бессодержательность и шарлатанство прекрасно иллюстрируются его «научными» гомеровскими изысканиями (ibid. 5188, пр. 2) и тем, что в числе величайших гениев древности, наряду с Сократом, Зеноном и Клеанфом, он называл и самого себя (Апион, fr. 63 DR, § 6 = Ios. с Ap. II, 7—13). Гауспат (Neutest. Zeitgeschichte², 192) и Блудай (о. с. 80) называют его «самым невежественным, тупым и нечистоплотным из всех грамматиков древности»⁵¹. Точно так же невысоко стоявшими в нравственном отношении людьми были, вероятно, и некоторые другие столпы древнего антисемитизма — Антиох IV Эпифан (Schürer, Geschichte, I³, 190, слл.), Птоломей VII Фискон (Niese, Gesch. III,

272, слл.) и Цицерон (Mommson, о. с. III, 180, 217—218, 326), хотя относительно этих лиц взгляды ученых уже значительно расходятся, и Антиоха IV, напр., многие считают фанатиком-идеалистом (Willrich, *Juden und Griechen*, Gött. 1895, 124). Зато, с другой стороны, относительно Манефона даже Иосиф Флавий (с Ар. I, 26) должен признать, что вообще это добросовестный историк, нигде не искажающий своих источников, и только при изложении еврейской истории он, за отсутствием прямых источников (библейскому рассказу, как одностороннему, он не доверял), «спроецировал в первобытные времена все то, чем попрекали современных ему евреев» (Штегелин, о. с. 10), — можно говорить о ненаучности такого приема, но не может быть речи о недобросовестности Манефона.

Далее, до нас дошли обрывки особой отрасли александрийской литературы — мартирологи, жития мучеников, пострадавших за свою антисемитскую деятельность (Wilcken, о. с. 800, слл.). Это Исидор и Лампон, организаторы погрома 38 г., Гермаиск, Павел и Антоний, организаторы погрома в начале царствования Траяна и т. д. В Рар. Ох. X, 1242, сами боги (Серапис) чудесными знаменами свидетельствуют о правоте антисемитского дела. Конечно, среди этих лиц могли быть и сознательные негодяи, покрытые ореолом мученичества и идеализма только вследствие того, что они были казнены из-за евреев, но самый факт существования и широкой популярности таких мартирологов показывает, что среди вождей антисемитов были и убежденные идеалисты, борцы за идею.

Доказательством того, что такой взгляд правилен, являются и еврейские источники, которые уже во всяком случае нельзя обвинить в сочувственном отношении к антисемитам. Антисемиты типа Апиона здесь спроецированы в лице Амана; маска легко раскрывается благодаря тому, что Аман, хотя и состоит при дворе персидского царя, но в некоторых местах назван не амалекитянином, а *македонянином* (доб. к кн. «Эсфирь», 6, 10, стр. 210, Kautzsch), как официально именовали себя привилегированные египетские греки. Аман, действительно, выведен негодяем и государственным изменником. Точно так же в так наз. III кн. Маккавеев главные представители антисемитского направления — придворные пьяницы и гуляки (III Макк. 2, 25, стр. 124, Kautzsch); здесь также — проекция в древность фисасов, кружков, устраивавшихся для совместных пирушек и кутежей, бывших, по свидетельству Филона (in Flacc. 17), очагами антисемитизма. Но в обоих этих еврейских источниках мы

встречаем и другой тип антисемита: это честные, идеалистически настроенные люди, преследующие евреев ради блага и преуспеяния своей родины, так как, по их мнению, именно из-за евреев это благо не может быть достигнуто. Таковы царь Артаксеркс в доб. к книге «Эсфирь» и Птоломей IV Филопатор в III кн. Маккавеев (см. их указы: доб. к кн. «Эсфирь» 2, 2, стр. 202, К, III кн. Макк. 3, 12 слл., стр. 136—127К). Здесь также, несомненно, проецируются в древность современные авторам этих книг антисемиты-идеалисты.

Нельзя также представлять себе дело так, что лучшая часть общества была настроена филосемитски. С начала III века до Р. Х. филосемитов в древности или вовсе не было, или они составляли незначительную горсточку (я исключаю, конечно, тех эллинов, которые принимали целиком или отчасти еврейскую религию, становясь или прозелитами или так наз. «чтущими Всевышнего Бога»). Действительно, еврейские источники указывают, что были отдельные греки, не одобрявшие насилий и погромов и даже согласившиеся спрятать у себя знакомых или компаньонов-евреев на время погрома; это сообщение III кн. Маккавеев (3,8, ср. 3,27) также несомненно является проекцией действительности времени написания книги: в самом деле, из Филона (leg. ad Cai. 19) мы узнаем, что во время погрома 38 г. находились отдельные люди, выражавшие сочувствие жертвам истязаний, но толпа их была, бичевала и распинала на крестах.

Что мягкосердечные люди не могли выносить вида истязаний, это естественное явление для всех времен, и это еще, конечно, не дает права говорить о юдофильстве. Больше никаких указаний на юдофильство, исключая апокрифического письма императора Юлиана Отступника, мы не имеем; по-видимому, еврейство вызывало к себе либо ярко дружественные, либо ярко враждебные чувства.

Друзья евреев неизбежно или становились еврейскими прозелитами (очень редко) или, если их это шокировало, вступали в примыкающие к евреям кружки, «чтущих Бога Всевышнего». Таким образом, вне еврейства оставались только антисемиты и неудивительно, что всякому, кто, не входя в круги еврейства, делал что-либо на пользу еврейства, бросалось обвинение в тайном сочувствии евреям, в еврейском происхождении и т. д. Так, в папирусе-мартирологе P. Cair. 10448 (Wilcken, о. с. 802) вождь антисемитов и организатор погрома 38 г. Исидор бросает императору Клавдию в лицо обвинение в том, что он незаконный

сын еврейки Саломы; в Рар. Ох. X, 1242, I. 42, Гермаиск заявляет Траяну, что его сенат «наполнен безбожными жидами». Это было единственно возможным объяснением того, что эти императоры не стали на сторону александрийских погромщиков.

Итак, правительство играло пассивную роль в преследовании евреев; антисемитские настроения исходили из недр античного общества.

4. Еврейский партикуляризм как причина античного антисемитизма

Наибольшим распространением и популярностью пользуется теория, по которой причиной антисемитизма в древности считается еврейский партикуляризм. «Если вспомнить», говорит Вилькен (ук. с. 785), «ту широчайшую терпимость, с какою относились греки эллинистической эпохи ко всем народам, исключая одних только евреев, то придется искать причины в том, что свойственно одним только евреям. Это их религия и вытекающий отсюда резкий партикуляризм и презрение к иноверцам». «Но когда для всех стало все яснее и яснее, насколько неподатливы евреи ко всяким влияниям эллинизма, как они в отличие от всех других народов воздвигли китайскую стену между собою и другими народами,— отдельные цари, как напр., Антиох Эпифан, пытались насильственно сломить сопротивление евреев», говорит Шюрер в ук. соч. на стр. 108. «Враждебность греко-римского мира прежде всего вызывала та непроходимая стена, которую еврей воздвигал между собой и другими людьми»,— повторяет он же на стр. 153⁵².

Если бы под партикуляризмом понималось нежелание чувствовать себя только лишь органической частью того государства, в котором евреям приходилось жить, и отказаться от своего религиозного и национального своеобразия, насколько диким и «моветонным» оно ни казалось бы их просвещенным соседям, то этот взгляд был бы, как мы увидим ниже, близок к истине. Но здесь, как мы видим, речь идет о «резком партикуляризме и презрении к иноверцам», о «китайской стене», воздвигавшейся евреями между ними и другими народами», а в таком виде это обвинение неверно; оно, хотя и почерпано из многочисленных указаний древней,

преимущественно антисемитской, литературы, тем не менее прямо противоречит фактам.

Действительно, это обвинение проходит красной нитью через всю античную литературу о евреях. Уже Гекатей Абдерский, писавший в начале III в. и вообще не настроенный антисемитски, говорит о «чуждом человечности и враждебном к иностранцам образе жизни евреев», объясняя это тем, что пришлось претерпеть евреям от иностранцев-египтян во время их пребывания в Египте (fr. 9 R § 5). Такое же обвинение бросают евреям видные антисемиты I в. до Р. Х. — учителя Цицерона Посидоний Апамейский и Аполлоний Молон. По мнению первого, «евреи — единственный народ в мире, относящийся враждебно ко всякому общению или сближению с другими народами, и считающий своими врагами все человечество» (fr. 25 R § 1). «Пришедшие в Иерусалим евреи, говорит он, передали в наследство своим потомкам ненависть ко всему человечеству. С этой целью евреями были приняты законы, запрещающие иметь общий стол с иностранцами и вообще относиться к ним сколько-нибудь благожелательно» (там же § 2). «Моисей наполнил свое законодательство человеконенавистническими и преступными обычаями евреев» (там же § 3). Равным образом, и Аполлоний Молон подчеркивает нежелание евреев допускать в свою среду неевреев и вообще общаться с людьми инакомыслящими и соблюдающими иные обычаи (fr. 27 FR.). Писавший в первом же веке географ Страбон с негодованием указывал на то, что евреи имели в Кирене особый квартал и управлялись по особым законам, особенно же его возмущает, что во главе киренских евреев стоит этнарх, «управляющий еврейской общиной, точно властитель независимого государства» (fr. 51 R). Это обвинение было подхвачено александрийской плеядой антисемитов, жившей и действовавшей в I в. по Р. Х. (выпше, стр. 68). Лисимах уверял, что уже Моисей запрещал евреям проявлять сочувствие к иноплеменникам (fr. 59 R § 4); Апион сообщал, что все евреи дают в этом особую торжественную клятву (fr. 63 D § 4) и что такая же клятва произносится ими во время ритуального убийства греков (там же, § 3). Живший во II в. по Р. Х. платонический философ Цельс заявляет, что нельзя упрекать евреев в том, что они соблюдают свой особый закон, однако они достойны всякого порицания за то, что чуждаются общения с иноплеменниками (fr. 88 R § 11). Филострат, писатель III в. по Р. Х.,

автор жизнеописания Аполлония Тианского, говорит, что евреи «далеки не только римлянам, но и всему человечеству... Эти люди, измыслившие обычаи, запрещающие общение с другими людьми, дальше отстоят от нас, чем Сузы, Бактра и даже чем живущие за этими странами Индусы».

Из греческой литературы это обвинение переходит в римскую. В XIV сатире Ювенала, ст. 96 слл. мы читаем:

... законы евреев,
Что передал Моисей им когда-то в таинственной книге:
Если не принявший веры еврейской попросит еврея,
Чтобы дорогу ему показал — отказать ему в этом.
Если захочет напиться — к ключу не водить иностранца,
Прежде чем он не позволит свои изуродовать уды⁵³.

Точно так же и Тацит (Hist. V, I) характеризует евреев таким образом: «В отношениях друг с другом они отличаются ненарушимой верностью слову и живейшим милосердием. Но ко всем другим людям они пылают враждой и ненавистью».

Из еврейских источников мы, равным образом, узнаем, что именно это обвинение было главным козырем в руках антисемитов. Само собой разумеется, что с точки зрения еврейских источников оно является несправедливым наветом. В так наз. 3 кн. Маккавеев (7,4) приводится апокрифический указ Птолемея IV: «наши друзья», говорит он, «утверждали, что государственные дела не могут быть в добром порядке вследствие враждебности, которую питают евреи ко всем народам мира». Впоследствии он, как говорится в этом указе, убедился, что это обвинение несправедливо. В кн. «Эсфири» (3,8) выводимый в роли клеветника и негодяя Аман говорит персидскому царю: «Есть народ, рассеянный между другими народами по всем провинциям твоего царства, живущий обособленно от других людей». В сфабрикованных в Египте, одновременно с III кн. «Маккавеев» греческих добавлениях к книге Эсфири, в апокрифическом указе персидского царя, впоследствии якобы аннулированном, говорится (2 § 4): «Аман разъяснил нам, что в среду всех народов мира вкраплен некий народ с враждебным духом, который в силу своих законов враждебен всем народам, вследствие чего невозможно привести в спокойное состояние безупречно руководимое нами государство»... (там же § 5), «мы приняли в соображение, что этот народ — единственный во всем мире — всегда относился враждебно ко всему человечеству».

Современные ученые — Моммзен и Шюрер — говоря о партикуляризме как о причине антисемитизма, имеют в виду не столько то или иное настроение еврейства, сколько чисто внешний факт образования евреями «государства в государстве», т. е. ряда общин, пользовавшихся весьма широкой автономией, — в частности, правом самообложения и юрисдикции (Mommesen, o.c. 491, Schürer o.c. 112). Так, например, Шюрер, (стр. 79 пр. 20) указывает на надп. C. I.G. III 5361 из киренского города Вере-ники, из которой видно, что еврейская община пользовалась здесь широкой автономией и даже называлась *politeuma* «государственная единица». Она управлялась особыми 9 архонтами, располагала собственной финансовой организацией, устраивала собственные народные собрания и т. д.

Однако, существование таких автономных общин можно было бы считать причиной антисемитизма только в одном из двух случаев: либо если бы такой автономией пользовались только еврейские общины, либо если бы древние греки и римляне относились с такой же враждебностью, как к евреям, и ко всем другим иностранцам, живущим такими же автономными общинами. Однако материал, собранный тем же Шюрером на стр. 97 слл. указанного труда показывает, что финикийские, египетские и т. д. колонии пользовались не менее широкой автономией, чем еврейские. И однако о финикиефобии или египтофобии в древности не было и речи. Правда, Моммзен (стр. 491) утверждает, что «евреям, и только евреям, было позволено образовать, так сказать, общину внутри общины и до известной степени самоуправляться, тогда как остальные неграждане были подчинены управлению общегражданских властей». Но это прямо противоречит собранным Шюрером фактам. Так, напр., из надп. C. I.G. 2271 (испр. Фукаром в книге *Les associations religieuses chez les Grecs*, 1873, p. 223-225) мы видим, что финикийская купеческая община в Делосе, подобно еврейским, имела своих должностных лиц, свое финансовое самоуправление, свои народные собрания и т. д. Более того, такое народное собрание позволяет себе подписаться под декретом рядом с афинским народным собранием! Очевидно, не может быть и речи о том, что эти финикийские общины имели в каком-либо отношении меньше прав, чем еврейские.

Но и вообще указания этих ученых на господствовавший среди евреев «резкий партикуляризм и презрение к иноверцам», на «китайскую стену, которой они тщательно отгораживали

себя от иноверцев», несправедливо, — несправедливо потому, что противоречит указаниям тех же авторов на широкие размеры, которые приняла ассимиляция еврейства в это время. Трудно понять, как эта ассимиляция могла совмещаться с «китайской стеной».

Я не буду пока говорить об ассимиляции в домаккавейскую эпоху, так как современные ученые обычно считают, что еврейский партикуляризм вызван поступком Антиоха Эпифана. У нас есть достаточно документальных данных, чтобы говорить о широкой и глубокой ассимиляции евреев и после Антиоха. Об ассимиляции в религиозной области, о настойчивом желании евреев не только не оскорблять местную религию, но даже и не бросаться в глаза, как иноверцы, я говорил уже выше (стр. 16). Обращу теперь внимание на имена евреев. Огромное большинство встречающихся в папирусах, надписях и т. д. имен евреев — имена греческие, что же касается образованных и высокопоставленных евреев, то они почти все, за редкими исключениями, носят греческие имена. Особенно модны греческие собственные имена в маккавейской Палестине. Перечисление их читатель найдет у А. Бертолета (*Die Stellung etc.*, 231). Любопытно, что эти имена в одинаковой моде и у крайних ассимиляторов, и в самых недрах националистической партии (*Bertholet, ibid.*). Далее, из девяти архонтов еврейской автономной общины — политевмы в Веренике на Кирене — 8 носят греческие имена, греческие же имена носили и отцы их, девятый, правда, зовется Иосиф, но и он — сын Стратона. Не брезгают евреи даже именами, произведенными от эллинских богов, напр., Гераклид в надп. IOSPE II 52, Апполоний в этой надписи. Дионисий в надп. C I G 4838c из Эдфу, Гермий, *Ostraka*, I 728 и целый ряд других. Но особенно излюбленны, с одной стороны, «защитные» имена, сложные с «Фео» — и одинаково приемлемые и счастливые и для евреев, и для греков (напр. Феохрест, Феодот, Феодор, Дорофей, Феодора, Дорофея и т. д. (см. выше, стр. 25), с другой, выражающие храбрость, (Клеандр, Стратоник, Андромах, Автокл, Стратон в упомянутой Киренской надписи; ср. пристрастие нынешних евреев к именам Лев и Бер — медведь — и фамилии Левенгрец, Левенштерн, Берман и т. д.).

Далее, родным языком еврейства рассеяния был греческий язык; древнееврейский язык был понятен даже из наиболее образованных людей очень немногим⁵⁴. Греческий язык был не только языком повседневной жизни (на нем написаны все

дошедшие до нас правовые документы), он вытеснил древнееврейский язык даже и из религиозного обихода. «Языком богослужения был, несомненно, как правило, греческий» (Шюрер о. с. 140; см. приводимые им в пр. 19-22 цитаты из Талмуда и христианских церковных писателей), только некоторые отдельные формулы произносились на древнееврейском языке.

Поэтому для нужд изучения и богослужения Священное писание пришлось перевести на греческий язык. Вопреки указанию псевдэпиграфического письма Аристея, приписываемый семидесяти толковникам перевод Библии, Септуагинта, сделан был не для греков, а для нужд самих евреев. «Перевод Торы, появившийся, по-видимому, в эпоху Филадельфа, безусловно возник вследствие богослужебных нужд еврейской диаспоры, а не вследствие интереса Филадельфа и не ради пропаганды среди язычников» (Kautzsch, *Pseudepigraphen des A. T.*). Точно также переводчик с еврейского на греческий язык «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» в предисловии к этой книге говорит, что перевод предпринят им ввиду «огромной разницы в образовании», получаемом палестинскими и египетскими евреями: иными словами, не только разговорным языком, но и языком преподавания у египетских евреев был греческий⁵⁵. Мало того, еврейский язык был настолько непонятен евреям диаспоры, что они его не употребляли даже в надгробных надписях. Надписи в римских катакомбах (первых веков христ. эры) написаны почти исключительно на греческом и латинском языке (ср. Schürer, о. с. 140). Конечно, греческий язык евреев подчас не отличался особенной правильностью акцента и не удовлетворял педантическим требованиям чистоты словоупотребления и правильного сочетания слов⁵⁶: математик Клеомед обзывает язык Эпикура, не отличавшийся чистотой, «языком, позаимствованным из самой гущи синагоги», во всяком случае, и отсюда мы видим, что в синагогах говорили на греческом языке.

Моммзен (о. с. стр. 490) пытается ослабить силу этого довода указанием на то, что «греческий язык стал господствующим среди евреев не только естественным путем, вследствие постоянного общения с иноплеменниками, но был им навязан принудительно (македонскими властителями)». Однако, Моммзен не привел ни одного свидетельства в подтверждение своего предположения и, так как оно и а priori невероятно и противоречит остальным фактам еврейской ассимиляции, мы вправе с ним не считаться.

Еврейство диаспоры не удовлетворялось усвоением греческого языка: оно быстро усваивает всю эллинскую образованность; еврейская молодежь учится уже не только священному писанию, но и эллинской науке. Об этом свидетельствует между прочим и возникший, вероятно, в эту эпоху 119 псалом (ст. 99), представляющий реакцию против этих ассимиляционных тенденций: «я мудрее всех тех, которые меня учили, ибо я наполнил душу твоими заповедями». Евреи невольно втягивались в круг эллинского научного мирозерцания. «Евреи вступили в плодотворное, весьма интимное соприкосновение с греческой литературой», читали и изучали греческих поэтов, историков, ораторов и философов. Евреи пишут трагедии в стиле Еврипида (Езекиель) и эпические поэмы (Филон Старший)⁵⁷. Целый ряд евреев — Аристокбул, Филон, Аполлос и др. весьма успешно подвизались в философии, продолжая работать в рамках и формах античной науки, Деметрий и Евполом пишут светскую историю евреев⁵⁸; богатая псевдоэпиграфическая литература — псевдо-Сибилла, псевдо-Гекатей и т. д. — и отдельные фальсифицированные с целью прославления еврейской религии стихи Орфея, Гомера, Гезиода и т. д. показывают, насколько близко еврейская интеллигенция была знакома с лучшими произведениями античной литературы. Итак, по справедливому замечанию Дейсманны (Bibelstudien, Marburg 1895, 72), «еврейство эллинистических стран говорило между собой по-гречески, пело греческие псалмы, писало и творило литературные произведения по гречески, лучшие еврейские умы даже мыслили на греческий лад».

Греческая культура приобрела такое влияние на еврейские умы, что даже свои собственные национально-религиозные установления евреи организуют на греческий манер. «Употребление евреями выражений «архонты» и «герусия» показывает, что еврейские учреждения диаспоры копируют общинное устройство греческих городов» (Шюрер, о. с. 91). По греческому обычаю, еврейская община награждает заслуженных граждан и иноплеменников золотым или оливковым венком и «проздрией» (в греческих надп. «проздрия» — право сидеть в первом ряду в синагоге), эти постановления собрание общины постановляет вырезать на мраморной таблице и т. д. (напр. надп. ВСН X 1886 р. 327-335 из Фокеи, указанная надп. из Вереники). Все это чисто греческие обычаи, совершенно чуждые еврейскому укладу. Даже надписи из Пантикапеи

(нынешней Керчи), относящиеся в конце I в. по Р. Х. (Латышев, IOSPE II 52. 53) и содержащие отпущение рабов на волю, представляют собой, несмотря на огромную разницу в психологии, копию подобных же греческих надписей, где рабы отпускаются на волю в форме дарения богу⁵⁹: отпущение происходит в храме (здесь в синагоге), наследники обязуются не притязать на отпущенного и т. д. Только вм. слова «такому-то богу» мы читаем в № 52 «в синагоге», а в № 53 (ср. 400) еще ближе к греческому прототипу — «синагоге» (дат.пад.). Все это не только не вытекает из европейского правосознания, но прямо противоречит ему и тем не менее, с небольшими поправками, входит в употребление в целях сближения с эллинским миром. Наконец, мы встречаем совершенно чуждое еврейскому укладу предоставление общинных должностей женщинам и награждение их почетным званием (*mater synagogae* CIL, V 4411. VI 29756 *archisynagogos* — Reinach, R. E. Juives, VII, 1883, p. 161-166); у греков в эпоху после Р. Х. это было зато в очень широком употреблении. У Шюрера (стр. 90 слл.), откуда я эти примеры заимствую, читатель найдет целый ряд менее существенных следов глубоких ассимиляционных тенденций в еврействе древности.

Особенно любопытно следующее. Наиболее типичным национальным установлением эллинов, тем, что их *paq exellance* отличает от евреев, всегда считался культ тела — гимнастические упражнения. Из того факта, что накануне осквернения иерусалимского храма Антиохом Епифаном в Иерусалиме был построен гимназий, где еврейские юноши, обнаженные, занимались по греческой моде гимнастическими упражнениями, многие заключали, что в этот момент еврейство было накануне полной ассимиляции с эллинами, — казалось, что такая уступка эллинству как бы лишает еврейство всякого права на существование. Только безумному поступку Антиоха евреи, по мнению этих ученых, обязаны тем, что они снова пошли на путь партикуляризма и, таким образом, сохранилась еврейская нация. Оказывается, что даже такие крайние формы ассимиляции мы находим и в после-маккавейскую эпоху: из малоазиатского города Гипепы дошла до нас надпись, относимая ко II в. по Р. Х., где упомянуты *Ioudaioi neoterai* (Reinach, R. E. Juives X, 1885, p. 74). Здесь несомненно речь идет, как и в тождественных греческих надписях, о союзе еврейских юношей, устроенном для гимнастических состязаний (Шюрер, 91 с пр. 57).

Занятия евреев тоже были не таковы, чтобы можно было отгородить себя «китайской стеной» от иноверцев. Земледелием

занималась только незначительная часть евреев. Евреи же, подвизавшиеся, напр., в медицине, публицистике, принуждены были и проходить эллинскую школу, и быть в постоянном тесном общении с эллинами. Мы видели выше (стр. 42), что медицинские открытия, сделанные еврейскими врачами, охотно цитируются греками.

Ясно, что об отгорожении «китайской стеной» не может быть и речи: если говорить о еврейском партикуляризме, то под ним надо разуместь что-то совершенно иное. Необходимо согласиться с Бертолетом (Bertholet, о. с. стр. 198), что евреям важно было только иметь возможность беспрепятственно соблюдать свои национально-религиозные установления, «если этих установлений не трогают, они охотно идут навстречу культуре и завоеваниям эллинизма».

Наличие в еврействе как будто совершенно исключających друг друга партикуляристических и ассимиляционных тенденций сильно смущало современных ученых. Бертолет в ук. кн. говорит о двух отдельных борющихся между собой еврействах: еврействе священническом-партикуляристическом — и еврействе пророческом-универсалистическом. Но внимательное изучение исторического материала показывает, что обе эти крайности вовсе не отграничены друг от друга и часто совмещаются в одном и том же лице: после погрома Антиоха крайние «эллинисты» становятся убежденными националистами, наоборот, маккавейская (саддукейская партия), первая поднявшая знамя национального восстания, через короткое время становится сторонницей эллинизма⁶⁰, типичный эллинизированный еврей Филон выступает в роли борца за еврейское дело и т. д. Очевидно, и ассимиляционные, и партикуляристические стремления входят, интегрируясь, в еврейское специфическое национальное чувство: иногда усиливаются одни, иногда другие, но ни те, ни другие никогда не приобретают самодовлеющего значения.

Остается последний выход: не является ли усиление партикуляристических тенденций в еврействе той или иной эпохи причиной соответственного взрыва антисемитизма в греко-римском обществе? Таково мнение современной науки, и надо сказать, что это мнение не только не вытекает из исторических фактов, наоборот, эти факты приводят нас к диаметрально противоположным выводам. Уже Бертолет (о. с. 88) обратил внимание на то, что «евреи и греки питали друг к другу такое чувство, которое, как бы мы не называли его: ненавистью или нерасположением, взаимным

недоверием или просто холодностью, при примитивном укладе общества неизбежно должно было вести к кастовому обособлению» — иными словами, антисемитизм обострял партикуляризм, являясь как бы «первосущностью», а не наоборот. Действительно, эксцессы против евреев постоянно вызывали на короткое время усиление партикуляристических тенденций в еврействе (как было, напр., после погрома Антиоха), но усиление партикуляризма никогда не обостряло антисемитизма. Наоборот, усиление ассимиляционных тенденций в еврействе всегда вызывало быстрый рост антисемитизма, а партикуляристическая реакция соответственно ослабляла антисемитизм. Это и а priori естественно: чтобы ненавидеть человека, надо прийти с ним в тесное соприкосновение; кто держится вдали от нас, того мы не знаем и не можем питать к нему сколько-нибудь сильных чувств⁶¹.

Ученые давно обратили внимание на тот факт, что в до-маккавейскую эпоху антисемитизм был значительно слабее, чем в послемаккавейскую. Исходя из теории, по которой «партикуляризм причина антисемитизма», приходилось допускать, что партикуляризм появился только после Антиоха Эпифана, что до этого времени в еврействе преобладали ассимиляционные тенденции. Откуда же появилось вдруг стремление отгородиться? Самый легкий способ объяснить исторические явления — объяснение их волей отдельных «великих» людей, облеченных властью, — и на этот раз пришел ученым исследователям... Все-де было хорошо, евреи уже чуть-чуть не сделали греками. Надо было только немного затаить дыхание, чтобы не спугнуть робкую птичку, но тут появляется на сцену неотесанный Антиох Эпифан — по мнению одних, безумный деспот, по другим, взбалмошный прямолинейный фанатик — и пытается военными мерами ускорить этот процесс, совершает ряд насилий и т. д. Евреи, конечно, обиделись и сказали: «А, так вот вы какие! А мы вас так любили!» Они надулись, отвернулись в сторону, закутались в талесы и вообще не пожелали эллинизма. Греки ждали-ждали и, в конце концов, решили: «Как аукнется, так и откликнется» и стали ненавидеть евреев, так как при всей их терпимости им больше ничего не осталось делать. Приблизительно так излагают дело Штегелин (о. с. 16-17) и Вилькен (Zum alex. Antisemitismus, 785 с пр. 1)⁶². Не говоря уже об априорной

недопустимости объяснения исторических явлений волей безумного человека, иными словами, чудом, вся эта концепция противоречит историческим фактам. Объективное историческое исследование приводит нас к выводу, что ассимиляционные тенденции в еврействе, замирая на короткое время после погромов, в общем, начиная с конца I V в. до Р. Х. и кончая временем первых побед христианства, все росли, и усиливались. Если затем они уступили место партикуляризму, то причина здесь, — во-первых, в том, что евреи были вовлечены в общий процесс средневеково-христианского одичания, а во-вторых, в усилении христианства, которое отторгло от еврейства значительную часть склонных к ассимиляции элементов и тем самым вызвало искусственное усиление партикуляристских течений⁶³.

Этот взгляд подтверждается бесспорными фактами. До похода Александра Великого процесс эллинизации палестинских евреев еще чуть начинался. Партикуляристические тенденции еще преобладали. Александр Великий, не имея оснований не любить евреев, по-видимому, отнесся к ним сочувственно (см. выше стр. 57 прим. 42; Bertholet, о. с. стр. 196 слл.). В это время эллинизированный еврей был еще чрезвычайной редкостью; ученик Аристотеля Клеарх (fr. 7 R) с большим удивлением рассказывает: «Этот человек был евреем из Палестины. Эти евреи происходят от индийских философов. Индусы называют философов «калапами», а сирийцы, — «евреями». Этот человек был греком (теперь мы сказали бы европейцем) не только по языку, но и душой. Он познакомился с нами и некоторыми другими учеными, чтобы узнать, какова наша мудрость. Но сойдя с большим количеством ученых, он большому научил их, чем от них научился». Мы видим, что в эту эпоху, когда ассимиляция только начиналась и евреи, приобщенные к эллинской культуре, были еще редкостью, греческая интеллигенция относилась к еврейству с большим сочувствием и симпатией: евреи считались философами и мудрецами *par excellence*. Однако в ближайшее время эллинизация пошла более быстрым темпом, и наряду с этим растет неприязнь к евреям. Об этом свидетельствует живший при первом Птолеме Гекатей Абдерский (fr. 9 R § 9): «Позже, при господстве персов и победивших их македонян, вследствие тесного соприкосновения с иностранцами и многие из исконных еврейских установлений перестали соблюдаться»⁶⁴.

И у этого же Гекатея, как мы видели выше (стр. 58) мы находим первые признаки неприязни к евреям; в частности, этот же Гекатей обвиняет евреев в партикуляризме (выше стр. 80).

Царствование Антиоха IV было расцветом эллинистических тенденций в Палестине (см. Wellhausen, *Israel. und jüd. Geschichte* 241 слл. 252 слл.), и именно к этому времени относится первое жестокое гонение на евреев — «мерзость запустения» Антиоха IV (выше, стр. 59). Насилия Антиоха IV вызвали на короткое время националистическую, а, след., и партикуляристическую реакцию в Палестине. Любопытно, что (как мы отметили уже выше на стр. 60) для этого времени (165-106 г.) в эллинистической Азии не засвидетельствовано никаких проявлений антисемитизма ни в литературе, ни в правительственной политике.

Вся дальнейшая эпоха, как мы видели из примеров, сопоставленных выше, на стр. 82-86, есть время интенсивной ассимиляции, время, когда еврейская интеллигенция насквозь пропитывается эллинистическим духом. И в то же время именно эта эпоха характеризуется небывалым дотоле напряжением антисемитизма (см. выше, стр. 63 слл.).

Итак, мы приходим к выводу: усиление ассимиляционных тенденций в еврействе всегда вызывало усиление антисемитизма и, в частности (что звучит особенно парадоксально), усиление обвинений в партикуляризме.

Очевидно, тот «партикуляризм», который навлекал гнев иноплеменников на евреев,— нечто совершенно иное, чем «китайская стена» Моммзена и Шюрера, равно как и еврейская ассимиляция — не та равносильная национальному самоубийству ассимиляция, которой ожидают от евреев их «хозяева» (напр. М о м м з е н в брошюре: «Auch ein Wort über unser Judentum», Berlin 1880). Вилькен (*Zum alex. Antisemitismus* 785 пр. 1) справедливо замечает: «Впрочем, евреи, даже если они после этого (после Антиоха Эпифана, почему после? С. Л.) и усваивали эллинистическую образованность, в глубине души всегда оставались евреями». К такому же заключению приходит и Шюрер: «Пусть родным языком евреев диаспоры был греческий, пусть с точки зрения фарисейства их отношение к предписаниям еврейского закона было верхом распушенности и греховности, пусть они считали несущественным и вовсе не соблюдали многое из того, что казалось фарисеям существенным и необходимым: в глубине души они оставались евреями и во всем дейст-

вительно важном чувствовали себя единым целым со своими братьями в Палестине» (о. с.³ 92).

Только о такого рода партикуляризме евреев и следует говорить, выясняя причины антисемитизма в древности. Таким образом, отвергнув целый ряд выдвигавшихся учеными мнимых причин антисемитизма, мы, наконец, пришли к его истинной причине. Этому довольно сложному и запутанному вопросу и посвящена следующая заключительная часть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРИЧИНЫ АНТИЧНОГО АНТИСЕМИТИЗМА

Общие замечания

Выше вы видели, что объяснять античный антисемитизм какими-либо временными, случайными причинами или причинами, лежащими вне самих евреев, совершенно невозможно. Если везде, где только ни появляются евреи, тотчас вспыхивает и антисемитизм (Mommson, Röm. Gesch. V, 519) и если антисемитизм есть совершенно «своеобразное явление», не имеющее никаких параллелей в отношении греков и римлян к другим национальным группам (Wilcken, Zum alex. Antisemitismus, 783), то, очевидно, следует искать причину антисемитизма в самих евреях. Это ясно для большинства ученых; но так как антисемитизм до сих пор остается злобой дня, боевым вопросом, то вполне естественно, что такое объяснение антисемитизма получает оценочный привкус: ученые не довольствуются констатированием того, что евреи в тех или иных отношениях разнятся от всего остального древнего мира, но еще находят нужным объяснять антисемитизм тем, что евреи либо много хуже, либо много лучше своих соседей.

Со взглядами первой группы мы уже отчасти встречались в первой части, отчасти мы выясним их происхождение и опровергнем их ниже. Сейчас мы займемся взглядами второй группы. Такого рода взгляды высказываются не только учеными-евреями (у которых они и понятны, и простительны), но и учеными-христианами. Дело в том, что в еврействе эти люди видят предтечу христианства, а так как для них преимущество христианского мира над «языческим» — одна из первых аксиом их исторического мирозерцания, проникнутого верой в непрерывность нравственного прогресса, то естественно, что и еврейство, содержащее в себе зародыш христианства, — «куда выше язычества». Автор этой книги не видит никакого нравственного

прогресса в переходе от так наз. «языческой» эллинской религии к средневековому христианству и, равным образом, не видит тех нравственных максимов, которые заключались бы в Библии, но не были бы уже достоянием эллинистической культуры. Для него, так. обр., эта априорная предпосылка отпадает сама собой.

Однако такие взгляды нередко раздаются в науке. Ренан (*Revue de Deux Mondes*, 1890, р. 801) говорит: «Израилю не была предначинана (разрядка моя) судьба обычной нации, прикрепленной к своей земле; его удел был стать бродилом для всего мира. Рассеяние было одной из предпосылок его истории; ему предначинано было исполнять свою главную миссию, будучи рассеянным».

Еще дальше идет автор книги «*Das Judentum in der vorchristlichen griechischen Welt*» (Wien und Leipzig, 1897) М. Фридлиндер. Исходя из (конечно, далеко не беспристрастных) указаний еврейских писателей древности Филона и Иосифа Флавия, он приходит к выводу, что весь еврейский народ (не только его идейные руководители, но и народ, и широкие средние круги) «поставил своей единственной целью служить руководителем в нравственной жизни всему человечеству» (стр. 3-4), что «единственным» крупным промыслом, которым евреи диаспоры интенсивно занимались, было широко поставленное обучение и обращение язычников» (стр. 23), что «еврейская диаспора в действительности представляла собой общину апостолов, чувствующую себя призванной стать светочем народов, каким она и в самом деле стала» (стр. 23), что «презрение к богатству вообще было основной характерной чертой еврейской диаспоры» (стр. 66) и т. д. и т. д. Точно так же и в объяснении антисемитизма М. Фридлиндер следует Иосифу Флавию (с. Ар. I. 25): антисемитизм возник вследствие зависти язычников к успеху религиозной пропаганды и нравственным совершенствам образцового во всех отношениях еврейского народа (стр. 6. 47).

Если пойти по стопам этих ученых, то еврейский народ — какое-то неслыханное и непонятное исключение в истории мира. Другие народы ведут ожесточенную борьбу за существование, и в этой борьбе закаляется их природа и вырабатывается национальный характер; евреи пренебрегли этой войной за существование, ушли от мелочей жизни, «презрение к богатству вообще было их основной чертой», и вместо этого, пользуясь выражением Ренана, всецело погружаются в исполнение какой-то

заранее предназначенной им исторической миссии, на вред себе и на благо окружающим.

Самое существование такого «народа апостолов» а priori невероятно. Такой народ, живя среди людей с ангельскими душами, конечно, поразил бы их своим примером и в короткий срок обратил бы их всех в еврейство, живя же среди людей черствых сердцем, он, вследствие своей полной неприспособленности к жизненной борьбе, был бы в короткий срок уничтожен. В действительности не случилось ни то, ни другое. Вдобавок такое представление никак не уживается с историческими данными. Несмотря на антисемитизм и нравственные гонения, евреи, как мы видели выше, прекрасно преуспевали в практической жизни. Далее, не только пророки, праведники и ученые, но и практические дельцы, думавшие прежде всего о том, как бы сколотить хорошенькое состояньице, пользовались у евреев всеобщим почетом и уважением, если они соблюдали известный декорум, известный минимум благотворительности и внешней религиозности. Так, крупный откупщик-спекулянт Иосиф Тобиад «был очень популярен среди жителей Иерусалима за свое благочестие, мудрость и справедливость» (Jos. Ant. XII, 4, 2).

Откуда же могло возникнуть такое представление о евреях древности? Источник его двоякий: во 1-х, подобные же замечания у писателей древности «языческих» и еврейских; во 2-х, широко поставленная миссионерская деятельность античных евреев.

Начнем с указаний «языческих» писателей. Писатели конца IV и начала III века Феофраст (fr. 5 R), Клеарх (fr. 7 R), Мегасфен (fr. 8 R) и другие (Diog. Laert praef. § 9 = fr. 98 R) считали евреев не народом, а философской сектой. Но это объясняется, конечно, не «апостольской миссией» евреев: в это время ассимиляция в еврейской среде, как мы видели, еще только начиналась, и эти писатели попросту не знали евреев. Им было известно только, что это народ, живущий в большинстве на чужой территории и тем не менее всюду с упорством исповедующий и проповедующий свою религию; а так как для него и религия, не втиснутая в рамки определенного государства,— не религия, а «философия», почему и евреи с его точки зрения не национальная группа, а философская секта.

Столь же мало убедительны и панегирики эссениям, которые мы находим у Плиния (fr. 150 § 73 R) и Солина (fr. 196 § 9R). Эссениане — монашеский орден в Палестине, и, конечно, не они,

а евреи диаспоры давали представление о характерном облике еврея и были причиной тех или иных чувств к ним соседей. Конечно, и у евреев, как у всякого другого народа, были и достоинства, выгодно отличавшие их (особенно в эпоху нравственного упадка эллинистического мира) от их соседей; «таковы законы добродетели, признававшиеся даже врагами евреев: глубокая религиозность, строгое повиновение закону, крайне скромные потребности, благотворительность, привязанность друг к другу, презрение к смерти на войне, усердие к земледелию и ремеслам» (L. Friedländer, *Darst. aus der Sittengeschichte Roms*, III, 515), но было бы невозможным парадоксом утверждать, что именно эти достоинства и были причиной антисемитизма. Наоборот, мы видим, что древние писатели умеют совместить уважение к этим достоинствам евреев с самым ярким антисемитизмом; так, напр., Страбон (*Geogr.* XVI, 35) воздает должное простоте и возвышенности религиозного культа и в то же время относится к евреям крайне враждебно за другие особенности их жизни и учения.

Еще менее убедительны указания еврейских писателей древности. Более всего с первого взгляда отличала евреев от окружающих их религия и ее внешняя обрядность. Подобно тому, как греческие писатели (см. выше, стр. 18) старались представить себе эту религию, как смесь безнравственности, кровожадности и суеверия, и этим объясняли себе антисемитизм, так и еврейские писатели склонны были видеть причину антисемитизма в еврейской религии. Но так как евреям, естественно, их религия должна была казаться лучшей и совершеннейшей, то понятно, что они считали себя апостолами, мучениками за эту религию и видели единственную причину антисемитизма в зависти соседей (Joseph. *c. Ap.* I 25, *Or. Sib.* III 194 слл. et passim, *Sapientia Salomonis*, passim).

Широко поставленная миссионерская деятельность евреев, не имеющая даже отдаленных параллелей в истории других религий древности, стремление наберечь как можно больше новых адептов еврейской религии, казалось, противоречила национально-религиозной замкнутости евреев и заставляла видеть в них народ, ушедший от мира, народ апостолов. Это — главная причина появления тех взглядов, о которых мы только что говорили.

Между тем более близкое ознакомление с характером миссионерской деятельности евреев древности ставит нас сразу же в тупик.

По справедливому мнению Бертолета (о.с. 322 слл.), для того, чтобы быть признанным евреем, необходимо было соблюдать известный минимум еврейских религиозных обрядов, не имевших прямой связи с нравственным усовершенствованием (такая связь устанавливается эллинистически-еврейскими писателями только посредством символизации этих обрядов) и сохранявших лишь национально-традиционное значение. Конечно, нельзя указать точно, каков был этот минимум, так как внутри самого еврейства шла также борьба между партикуляристическими и ассимиляционными элементами, а вольнодумная часть еврейства сама не находила нужным соблюдать значительную часть установленных обрядов. Во всяком случае, обрезание, соблюдение субботы, почитание иерусалимского храма, кое-какие правила относительно пищи считались *conditio sine qua* поп для евреев, а следовательно, и для всякого, желающего вновь вступить в среду еврейства. «Или обрезание и связанный с ним полный переход в еврейство, или же вы остаетесь совершенно вне их круга» (Бертолет, о. с. 329): «для прозелитов является законом все то, что было законом для самих евреев (ibid. 335). Попытка М. Фридендера (о. с. 56 слл.) открыть в еврействе религиозное течение, отрицающее и обрезание, и иерусалимский храм, должна быть признана неудачной: он, как мы увидим ниже, опирается на еврейскую литературу, предназначенную для неевреев, которых вовсе не имеется в виду вовлечь в круг еврейства. Действительно, сам же он (на стр.57 своей книги) указывает, что тот же Филон, который в своих трудах объясняет обрезание и субботу, как чисто символическое изображение определенных нравственных максимов, тем не менее, для нужд еврейского читателя, находит нужным заметить: «Следует однако сурово порицать тех людей, которые, уразумев истинный философский смысл старинных обрядов, священных в глазах народных масс, перестают вследствие этого их соблюдать» (Philo de migr. Abr. I 450; ср. доб. к стр. 91). В глазах евреев всех толков «перейти в еврейство» и «сделать обрезание» — синонимы⁶⁵. Проникнутый эллинистической культурой еврей мог, таким образом, считать еврейские обряды сами по себе безразличные для нравственного усовершенствования и видеть в них только символы: тем не менее он требовал соблюдения их ввиду их «старинности», т. е. по национально-патриотическим соображениям⁶⁶.

С другой стороны, евреи вели среди соседей широкую пропаганду своей религии (ср. напр. *Nor. Sat.* I, 4, 138 слл., цит. выше на стр. 22); при этом они пропагандировали чаще всего только нравственные догмы еврейской религии, умышленно перетолковывая иносказательно-символические еврейские обряды, — иными словами вели пропаганду, которая могла иметь и имела своим результатом появление большого числа лиц, приемлющих часть еврейского вероучения, а не присоединение к еврейству больших групп эллинского общества, (*Bertholet*, о. с. 302, 334. *Bludau*, о. с. 27, ср. *Mommsen*, о. с. V, 492). М. Фридлиндер справедливо заметил, что Филон вовсе не хочет «наложить на язычников бремя еврейского закона: он представляет им еврейское учение, как благо, доступное для разума и легко достижимое (о. с. 70). Такова же и тенденция еврейской Сивиллы (тот же автор, стр. 57 слл.); М. Фридлиндер ошибается лишь в том, что видит здесь взгляды одной из партий внутри еврейства, тогда как в действительности мы имеем здесь, если можно так выразиться, товар, предназначенный лишь для внешнего употребления.

Еще более любопытна книга, вышедшая в свет под именем (по-видимому, египетского жреца) Артапана. Несмотря на то, что самой сущностью еврейской религиозной пропаганды является проповедь монотеизма и борьба с многобожием, автор этой книги, как мы видели выше (стр. 22-23), приписывает Моисею изобретение языческой религии, отождествляет Моисея с греческим Богом Гермесом (и, по-видимому, египетским богом Тотом), приписывает ему не только постройку языческих храмов, но и «верх языческой мерзости» — культ священных животных. А между тем автор этой книги настроен ярко националистически, и его цель — снискать как можно больше поклонников еврейству. Конечно, и это — товар, предназначенный исключительно для экспорта, но какой толк в вербовке поклонников еврейства, не усвоивших себе даже основной сущности этой религии — единобожия?

Получается, таким образом, непонятное противоречие, на которое указал уже Шюрер (о. с. III, 162). Для устранения его Бертолет и Штегелин так же, как и М. Фридлиндер, прибегают к допущению существования двух резко враждебных партий в еврействе, с той лишь разницей, что в то время как, по мнению М. Фридлиндера, вольнодумная партия, не признающая обрезания и храма, задавала тон еврейскому общественному мнению диаспоры, с точки зрения этих ученых эта универсалистическая

партия составляла жалкое меньшинство (Bertholet, о. с. 318) и не играла, по-видимому самостоятельной роли в еврействе: все ее значение сводится лишь к тому, что из ее недр вышло христианство и что она вынуждала к известным уступкам универсализму господствующую партикуляристическую партию. Существование этих двух партий Бертолет доказывает на следующем примере (о. с. 316). Царь Адиабены, Изат, настолько проникся нравственной высотой еврейской религии, что хочет подвергнуться обрезанию и стать евреем всецело. Но, как сообщает Иосиф Флавий, от которого мы узнаем об этом случае (Antt. XX, 2, 5), религиозный наставник Изата еврей Ананий из страха, что обрезание царя может навлечь на него, как на виновника, гнев народный, уговаривает царя не делать этого. Он пытается внушить ему, что Бога можно чтить и без обрезания, — необходимо только тщательно соблюдать еврейские законы. Это — много важнее обрезания. Однако другой еврей, Элеазар из Галилеи, требует от царя, чтобы он, если хочет стать евреем, прежде всего подвергся обрезанию, и царь так и поступает. Для Бертолета отсюда ясно, что в еврействе существует две партии: одна требует от обращенных соблюдения только нравственной части еврейского закона (ее представитель — Ананий), другая — «хочет навязать вновь обращаемому в еврейство не только содержание, но и внешнюю форму еврейского закона — все его тяжелое бремя... Таково, конечно, мнение большинства (курсив Бертолета; стр. 318). Из справедливо сделанного Бертолетом полного отождествления обрезания с переходом в еврейство (стр. 329, 335, цит. выше на стр. 96), мы видим, что фактически он считает первую партию не только меньшинством, но и таким ничтожным меньшинством, мнение которого может быть вовсе не принимаемо во внимание.

Однако если считать течение, ведущее пропаганду за принятие нравственной части еврейского закона столь мало влиятельным, то останется непонятным появление весьма многочисленной категории неевреев, принявших отчасти еврейский закон, так наз. «чтущих Бога» или «чтущих Бога Всевышнего» (*sebomenoi ton Theon*, *phobumenoi ton Theon*, *sebomenoi Theon ton Hypsiston*). Бертолет чувствует это, и для него остается только одна возможность — считать, вопреки общепринятому в науке взгляду, *sebomenoi* не полупрозелитами, а настоящими прозелитами, принявшими всецело еврейский закон (стр. 329 слл. его труда). Несмотря на всю талантливость, Бертолету эта попытка

совершенно не удалась. Действительно, в подтверждение своего взгляда он приводит следующее:

1) Иосиф (Ant. XIV, 7, 2) указывает, что сокровища Иерусалимского храма составились из взносов а) евреев всей вселенной, б) *sebomenoi ton Theon* и в) жителей Европы и Азии. Под (а), конечно, разумеются евреи, под (в), по мнению Бертолета, полупрозелиты; таким образом, остаются настоящие прозелиты, каковыми, следовательно, и являются *sebomenoi ton Theon*. Рассуждение это правильно в том случае, если считать, что настоящие прозелиты составляли значительную обособленную группу, которую необходимо было упомянуть отдельно. Если же, как мы увидим, настоящих прозелитов была ничтожная горсточка, растворенная бесследно в коренной еврейской массе, то гораздо более естественно будет видеть во второй группе — полупрозелитов, а в третьей, — лиц, не имеющих никакого отношения к еврейству и сделавших взносы из соображений дипломатических, политеистических (желание жить в ладу со всеми богами, обычное явление в эллинистическую эпоху) и т. д.

2) В «Деяниях Апостольских» (13,50) евреи натравливают на Павла и Варнаву женщин из категории *sebomenoi — tas sebomenas gynaikas*. По мнению Бертолета, нелепо предположить, что они натравливали на апостолов полупрозелитов и не натравливали настоящих прозелитов: очевидно, *sebomenoi* — настоящие прозелиты. Но если мы представим себе, что настоящие прозелиты представляли ничтожную кучку, бесследно растворившуюся в еврейской массе, не только не пользующуюся влиянием, но презируемую наравне с евреями, тогда как полупрозелитки, не пожелавшие вступить в среду евреев, представляли собой цвет местной аристократии, то станет ясно, почему евреи прибегли именно к их влиянию, желая добиться высылки Павла и Варнавы.

3) Выражение Павла (там же, 13,16) «Мужи Израильтяне и *phobumenoi ton Theon*» также не доказывает, что *phobumenoi* — настоящие прозелиты, так как настоящие прозелиты ввиду их малочисленности *implicite* подразумеваются в обращении «мужи Израильтяне». Более убедительна цитата из дальнейшей части его же речи (13,26): «Мужи, братья, сыны рода Авраамля, и включенные в нашу среду *phobumenoi ton Theon*». Но такой перевод основан на произвольной конъектуре — *hoi en hemin* — «включенные в нашу среду» — вместо *hoi en hemin* — «находящиеся (т. е. присутствующие здесь) среди вас» — и,

так. обр., это место решительно ничего не доказывает. Абсолютно ничего не доказывают и приводимые Бертолетом на стр. 332 его книги надписи.

4) Наконец, в доказательство своего взгляда Бертолет ссылается на ст. 96 слл. XIV сатиры Ювенала, где речь идет о *metuentes* — буквальный перевод на лат. яз. греческого слова *phobumenoí*. А так как здесь речь идет об обрезанных, принявших еврейский закон целиком, то *phobumenoí* — настоящие прозелиты. Но в действительности это место доказывает обратное: здесь говорится, что сами *metuentes-phobumenoí* довольствуются почитанием единого Бога, соблюдением субботы и воздержанием от свиного мяса, тогда как дети их сплошь да рядом подвергаются обрезанию и целиком принимают еврейский закон⁶⁷. *Phobumenoí*, следовательно, здесь резко противопоставлены настоящим прозелитам (выражение *metuunt ius* в ст. 101 употреблено не в техническом смысле, а в обычном разговорном, Schürer, o. c. 174, пр. 70).

Обратим, наконец, внимание еще на то, что южно-русские надписи из Горгиппии (нынешней Анапы — Латышев, IOSPE, II 400, 401, ср. прим. к I 98), без сомнения, исходят от такой же религиозной группы, как и южно-русские же надписи из Танаиса, начертанные *se b o m e n o i* Theon Hypsiston, «чтущими Бога всевышнего», так как эти надписи начинаются еврейской формулой: «Богу Всевышнему Всемогущему Всеблагому (Theo hypsisto pantokratori eulogeto)». А, между тем, эти надписи кончаются тем, что ставят посвятителем под покровительство Зевса, Земли и Гелия, — иными словами здесь никак нельзя считать *sebumenoí* настоящими прозелитами.

Итак, попытку Бертолета надо признать неудачной: крупнейшая категория прозелитов — *sebumenoí* — образовывали отдельную группу, стоявшую вне еврейства, и не были настоящими прозелитами. Но и вообще попытку разбить еврейство на две партии — господствующую партикуляристическую, требовавшую от новых евреев полного принятия закона, включая образование, и ассимиляционно-универсалистическую, не требовавшую этого от прозелитов, — надо считать неудавшейся. Действительно, казалось бы, обе партии должны были быть резко противопоставлены друг другу. Между тем, как указывает тот же Бертолет (стр. 322), как раз школа Шаман, державшаяся партикуляристических взглядов, часто в вопросах о прозелитах была либеральнее школы Гиллеля, стоявшей на универсалистической точке зрения. По этому поводу он принужден заметить:

«Разницу между обеими школами по отношению к не-евреям нельзя переоценивать». Вот почему другие ученые (напр. Блудай и Штегелин) объясняют это противоречие иначе и видят в еврейской пропаганде принятия лишь нравственной части их религии только ловкий военный маневр: сначала показывается товар лицом, подчеркивается лишь часть религии, имеющая общечеловеческую ценность, дабы заманить легковверного эллина, а затем его постепенно склоняют и к принятию нелепых, иррациональных еврейских обрядов, как мы видели в сатире Ювенала. Но это противоречит фактам: если бы дело обстояло так, то еврей Ананий обрадовался бы желанию царя Изата подвергнуться обрезанию, между тем, в действительности, как мы видели, он всячески отговаривает его от этого. И в самом деле, как мы сейчас покажем, еврейская пропаганда вела к образованию широких слоев *sebomenoi*, но не привела большого числа «язычников» в лоно правоверного еврейства.

В псалмах, у пророков и в других местах Ветхого Завета, часто высказывается надежда, что когда-нибудь все язычники станут евреями. Однако эти пожелания относятся к отдаленному будущему — обычно ко времени Мессии. Конечно, евреям доставляло радость, если уже и в их время «язычники», убавившись в могуществе еврейского Бога, — переходили в еврейскую веру (Эсфирь, 9,17, Юдифь, 14,10). Но евреи не только не стремились заманить всех и каждого в свою среду, но, наоборот, относились с большой осторожностью к приему прозелитов. Прозелиты не были равноправными членами еврейской общины⁶⁸, и такое недоверчивое отношение к ним, по справедливому замечанию Мюллера (*Des Fl. Iosephus Schrift gegen Apion*), препятствовало вхождению в еврейскую среду значительного числа новых адептов. Действительно, целый ряд свидетельств показывает, что число еврейских прозелитов огромно, — вероятно, значительно превышало число самих евреев: но о каких прозелитах здесь идет речь? Шюрер (о. с., 165) говорит: «Число тех, которые в большей или меньшей степени (*in engerer oder freierer Form*) прикнули к еврейским общинам, принимали участие в еврейском богослужении и в большей или меньшей степени (*bald mehr bald weniger vollkommen*) соблюдали еврейские законы, было очень велико». «В большей или меньшей степени...», иными словами, он уклоняется от ответа на вопрос, в какой же именно степени основная масса этих прозелитов приняла еврейскую веру. Однако в приводимых им примерах

из древней литературы, мы находим указание только на двух лиц, действительно ставших, после долгих колебаний и искуса, настоящими евреями: это уже упомянутый царь Адиабенский Изат и его мать Елена (о. с. 169). Все остальные цитаты относятся исключительно к *sebomenoi*, т. е. к лицам, принявшим часть еврейского вероучения и не вошедшим в среду еврейства. О широком распространении этого и только этого вида прозелитизма говорят в приводимых им местах и Иосиф Флавий (с. AP. II, 39), и Сенека (у Augustin. de civitate Dei, VI, 11), и Дион Кассий (Dio Cass., XXXVII, 17). Так напр., тот же Иосиф Флавий гордится тем, что в Антиохии «евреи постоянно привлекали к своему богослужению большое количество эллинов и делали их в известном отношении своей составной частью». «В известном отношении» — *tropotini* — конечно, Иосиф так бы не выразился, если бы большое число антиохийцев по-настоящему вошли в еврейскую общину!

В доказательство того, что и число настоящих прозелитов в диаспоре было огромно, Нибур (Röm. Gesch.⁴ I стр. 7, Alte Gesch., III, 544), и вслед за ним и Блудай (о. с. 27), ссылаются на то, что в эпоху Филона евреи составляли 2/5 всего населения Александрии, т. е. около 400.000 чел. Такое большое количество не могло получиться из маленькой еврейской колонии, вернувшейся из плена; следовательно, большая часть этих евреев — это прозелиты и их потомки. Однако, Бертолет (о. с., стр. 297) справедливо указал на невозможность такой аргументации, так как за 550 лет население при средних благоприятных условиях увеличивается в 65 раз, т. е. 400 тыс. евреев могли быть потомками только 6.150 возвратившихся из изгнания. К этому прибавим еще: 1) что у евреев, вследствие запрещения убивать детей, что широко применялось в древнем мире, по свидетельству древних авторов (Гекатей Абдерский, fr. 9 R, § 9, Тацит, Hist., V, 5), прирост населения был особенно велик, 2) что значительное число евреев выселилась из Палестины в Египет при первых Птоломеях и 3) что, как показали раскопки в Элефантине, еврейская колония в Египте образовалась много раньше возвращения евреев из плена.

Следовательно, таких указаний, которые дали бы нам возможность заключать о многочисленности настоящих еврейских прозелитов, нет. Соблюдение отдельных еврейских обрядов и исповедание отдельных еврейских догм было «криком моды» в античном обществе. Если из «Деяний апостольских (13,44) мы узнаем, что в антиохийской синагоге собрался «почти весь город (skhedon pasa he polis), чтобы послушать Павла и Варнаву, то

ясно, что ходить в синагогу было принято и у неевреев (Bertholet, о. с. 296)⁶⁹. Овидий в своей «Ars amatoria» (I, 175) советует искать себе любовницу в местах, где собирается много публики, в частности, дам; при этом он указывает и на синагогу: «конечно, имеются в виду не еврейки и официальные прозелитки». Особенно модно в греческом обществе было празднование субботы. «Нет ни одного народа, в среду которого не проник бы наш обычай праздновать седьмой день недели» (Jos. с. Ар. II, 39). Насколько в моде у римлян празднование субботы, мы видим также из указаний поэтов (Pers, Sat. V, 176 слл.; Tibull. Eleg. 1, 3, 17-8; Hor. Sat. I, 9, 68-72 — здесь человек, чтущий субботу, извиняется тем, что он ведь только «один из многих» — *unus multorum*; Ovid. ars am. 217, 597). Наконец, что любопытнее всего, из Светония (Tiber. 32) мы узнаем, что грамматик Диоген читал свои доклады только по субботам и даже ради императора Тиберия не согласился перенести свой доклад на другой день. Празднование субботы было характернейшим, бросающимся в глаза признаком *sebomenoi*, почему Ювенал (Sat. XIV, 96) и называет *sebomenoi* «чтущими субботу» — *metuentes sabbata*; отец настоящего прозелита, заведомо не еврей и не настоящий прозелит, характеризуется здесь тем, что «каждый седьмой день он посвящал лени и не занимался никакими делами». У Бартолета (стр. 296 слл.) и М. Фридлендера (стр. 39 слл.) читатель найдет сколько угодно свидетельств такого частичного заимствования неевреями еврейских обрядов. Несомненно, это было в большой моде; но, после всего сказанного в первой части нашей работы об антисемитизме в эллинистическом обществе трудно себе представить, чтобы могло в моде быть полное вхождение в еврейскую общину. Все эти поклонники еврейского закона предпочитали только «играть в евреев» (*hypokrinesthai Ioudaiou*s), им нравилось быть «ни то, ни се» (*epamphoterizontes*), «на словах евреями, а на деле чем-то другим» (Arrian. Nic., Epict. II, 9, 19-21); иными словами, — войти по-настоящему в еврейскую общину, подвергнуться обрезанию они считали для себя зазорным. Тем знатым гречанкам и римлянкам, которые с удовольствием перенимали еврейские обряды, отнюдь не приходило в голову переменить свое видное общественное положение на мало почетную роль еврейской прозелитки. Из сатиры XIV Ювенала (ст. 96 слл.), правда, можно как будто бы заключить, что потомки *sebomenoi* становились уже настоящими евреями. Но это значит не уразуметь

настоящего смысла этого места, иллюстрирующего пословицу: «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Когда детям говорят: если вы не будете слушать родителей, то в конце концов дойдет до того, что станете грабить и убивать людей,— то хотят только подействовать на их воображение, а не сослаться на действительный факт. Так и здесь: «читать субботу», *metuere sabbata* — было «криком моды», а быть обрезанным евреем считалось верхом позора. Ювенал бичует эту моду и для устрашения говорит: отец удовольствуется почитанием субботы, но сын настолько войдет во вкус еврейских обрядов, что подвергнется обрезанию и станет настоящим кровожадным и бессердечным жидом, ненавидящим всех, кроме своего племени (цитата выше, стр. 81).

Таким образом, в этом случае Зомбарт прав, когда он пишет (о. с. 342-343): «Ныне можно констатировать, что прежде меры прозелитизма чрезвычайно переоценивались. Без сомнения, в эллинистическую эпоху и в эпоху зарождения христианства еврейство находило в среде языческих народов приверженцев своих учений; не даром и еврейское и, например, римское законодательство трактует о такого рода людях. Но ныне можно считать несомненным, что, когда здесь речь идет о прозелитах, здесь имеются в виду только такие обращенные, которые хотя участвовали в богослужении, но не были допущены ни к обрезанию, ни к бракам с евреями (замечу в скобках, что почти все они в конце концов вошли в среду христиан...). Но допустим даже, что в дохристианское время имел место и полный переход в еврейство; по отношению к миллионам евреев эллинистической эпохи число их было крайне ничтожно». Точно так же и Блудай (о. с. 27) справедливо замечает: «Даже для Египта вряд ли можно допустить, чтобы из числа язычников здесь нашлось много (курсив автора) таких, которые бы перешли формально в еврейство и позволили бы наложить на себя всю тягость жизни евреев, соблюдающих строго закон»⁷⁰. Более того: очень вероятно, что те же лица, которые с восхищением относились к отдельным еврейским установлениям, были в то же время до известной степени антисемитами и называли себя не евреями, а только *sebomenoi ton Theon*, потому что слишком большая близость с евреями их бы шокировала: б ы т ь евреем считалось позорным даже в юдофильских кругах (Ох. Пар. X 1242, l. 48). Однако лица, ознакомившиеся с еврейскими писаниями и принявшие часть еврейских обрядов, как верх премудрости, не

могли уже, конечно, относиться к евреям с тем озлобленным ожесточением, с каким относились к ним лица, вовсе не задетые еврейской религиозной пропагандой; на помощь именно этих *sebomenoi* могли рассчитывать евреи, когда им приходилось хлопотать об улучшении своего положения или отмене гонений.

Чем же объяснить еврейскую религиозную пропаганду, имевшую своей целью не привлечение настоящих прозелитов, а образование больших групп таких *sebomenoi*? Если мы на минуту забудем, что евреи народ без территории, а представим себе их в виде национально-государственной общины, то дело сразу станет ясно. Привлекать без разбора новых граждан дело крайне опасное, и здесь евреи проявляли сугубую осторожность и недоверчивость. Но тому, кто живет, окруженный врагами, желательно повлиять на общественное мнение, чтобы создать нейтральные и даже дружественные группы. Созданные благодаря еврейскому агитаторскому и организаторскому таланту, не входившие в еврейство, но эмансипировавшиеся в большей или меньшей степени от эллино-римских традиций группы *sebomenoi* являлись своего рода «буферными государствами», отражавшими и отчасти принимавшими на себя сыпавшиеся на евреев удары: благодаря своему общественному положению (в число *sebomenoi* могли, не навлекая на себя позора, входить и действительно входили члены самых знатных и влиятельных семей) эти *sebomenoi* могли успешнее, чем кто-либо другой, вести в самых высших кругах античного общества пропаганду широчайшей терпимости по отношению к евреям.

Таким образом, миссионерская деятельность евреев не имела своей целью вербовку новых адептов еврейской религии. Эта своеобразная миссионерская деятельность объясняется человеческой, а не ангельской природой евреев: не самоотречение, а самосохранение вызвало эту деятельность.

Естественно, с другой стороны, что эта еврейская пропаганда усиливала антисемитизм в националистически настроенных верных традиции кругах, не задетых еврейской религиозной пропагандой. Мы уже видели, как эта пропаганда возмущала Ювенала. Сенека (fr. 145 R) с возмущением замечал: «Обычаи этого преступного народа получили такое влияние, что приняты почти во всех странах: побежденные заставили победителей принять их законы». Действительно, эта агитация вела к новым группировкам в греко-римском обществе и, как ничто другое, способствовала разрушению традиционного уклада. Сверх того, агитация эта *volens nolens* имела определенный демократический

привкус. Объяснялось это отнюдь не апостольским призванием и не демократическими тенденциями евреев. Евреи были новыми людьми в греко-римском обществе и только в том случае могли рассчитывать на признание себя «высокородными», если бы опирались на внушительную физическую силу. Так, римляне, имевшие за своей спиной могущественный Рим, очень скоро были признаны «высокородными» в греческом обществе; но на это не могли рассчитывать евреи, имевшие метрополией миниатюрную Палестину. Только выступив против традиционных аристократических принципов вообще, евреи могли рассчитывать стать пользующейся уважением общественной группой: если не происхождение, а мудрость дает право считаться истинным аристократом, тогда и евреи с их Библией и философской религией могут рассчитывать на уважение в обществе. Евреям стоит всегда становиться на сторону угнетаемых, так как они всегда подвергаются наибольшей опасности стать жертвой угнетения. Вот почему, если Псевдо-Артапан изображает (fr. 2, § 2, Fg.) библейского Иосифа великим социальным реформатором, устроившим передел земли, дабы уничтожить притеснение слабых сильными, то цель его — не только показать, что евреи не хуже афинян или спартанцев и имеют своего Солона или Ликурга; в его задачу входит еще показать, что евреи с незапамятных времен были борцами за демократию и равенство. Необходимо уничтожить старые сословные перегородки:

«Пусть равноправными будут пришельцы среди граждан: ведь все мы
Странствий удел переносим, живя на печальной чужбине,
И ни в одной не считай ты земле себя прочно осевшим»,

говорит еврейская Сивилла (II, 39-41); путем философской спекуляции (жизнь — юдоль скитаний, в ней ничего нет прочного), она приходит к выводу о несправедливости ограничения в гражданских правах «пришельцев, живущих среди граждан», а так как в Египте, где составлялась эта книга, такими пришельцами считались евреи, то окончательный вывод — необходимо отменить еврейские ограничения. Такова же *ultima ratio* и пропаганды Филона (*quod omn. prob. l. II, 457 слл., de carit. II, 395 слл., de septen. II, 287, de spec. leg. II, 322 слл.*) за эмансипацию рабов: «судьба рабов более низкая, чем судьба их господ, но душа у них одинаковая» (так же во II кн. Сивиллы, 227): если единственным критерием благородства является душа, то, конечно, евреи с их учением незаслуженно презируются, — они — благороднейший в мире народ. Такое покушение на «священные устои» антич-

ного общества, естественно, еще более углубляло антисемитские настроения верного традициям ядра античного общества.

Действительно, писатель поздней эпохи Рутилий Намациан, между прочим, нападает на евреев и за демократический характер их пропаганды. Еврейство, читаем мы в его поэме (*De reditu suo*, V), источник глупых теорий (*radix stultitiae*; имеется в виду прежде всего христианство). «Прочие их выдумки — лишь утеха (*deliramenta* — буквально: то, от чего сходят с ума) падких на ложь рабов, этому не поверил бы и ребенок». «Выдумки, от которых сходят с ума рабы — это, конечно, демократические и даже коммунистические теории; с точки зрения Намациана, они — не только глупость, которой не поверил бы и ребенок. Еврейская пропаганда является почвой или источником (*radix*), на которой пышным цветом вырастают эти праздные теории.

Только наше понимание сущности еврейской религиозной и демократической пропаганды даст нам возможность объяснить себе существование столь непримиримых с виду явлений, как посвящение себя пропаганде среди притеснителей — «язычников», с одной стороны, и жажда мести этим же притеснителям, с другой. Жажда мести — нечто совершенно непонятное у «народа апостолов», «предназначенного» для пророческого служения язычникам, и совершенно нормальная и законная реакция у народа со здоровым национальным чувством. В эпохи тяжелых гонений — особенно после осквернения храма Антиохом Епифаном и гонений при Птолемеях VII и его приемниках, а затем при Калигуле, в Египте — эти ноты начинают особенно часто раздаваться в еврейской литературе. Естественно, что больше всего должно проявляться это чувство в псалмах, ввиду их чисто лирического характера. Так в 68 псалме (ст. 23 слл.) мы читаем: И сказал Господь: «Я верну их (язычников) из глубин морских, дабы ты (Израиль) мог омыть ноги в их крови, дабы и языки твоих собак получили свою долю вражеской крови». В псалмах 69 (ст. 23-29), 40 (ст. 15-16), 71 (ст. 13-24), 83 (ст. 10-12 и 14-19), 129 (ст. 6-7) мы читаем ряд самых ужасных проклятий по адресу язычников, в пс. 71 (ст. 13) автор молит Бога об истреблении язычников, в пс. 118 (ст. 7) автор желает упиться несчастьем тех, которые ненавидят евреев. В пс. 149 (ст. 6 слл.) говорится, что у верных Богу должно быть «благодарение Богу на языке и меч двуострый в руках, дабы отмстить этим оружием язычникам» и т. д. Такое мщение — высшая честь для верных Богу и т. д. Особенно же популярен псалом 137 («На реках

Вавилонских»), также, вероятно, относящийся к Маккавейскому времени. Конец его в вольном переводе Языкова таков:

Блажен...
 Кто плач Израиля сторицей
 На притеснителях отмстит!
 Кто в дом тирана меч и пламень
 И смерть ужасную внесет!
 И с ярким хохотом о камень
 Его младенцев разобьет!

Всецело вдохновлена жаждой мести книги «Эсфири». Здесь персидский царь сперва приказывает повсеместно устраивать еврейские погромы (перенесение на эпоху Ксеркса палестинских и египетских обстоятельств последних двух веков до Р. Х.), но затем, убедившись в невинности евреев, разрешает последним безнаказанно прибить погромщиков «вместе с их женами и детьми» (8, 11), и действительно евреи убивают в один день 75.000 антисемитов (8, 17)!

Такой же жаждой мести дышит книга «Премудрости Соломоновой», написанная, как я показал выше (стр. 68), при Калигуле, под свежим впечатлением погрома 38 г. У автора, как мы видели, все время перед глазами параллель между страданиями древних евреев в Египте фараонов и страданиями современных ему евреев в египетской диаспоре. Поэтому, если автор этой книги после вводной фразы, «Беззаконные полагали уже, что они превратили в своих рабов священный народ» (17, 2), на протяжении трех глав (17-19) с особым удовольствием расписывает ужасающие подробности мук, ниспосланных Богом на египтян, и блаженство, ниспосланное евреям, то, в связи с остальной частью книги, у каждого читателя должна явиться мысль и надежда, что такая же участь постигнет в ближайшем будущем египтян и евреев, так как чаша еврейского долготерпения в это время уже переполнилась.

Вся эта литература, сопоставленная с универсализмом и религиозной пропагандой евреев, заставляла ученых видеть в евреях какое-то чудо природы, какое-то сверхъестественное соединение несоединимых противоположностей. Так Эд. Мейер (G. d. A. 21 слл.) говорит: «(Картины страшного суда) вызываются главным образом жаждой мести язычникам, а не томлением по таинству божью. Ненависть к язычникам — обратная сторона стремления втянуть их в круг еврейства (такого стремления, как мы видели выше, у евреев почти не было! С. Л.)... Ввиду своего бессилия в ближайшее время, евреи охотно хоть в фантазии

погружаются в мечты об истреблении язычников... Для еврейского национального духа (жажда мести) не менее характерна, чем проявляющееся в других писаниях универсалистическое мировоззрение... Такова уже вообще природа еврейства: самые высокие и самые отталкивающие взгляды, величественное и пошлое помещаются непосредственно рядом друг с другом, нераздельно связанные, причем одно всегда является обратной стороной другого». Мы видели, что более глубокое изучение явлений избавляет нас от этой красивой, но бесплодно-метафизической диалектики: если националистически настроенный народ старается обработать в свою пользу общественное мнение окружающих (это и есть то, что называется еврейской религиозной пропагандой), то это так же естественно, как то, что он горит жаждой мести к своим мучителям.

Впрочем, необходимо отметить, что ноты мести начинают звучать в еврейской литературе только в эпоху особенно тяжелых притеснений и, по справедливому замечанию Эд. Мейера, при этом евреи всегда остаются в царстве фантазии, в области самоутешения и самоубаюкивания; никогда евреи не проявляли своей жажды мести на деле, в каких-нибудь действиях. Объясняется это не «всепрощением», не «апостольской природой» евреев, а исключительно естественным подбором, своеобразно развившимся инстинктом самосохранения. Евреи, на протяжении почти всей своей истории, жили разбросанными среди иностранцев, составляя ничтожное меньшинство не только количественно, но и качественно, так как им всегда противостояли «хозяева страны», государственные организмы с выработанной военной, административной и полицейской системой, в которую они входили, как иностранцы, т. е. как граждане II сорта, пользующиеся лишь отчасти покровительством закона. Если бы евреи стали предаваться жажде мести по поводу каждой ежедневно испытываемой ими обиды; если бы они стали, хотя бы в случае самых тяжелых гонений, претворять эту жажду мести в дело, то они, несомненно, были бы истреблены или принуждены утратить национальность уже на заре своей истории.

Действительно, все произведения литературы, проникнутые жаждой мести (интересующие нас псалмы, книга Эсфири, книга Юдифи) относятся большей частью ученых к Маккавейской и после-Маккавейской эпохе, т. е. считаются написанными под свежим впечатлением самых жестоких преследований. Если некоторые ученые (Эд. Мейер, Робертсон-Смит) относят часть псалмов и книгу Эсфири уже к персидской эпохе, то только

потому, что уже в персидскую эпоху, по их мнению, были такие же жесточайшие преследования, вызвавшие эту литературу. Во всяком случае, по справедливому замечанию такого знатока библейской литературы, как Каутцш (*Die Apokryphen*, I, 194), книга Эсфири была создана и читалась «в тяжелые времена угнетения и горя, когда национальное чувство евреев вследствие преследований чужеземных властителей подверглось глубочайшим оскорблениям. В эти времена книга Эсфири, благодаря своему содержанию, служила источником утешения и надежды на новое чудесное спасение (ср. Эсфирь 9, 28)».

Более того, некоторые места Священного Писания в эти тяжелые эпохи получали новое толкование в духе жажды мести, которого они в эпоху написания вовсе не имели. О поступке Симеона и Леви, вероломным образом истребивших население целого города, в Библии (Gen. 34, 30. 40, 5 слл.) рассказывается с укоризной, как о пятне на всем их потомстве; в книге же «Юдифи», написанной в эпоху еврейских преследований, этот вероломный проступок прославляется, как акт патриотизма и достойный пример для потомства: «О Бог моего предка Симеона, давший ему в руку меч для мести иноверцам» (Юдифь 9, 2, см. комм. Каутцша).

Но даже в эти эпохи гонений, жажда мести никогда не претворялась в дело. Мы уже показали (стр. 73), что восстание евреев при Траяне было не актом мести, а актом самообороны. Если мы внимательно вчитаемся в «дышащую свирепостью, кровожадностью и фанатизмом» (Штегелин) книгу «Эсфири», книгу, которую Лютер хотел бы исключить из библейского канона, а Гутшмид называл «крайне глупой и безнравственной» (см. Stähelin, *о. с.*, 21 пр. 1), то увидим, что все эти оценки являются результатом умышленного замалчивания отдельных подробностей книги, в результате чего получается заведомо неправильная передача содержания ее. Действительно, почти во всех научных трудах, в которых излагается содержание этой книги, вплоть до новейшей работы Oesterley (*The books of the apocrypha*, London 1916, 398 слл.), говорится, что по просьбе Эсфири персидский царь в отмену указа об истреблении евреев издал новый указ об избиении евреями неевреев («The king issues another proclamation, at Esther's request, in which power is granted to the jews to pillage and slay thoir enemies», Oesterley, 399). Если бы дело обстояло так, то Гутшмид был бы совершенно прав, это — совершенно неправдоподобно, глупо и безнравственно. Но в тексте Эсфири читается нечто совершенно иное.

8, 11—в подлиннике: Царь позволил евреям во всех городах собраться и, защищая свою жизнь (wela 'amod 'al-naphšam, ihr Leben zu verteidigen, Kautzsch, ср. Dn. 12, 1), уничтожить, убить, истребить все те толпы народа (kol-chel- 'am; alle Volkshaufen, Kautzsch) в провинциях, которые проявят враждебность к ним (hassarim'otham-von denen sie befehdet würden, Kautzsch), вместе с женами и детьми, а также разграбить их имущество...

Это же место в переводе (вернее — пересказе) Септуагинты: «Царь позволил евреям в своих городах организоваться по своим законам (khresthai tois nomois auton — весьма произвольный, тенденциозный перевод слов lehaqahel — собираться, оправдываемый тем, что уже в Библии qahal (кагал) часто означает «еврейская община»), организовать самооборону (boëthesai autois — autois в см. heautois, как обычно в Септуагинте) и поступить со своими врагами и противниками, как им заблагорассудится (умышленное смягчение более жестких выражений подлинника; умышленно вычеркнуто указание о женах, детях и имуществе). Дубликат этого места в греческом добавлении к этой главе книги Эсфири в указе Артаксеркса: «Вы поступите правильно, если не исполните указа, посланного вам Аманом, сыном Амадаты... и если вы выставите копию этого письма повсюду вместе с объявлением, что евреям разрешается организоваться по своим законам и организовать самооборону (kai synepiskhyein autois = heautois) дабы во время погрома (kairo thlipseos) они могли обороняться против нападающих из них (epithemenous autois amynontai).

9, 16: Равным образом и остальные евреи, жившие в подчиненных царю провинциях, собрались и, защищая свою жизнь (we 'amod al-naphšam; heautois eboëthoun LXX), отомстили своим врагам и убили 75.000 из числа ненавидящих; но к добыче они не протянули своих рук.

Почему Ахашверош не отменяет попросту своего указа, а только разрешает евреям организовать самооборону? Один из лучших знатоков Библии Драйвер (S. R. Driver, An introduction to the literature of the Old Testament, Edinburgh, 1898 p. 480-481), один из немногих, правильно понявших нашу книгу («the edict permit the Jews to defend themselves against their assailants»), объясняет это тем, что по персидским законам однажды изданный указ уже не может быть отменен. Так объясняется причудливость этого рассказа

с точки зрения фабулы, но внутренняя причина этой особенности психологическая: даже когда еврей хочет, хоть в воображении, упиться местью гонителям, дух его настолько выдрессирован вековыми гонениями, что эту месть он может представить себе только в таком виде: толпы погромщиков уже выходят на улицу, чтобы «проявить свою враждебность к евреям»; но вследствие того, что, противно обычному положению дел, нападающие лишены правительственной поддержки, с которой евреи бороться бессильны, а евреям разрешена самооборона, они выходят навстречу погромщикам и, з а щ и щ а я с в о ю ж и з н ь, истребляют их, не щадя, правда, в своей мести женщин и детей, но гордо отворачиваясь от имущества погромщиков, дабы не уподобиться им.

Прежде всего, что касается чувства мести к женщинам и детям (здесь и в псалме 137), то, чтобы парализовать рассуждения о специфически-еврейской («шейлоковской») жестокости, процитирую для примера продукт греческого правового сознания, теосский закон V в. до Р. X. (C. J. G. 3044—Hicks and Hill, *A manual of greek hist. inscriptions*², Oxford, 1901, № 23): «Того, кто приготовляет яды... казнить самого и все его потомство... Того, кто препятствует ввозу хлеба в Теос... казнить и самого, и все его потомство... Того, кто злоумышляет против Теосского государства... казнить и самого и все его потомство!!» Итак, здесь повинна психология античного человека вообще, а не евреев в частности. Впрочем, если мы сравним подлинник с Септуагинтой, то увидим, что первобытная ярость ощущений в подлиннике уже оскорбляла нравственное чувство евреев III века: в переводе нет ни слова о женах и детях погромщиков, свирепое «уничтожить, убить и истребить» заменено культурным, эвфемистическим выражением. С другой стороны, мы видим, что перманентные погромы сделали право самообороны одним из основных, предъявляемых правительству требований. Постоянная угроза погрома делала самооборону одной из главных задач автономных еврейских общин: только это дает нам ключ к пониманию того, для чего в перевод и в добавленный к переводу царский указ как будто без всякого отношения к содержанию книги вставлено разрешение «организоваться по своим законам». Действительно, во время погрома 38 г. погромщики и правительственная власть ищут в еврейских домах оружия: именно ввиду связи самообороны с еврейской автономной общиной, правительства

всячески боролись с самообороной, считая ее политически опасной организацией. Естественно, что евреям — и не без некоторого основания — казалось, что разрешение национальной самообороны — лучший способ борьбы с опасностью погрома, и поэтому, горя жаждой мести они мечтали... о легальной самообороне. Итак, от «кроважной мстительности» не осталось и следа.

Повторяю, «апостольское служение» здесь не при чем. Это — голос, в котором звучит вековое сознание бессилия и непривычка даже в воображении чувствовать себя нападающим, а не обороняющимся. Не менее любопытен в этом отношении и Филон. Он был очевидцем ужасного александрийского погрома 38 г., он был членом делегации по поводу этого погрома, подвергшейся насмешкам и издевательствам императора Калигулы. Можно себе представить, какое удовлетворение он должен был испытать, узнав, что оба гонителя евреев — и наместник Египта Флакк, и император Калигула погибли самой жалкой смертью. Любопытно, в каком тоне сообщает об этом Филон. Он не только не позволяет себе кровавых возгласов, довольствуясь скромным сознанием справедливости Божьей кары, он еще влагает, по поводу смерти Флакка, в уста александрийских евреев и такую молитву: «Мы не радуемся, о Господь, тому, что ты наказал нашего врага, так как Священные книги Закона воспитали нас в духе сострадания; но мы справедливо благодарим Тебя и т. д.» (in Flacc., 14). И здесь не следует говорить об «апостольском служении»; и здесь мы видим только, как у народа, привыкшего в течение многих столетий к унижениям и угнетениям, атрофировалось в целях самосохранения естественное чувство живой ненависти к притеснителям и умение живо, немедленно, рефлексивно реагировать на обиду! Моммзен справедливо называет Филона (V, 519, Anm. 1) «ein schlechter Hasser», «человек, не умеющий ненавидеть, как следует», и это название вполне применимо к евреям древности вообще. Евреи далеко не были «народом апостолов»: они живо чувствовали обиду и, как мы видели, кипели местью, но многовековая дрессировка приучила их загонять это чувство внутрь себя и не давать ему проявляться.

Однако, и миссионерская деятельность евреев и жажда мести явилась у них, как мы видели, реакцией на уже обрушившиеся на них волны антисемитизма и, следовательно, не была причиной его. В чем же, наконец, его причина?

Мы видели, насколько облегчается понимание миссионерской

деятельности евреев, если рассматривать их не как религиозную группу, а как национально-государственную единицу, по удивительному капризу истории уже на заре своей жизни принужденную действовать и развиваться вне определенных территориальных рамок, среди чужих народов. Мы видели уже, что эта особенность истории еврейского народа кое в чем придала евреям совершенно своеобразный национальный облик. Не даст ли нам эта историческая особенность евреев ключа к разгадке причин возникновения антисемитизма?

По вопросу о времени возникновения еврейской диаспоры взгляды ученых до последнего времени резко расходились. Эд. Мейер (*Gesch. d. Alt.* III, 216) и Шюрер (о. с. 3. 31) относят образование диаспоры к эпохе Вавилонского плена, Моммзен (V, 489) и Штегелин (о. с. 22, пр. 1) — ко временам Александра Македонского и Птолемея I, тогда как Г. Вильрих (*Juden und Griechen*, 24 слл. 126 слл.) в 1895 г. относил возникновение диаспоры только к эпохе Маккавеев (Птолемея VI Филометора в Египте). Целый ряд новых папирусных данных заставил, однако, Вильриха в его *Iudaica*, вышедших в 1900 г., отказаться от этой датировки. Последние раскопки документов еврейской колонии в Элефантине показали, что для возникновения диаспоры даже эпоха Вавилонского плена — слишком поздняя дата. Точно также существовало разногласие и по вопросу о том, чем было вызвано расселение евреев. Так, по мнению Моммзена (ук.м.), «еврейские поселения вне Палестины только в небольшой степени обязаны своим возникновением тем побуждениям, вследствие которых возникли колонии финикиян и эллинов. Евреи — искони земледельческий и живущий вдали от морского берега народ; поэтому его поселения вне родины — принудительное и относительно позднее образование, дело рук Александра и его маршалов». Этот несколько близорукий взгляд возник вследствие переоценки роли Палестины в истории еврейского народа. Уже с эпохи плена Палестина и еврейство — далеко не одно и то же. «Иерусалимская община — не то же, что еврейство: вокруг нее находится, все более и более расширяя свои пределы, диаспора. Исходным пунктом ее была компактная еврейская община в Вавилонии. Отсюда они распространились в Сузу, в Мидию, а вскоре также и на западные провинции... Начала этого развития восходят к глубокой старине» (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.* III, 216). После пленный Иерусалим сам был искусственным образованием еврейства диаспоры с цент-

ром в Вавилонии⁷¹; занятия и образ жизни жителей Палестины ни в каком случае не могут служить критерием для решения вопроса о происхождении диаспоры. Шюрер (с. с. III, 3) справедливо указал, что никак нельзя объяснить возникновение диаспоры одними лишь насильственными переселениями: в этом случае было бы непонятно, почему евреи оказываются в большом числе преимущественно в крупных торгово-промышленных центрах древнего мира. Большая часть еврейских переселенцев (конечно, не из послепленной Палестины, а из Вавилона — древнейшего крупного центра еврейства) были добровольными переселенцами; это были преимущественно торговцы и ремесленники (см. выше, стр. 42). Возможно, впрочем, что эта колонизация в крупных размерах началась еще до вавилонского плена, из самой Палестины. «Ужасные условия на родине могли содействовать этому — именно открытое со всех сторон положение Палестины, благодаря которому она являлась ареной войн между Сирией (ранее Ассирией и Вавилонией, С. Л.) и Египтом» (Шюрер, там же). Таким образом, уже в эпоху Вавилонского плена, а вероятно, даже и раньше, евреи были по преимуществу народом рассеяния; Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром с ничтожным экономическим значением; по справедливому указанию М. Фридлиндера (о. с. 3) в диаспоре жило подавляющее большинство евреев. И эти евреи вовсе не считают своей родиной Палестину; Палестина только центр религиозного культа, а родина евреев — весь населенный ими мир. «Евреи так многочисленны, что их не может вместить, одна какая-нибудь страна», — говорит Филон (in Flacc., 7): «Вот почему они населяют большую часть и притом богатейшие из стран Европы и Азии, как на суше, так и на островах. Своей метрополией они считают Священный город, в котором находится святой храм Всевышнего Бога; но родиной своей они считают те страны, которые достались им как местожительство от отцов, дедов, прадедов и еще более древних предков и в которых они сами родились и были воспитаны».

Как только евреи появились вне Палестины, вместе с ними пришел в мир и антисемитизм. «Антисемитизм и еврейские преследования появились тогда же, когда возникла диаспора», говорит Моммзен (V, 519). «Вполне естественно, что вместе с еврейством пришел в мир и его естественный коррелят — антисемитизм», — комментирует этот факт Эд. Мейер (Gesch. d. Alt. III 216-217): «~~он~~ так же стар, как и само еврейство». Действительно, где только мы ни слышим о евреях, мы слышим и об

антисемитизме; Э. Кламрот (*Die jüdischen Exulanten in Babylonien. Beitr. z. Wiss. vom Alt. T. Leipz. 1912*) нашел следы антисемитизма даже в Вавилоне, в эпоху еврейского плена. По его гипотезе (стр. 43) еврейские гонения начались здесь к концу изгнания, в эпоху Набунаида. Из того, что до этой эпохи евреи занимаются преимущественно земледелием и доход их исчисляется количеством плодов земли (как у Езек. 13,19), а с этого времени большая часть общины уже живет в самом Вавилоне (след. занимается торговлей и ремеслами) и ее доходы исчисляются в наличных деньгах, он заключает, что вавилонское правительство в эту эпоху обложило евреев-земледельцев невыносимой податью, с «нарочитой целью оторвать евреев от землевладения» (стр. 43 пр. 1): с этих пор евреи и превращаются из землевладельцев в городских жителей. Действительно, такие места как Исаия 51,7 и 51,13 и Езекиель 28,24 показывают, что в Вавилонском обществе существовал сильный антисемитизм, если только эти места не есть более поздняя интерполяция. Все это могло бы послужить лишним подтверждением наших взглядов, если бы эта эпоха, по собственному признанию Кламрота (стр. 85), не было одним из самых темных отделов истории и если бы выводы Кламрота не были в значительной степени смелой фантазией, только отчасти опирающейся на данные истории.

В дальнейшем, во всяком случае, как мы видели выше (стр. 55 слл.), везде, где мы встречаем евреев, мы встречаем и антисемитизм. Какие же особенности еврейского народа вызывали его?

Географическое положение Палестины с древнейших времен было таково, что она, не составляя органической части какого-либо другого государства, в то же время почти никогда не была в течение более или менее продолжительного времени политически самостоятельным государством. Она служила полем битвы между соседями, великими державами, и постоянно переходила из рук в руки, находясь в зависимости то от филистимлян, то от Финикии, то от Ассирии, то от Египта. Это исключительное, своеобразное положение и дало возможность развиваться у евреев сильному национальному чувству, не связанному не только с политическим могуществом, но и с политической независимостью,— явление единичное и не имеющее аналогий в древнем мире. Вот почему и будучи переброшенными в Вавилон, евреи в отличие от других народов сохранили свое национальное самосознание и свои национальные обычаи. Но это

сохранение национальности сильно затрудняло евреям борьбу за существование. Поэтому для того, чтобы такое «национальное государство без территории» могло просуществовать, для того, чтобы евреи не были ни истреблены, ни затерты в борьбе за существование, у них должен был развиваться целый ряд своеобразных национальных особенностей.

Какова была судьба других покоренных народов, принужденных жить под властью чужеземцев? Эти народы нередко, отстаивая свою свободу и независимость, погибали до последнего человека; но если они покорялись и уводились в плен, то тем самым признавали себя людьми второго сорта, стоявшими ниже по общественной лестнице, чем прирожденные граждане. На символическом религиозно-правовом языке древности это выражалось так: бог данного народа признал, что он побежден богом народа-победителя, и вошел в его свиту в качестве одного из богов второго разряда, так как по античным представлениям бог вне своей родины не имеет никакой власти (Klamroth, о. с. 60-61). При таком положении дел сохранение своих национальных черт и обособленности было обычно признаком приниженности и культурной отсталости народа. Более культурные группы, оказавшиеся на чужбине, облегчали себе борьбу за существование тем, что всячески старались перенимать обычаи и облик народа-победителя. Прежде всего этому процессу подвергалась аристократия, интеллигенция и вообще более успешные в борьбе за существование группы. Если отдельные инородческие группы и сохранялись в чужих странах, то они состояли сплошь из забитого, униженного простонародья; интеллигенция рано покидала их; на первых порах она встречалась с недоверием коренными гражданами, но уже через короткое время ее успехи на жизненном поприще заставляли забыть о ее происхождении; в следующем поколении она уже ассимилировалась бесследно. Нравственно-оскорбительного понятия «ренегатство» у таких народов не существовало: с точки зрения их нравственно-религиозных взглядов, раз их бог вошел в свиту бога-победителя, то его народу уже и подавно надлежит чтить этого бога, т. е. принять полностью обряды и обычаи победителей.

Для характеристики отношения «хозяев страны» к проживающим в стране иностранцам и психологии самих этих иностранцев особенно поучителен мим Геронда «Содержатель публичного дома», написанный в Александрии в III в. до Р. Х., т. е. как раз в эпоху расцвета египетской диаспоры и в самом ее центре. Действующие лица мима — не евреи, а иностранцы с обычной

психологией, по терминологии того времени — метэки. Здесь представлены оба только что обрисованные нами типа иноплеменников-поселенцев: Баттар, содержатель публичного дома, простолюдин, иностранец, сам признающий себя гражданином второго сорта, и Фалет-Артимм, крупный негоциант, всячески скрывающий свое происхождение и прикидывающийся чистокровным греком. Баттар говорит:

...Я метэк, и он метэк также:
Не как хотим живем, а так, как нам можно,
Как разрешают нам... (ст. 8-10).

Он возмущен замашками Фалета:

Ему бы надо знать, какая он птица,
Что он за дрянь! Ему б дрожать всегда надо
Пред каждым гражданином, как бы он ни был
Ничтожен и дурен — с меня пример взял бы! (ст. 28-31)

и характеризует его так:

Фригиец, из Артимма ставший Фалетом,
Чтоб показаться греком... (ст. 37-38).

Так было и с народами, попавшими в вавилонский плен: они либо признавали себя гражданами второго сорта, либо принимали вавилонский облик и культуру и бесследно ассимилировались (Klamroth, 81). Стоя на такой общепринятой тогда точке зрения, евреи должны были считать, что Иегова побежден Мардуком и в переселении в Вавилон видеть указание на то, что отныне они должны поклоняться вавилонским богам (ср. Иер. 44,16). Этого не произошло; евреи, как мы видели, уже на родине приучились не обуславливать своего национально-патриотического чувства политической независимостью; им легче, чем другим, было сделать и следующий шаг и консолидироваться в национально-государственный организм без своей территории. Однако нельзя не признать в корне ошибочным выведение этих особенностей еврейской правовой психологии из еврейской религии: наоборот, возникшее в эпоху плена представление, по которому Иегова есть Бог всего мира, а Израиль лишь его возлюбленный сын, только проекция на небо того факта, что евреи, оставаясь национально-государственным целым, живут во всем мире, а Палестина (хоть в мечтах) — их религиозный центр.

Всякому патриотически настроенному народу свойственно ставить себя не ниже, а выше окружающих народностей. Поэтому

му и евреи не смущаясь *urbi et orbi* заявляют, что они выше тех народов, в среде которых они живут — и по происхождению, и по культуре. Приобретая экономическое и политическое влияние, занимая видные посты в государствах рассеяния, они ассимилируются лишь до известной границы, с гордостью заявляя о своей национальности и сохраняя ее отличительные черты. Полная ассимиляция беспощадно клеймится, как ренегатство; боязнь общественного мнения делает такую ассимиляцию сравнительно редкой.

Понятно, с каким чувством должны были отнестись к евреям в виду этой их особенности «хозяева страны». К униженным иноплеменникам, к этим жалким гражданам второго сорта, относились, пожалуй, даже со снисходительной жалостью. Более обидно и оскорбительно было, когда эта сволочь выходила в люди; однако заимствование полностью местной культуры и внешнего культурного облика давали возможность вскоре забыть о пятне на происхождении этих людей. Иное дело, когда эти выскочки, эти «мещане во дворянстве» на каждом шагу подчеркивают — своим обликом, обрядами, манерой держаться, рассуждениями — свое «хамское» происхождение и когда, в то же время, экономическая или общественная роль, занимаемая этими людьми, сплошь и рядом не позволяет «поставить их на место». Естественно, что «хозяева страны» не могли оставаться равнодушными к этому еврейскому «нахальству». Результатом этой особенности и явилось **о з л о б л е н и е и н е н а в и с т ь к е в р е я м**.

Как я указал уже выше, если бы евреи при таком отношении к ним реагировали бы рефлексивно, немедленно на каждое наносимое им оскорбление, они уже очень рано были бы истреблены подавляющими их силой и численностью «хозяевами страны». Инстинкт национального самосохранения приучил их вовсе не реагировать на менее тяжелые обиды, а на более тяжелые реагировать не рефлексом, а разумом. Такой реакцией являлась, с одной стороны, прекрасно поставленная еврейская пропаганда, с другой, то упорство, с которым евреи стремились к достижению фактического влияния в стране. Но с точки зрения античной морали такой способ реагировать на обиду считался недостойным свободного человека. Таким образом, результатом этой национальной особенности явилось **ч у в с т в о г а д л и в о с т и и п р е з р е н и я к е в р е я м**, их третируют, как «паршивых жидов». Евреи, со своей стороны, эту

естественно возникшую черту, не нуждающуюся ни в обсуждении, ни в порицании, не преминули возвести в высшую добродетель. Жажда мести — грех, так как надо любить все Божьи создания; чувство самолюбия, реагирование на обиду — преступная гордыня. В составленных в Египте дополнениях к книге «Эсфири» праведник Мардохай (3,56) находит нужным оправдывать свой поступок, с первого взгляда совершенный им в угоду самолюбию и чувству собственного достоинства: «Не из высокомерия и гордыни, не популярности ради я отказался пасть ниц перед надменным Аманом. Нет, я охотно целовал бы его пятки, если бы это могло быть на пользу Израилю!» Христианский принцип: «ударившему в правую щеку подставь левую» — не что иное как выпешшая из недр еврейства утрировка этой специфической национальной особенности, уже евреями возведенной в ранг добродетели.

Наконец, постоянная борьба с преследованиями выработала ряд своеобразных черт еврейского приспособления в борьбе за существование. Это, во-первых, тесная сплоченность и взаимопомощь в жизненной борьбе, во-вторых, необычайное упорство в достижении поставленной жизненной цели, сопровождающееся много большей тратой энергии, чем обыкновенно, так как еврею, кроме обычных препятствий, приходилось преодолевать еще специфическую враждебность к евреям, и, в третьих, своеобразное отношение к местному закону и государственности. Это отношение явилось результатом «двойного подданства» евреев, необходимости соблюдать часто противоречащие моральные требования еврейского и местного закона и, наконец, как мы видели выше, может быть охарактеризовано так:

1) Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь постольку, поскольку он не противоречит еще живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует.

2) Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям.

И к этим особенностям еврейской морали националистически настроенные граждане античных государств не могли от-

носиться равнодушно. Эти особенности евреев вызывали у них недоверие и страх; имеющее оборонительный характер еврейское сплочение превращается в глазах «хозяев» в объявивший войну всему миру всемогущий кагал.

Нам остается иллюстрировать свидетельствами древних правильность этих положений.

1. «Еврейское нахальство»

«Еврейское нахальство» состояло прежде всего в том, что евреи не пожелали стать на лояльную (по мнению хозяев страны) точку зрения герондовского метэка Баттара (выше, стр. 117-118) и не признавали справедливую необходимость «дрожать перед каждым гражданином, как бы он ни был ничтожен и дурен». Как мы видели выше (стр. 38), евреи не стесняются занимать видные места в государстве и играть в нем влиятельное положение: иногда им удавалось достигать административных постов, в других случаях они достигали фактического влияния благодаря экономическому могуществу. Исторические данные показывают, что процентные отношения числа евреев-сановников к числу неевреев-сановников было не выше, а ниже %-ного отношения евреев к неевреям вообще: само собой разумеется, что хотя 2/5 жителей Александрии были евреями, из числа высших должностных лиц города евреи никак не составляли 2/5. Однако, с точки зрения «хозяев», процент этот был все же чрезвычайно велик: в частности, в Александрии евреи были единственной категорией «пришельцев», добившейся (хотя, вероятно, и урезанных) гражданских прав; другие инородцы, в том числе коренные египтяне-туземцы, вовсе не могли занимать административных мест⁷² и если добивались видного положения, то, подобно герондовскому фригийцу Артимму, ставшему Фалетом, всячески старались скрыть следы своего варварского происхождения (ср. MW 52).

Таким образом, хотя евреям и не удавалось выдвигаться так, как «хозяевам страны», тем не менее, с точки зрения тогдашнего общества, их поведение было «еврейским нахальством». Надо к этому прибавить, что с т р е м л е н и е выдвинуться из числа рядовых граждан, всецело погруженных в борьбу за существование, путем ли сосредоточения экономического влияния или путем выдвигания на государственной службе и т.п. было у евреев значительно больше и интенсивнее, чем у их хозяев. Причина

этого вполне понятна: еврею, кроме общегражданских преград, приходилось еще преодолевать и общественный антисемитизм, и правительственные преследования, и только утроив необходимые усилия и упорство, он мог рассчитывать на какой-нибудь успех в жизненной борьбе. «Нередко евреи видели в обладании имуществом средство для преодоления враждебности общества и достижения сколько-нибудь сносного положения» (L. Herzfeld, *Handelsgeschichte der Juden des Altertums*, Braunschweig 1879): в то время как рядовой эллин мог так или иначе примириться со своим положением, положение среднего еврея из массы, вследствие преследований антисемитской атмосферы, становилось настолько невыносимым, что только выбившись из массы, он мог надеяться достигнуть самого скромного *minimum*'а жизненного благополучия. Положение существенно менялось только в те короткие минуты, когда у власти становилась партия, считавшая по той или иной причине удобным отказаться от юдофобской политики. Тогда у евреев оставалось столько свободной энергии, прежде тратившейся на борьбу со специально антиеврейскими препятствиями, что часто, продолжая по инерции борьбу с прежней напряженностью, они выдвигались более, чем, пожалуй, сами того желали. Так, как мы видели (стр. 61-62), когда в Египте на короткое время становилась у власти партия, отказавшаяся от традиционной юдофобской политики, виднейшие военные посты оказывались занятыми евреями.

Все эти выдвинувшиеся на поверхность общественной жизни евреи были, конечно, эллинистами, т. е. сильно ассимилированными евреями. По внешнему облику они ничем не отличались от эллинов: носили греческую одежду, говорили по-гречески, не уступали грекам в знакомстве с греческой образованностью, умели держать себя в греческом обществе, отказались от соблюдения значительной части еврейских ритуальных установлений, например, относительно еды и т. д. и т. д. И тем не менее они не стали греками и отнюдь не хотели, подобно герондовскому Артиму, контрабандно прослыть греками. Их ассимиляция имела известный предел: они были и открыто объявляли себя не эллинами, а проникнутыми эллинской культурой евреями.

На эту особенность евреев обратили внимание все виднейшие исследователи. «Даже те евреи, которые приняли эллинистическую образованность, оставались в душе всегда евреями», — говорит Вилькен (о. с. 785, пр.1). «Пусть материнским языком этих евреев диаспоры был греческий язык; пусть их

отношение к соблюдению закона было, с точки зрения фарисеев, верхом греха и вольнодумства; пусть они перестали соблюдать, считая несущественным, многое из того, что для фарисея было существенным и необходимым: в глубине сердца они оставались все же евреями и чувствовали себя единым целым со своими братьями в Палестине» (Шюрер, *о. с.* III, 3 изд., 92). «Несмотря на внутренний раскол, несмотря на то, что значительная (огромная! С. Л.) часть евреев была разбросана вне Палестины..., несмотря на проникновение в еврейство разлагающего эллинистического элемента, в глубочайшей сущности своей евреи оставались единым целым... Во всех существенных вопросах, особенно же перед лицом притеснений и преследований, внутренние разногласия еврейского общества исчезали и, как ни было незначительным раввинское государство (в Палестине), та религиозная община, во главе которой оно стояло, представляла собой внушительную, а при известных обстоятельствах и опасную силу» (Моммзен, *Röm. Gesch.*, V, 497). «(Евреев диаспоры считают насквозь эллинизированными, а евреев Палестины — партикуляристами...) Не следует преувеличивать разницы между палестинским и эллинистическим еврейством: это две ветви от одного и того же ствола; вся разница только в том, что на одной из этих ветвей навешено немного эллинства» (Бертолет, *о. с.* 337). «В действительности разница между диаспорой и Палестиной не была значительной» (Р. Krüger, *о. с.* 53). «Таким образом, нельзя слишком резко противопоставлять еврейство Палестины и диаспоры» (Bousset, *Die Religion des Judentums*, Berlin 1903, 115). Действительно, вся дошедшая до нас в отрывках еврейская светская литература (Артапан, Езекиель, ж и т е л ь П а л е с т и н ы Евполем и др.) создана людьми, пропитавшимися насквозь эллинской культурой и в то же время проникнутыми самым живым и горячим национальным чувством. «Эта эпоха, наряду с эллинистами ярко выраженного антинационального, прямо симпатизирующего язычеству направления, создала также людей, которые, несмотря на глубокое знание греческой литературы и увлечение греческой наукой, отличались нерушимой верностью к своему народу и религии; кроме целого ряда других фактов, это видно прежде всего из фрагментов Евполема» (Freudenthal, *о. с.* 128).

Разительным подтверждением сказанного может служить поведение эссенян. Эссениане — еврейская секта, видевшая спасение не в национальном, а в индивидуальном самоусовершенствовании. Эссениане были «слугами мира», они были проникнуты

человеколюбием и считали величайшим грехом войну. Даже местные власти признали за эссейянами право не быть привлекаемыми к военной службе и вести коммунистический образ жизни (*Philo, quod omni. prob.* II, 459). И тем не менее, когда опасность стала угрожать главному центру мирового еврейства, они, несмотря на то, что относились скептически к святости храма и жертв, несмотря на свой резкий принципиальный антимилитаризм, идут добровольцами в ряды сражающихся евреев и в качестве офицеров, и в качестве рядовых солдат, они проявляют полное забвение личных интересов, самоотверженность и храбрость. Национально-патриотическая закваска была в них так сильна, что оказалась сильнее убеждений, составлявших дело их жизни. (*Ios. Bell. iud.* II, 8. 10. 20, 4. III, 2. 1, ср. M. Friedländer, о. с. 68—69).

Конечно, и среди евреев было не мало лиц, ассимилировавшихся до конца, так как такая ассимиляция давала крупные жизненные выгоды, сильно облегчая борьбу за существование. Внешним признаком такой полной ассимиляции было принятие показной стороны государственной религии. Правда, греко-римская интеллигенция этого времени, воспитанная на идеях философов, сама относилась скептически к народной вере; философский атеизм был даже в моде. Но внешняя принадлежность к государственной религии требовалась от культурного человека общественным приличием, как ныне от культурного европейца требуется внешняя принадлежность к христианству. Ренегатов поставляли преимущественно высшие классы населения, дальше всего отошедшие от народной традиции (на ренегатство жалуется Филон, *de poenit.* 2, ср. Bertholet, о. с. 274, Bludau, о. с. 40), но надо заметить, что даже в высшей интеллигенции они, в противоположность тому, что было у «пришельцев» других национальностей, составляли ничтожный процент. Причина этого в том, что национально-патриотическое чувство в еврейских общинах было очень сильно; такая полная ассимиляция обязательно сопровождалась окончательным разрывом со всеми родными и близкими и была доступна только лицам, для которых возможно было не считаться с общественным мнением еврейской колонии. Евреи питали к ренегатам жгучую ненависть; поэтому даже в минуты самых тяжелых гонений лишь немногие решались на этот шаг. В историческом романе, известном под названием «III кн. Маккавеев», когда царь Птолемей IV, под угрозой лишения всех прав, предписывает евреям посвятиться в мистерии Диониса, только немногие покорились и ренегиро-

вали; большинство пошло обычным еврейским путем — пытались уклониться от гонений взяткой (2,31-32; см. ниже, стр. 147). Царь возмущен тем презрением, которое евреи выражают к лояльным гражданам из своей среды, т. е. к ренегатам: «Тем немногим из них, которые выявили лояльность к нам, они и речами и молчанием выражают свое презрение» (3,23). III кн. Маккавеев написана по той же литературной схеме, что и книга «Эсфири»; только смелости в ней меньше; мечта расправиться с антисемитами заменяется здесь более скромной мечтой расправиться с ренегатами: убедившись в правоте евреев, царь разрешает перебить ренегатов (7,10-15). Точно так же и в лирической еврейской поэзии, в псалмах, выражается ненависть и презрение к ренегатам (напр., Псал. 25,3).

Разрешая евреям перебить ренегатов, Птолемей IV принимает в соображение выдвинутый ими довод: на тех, которые из чревоугодия презрели заповеди Божьи, и царь никак не может положиться, как на верных граждан (7,10-15). Довод этот в известной степени верен: уход от еврейства являлся таким позором с точки зрения тех традиций, в которых ренегаты были воспитаны, что обыкновенно уходили самые уродливые в нравственном отношении личности, и так как их отношения с евреями были испорчены навсегда, то часто они делали карьеру на еврейских же гонениях. Племянник знаменитого Филона, Тиберий Александр, принял государственную религию и в 67 г. по Р. Х. был назначен наместником Египта. Как мы видели выше (стр. 70), он был устроителем одного из жесточайших еврейских погромов в Александрии (Jos. Bell. iud., II 18, 1-8, ср. Bludau, о. с. 89). «Еврейский погром в Антиохии во время разрушения Иерусалимского храма был вызван тем, что какой-то еврейский апостат сделал официальный донос, будто евреи — жители Антиохии собираются поджечь город» (Mommsen, Röm. Gesch. V, 541).

Хотя число выдвинувшихся евреев, несомненно, и было соответственно ниже общего числа их, тем не менее выдвигание на видные роли в античном обществе евреев, не скрывавших свое национальности, при взглядах древних на «граждан второго сорта» не могло не резать глаз «хозяевам страны». Так, знаменитый Апион в числе «возмутительных и подлых дел, вменяемых им в вину александрийским евреям» (Jos. c. Ap. fr. 63 C² R § 1) указывал и на то, что при Птолемеях Филометоре и Клеопатре евреи Оний и Досифей были главнокомандующими всего войска, причем издевался над их именами (ibid. § 4). Любопытно, что и нынешние ученые находят возможным присоединиться

к возмущению Апиона... «Это — естественная реакция эллинистического народного чувства против чуждого элемента, занявшего слишком много места в его жизни», — говорит Блудай (о. с. 79).

Сверх того, евреи, выдвинувшиеся в античном обществе, с точки зрения этого общества, не проявляли достаточной скромности и такта. Мало того, что они открыто заявляли себя евреями, они еще, в своем национально-патриотическом задоре, считали свой народ выше и лучше самих хозяев, — как в отношении происхождения, так и в отношении мудрости и добрых нравов. Из I кн. Маккавеев (12,6 14,20) мы с удивлением узнаем, что евреи в официальных дипломатических документах считали себя и спартанцев, наиболее чтимое в нравственном отношении племя Греции, происходящими от общих предков⁷³. Тенденция к сближению себя со спартацами была вызвана некоторым (внешним) сходством спартанских и еврейских законов, в частности, в отношении к иностранцам. Каким же образом устанавливалось это родство? По правдоподобной гипотезе Вилльриха (*Juden und Griechen vor der makk. Erhebung*, Gottingen, 1895, 43-44) это сближение было сделано еврейским интерполятором Гелланика, греческого историка V века. Гелланик (fr. 2 Müller) в числе древних богатырей спартов упоминал Удея (Udaios). Интерполятор, ввиду созвучия, мог видеть в спартах предков спартиатов, а Удея (Udaios) отождествить с Иудеем (Judaïos), предком-эпонимом евреев. Еще более важно было для евреев доказать, что они, во всяком случае, выше по происхождению, чем местное население Египта — коренные египтяне. Это сделать было им очень легко. Они могли сослаться на документ, по их мнению, почти современный, — на Библию, где говорится: 1) что еврей Иосиф уже в древности был фактическим правителем Египта, 2) что Бог определенно стал на сторону евреев против египтян и рядом казней (между прочим, наслав на египтян наложную болезнь) заставил их разрешить евреям уйти из Египта; словом — это историческое свидетельство показывает, что евреи — если не более древний, то, во всяком случае, издревле более почтенный народ, чем египтяне. Правда, в египетских преданиях евреи не нашли ничего, что подтверждало бы свидетельство Библии; но здесь рассказывалось о том, что Египет был долгое время под властью азиатских кочевников — гиксосов. Как известно, азиатскими кочевниками были и евреи; следовательно, гиксосы и евреи — одно и то же, и даже из египетских источников видно, что евреи некогда были хозяевами Египта⁷⁴.

В древности такой способ внушить к себе уважение не был чем-то особенным. Каждый греческий город — полис — в борьбе со своими соседями пытался при помощи старинных преданий доказать, что его граждане искони родовиты и праведны, тогда как противники происходят от негодяев и подонков общества. При этом ни один старинный рассказ не отвергался, как выдумка: старинность была гарантией правдивости. Изменялись лишь мелкие подробности, группировка и освещение фактов, делались сопоставления и отождествления и в результате удавалось доказать все, что только было желательно. Так же поступили в данном случае и евреи, так же ответили им и их противники.

Они не отвергали в корне еврейского предания, а только исправляли его. «Бог, наслав на египтян кожную болезнь, заставил их разрешить евреям уйти из Египта». «Заставил их разрешить уйти» — явно еврейская версия: в действительности боги наслав на египтян кожную болезнь, заставили их изгнать евреев из Египта. За что же изгнать? Очевидно, рассуждали противники евреев, модернизируя древность по образцу событий их времени, за то, что еврейский культ оскорблял египетских богов. В таком виде мы находим рассказ об исходе евреев из Египта у древнейшего историка, писавшего по этому вопросу, Гекатея Абдерского.

Египетский жрец Манефон, как особенно чувствительно задетый еврейской версией, пошел еще дальше. «Боги наслали на египтян кожную болезнь»... На каких египтян? Конечно, на совершивших грех, а не на праведников! Но ведь грех-то совершили евреи... Стало быть, египтяне, постигнутые кожной болезнью, и были евреи: это вполне согласовалось с ходким во времена Манефона обвинением евреев в телесной нечистоплотности. Итак: боги наслали на злодеев из числа египтян кожную болезнь и заставили, так обр., изгнать их из Египта; эти изгнанные египетские злодеи и наименовались впоследствии евреями. Оставалось объяснить, каким образом в Египте мог занимать видный пост еврей Иосиф. Манефон объяснил это, по-видимому, так: вождем злодеев-египтян был египетский жрец Озарсиф. Когда изгнанные приняли культ Иеговы, он исключил из своего имени часть, произведенную от египетского бога Озириса и заменил его Иеговой: из Озарсифа получился Иосиф. Так как Манефон вдобавок смешал Иосифа с Моисеем, то у него имя Озарсиф носил Моисей⁷⁵.

Таким образом, низкое происхождение еврейского народа стало доказанным фактом, и с этих пор эта версия становится общепризнанной в греко-римской науке. Велльгаузен (*Isr. und jüd. Gesch.* 4, 12) полагал, что представление о евреях, как о народе низкого сбродного происхождения, возникло вследствие широкого прозелитизма — евреи принимали в свою среду людей самого низкого пошиба. Но мы уже видели, что еврейский прозелитизм имел самые ограниченные размеры; объяснение Велльгаузена поэтому отпадает. В действительности это обвинение — результат только что разобранный полемики, шедшей под знаком озлобления и ненависти к евреям; как мы видели (стр. 45 сл.), антисемиты тщательно штудировали Библию в своих целях; а в самой Библии (как указал Штегелин, *о. с.* 14, пр. 1) говорится о том, что вместе с евреями ушло из Египта «множество различных людей» (*epimiktos polys*, *Exod.* 12,38), и далее во время пути, наряду с сынами Израилевыми, упоминаются «сбежавшиеся подонки общества» (*Num.* 11,4); это могло для антисемитов древности служить добавочным доказательством низкого происхождения евреев. Цельс, платонический философ II в. по Р. Х., подводил итог всей этой полемике; его рассуждения могут служить доказательством того, что обвинение евреев в низком происхождении возникло именно таким путем, как мы указывали. Он не опровергает достоверности Библии, но только указывает на то, что в еврейском предании якобы «много темных и двусмысленных слов, окутанных тайной и мраком», и поэтому «евреям удастся объяснить их, как им угодно, беседуя с невеждами и дураками»; к сожалению, «в течение столь долгого времени никто не занялся даже опровержением их толкований». Евреям действительно удастся доказать, что их происхождение восходит к глубокой древности: они в самом деле «ведут свой род от живших в глубокой древности... шарлатанов и бродяг (намек на исход евреев)»! Его окончательный вывод: евреи — беглые египетские рабы⁷⁶.

Попытка евреев доказать свое высокое происхождение была заранее обречена на неудачу, так как «азиатские варвары» с точки зрения античности никак не могут равняться в родовитости с эллинами. Поэтому евреи чаще шли по другому пути: как мы видели, они становились на демократическую точку зрения и доказывали, что происхождение вообще не имеет никакого значения: главное — это справедливость и мудрость. А исключительная непревзойденная мудрость и справедливость еврейской Библии, конечно, была для евреев аксиомой. Образчиком еврейского самомнения может служить ст. 218 слл. III кн. Сивиллы, —

еврейского псевдоэпиграфа египетской эпохи. Евреи — это «племя справедливейших людей, думающих всегда лишь о добрых и благородных делах». Они не занимаются праздными вещами (в эту категорию ст. 221—229 наряду с птицегаданием и т. д. отнесена также вся античная наука — астрономия, физика и т. д.), «так как эти занятия только утомляют дух, не принося человеку никакой пользы»... «Нет, они думают о справедливости и добродетели; нет у них корысти, причиняющей смертным тысячи бед, войну и бесконечный голод. У них верные весы и меры в городах и деревнях, они не занимаются кражами и грабежом, не обманывают друг друга при размежевании, богатый не утешает бедного и т. д. и т. д.» Точно так же в псалме 119 (ст. 99) еврей, вкусивший эллинской науки, восклицает: «Я мудрее всех тех, которые меня учили!».

И тут самомнение оказалось преувеличенным. Ознакомившись с греческой наукой, евреи должны были убедиться, что те нравственные начала, которые проводились в Библии, были также достоянием греческой философии. Однако от выдвинувшихся евреев окружающая их антисемитски настроенная среда требовала, если они не в состоянии доказать превосходство своей культуры, признать ее низшей, и либо стать эллинами до конца, либо уйти от общественной жизни. Доказать превосходство своей культуры было для евреев вопросом жизни и смерти. И при еврейской находчивости и изворотливости такие доказательства не замедлили найтись. Еврейский историк Евподем, живший в Палестине в эпоху маккавейского восстания, по словам Клемента и Евсевия, «говорит, что Моисей был первым мудрецом и первый дал евреям алфавит; от евреев заимствовали его финикияне, а греки — от финикиян. Он же впервые составил писанные законы, данные им евреям» (fr. 1 Fr.). В том, что Моисей был основателем всяческой мудрости, сходились все еврейские публицисты⁷⁷: приближенный известного своим юдофильством египетского царя Птолемея IV Филометора, еврей-философ Аристобул, посвятивший свое сочинение этому царю, доказывал, что Пифагор, Сократ и Платон заимствовали свое учение у Моисея (Eus. pr. ev. XIII, 12), даже Гомер и Гезиод черпали у Моисея. То учение, которое приписывается Гераклиту, было уже задолго до него открыто Моисеем (Philo, quis reg. div. her. 43). Моисей уже задолго до стоиков пришел к стоицизму (Philo, de migr. Abr. 23).

Конечно, доводы этих публицистов были малоубедительными для греков; более ловкие и более шовинистически настроенные журналисты выпустили ряд «еврейских произведений под

языческой маской», выдавая за авторов этих произведений египтян или греков, иногда знаменитых писателей греческой древности, и влагая им в уста или слова, свидетельствующие о превосходстве еврейских религиозных представлений, или о признании за евреями права на первенство в науке. Особенно интересен дошедший до нас в отрывках труд, написанный неизвестным египетским евреем и вложенный в уста египетского жреца Артапана (см. выше, стр. 23). «Авраам, говорит он (fr. 1 Fr.), пришел в Египет со всей своей семьей и научил египетского царя Фаретота астрологии». «Иосиф был устройтелем всей египетской страны. До него у египтян не было установленных земельных границ, и вследствие того, что земля не была поделена, сильные притесняли слабых. Иосиф первый поделил землю на участки, поставил пограничные знаки и большое количество стоявшей под паром земли сделал годной для обработки, причем часть пашни раздал жрецам» (fr. 2 Fr § 2). «Моисей был прозван греками Мусеем. Этот-то Моисей и был учителем Орфея» (fr. 3 Fr § 4; по греческой легенде Мусей был не учителем, а учеником Орфея). «Когда Моисей вырос, он научил египтян многим полезным вещам: кораблестроению, машинам для кладки камней, египетскому вооружению, оросительным и военным орудиям; он же изобрел и философию» (fr. 3 Fr § 4). Далее Артапан приписывает Моисею изобретение египетской религии (см. выше, стр. 97) и затем продолжает: «Моисей чтился жрецами наравне с богами, ему дали имя «Гермес», за то что он дал им толкование («герменею») иероглифов» (fr. 3 Fr. § 6). Затем Моисей совершает победоносный поход в Эфиопию. «Эфиопы, хотя и были врагами, так полюбили Моисея, что усвоили от него обычай обрезания, и не только они, но и все египетские жрецы» (fr. 8 Fr § 10; по противоположному взгляду антисемитов, евреи, наоборот, заимствовали обрезание от египетских жрецов). «Моисей ударил посохом по Нилу, и река стала такой многоводной, что залила весь Египет: отсюда берут начало разливы Нила» (fr. 3 Fr § 28).

Далее целый ряд нравоучительных изречений и предсказаний в духе еврейской религии был выпущен в свет под именем старинной греческой пророчицы Сивиллы; ряд поучительных стихов такого же характера был вложен в уста Фокилиду, Эсхилу, Софоклу, Еврипиду, Филемону и Менандру, были сделаны обширные интерполяции в произведения историков — Феоппа, Гелланика, Гекатея и др.⁷⁸

И к этим подделкам нельзя подходить с меркой и оценкой нашего времени. И п с е в д э п и г р а ф и к а и и н т е р -

поляции были широко распространенным приемом в древней литературе, чему в высшей степени способствовало отсутствие печатного станка. В древности было самым обычным явлением выпускать книгу под чьим-либо громким, чужим именем, особенно под именем писателя седой древности. Особенно в моде это было как раз для пропаганды новых религиозных учений. Так, учения орфической религиозной школы были изданы под именем мифического Орфея и т. п. Точно так же и интерполяции с политической или религиозной целью были обычным явлением в древней литературе, начиная уже с Гомера (некоторые части «Каталога Кораблей» заведомо вставлены позже, в эпоху Писистрата, с политической целью). Таким обр., еврейские литераторы только следовали в этом установившимся тогда повсюду литературным нравам, — они были не лучше и не хуже других. Их преемники, христианские литераторы, пошли по их стопам. Слова Иосифа Флавия об Иисусе (Ant. XVIII, 3, 3) — несомненная тенденциозная христианская интерполяция. Таким образом, надо иметь крайне предвзятые взгляды, чтобы видеть в этих фальсификациях какую-то специфическую еврейскую особенность, как поступает, например, Бек (Voelckh, Gr. Trag. Princ. p. 146), говоря: ученые евреи подделали много стихов славнейших из греческих поэтов, по причине скорее бессовестного, чем благочестивого коварства, присущего еврейской природе (*impia magis quam pia fraude, Hebraeorum naturae insita*). Если отбросить морализирующие и оценочные рассуждения, то Фрейден-таль (о. с. 189—194) в общем прав, говоря по этому поводу: «Всякое время и его произведения должны быть разбираемы по его собственным принципам, чужая мерка неприложима... Псевдоэпиграфика проникла в еврейский эллинизм из Греции. Древне-еврейская литература не знает псевдоэпиграфов... У греков, наоборот, искусство литературного фальшивомонетчества так же старо, как их проза. Первым, пустившим его в ход, был не кто иной, как сам благородный Солон (Plut. Sol. 10), который в патристических целях интерполировал Гомера. За ним следует пресловутый Ономакрит, который, согласно древней традиции, не только провинился в таком же преступлении по отношению к Гомеру, но также написал гимны, предсказания и оракулы, ложно приписав их Орфею и Мусею; его обман был обнаружен, и он был изгнан Гиппархом. Но только после Ономакрита эта литература разрослась столь пышным цветом, что Геродот часто был вводим ею в обман, Аристофану она давала материал

для самых веселых его шуток, а Платону — для горьких жалоб. Но можно ли сравнить псевдэпиграфику геродотовского и платоновского времени с нелепо-шарлатанской псевдэпиграфикой александрийского времени, обязанной своим происхождением тщеславию, корыстолюбию и партийным проискам?.. Нет ни одной интерполяции, сделанной еврейским эллинистом, нет ни одного псевдэпиграфа, который не имел бы греческого прототипа в интерполяциях поэтов и прозаиков, в подложных письмах, декретах, оракулах и предсказаниях, в орфических и сивиллиных стихах, в подложных лирических, драматических и гномических произведениях, в религиозных, исторических и философских трудах. Достаточно представить себе хотя бы бесконечное количество столь чреватых влиянием христианских псевдэпиграфов, апокрифических евангелий и Деяний Апостолов, подложных откровений и писем вплоть до Исидоровых декреталий и еще более поздних подлогов»... Напрасно только Фрейденталь, ослепленный еврейским национализмом, утверждает, что древнееврейская литература не знает псевдэпиграфов: все Пятикнижие, поскольку оно приписано его составителями Моисею, — грандиозный псевдэпиграф, вернее, три или более псевдэпиграфа, составленные в разное время и умышленно приписанные составителями их одному и тому же человеку — Моисею. Таким образом, евреи были не лучше и не хуже греков; псевдэпиграфика характерна для литературных нравов всей древности.

Более серьезным является вопрос о прямой фальсификации, о заведомом ни на чем не основанном измышлении исторических фактов. Здесь уже нельзя ссылаться на греческую историческую литературу, в которой, правда, были обычным явлением жонглирование случайными аналогиями, наивные этимологии, легкомысленные, ненаучные выводы и обобщения и т. д., но заведомое измышление исторических фактов все же не было обычным. Наоборот, представители еврейской светской историографии все, исключая одного только Деметрия, обвиняются в подобных искажениях, причем такое обвинение бросается им не только учеными, относящимися к евреям несочувственно, но и таким националистически настроенным еврейским ученым, как Фрейденталь; и он характеризует работу этих историков, как «беспочвенные измышления», как «ответную ложь», как «смелые выдумки и заключения» (о. с. 110. 98. 144. 162—165).

Ввиду высоких научных достоинств книги Фрейденталья и ввиду того, что от него, как от националистически настроен-

ного еврея, менее всего можно было бы ждать слишком сурового отношения к еврейским историографам, его мнение получает в нашем вопросе особый вес. Вот почему, прежде чем перейти к разбору вопроса о еврейской фальсификации, необходимо познакомить читателя с мировоззрением Фрейденталь.

Фрейденталь, как я сказал уже, — националист, но националист, которого опыт трехтысячелетней истории еврейства ничему не научил. Он всецело стоит на точке зрения «народов-хозяев», по которой отличительными признаками национальности являются своя территория, своя резко отграниченная от других культура и, прежде всего, свой язык. «Язык не только орудие мышления, но и его источник. Как только воды этого источника иссякают и становятся мутными, уже не может процветать свободное и красивое духовное развитие. (Собственный) язык народа — источник всей его духовной жизни» (о. с. 195). Поэтому Фрейденталь относится с симпатией только к еврейству древнейшей эпохи: эллинистическое еврейство, в сущности, не имевшее ни своей территории, ни своей резко отграниченной культуры, ни своего языка, с его точки зрения только заблудшее стадо: разница между фрейденталевской философией еврейской истории и философией Библии лишь в том, что для составителей Библии грех евреев состоит в отпадении от Иагве, а для него в отпадении от еврейского языка (стр. 196). Но, с другой стороны, Фрейденталь — прямой наследник Евполема, Артапана и им подобных: и он твердо убежден, что евреи в нравственном отношении неизмеримо выше всех других народов (по крайней мере, древности). Поэтому задача книги Фрейденталья двоякая: 1) показать, что эллинистически-еврейские писатели были отбросами еврейства и 2) показать, что даже эти отбросы в нравственном отношении были ничуть не хуже того эллинского общества, которое, втянув их в свою культуру, загрязнило их непорочную еврейскую душу эллинской мерзостью («Die Mehrzahl der jüdischen Hellenisten verfiel in alle Fehler der entarteten Griechlinge», стр. 198). Для того, чтобы доказать первое положение, Фрейденталь утверждает, что настоящая еврейская литература (на еврейском языке) чужда даже псевдоэпиграфики, тогда как еврейско-эллинистическая литература изобилует ложью и фальсификацией. Для доказательства второго положения он старается показать, что все те недостатки, которые свойственны евреям-эллинистам, — общи для всей эллинистической литературы. Доказательства первого положения, как мы увидим, неубедительны; второе положение Фрейденталь доказал фактами,

но так как еврей-эллинисты, вопреки мнению Фрейденделя, не отбросы, а лучшие представители еврейства, то и эти факты не дают права сделать заключения о нравственном превосходстве евреев над греками.

Фрейдендель обвиняет еврейскую историографию во лжи и измышлении фактов. Конечно, ввиду утраты огромного большинства исторических трудов древности, в большей части случаев трудно судить, что позаимствовано из ненадежного или плохо понятого источника, что есть результат недостаточно строгих научных приемов и что есть заведомое измышление, ложь. И тем не менее для еврейской историографии, как указывает сам Фрейдендель, еще не совсем утеряна ее связь с первоисточниками. Так, если Псевдоартапан утверждает, что Авраам изобрел астрологию, то он (быть может, через анонимного самаритянского историка) восходит к Бероссу: единственный домысел Артапана — произвольное отождествление «праведного мужа» Беросса с Авраамом на основании весьма шатких хронологических соображений — обычное явление для эпохи религиозного синкретизма, когда тысячи умов были заняты отождествлением богов и героев различных религий (Freudenthal, 94). Точно таким же образом и Моисей был отождествлен с Гермесом, который уже раньше был сближен с египетским Тотом. Гермес — слово созвучное с «герменевт» (характерная для эллинизма наивная этимология) и означает «истолкователь» (Артапан, fr. 3 Fr. § 6). Моисей также назван истолкователем воли Божьей (Exod. 4, 12 слл., 20, 19); следовательно, Моисей и Гермес — одно лицо. На основании такой же этимологии Моисей был отождествлен и с Мусеем. Таким образом, Артапан и счел себя вправе приписать Моисею все то, что египетская легенда приписывала Тоту = Гермесу (стр. 153—156). Точно также не еврейская историография, а сама греческая наука со времен Геродота не переставала указывать, что вся греческая культура, в частности алфавит, позаимствованы с Востока, а так как для евреев было аксиомой, что из всех народов Востока они были древнейшим и культурнейшим, то, конечно, они отсюда делали вывод, что они-то и являются изобретателями всей культуры (Фрейдендель, 117, 192), вывод тем более для них необходимый, что только признание эллинской науки проистекающею из еврейской давало им право заниматься ею, несмотря на то, что она чужда еврейскому Закону (P.Krüger, o.c. 20-21).

Таким образом, большая часть столь огорошивших нас сообщений еврейской историографии — не ложь, а результат научной работы по установленным в греческой науке методам: путем религиозно-синкретического метода отождествления, наивной этимологии и т. д. Несомненно, что так же дело обстояло и для тех мест, источники которых для нас утрачены: можно, если угодно, осмеивать эти научные приемы, но ничто не дает права обвинять еврейскую историографию в сознательной лжи. Итак, и в этом случае евреи были не хуже и не лучше окружающей среды. Руководимые патриотическим чувством и горя желанием во что бы то ни стало возвеличить свой народ, они делали то же, что делали милетяне для прославления Милета, македоняне для прославления Македонии, а впоследствии для прославления Рима (сказание об основании Рима троянцем Энеем и т. д.). Но *quod licet Jovi, non licet bovi*; евреям, этой «нации, рожденной для рабства», не подобало, с точки зрения греков и римлян, делать то, что разрешалось их «хозяевам». Ясно поэтому, что вся эта отрасль еврейской литературы должна была вызвать и вызвала полемику в греко-римском мире. Еврей-эллинист нашего времени Теодор Рейнак (*Textes d'auteurs grecs et romains*, Paris, 1895, préface, XII) говорит: «Вместо того, чтобы скромно радоваться случайным совпадениям между религией и философией греков, евреи претендуют на то, что вся эллинская мудрость имеет источником Пятикнижие; таким образом Платон, Аристотель и Зенон оказываются плагиаторами Моисея! Конечно, эта претензия должна была вывести из себя самолюбие эллинского общества, которое не желает, чтобы его поучала маленькая группа варваров, только что появившаяся на сцену и о которой никто ничего не слышал до Александра...».

Полемика древних пыталась поставить вверх ногами еврейские теории: не эллинская наука имеет источником Библию, а наоборот, все еврейские учения позаимствованы ими у других народов. «Если евреи», говорит Цельс (у Оригена, с. Cels. V, 43), «гордятся тем, что они якобы посвящены в высшую мудрость... (то они не правы), ведь уже давно известно, что даже их учение о небе (Цельс путает культ неба с единобожием. С. Л.) — заимствованное: не говоря уже о других народах, это исконный взгляд персов, как свидетельствует Геродот (I, 131)... Нельзя также считать их более святыми людьми, чем прочие, по той причине, что они подвергаются обрезанию: в этом их предшественниками являются египтяне и колхи. Точно так же в воздержании от свиного мяса их предшественники — египтяне, которые

сверх того воздерживаются еще от козьего, овечьего, коровьего и рыбьего мяса».

В приведенной еврейской литературе евреи выставляются мудрейшей и даровитейшей нацией. Полемисты-антисемиты утверждали обратное — евреи тупы, невежественны и легковёрны. Аполлоний Молод выдвинул впервые обвинение, подхваченное и в нынешней антисемитской литературе: «евреи — самые тупые из всех варваров, и потому они — единственный народ, не сделавший ни одного полезного в жизни практического изобретения» (fr. 27D R). «Евреи не выдвинули из своей среды ни одного замечательного или выдающегося человека ни в области практических наук, ни в области (теоретической) мудрости», — повторяет вслед за ним знаменитый Апион (Апион, fr. 63 DR, § 6). «Евреи не создали ничего замечательного», — вторит им Цельс (fr 88R, § 8). Таким образом, взятое якобы из жизни наблюдение, что евреи не создали ни одного выдающегося самостоятельного ученого и что вся их культура — заимствованная, как должен признать и Штегелин (о.с. 25), в действительности, следовательно, возникло только в результате полемического задора.

Только в одном отношении эллинская полемика, говоря о еврейской тупости, верно подметила особенность еврейской психологии. Как мы видели выше, еврейская Сивилла с гордостью заявляла, что евреи не занимаются праздными вещами, какими, по ее мнению, являются естественные науки и искусства: все помыслы евреев были обращены на науку о добродетели. Именно эту узость, этот педантизм и неумение воспламениться стройной связью явлений и красотой форм в природе и искусстве, независимо от ее пользы для самоусовершенствования, эту эстетическую ограниченность и отсутствие сердечного жанра, греки называли «холодностью» *psychrotes*. Под понятие «холодности» греки подводили, по-видимому, и невосприимчивость к чарам любви, почему Мелеагр Гарадский, элегический поэт II в. до Р. Х., в шуточном стихотворении находит нужным указать, что евреи при всей их «холодности» в этом отношении безупречны. Обращаясь к своей бывшей возлюбленной, вступившей, по-видимому, в число *sebotenoí*, он говорит (fr. 24 R):

Нежная Дёмо! Скажи: кто в объятьях твоих разжигает
Тело тобою свое? Сердце порвалось в груди!
Видно, к субботе любовь охватила тебя... Не дивлюсь я:
И средь холодных суббот царствует пылкий Эрот!

Равным образом и поздний писатель Рутилий Намациан (*De reditu suo*), отметив в стихах 385-386 слепоту евреев к красотам природы, называет евреев

Глупых теорий источник, с х о л о д н о й⁷⁹ субботой на сердце,
Сердце ж еще холодней самой религии их.

Наконец, в легковерии и невежестве евреев обвинял Мнасей Патарский (fr. 19 R), Цельс (fr. 88 R, § 4 = Orig. c. Cels IV, 38), Гораций (*Sat. I*, 597 слл. *credat Judaeus Apella*) и, если верить Аммиану Марцеллину, император-философ Марк Аврелий (*Reg. gest.* 22, 5, 5).

Но древние нашли еще одно доказательство несостоятельности еврейских претензий, особенно интересное для нас потому, что оно в русской истории приписывается князю Владимиру Святому: очевидно, оно проникло в русскую традицию из Александрии при посредстве Византии. Апион (fr. 63 C2 R) говорил: «Доказательством того, что ни еврейские законы не отличаются справедливостью, ни Бог не чтится евреями, как надлежит, может служить то, что они сами (не добились власти), но рабствуют различным народам и что на их город обрушились все мыслимые несчастья». Вслед за ним и Цельс (fr. 88 R, § 11) замечает: «Не похоже на то, чтобы Бог отличал их и любил больше других народов, или чтобы они имели исключительную привилегию получать непосредственные веления с неба, или чтобы их страна была особо блаженной. Всякий видит, какова судьба и их самих, и их страны».

2. «Еврейская низость»

Выше я говорил уже о выработавшейся у евреев способности не реагировать немедленно, рефлексивно на наносимые им оскорбления. Такое поведение с точки зрения древней морали было недостойно свободного человека; так поступать могут только рабы. Отсюда и пошло наименование евреев прирожденными рабами. Так, Апион (fr. 63 D R § 5) говорит, что евреи постоянно были рабами того или иного народа, Цицерон (*de provinc. consul.* V, 10) называет евреев «народом, рожденным для рабства», Тацит (*Hist.*, V, 8) именует их «презреннейшими из рабов». В результате соединения этого взгляда на евреев с баснями об исходе из Египта получилось наименование евреев «бежавшими из Египта рабами» (Цельс, fr. 88 R, § 8 = Orig. c. Cels IV, 31). В книге «Юдифь», проецирующей, как мы видели, в пер-

сидские времена обстоятельства греко-римской эпохи, оба обвинения вложены в уста персов: дважды (14,13; 14,17) евреи презрительно названы «рабами», а один раз даже «народом (рабов, бежавших) из Египта» (6,5).

Таким образом, естественно, что эта особенность еврейского характера вызывала живейшее презрение со стороны греков. Так, из сообщения Иосифа Флавия мы узнаем, что Александр Янней не хотел брать к себе на службу сирийских наемников, вследствие врожденного отвращения сирийцев к евреям. Далее, как сообщает Плутарх (Anton. с. 38), римляне никогда не позволяли себе наносить оскорбления царственным особам и предавать их публичной казни: единственным исключением был е в р е й с к и й царь Антигон, который был с позором проведен перед толпой и затем обезглавлен. Сын Августа Гай при своем путешествии по Востоку м и н о в а л И е р у с а л и м, и Август вполне одобрил его поведение (Mommsen, Röm. Gesh. V 498).

Любопытно поведение Веспасиана и Тита после трудной победы над Иерусалимом. В Риме было принято давать полководцам титул в связи с названием того народа, над которым они одержали победу: напр., одержавший победу над дакийцами получал титул *imperator Dacicus*, над германцами — *imperator Germanicus* и т. д. Победа над евреями была одной из труднейших побед, первоклассным воинским подвигом, как свидетельствует сам Тит в надписи на воздвигнутой им триумфальной арке (CIL, VI, 944). Поэтому им по справедливости был предложен титул *imperator Iudaicus* и триумф. Но они приняли титул *imperator*, устроили торжественный триумф, но от титула *Iudaicus* категорически отказались (Dio Cass, fr. 109R, § 7). Как ни лестно было быть почтенным за победу над сражавшимися с мужеством отчаяния евреями, — носить титул «*Iudaicus*» — «жидовский» — было слишком зазорно!⁸⁰

Следы такого отношения к евреям мы находим и в еврейской литературе этого времени. В «Юдифи» (8,23) мы читаем: «Мы будем рабствовать среди язычников и будем предметом насмешек и оскорблений для наших хозяев». В «Эсфири» (3,6) Аман, придворный персидского царя, но по одной из версий м а к е д о н я н и н (так называлось в Египте господствующее греческое сословие) хочет наказать Мардохая за то, что тот не воздал ему должного почета. «Но ему (Аману) казалось зазорным самому наложить руку на Мардохая, так как ему сообщили, к какому народу принадлежит Мардохай». Даже ударить

«паршивого жида» — ниже достоинства высокородного македонянина». В псалме 69 (ст. 5) мы читаем: «Презирающих меня без причины больше, чем волос на моей голове».

Поэтому евреи — любимая мишень для насмешек. Над ними издеваются, встречая их; они — любимый персонаж на подмостках мима. Рабби Аббагу из Цезареи в Мидраш еха раббати (введение § 17, цитировано у Блудау, о. с. 54), рассказывает, что язычники высмеивают евреев в театрах и цирках. Он рассказывает о всякого рода глупых и колких шутках и клоунадах, которые обычно можно слышать по адресу евреев со сцены мима. Филон рассказывает, что прибывший в Александрию еврейский царь Агриппа подвергся всевозможным оскорблениям и насмешкам, взятым из мима. На следующий день была разыграна пантомима о еврейском царе, где оба любимых типа мима — «еврей» и «царь» — были слиты в образе еврейского царя⁸¹.

Отражение этих издевательств и глумлений мы находим в псалмах. «Нас презирают наши соседи; насмешками и руганью осыпают нас окружающие» (79, 9). «Все, кто меня ни встречает, насмеваются надо мной, презрительно поджимают губы и вздергивают голову» (22,8), «Иноплеменники, слыша нас, презрительно вздергивают голову (44,15). «(Видя меня), они кричат: «Гы! Гы!» (40,16). Многие смотрят на меня, как на чудище» (71,7).

Презрение к евреям настолько вошло в обиход, что наименование еврея получило, наконец, нарицательное значение в смысле грязного, некрасивого. Так Клеомед, ругая Эпикура за его скверный стиль, говорит: «(Его язык) взят из самой гущи синагоги и толпящихся вокруг нее нищих: в нем есть что-то плоское, жидовское и ползущее по земле, как пресмыкающееся» (fr. 121 R). Марциал в одной из своих эпиграмм (VII, 30) хочет описать неразборчивость римской кокотки Целии. Она не только отдается парфянам, германцам и т. д. «Нет! она доходит даже до того, что не брезгует объятиями обрезанных жидов!» В псалме 44,15, мы читаем: «Наше имя сделал поносной кличкой у язычников». Сходное свидетельство и в псалме 102, 9: «Мои враги непрестанно оскорбляют меня: они уже клянут друг друга моим именем». Но особенно интересен александрийский мартиролог Р.Ох. 1242. Гермаиск заявляет, что римский сенат наполнен евреями. Х. Когда Адриан этим возмущается, Гермаиск говорит: «Ага! Значит, неприятно, когда обзывают евреем!»

Ввиду привычки древних к образному мышлению понятие «грязный» в нравственном смысле скоро было перенесено и на

внешний облик еврея, как сплошь и рядом и наоборот: внешние физические недостатки, особенно изъяны на поверхности кожи, независимо от их происхождения часто служат в древности признаком низости души. В басне Архилоха Лисица говорит Обезьяне, получившей шрам, попавшись в западню: «Тебе ли, Обезьяна, с таким задом (быть нашим царем)!» В басне Эзопа «Лисица и Крокодил» (37, Halm) низость происхождения Крокодила доказывается тем, что его кожа покрыта рубцами⁸². Равным образом и Моисей, который считался у антисемитов образцом нравственной испорченности (с. Ар. II, 14, Cels. у Orig I, 23), изображался страдающим кожной болезнью (см, ниже), тогда как еврейский историк Псевдоартапан изображал подверженным кожной болезни гонителя евреев фараона Хенефрея (fr. 3 Fr., § 20)⁸³. Если Тацит (Hist., V, 5) говорит, что «еврейские обряды — нелепы и грязны», или если Рутилий Намациан (de red. suo, I, 384, 387) называет евреев «скотами» (animal) и «непотребным племенем», то они еще держатся на рубеже этих смыслов; другие авторы и тот же Тацит в других местах говорят с презрением и о самой внешности еврея. Относящиеся сюда свидетельства можно разбить на две группы: 1) жида — вонючие и 2) жида паршивые. О дурном запахе, издаваемом евреями, мы впервые узнаем из эпиграммы Марциала (VI, 4), посвященной его другу Бассу, у которого дурно пахло изо рта:

То, чем от сохнувшей лужи часто пахнет...

Чем натошак от всех шабашу верных...

Лучше мне шнохать, чем, Басс, твое дыханье.

Другое подобное свидетельство мы находим у Аммиана Марцеллина (Rer. gest. XXII, 5, 4-5). Он рассказывает: «Когда император Марк Аврелий проезжал по Палестине, часто в нем вызывали омерзение встречавшиеся ему вонючие и суетливые евреи, так что наконец он с огорчением воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы, наконец я нашел народ еще менее культурный, чем вы!»

Целая масса свидетельств обвиняет евреев в подверженности парше. Перевод этот, правда, неточен: в источниках чаще говорится, по-видимому, о других кожных болезнях. Но так как моя работа не претендует на медицинское значение, то да будет мне позволена эта небольшая «модернизация». Источником для этих обвинений послужила сама Библия, которая, как мы видели, в греческом переводе была постоянно штудирована александ-

рийскими антисемитами; отсюда-то они и почерпали материал для своей версии об исходе евреев из Египта. В «Исходе» (Exod. 9,9) мы действительно читаем: «И будут на людях и на скоте кожные воспаления, переходящие в струпья, по всей земле Египетской... И сделалось воспаление с нарывами на людях и на скоте». Мы уже видели выше, как александрийские интерпретаторы пришли к выводу, что эта кожная болезнь поразила самих же евреев, что евреи — не что иное, как позднейшее наименование изгнанных из родины паршивых египтян. Вследствие живого чувства гадливости к евреям, это историческое указание стало особенно популярно среди александрийских ученых антисемитов. В рассказе об исходе евреев из Египта, после Манефона, этот еврейский недуг упоминается у Посидония Апамейского (fr. 25 В § 1), у александрийской легенды плеяды антисемитов — Херемона (fr. 58 R § 1), Лисимаха (fr. 59 R) и Апиона (fr. 63 В § 3), у Тацита (Hist. V, 3) и Юстина (XXXVI, 1-3, fr. 138 R). Название кожной болезни у разных писателей варьируется: *lepraī*, *alphoi*, *molysmoi*, *epileucia*, *scabies*, *vittiligo*, но смысл остается тот же. Более того: эта мнимая болезнь евреев кладется как лейтмотив в основу толкования всей истории и религии евреев: все их непонятные особенности и обряды объясняются из их «паршивости».

Напр.: Почему евреи не едят свиного мяса? Потому, что они особенно предрасположены к парше, а так как свинья обычно страдает кожными воспалениями, то они боятся от нее заразиться (Plutarch. Anton. c. 36, Tacit. Hist. V, 4).

Почему суббота (*sabbaton*) так называется? Это название происходит от египетского слова *sabbo* или *sabbatosis*, означающего кожное воспаление (Apion. fr. 63 В § 3).

Почему евреи чуждаются близкого общения с иностранцами? Потому что они болеют паршой, и если бы эта зараза распространилась на их соседей, те возненавидели бы их. Эта предосторожность, первоначально вызванная, таким образом, практическим расчетом, постепенно превратилась в нравственно-религиозную догму (Just. XXXVI, 1-3 fr. 138 R).

Почему (александрийские) евреи называют Моисея «альфа»⁸⁴? Потому что его тело было покрыто паршой (*alphoi*). Такое объяснение давали: современник Апиона — Никарх (fr. 61 R), александриец же Птоломей Хенн, живший в эпоху Траяна и Адриана (fr. 74 bis R), и писавший в IV в. по Р. Х. Гелладий (fr. 117 bis R).

Правильно ли сложное объяснение происхождения взглядов о еврейской нечистоплотности — нравственной и физической, которое мы дали выше? Не вернее ли будет предположить, что взгляды эти явились результатом прямых наблюдений над евреями?⁸⁵

Начнем с вопроса о физической нечистоплотности. Физическая чистоплотность находится в тесной связи с культурностью: более культурные народы обычно и более чистоплотны. Естественно, что евреи были менее чистоплотны, чем греки и римляне, но нельзя себе представить, чтобы они были менее чистоплотны, не только чем какие-нибудь германцы, ливийцы, бактрыне и т. д., в большом числе появившиеся в тогдашних культурных центрах, но и чем египетские крестьяне. Если Марк Аврелий, неприятно пораженный еврейской суетливостью, восклицает: «О маркоманны, о квады и т. д., — наконец я нашел народ еще менее культурный, чем вы», — то это явно гиперболический оборот. Поэтому, если в нечистоплотности обвиняют именно евреев, и только евреев, то а priori мало вероятно, чтобы в основу этих обвинений легли наблюдения над жизнью. В частности, что касается обвинения в паршивости, то, как мы видели, оно появляется в литературе всегда в той или иной связи с преданием об исходе евреев из Египта, так что не может быть сомнения, что его источником является указанное выше место Библии, своеобразно перетолкованное антисемитской традицией.

Единственным доводом в пользу того, что обвинение в физической нечистоплотности взято из жизни, могло бы служить то, что оба обвинения против евреев — и то, что они вонючие, и то, что они паршивые, — снова всплывают в более позднее время. Оба обвинения как бы поделили между собой европейскую территорию: обвинение в «вонючести» всплывает на средневековом Западе, в «паршивости» — на востоке, в России. Однако относительно первого обвинения удалось точно установить его происхождение: средневековое поверье, будто евреи от рождения имеют особый специфический дурной запах, *faetor iudaicus*, явилось выводом из нашего же места Аммиана Марцеллина, много читавшегося в средние века⁸⁶. С другой стороны, византийская ученость в значительной мере заключалась в компиляции александрийской. Мы уже видели, что русское предание об ответе, данном Владимиром Святым евреям, заимствовано, через посредство Византии, из александрийской антисемитской литературы. Поэтому весьма вероятно, что русское обвинение

евреев в подверженности парше проистекает из того же источника.

Если, таким образом, поскольку речь идет о физической нечистоплотности, наше объяснение является наиболее правдоподобным, то поскольку речь идет о нечистоплотности в духовном смысле, наше объяснение является единственно возможным. Действительно, если допустить, что и это обвинение заимствовано из жизни, что евреи действительно были «прирожденными рабами», то придется думать, что евреи, вследствие низости души, не в состоянии были чувствовать страдания от оскорблений, поскольку они не сопровождались физической болью или материальным ущербом, что они, подобно герондовскому Баттару, принимали оскорбления как нечто должное. Античные антисемиты, конечно, склонны были именно так понимать способность евреев не реагировать на оскорбления и так же понимали эту особенность еврея и антисемиты позднейшего времени. Впрочем, Шекспир (в «Венецианском купце») сумел, благодаря своей гениальной интуиции, вникнуть в разницу между низостью души прирожденного раба и долготерпением еврея; вспомним хотя бы ответ Шейлока Антонио:

Иль, может быть, я должен низко шляпу
Пред вами снять и тоном должника,
Едва дыша, вам прошептать смиренно:
«Почтеннейший синьор мой, на меня
«Вы в середу прошедшую плевали,
«В такой-то день вы дали мне пинка,
«В другой — меня собакой обругали;
«И вот теперь за ласки эти все
«Я приношу вам столько-то и столько».

Это менее всего походит на низость души, на врожденное отсутствие самолюбия, это — долготерпение (sufferance):

«For sufferance is the badge of all our tribe»
(Терпенье же наследственный удел
Всей нации еврейской...)»⁸⁷

Нет ли и для древнего мира доказательств, что евреи не переносили сыпавшихся на них оскорблений с безразличным равнодушием? Достаточно для этого только заглянуть в книгу «Псалмов», где еврей — преимущественно маккавейской и послемаккавейской эпохи — беседовал с Богом о самых глубоких своих душевных переживаниях. Мы видели выше (стр. 118), что еврей возводил свое долготерпение в ранг высшей национально-

патриотической добродетели; однако оставшись наедине с собой, он изливал свое горе в лирической песне. Мне уже приходилось (стр. 138-139) черпать из псалмов материал для иллюстраций антиеврейских глумлений и издевательств; мы уже видели (стр. 107 слл.), что еврей кипел жаждой мести; теперь приведу несколько примеров, из которых видно, как воспринимал еврей эти оскорбления:

«Вечно стоит у меня перед глазами мое поношение; на меня обрушился терзающий мне душу позор того, что я должен выслушивать от издевающихся и оскорбляющих меня» (Псал. 44,16).

«Вспомни, Господь, о позоре твоих слуг: ведь, я ношу в сердце своем презрение всего человечества!» (Псалом 89,51).

«Я жажду мира, но они нападают на меня за каждое слово (Псалом 120, 7).

«Позор разрывает мне сердце, так что я в отчаянии. Я ожидал сострадания, но никто не пожалел меня, я ожидал утешителей, но их не оказалось. Я был голоден — и они кормили меня желчью, я жаждал — и они поили меня уксусом (Псалом 69,21-23)⁸⁸.

Далее, обращаю внимание еще на следующее. Человек с душой раба, низкий, лишенный самолюбия, естественно должен быть в то же время трусом. Казалось бы, мы должны находить это обвинение повсюду в остатках антисемитской литературы. Между тем такое обвинение мы встречаем только у Аполлония Молона, да и то он ухитряется бросить это обвинение евреям только той ценой, что все их воинские подвиги объясняет не храбростью, а «безумной и дерзкой отвагой» (*tolma kai aranoia*; fr. 27 DR), прием сам себя побивающий. Все прочие писатели, даже ярко антисемитски настроенные, воздают должное еврейской храбрости. Так, Страбон, чуть не впервые в истории учувший опасность «еврейского засилья», тем не менее подчеркивает мужество евреев. Он рассказывает, как даже с помощью пыток не удалось у них вынудить признания Герода царем (fr. 53 R). Дион Кассий, также антисемит, подчеркивает храбрость евреев при Помпее (446 22, 3—6), Тите (66,6) и Адриане (fr. 113 R § 3). «Много ужасного,— говорит он,— причинили евреи римлянам: ведь в гневе их племя страшно». При Адриане его полководец Юлий Север «не осмелился напасть на евреев и сразиться с ними в открытом бою, видя их численность и отчаянную храбрость». Равным образом и Тацит, один из наиболее ярких и убежденных антисемитов древности, говорит (Hist. II 4): «(взятие Иерусали-

ма) — дело серьезное и трудное, не столько вследствие тех средств сопротивления, коими располагали осажденные, сколько вследствие их упрямого фанатизма». Сам Тит, разрушитель Иерусалимского храма, в своей надписи (C. I. L. VI 944) гордится этим военным подвигом: «Я покорил народ еврейский и разрушил город Иерусалим; до сих пор все полководцы, цари и народы либо безрезультатно осаждали его, либо даже вовсе не решались на него напасть». Это, конечно, преувеличение (см. Mommsen, Röm. Gesch. V, 538, пр. 1), но оно свидетельствует, что Тит во взятии Иерусалима видел первоклассный военный подвиг.

Далее, из элефантинских папирусов и указаний Иосифа Флавия (Ant. XIV, 8, 2. Bell. jud. I 94) мы знаем, что в Египет неоднократно привлекались евреи для несения гарнизонной службы в крепостях; по-видимому, они имели репутацию отличных солдат. Из Pap. Ox IV, 705, 31 слл. мы узнаем, что жители Оксириха считали победу над восставшими евреями таким подвигом, что ежегодно торжественно справляли день победы. Мы узнаем, что в Малом Аполлинополе пришедшее на помощь оттесненным римлянам добровольческое всенародное ополчение из египтян и греков было наголову разбито восставшими евреями (Wilcken, Zum alex. Antisemitismus, 792 слл. 794, 799).

Вот почему, если Ю. Белох (Griech. Gesch. III, 1, 352) говорит, что «ценность еврейских войск как боевой единицы была е с т е с т в е н н о (моя разрядка) весьма ничтожной», то он основывается на предвзятом взгляде, а не на свидетельствах древности. Действительно, по сравнению со всеми приведенными свидетельствами, заслуживает мало внимания цитируемое Белохом указание Полибия (V, 36, 5), тем более что Полибий говорит здесь только о превосходстве пелопонесских и критских войск над сирийскими и карийскими.

Итак, не в низости и трусости была причина еврейского долготерпения; когда и долготерпение не отвращало гибели от еврейского народа, он умел защитить себя с редким мужеством.

3. Еврейская сплоченность

Выше (стр. 119 слл.) я указал уже, в чем состояли те особенности евреев, которые создали представление о «всесильном еврейском кагале». Здесь я хотел бы доказать свидетельствами правильность выдвинутых мною выше положений.

Начну с отношения к общегосударственному закону. Прежде всего необходимо отрешиться от всяких оценочных критериев. Для этого пусть читатель представит себе европейца-христианина, попавшего, например, в какое-нибудь из мелких государств Океании. При всем желании быть лояльным, при всей даже симпатии к данному государству, он не сможет заставить себя исполнять законы и обычаи, сами по себе даже нравственно безразличные, но дикие с точки зрения европейских привычек. Равным образом никто не может требовать, чтобы он исполнял законы, непосредственно направленные против белых. Евреи, отнюдь не собиравшиеся, поселившись в эллинском мире, отказываться от своих привычек и обрядов, оказались как раз в таком положении. Необходимо иметь в виду, что евреи диаспоры отнюдь не были и не хотели быть «эллинами Моисеева закона», наоборот, они были и оставались евреями, поселившись на эллинской территории.

То, что для евреев соблюдение их закона — было требованием нравственного долга, тогда как соблюдение государственного закона вызывалось только потребностями общежития, — настолько очевидно для всякого более или менее знакомого с библейской литературой, что не нуждается в подтверждении примерами. Вопрос заключается только в том, как поступали евреи в тех встречающихся на каждом шагу случаях, когда их национальный закон шел в разрез с общегосударственным или когда тот или иной закон был направлен непосредственно против евреев. Мученичество за национальные особенности — нередко в истории еврейства; но можно ли допустить, чтобы евреи во всех таких случаях открыто не исполняли законов, т. е. чтобы такому мученичеству евреи подвергали себя изо дня в день? Это а priori невероятно, так как при этом условии было бы невозможно то мирное преуспевание, тот экономический расцвет, который мы видим у евреев диаспоры. И в действительности этого не было: источники говорят нам, что уже в древности евреи нашли из этого, казалось бы, безвыходного положения, тот выход, который спасал их и в позднейшее время. Этот выход — взятка. В ряде документов V в. до Р. Х., написанных евреями египетской колонии Элефантины, о в з я т к е говорится, как о естественной вещи; см. Волков, ук. кн. Исторический роман, написанный в египетской диаспоре, так называемая «III кн. Маккавеев», также говорит об «еврейской взятке», как о нормальном бытовом явлении (2,32). Здесь рассказывается, что

царь Птолемей IV предписал всех евреев, не желающих посвятить себя в культ Диониса, лишить их привилегий и внести в списки простонародья, не пользовавшегося в Египте гражданскими правами. Но согласились посвятить себя только немногие — «те, которые ради гражданских прав в государстве готовы были презреть государство благочестия... Большинство же проявило благородную твердость души и не сошло со стези благочестия. Чтобы можно было жить без страха, они дали (необходимые) взятки, и таким образом пытались спасти себя от внесения в списки»... Когда затем издается новый указ об избиении всех внесенных в списки евреев, писцы заявляют, что евреев слишком много, чтобы можно было составить полный список. У античного читателя естественно должно было явиться подозрение, что и этот ответ явился результатом данной писцам взятки; автор разубеждает его в этом: «Угрозы царя были слишком серьезны, чтобы писцы решились прибегнуть к такой отговорке только из-за данных им (евреями) подарков»... (4,19). Наконец, когда глубокочтимому раббе Иоханану сообщили о завоевании Вавилонии магами, он упал в обморок при мысли об участии, ожидающей евреев; но когда ему сказали, что маги охотно берут взятки, он сразу успокоился (Талмуд, Iebamoth, 63 b = Евр. Энци. V, 225). Характерный анекдот!

Любопытно, что в то время как с точки зрения нынешнего читателя факт неполной надежности евреев относительно исполнения ими государственных законов кажется самым тяжелым обвинением против них, антисемитов древности эта особенность евреев не поразила. Дело в том, что для древних религия была государственным установлением — определенной границы между религией и моралью не было; поэтому, с их точки зрения, было естественно, что человек, исповедующий не ту религию, которая принята государством, должен и жить по иным законам. Действительно, кроме эдиктов Ксеркса и Птолемея IV в греческих дополнениях к книге «Эсфири» (2,4) и в так наз. III кн. Маккавеев (3,5), — апокрифических, но характерных для раздавшихся против евреев обвинений — я могу вспомнить только одно место — ст. 100 четырнадцатой сатиры Ювенала, — где евреям вменяется в вину нарушение государственных законов: «Они постоянно пренебрегают римскими законами и чтут еврейское право»...

Другой выработавшейся у евреев диаспоры особенностью было с одной стороны умение быстро ориентироваться в новой

обстановке и приспособиться к ней; с другой, исключительное упрямство в стремлении к достижению лучших жизненных условий — «*unpachgiebige Zähigkeit*», по квалификации Моммзена (о. с. 492). Выше (стр. 121 сл.) мы уже указывали на те причины, которые заставляли евреев с большей энергией стремиться к занятию видного служебного или экономического положения, чем другие национальности. И именно потому, что, несмотря на эту энергию, евреям по причине правительственного и общественного антисемитизма лишь крайне редко удавалось добиться видного положения в государстве, «мечта о чине» становится излюбленной мечтой, своего рода *idée fixe* еврейской интеллигенции. Почти каждое литературное произведение послемаккавейской эпохи имеет излюбленным героем еврея, занявшего видное положение в «языческом» обществе: книга «Эсфири» — Мардохая и Эсфирь, книга Даниила — Даниила, греческая псевдоэпиграфическая книга Эздры — Зоровавеля, в легенде, легшей в основу так наз. III кн. Маккавеев, как мы узнаем из Иосифа Флавия (с. Ар. II, 5), такой героиней первоначально была еврейка — наложница Птолемея Итака. В той же III кн. Маккавеев автор мечтает о том, как евреи «достигли большой власти среди врагов, стали предметами почитания и страха» (7,21).

Эти особенности характера евреев античной диаспоры явились главным пунктом обвинения для исследователей нашего времени, пытающихся создать новый «психотипологический» антисемитизм. Так напр., Эд. Мейер (G. d. A., III, стр. 216) говорит: «Евреи получили возможность приспособляться ко всякому положению дел и извлекать из него прибыль: это было законное преимущество, которое Иегова уже теперь дал своему народу в его соперничестве с язычниками. Евреи во всех областях показали себя ловкачами, умеющими достигать успеха в жизни; особенно пригодными оказались они к придворной службе. Если им не препятствовали соблюдать их религию и вести свой особенный образ жизни, то они оказывались вполне подходящими во всяком деле и к тому же на них можно было вполне положиться, так как... их интересы вполне совпадали с интересами правительства. Таким образом, нужно считать вполне естественным, что вместе с еврейством пришел в мир и антисемитизм»⁸⁹. После сказанного мною, читатель сам увидит, что верно и что неверно в этой тираде; обращу внимание только на то, что античные антисемиты вовсе не удостоили своим вниманием тех черт еврейского характера — приспособляемости

и упорства в жизненной борьбе — которые привлекли все внимание нынешних ученых. Что делается внутри еврейства и что содействовало успеху евреев в жизненной борьбе, их не интересовало, — их интересовал только результат этого процесса. Не еврейская ловкость возмущала их, а «еврейское нахальство», то что евреи, достигшие видного положения, не только не скрывали, а даже выставляли напоказ свое еврейство (выше стр. 113 слл.). О ловкости евреев в жизненной борьбе мы ничего в античной антисемитской литературе не слышим.

Зато много внимания в античной литературе было обращено на еврейскую сплоченность. Я уже указывал на то, что мы найдем ключ к антисемитизму, если будем рассматривать еврейство древности, не как религиозную секту, а как национальное государство без территории. То, что такое понимание психологически правильно, видно хотя бы из того, что еврейские общины и только еврейские общины носят название «народа» (*laos*) и, наоборот, никогда не называются, как обычно другие национальные общины, «сообществом» (*synodos*). Далее, во всей еврейской литературе, вплоть до Иосифа Флавия (с. Ар. III, 17), религия понимается как закон, и притом не только как религиозный, но как общий, аналогичный государственному, закон (ср. P. Krüger, о. с. 20). Равным образом и «мировое государство (*polis*) праведников» Филона с его «милым Богу государственным устройством» (*politeia*) есть только переделанное на философский лад с искусственным исключением национального характера еврейское мировое государство без территории; это видно из того, что, несмотря на вненациональный характер этого мирового государства, в нем обрезание является важнейшим и обязательным для всех законом⁹⁰. Как мы видели выше (стр. 82), евреи старались по возможности устраиваться так, чтобы иметь собственное общинное устройство и жить по своим законам; где это не удавалось юридически, так было фактически, так как государственный принудительный аппарат не в состоянии был сделать брешь в прекрасно закаленной психологии евреев. Евреи всего мира чувствовали себя единым целым: так например, когда Агриппа II хотел удержать евреев Палестины от борьбы с римлянами, он настоятельно подчеркивал в своей речи, что палестинские евреи должны принять в расчет не только ту опасность, которая вследствие такого поведения угрожает им, но и опасность, угрожающую евреям, живущим в других государствах⁹¹. Во время осады Иерусалима к евреям пришло на помощь

множество их единоплеменников не только из сферы римского владычества, но и из стран, лежащих по ту сторону Евфрата (Dio Cass. fr. 109 R § 4) и т. д. и т. д. Именно ввиду отсутствия внешней принудительности сплочение это было гораздо более крепким, чем сплоченность граждан уже разложенного индивидуализмом эллинистического государства⁹². Помимо тех обязанностей, которые налагало на евреев человеколюбие по отношению ко всем людям, у них еще был ряд специальных обязанностей по отношению к соплеменникам. В нравоучительной книге «Товит» этот праведник рассказывает о себе: «Я был добросердечен к моим братьям и к моему народу» (1,3). «Если я видел, что кто-нибудь из моих соплеменников умер и выброшен за стены Ниневии я хоронил его» (1,17). Благотворительность и широкая помощь бедным внутри еврейских общин обращала на себя внимание эллинского мира. Наиболее ярые римские антисемиты — Цицерон и Тацит — обращают внимание первый (*pro Flacco*, с. 28) — на единодушие в еврейской среде (*quanta concordia*), второй (*Hist.* V.1) — на непреклонную верность слову и сострадание к ближним внутри еврейских общин (*apud eos*). В Пар. Ох. IX 1205 (291 г. по Р. Х.) еврейская община в Оксиринхе жертвует огромную сумму (14 талантов = 28 тыс. руб. зол.!) на выкуп еврейки с детьми, бывшей в рабстве у язычников.

Это еврейское государство без территории, эта сплоченность, солидарность и тесная кооперация вызывали сильнейшее недоверие и страх в античном обществе. Признание за государством без территории права на существование, трудное дело урегулирования его отношений с территориальными государствами — это вопрос, к разрешению которого человечество не приблизилось и ныне. Даже для нынешних исследователей эта особенность евреев эллино-римской диаспоры есть предмет недоверчивого возмущения и мишень для враждебных выпадов. «Еврейские колонии в больших греческих городах стали опасной силой для нееврейской части граждан», — говорит, напр., Штегелин (о. с. 32). «Борьба шла не по вопросу веры, а за власть: еврейское церковное государство как центр еврейской диаспоры не уживалось с принципом безусловности (?) светского государства», говорит Моммзен (о. с. 542). Подобного рода замечания мы найдем чуть ли не в каждом труде по нашему вопросу.

Евреи, обреченные постоянно жить и действовать среди иноплеменников, конечно, сами были больше всего заинтересованы

в том, чтобы наладить с ними мирные и дружественные отношения; как мы видели в первой части, они всегда готовы были идти на все мыслимые уступки, лишь бы найти какой-либо компромисс между тем и другим «патриотическим долгом». Однако полная необычность, полная единичность их положения заставляла соседей относиться к ним с недоверием: из соединения оборонительного характера еврейская община в глазах антисемитов превращалась в наступательную 1) направленную на причинение вреда всем иноверцам и 2) имеющую целью захват в еврейские руки власти над всем миром⁹³.

Взгляды древних, будто еврейство проникнуто враждой к иноземцам (*misoxenia*, *misanthropia*), сопоставлены много выше, в I части на стр. 78⁹⁴.

Не менее обычен в древней литературе взгляд, по которому всемирное еврейство представляет собой, несмотря на свою скромную внешность, страшный «всесильный кагал», стремящийся к покорению всего мира и фактически уже захвативший его в свои цепкие щупальцы. Впервые такой взгляд мы находим в I в. до Р. Х. у известного географа и историка Страбона (fr. 51 R)⁹⁵: «Еврейское племя сумело уже проникнуть во все государства, и нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не подчинило бы своей власти». Цицерон в своей речи pro Flacco, с. 28 говорит с аффектированным ужасом: «Ты знаешь, как сильна эта шайка (т. е. евреи), какая между ними солидарность, каково их влияние в народных собраниях. Я буду говорить поэтому вполголоса, чтобы меня слышали только судьи»... Сенека (fr. 145 R) говорил: «побежденные (т. е. евреи) диктуют свои законы победителям» — впрочем, он имел, по-видимому, в виду лишь религиозную область, а не политическую и экономическую. И в еврейской литературе мы находим следы этого брошенного евреям обвинения. В книге «Юдифь» персы говорят (10,19): «Не следует оставить ни одного из евреев в живых; они таковы, что, если им дать волю, они перехитрят весь мир».

Но особенно интересна в этом отношении поэма Рутилия Намациана «De reditu suo», написанная в V в. по Р. Х. Поэма направлена против христиан; евреев автор касается только мимоходом, как источника христианской «глупости». Но отрывком из этого стихотворения удобнее всего закончить нашу книгу, так как здесь сгруппированы и резюмированы все обвинения, раздававшиеся в древности против евреев: невосприимчивость к красоте природы, необщительность

и партикуляризм, мелочность и корыстолюбие, дикость их религиозных обрядов, узость («холодность»), демократическая пропаганда и наконец, как заключительный аккорд, — покорение всесильным кагалом античного мира.

За город выйдя, тотчас мы вступили в тенистую рощу,
Между деревьев ее видим пленительный пруд.
Рыбок веселые стаи водились в пучинах прозрачных:
Ярко на солнце блестя, бойко резвились они.
Но наслажденье природой внезапно прервал арендатор,
Более злобный к гостям, чем людоед Антифат.
Был он евреем, ворчливым и злым: никогда с человеком
Вместе не сядет за стол эта проклятая тварь!
Счет представляет он нам за помятые травы и лозы:
Каждую каплю воды в крупную сумму зачел.
Мы проклинаем в ответ непотребное племя евреев,
Что над собою творит гнусный, бесстыдный обряд.
Глупых теорий источник, с холодной субботой на сердце —
Сердце ж еще холодней самой религии их.
Каждый седьмой они день пребывают в позорном бездельи, —
Вялый, ленивый их Бог в этом их деле пример.
Прочие выдумки их — лишь рабов легковверных утеха:
Умный ребенок — и тот им бы поверить не мог.
Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покоряло совсем нам иудейской страны!
Вырвав из почвы, заразу по белому свету пустили, —
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

ДОБАВЛЕНИЯ

(К стр. 11). К. Kuiper дал в 1903 г. новое издание отрывков Езекиеля (REJ 46, 48 слл. 161 слл.), но им лучше не пользоваться.

(К стр. 11). Глава «The Septuagint as a version» в книге Н. В. Swete, *An introduction to the Old Testament in Greek*, Cambridge, 1900, из ложного пиетета старательно обходит выдвигаемые нами вопросы. Даже в таком характерном случае тенденциозности перевода, когда выражение «сыновья Бога» (Gen. VI, 2) переводится «hoi angeloι tou theou», Swete не усмотрел ничего, кроме желания избежать «смелой метафоры» (стр. 329).

(К стр. 17). На еврейских надгробиях в Риме мы находим не только запрещенные еврейским законом изображения животных и людей, но и изображения языческих божеств — музы Урании, Виктории, Фортуны и Гениев (Vogelstein-Rieger, *о. с.*, I, 52. 53. 70). Как Геракл на упомянутой в тексте печати символизирует имя «Гераклид», так и это, конечно, символы. Далее, любопытен случай, когда еврей — сборщик налогов (практор) взыскивает казенный долг на содержание криотафов, т. е. жрецов, заведывающих погребением священных баранов (Pap. Jand. 29—103 г. по Р. X.)! — (К примеч.). Точно также в храме Сети в Абидосе начертано: «Моление Иосея» (Preis. Sammelb. № 3757, I в. по Р. X.). И здесь Иосей имел в виду не Сети, а еврейского Бога, тем более что в Египте было принято в храме одного бога обращаться с мольбой к другому; ср. в том же храме обращение к Серапису (Preis. 3731. 3742. 3750. 3752) и к Пану (3743). Любопытно, что этой же богиней Сети клянется еврейка Мибтахия в элефантинском пап. Волк. X, 440 г. до Р. X.

(К стр. 42). J. Juster, автор новой, еще не полученной в Петербурге книги «*Les juifs dans l'Empire Romain*», Paris, 1914, т. II, стр. 294 на основании сопоставленного им новейшего материала приходит даже к выводу, что земледелие было преобладающим занятием евреев диаспоры (REJ, 70, 1920, стр. 95—Т. Рейнак видит здесь преувеличение).

(К стр. 43). К приводимому египетскому материалу о занятиях евреев добавить: 1 откупщика (Preisigke, *Sammelbuch griech. Urk. aus Aegypten*, № 1093), 2 женщин — низших служащих в откупе (? P. Giss. III 98. Preis. 4252), 2 чиновников (Pap. Ryl. II 90, Jand. 29), 1 скотовода (Ох. III 303), 5 сельских хозяев (Ryl, II 72. 188. 212. Tebt. II 324. Preis.

4415), 1 пивоторговца (Ох. I 85), 2 рабов (Preis. 4429. 4430). Нашел я в папирусах и е в р е я - т к а ч а (Preis. 4299); там же и другое, уже эпиграфическое свидетельство об еврее — ремесленнике: штемпель еврея — горшечника Соломона, сына Александра (Preis. 2664). См. также добавл. к стр. 136.

(К стр. 59). Только что полученный в Петербурге Вилькеновский папирологический бюллетень (Arch. f. Pap.-f. VI 413) содержит интересное сообщение о новом папирусе, опубли. в *Amtliche Berichte aus den Königl. Kunstsammlungen*, ed. W. Schubart, Berlin, April — Heft 1917, стр. 190 слл. Из этого папируса эпохи Птолемея IV Филопатора видно, что этот царь действительно относился с особым рвением к культу Диониса; так. обр., в основу так наз. III кн. Маккавеев легло больше достоверного исторического материала, чем полагали до сих пор.

(К стр. 62). Выводы Вильриха, вообще говоря, следует принимать с крайней осторожностью: при всей своей талантливости, он — фантазер, имеет болезненную склонность без достаточных оснований считать легендой все то, что общепризнано в науке, и вдобавок часто извращает историческую перспективу в угоду своему ретроспективному антисемитизму (ср. Th. Reinach. REJ, 40. 1900, 50). Так напр., он ни у кого не нашел сочувствия, когда признал легендой рассказ Иосифа о враждебных отношениях между Птоломеем VII и евреями. Тем не менее когда он, комбинируя основанное на хороших источниках указание Иорданиса (ed. Mommsen, с. 81) со свидетельством Порфирия (у Euseb. Chron. rec. Schoene, I p. 163—166), приходит к выводу, что победа Птолемея Лафира над Птоломеем Александром сопровождалась погромом евреев в Александрии, то этот остроумный вывод не может вызвать и не вызвал возражений в науке. — «Ок. 100 г. до Р. X.» надо исправить: «по свид. Порфирия — в 88 г. до Р. X.»

(К стр. 73). Не только Адриан, но и Траян, как и жена его Плотина, ни в каком случае не были юдофилами или «шабестогами», какими их изображает мартиролог Пар. Ох. X 1242 («Плотина заранее упростила сенаторов, чтобы они действовали во вред александрийцам и помогали евреям» и т. д.): талмудическая традиция считает именно Траяна и Плотину самыми жестокими гонителями евреев (С. Фруг, Агада, ч. I. Одесса 1910, стр. 196).

(К стр. 89). Поэтому не следует видеть в выпадах Талмуда доказательства партикуляристического направления еврейства эпохи второго храма: подобно тому, как христианская поповщина взяла на себя роль могильщика античной культуры, и еврейская поповщина в это же время изливала свой полемический яд на еврейско-эллинистическое просвещение. Как мы видели, евреи всегда живо ощущали параллель между пребыванием их в Египте в эпоху фараонов и в позднюю эллинистически-римскую эпоху. Из книги «Премудрости Соломоновой» мы заключили (стр. 48. 70. 109), что они ждали и в римскую эпоху такого же вмешательства Божества в пользу евреев, как во время

Исхода; однако этого не случилось. В чем причина этого? Талмуд поясняет: «За четыре заслуги перед Господом евреи были освобождены из рабства египетского: за то, что они не изменяли своих имен, сохранили свой родной язык, не разоблачали священных тайн (имеется в виду перевод на греч. яз. Библии — Септуагинта) и не отменяли обрезания» (Socher-Tob, 114). Так. обр., тот же Талмуд свидетельствует о характерных сторонах ассимиляции евреев элл.-римской эпохи; здесь мы имеем также косвенное доказательство существования в это время и таких лиц, которые, оставаясь евреями, не подвергали детей обрезанию; с этими-то «крайними ассимиляторами» и полемизирует Филон (de migr. Abr. I 450, цит. на стр. 96).

По этой же причине неправы те, которые объясняют еврейский партикуляризм религиозной причиной — запрещением есть за одним столом с иноплеменниками. В доказательство того, что такое запрещение соблюдалось в жизни, можно (и то с натяжкой, см. ниже) привести только цитированное уже на стр. 151 указание писателя V в. по Р. Х. Рутилия Намациана (*animal humanis dissociabile cibis*) и столь же поздние указания Талмуда (напр. Аман в *Esther-Rabba* — С. Фруг, о. с. 159—говорит: «(Евреи) не едят и не пьют за одним столом с нами», причем эта черта особенно смакуется: «упадет в кубок муха, они муху выбросят вон, а вино выпьют; а попробуй ты, царь, дотронуться до кубка — выплеснут на пол и пить не станут»). Однако еще во II в. или даже позже эти правила соблюдались разве только в Палестине; ср. изречение р. Симеона бен Элеазар (Tos. Aboda Zara, IV, 6b. 8a, Abot di R. Nathan XXVI, 41b-Buchler, REJ 42, 231): «Евреи, живущие вне Палестины — идолопоклонники: если язычник справляет свадьбу своего сына и приглашает на свадебный обед всех евреев города, (они приходят). Правда, они едят кушанья и пьют напитки, принесенные ими с собой; правда, им подают их собственные слуги,— но тем не менее это — идолопоклонство». В эпоху второго храма так было и в Палестине; только этим можно объяснить, что еврейским национальным героям, Эсфири и Юдифи, вменяется в особую заслугу то, что они, сядя за столом язычников, ели свою пищу (Jud. 12,2. 12,19. Esth. 2,20 5,4 8. 7,1-2). Обычай приходить в гости на обед со своим слугой и с собственными кушаньями и напитками (с «корзиночкой» — *kiste*, *spyridion*, *sportula*) имел широкое распространение в античном мире уже во времена Аристофана (*Acharn.* 1085 слл., *Vesp.* 1250-1251; хозяин сервирует только пирожное и десерт — *Acharn.* 1091-1092) и чем дальше, тем он все больше входил в моду; поэтому эта еврейская черта никак не могла вызвать антисемитизма,— тем более, что известные алиментарные запрещения соблюдались и греческими философскими сектами (напр. пифагорейцами). Правда, в противоположность канонической книге Эсфири, добавления к этой книге (молитва Эсфири) и Псн. Маккавеев (3,4-7) в духе националистической реакции ставят

в особую заслугу евреям их партикуляризм в пище. Но было бы абсурдом допускать, как это делает Андрэ (*Les apostrophes*, Flor. 1903, стр. 202-203), что автор добавлений впадает в прямое противоречие с основной книгой, где трижды говорится о том, что Эсфирь пиновала вместе с царем. И в самом деле, *ouk erhagen trapezan* не значит: «не ела за столом (такого-то)», а «не ела кушаний (такого-то)». Точно также прямой смысл *homospondos* — в III Макк. 3,7 — не: «едящий за одним столом», а «вкушающий от жертвенного возлияния». Конечно, при наличии антисемитизма, и эта особенность, наряду с другими религиозными навыками, раздражала греков (III Макк. 3,7), но не она была причиной антисемитизма.

(К стр. 100-101). То, что *sebomenoi* — только полупрозелиты, доказал рядом мест из Талмуда Изр. Леви (REJ 50, 1 слл.). Здесь же цитаты, показывающие, что евреи искусственно затрудняли полный переход язычников в еврейство: «(при обряде принятия в еврейство) сперва старались отвратить (обращаемого) от перехода в еврейство, рассказывая ему про несчастную участь, которая станет с этого дня его судьбою, раз он станет евреем; затем ему перечисляли суровые положения нового закона, которому он подчинялся...» (*Masséchet-Guerim*)... «Когда неофит выражал желание стать евреем, ему говорили: Ты разве не знаешь, что евреи ныне преследуемы, унижаемы, несчастны?» (*Jebamot*, 47a-b).

(К стр. 103). Как раз такое же указание, какое дает нам здесь Арриан, для более позднего времени мы находим у Коммодиана: «Зачем ты бегаешь в синагогу и ведешь двойную игру?.. Ты хочешь сидеть на двух стульях, но этот путь приведет тебя к гибели» (*Instruct.* I 24, 11—14). «Итак, ты хочешь быть наполовину евреем, наполовину язычником?» (I 37, 1—4). Необходимо заметить, что в число *sebomenoi* входили самые различные люди — начиная от полностью принявших еврейский закон (кроме обрезания) и кончая язычниками, имеющими лишь расположение к еврейским догматам. Если в римском некрополе (не считая спорных случаев) на 7 *sebomenoi* приходится только 2 настоящие прозелитки, то это еще — далеко не истинное соотношение, так как огромное большинство *sebomenoi* вряд ли завещало хоронить себя на еврейском кладбище. Выпе (стр. 18 с прим. и доб. к нему) мы видели, что евреи делают посвященные надписи в языческие храмы, имея в виду еврейского Бога; здесь мы находим надпись-антипод — одно из надгробий в римском еврейском некрополе (*Vogelstein — Rieger*, о. с. № 173): *Dis Manib(us). Maianidae Homeridi Dae(um) Maetuenti*, т. е.: По д з е м н ы м б о г а м . (Надгробие) Мзаниде, дочери Гомериды, чтущей Бога». Ср. формулу отпущения рабов на стр. 100. То, что настоящих прозелитов не могло быть много, видно еще из того, что они должны были иметь поручителя из евреев — *patronus*, — как метэки в античных государствах (материал у Шюрера, о. с. 168, пр. 54), и принять новое ярко еврейское имя, тогда как сами евреи носили

преимущественно греческие и римские имена: из известных мне по надписям 4 *proselytoi* двое принимают новое имя — Сарра (знатная римлянка Бетурия Павлина, — по-видимому, та самая, которая фигурирует в Талмуде под именем Берузии — Vog.-Rieger, стр. 74, № 152 — и хиренская девочка 10 лет — Preis. № 1742); я полагаю, что «Сарра» было шаблонным именем, дававшимся прозелиткам, ввиду того, что Сарра была их небесной покровительницей («вскормленные молоком Сарры». Midrasch, гл. LIII, Pesikta Rabbati, p. 180 a ed Friedm. = REJ.51,29—31). Еще любопытнее, что из этих 4 прозелитов — один «брачный прозелит», т. е. принявший еврейство, по-видимому, для того, чтобы вступить в брак с еврейкой (надгр. из катакомбы Торлония, Италия, REJ, 72, 1921, стр. 27); другим таким же «брачным прозелитом» был в персидскую эпоху (ср. V в. до Р. X.) известный из элфантинских папирусов египтянин Асхор (Волков неправильно транскрибирует Ашор), который для вступления в брак с еврейкой Мибтахией принял иудейство и был наречен Натаном (Волков, ук. соч. док. X. XI. XIII. XIV, стр. 35, пр. 2).

(К стр. 110). Интересный разбор кн. Эсфири еще у L. E.T, André, Les *apocryphes*, 195—206.

(К стр. 124). Все попытки ученых открыть еврейских ренегатов в числе лиц, упоминаемых в надп. и папирусах, надо признать неудачными. Если сами евреи обычно меняли свои имена на греческие (см. стр. 83 и доб. к стр. 89), то еврейские ренегаты уже во всяком случае прибегали к этому средству, чтобы скрыть свое происхождение, тем более что это официально разрешалось (см. пап. MW 52). Действительно, Шюрер (о. с. 49) допустил грубую ошибку, когда, вслед за Рейнаком (REJ 37, 221), видит в филаке Якове с. Ахиллея (Рар. Ох. I 43), сторожа храма Сераписа, и поэтому вполне последовательно поступает, не удовлетворяясь замечанием Рейнака: «une combinaison assez piquante» и считая Якова ренегатом. В действительности, однако, наш папирус представляет собою табель полицейских постов. Яков — не сторож храма Сераписа, а «городовой», которому назначено стоять на посту у этого храма. Далее, в надп. на монетах города Салы (Schürer, о. с. 17) «arch» надо дополнять не «archiereus», а «archon», т. е. упоминаемый здесь Соломон был не верховным жрецом городского культа, а гражданским чиновником. Наконец, упоминаемые в числе жертвователей на нужды города в царств. Адриана «бывшие евреи» *hoi pote Ioudaioi* (CJG, № 3148) — никак не еврейские ренегаты (как думает Шюрер), так как последние не стали бы выставлять на показ свое мало почтенное с точки зрения тогдашнего общества прошлое; очевидно, в эпоху выхода в свет надписи в Смирне запрещено было исповедание еврейской веры; однако еврейская община (путем взяток) продолжала нелегально существовать, но вместо *hoi Ioudaioi* именовалось *hoi pote Ioudaioi*. Вообще, ввиду обостренности античного антисемитизма, я считаю несомненным, что всюду, где мы встречаем еврейские

имена, мы имеем дело с настоящими евреями.

(К стр. 130). Еще два примера еврейского самовозвеличения: 1) Моральная философия Демокрита заимствована им у еврейского мудреца Ахикара (ср. Clem. Strom. I 15, 69), 2) Ромул и Рем пытались основать Рим, но это им не удалось, так как хижины разваливались. Действительным основателем Рима был еврей Абба-Колон, окропивший место основания города священной водой из Евфрата (Cantic. Rabb. к 1,6, ed. Wilna 9c = Vogelst.-Rieger, о. с. 86-87).

(К стр. 134). Этот взгляд на источники Артапана с неоспоримостью обосновал Исидор Леви (REJ 53, 201 слл.).

(К стр. 136). Но ср. сказанное выше, стр. 43, о склонности евреев к художественным ремеслам! Фогельштейн и Ригер (о. с. 62) указывают еще на художественные горельефы и золотые стаканы резной работы с изобр. предметов еврейского культа; они найдены в еврейских гробницах и были, по-видимому, продуктом еврейского производства.

(К стр. 139). Выражение Par. Ох. X 1242, I. 48; Oukoun khalepon esti to opoma ton joudaion получает еще более глубокий смысл, если вспомнить, что противником евреев в споре выступал бог Сарапис собственной персоной (I. 50 слл.), а стереотипной формулой прославления этого бога, м. б., было: Mega to opoma tou Sarapis (Preis. № 381).

(К стр. 141). Обвинение евреев в подверженности кожным болезням нашло отзвук и в Талмуде. В Bereschit-Rabba, с. LXXXVIII мы читаем: «Между неевреями не должно было бы вовсе быть лиц, страдающих кожными болезнями (подр.: для того чтобы эти болезни можно было считать специфически еврейским недостатком). Однако же и неевреи подвержены этим болезням; (Бог) сделал это с той целью, чтобы они не травили евреев и не называли их паршивым народом» (Н.-Р. Chajes, REJ — 39, 1899, 304).

(К стр. 142). Обвинение евреев в «паршивости» нашло, впрочем, отклики и на средневековом западе: это античное обвинение было источником обвинения евреев в соучастии в восстании прокаженных, произошедшем в 1321 г. (REJ. 40, 117).

(К стр. 149). Насколько сильно было у евреев национальное чувство, показывает папирус — частное письмо BGU I 247, нач. II в. по Р. Х. Как я показал в моей, к сожалению, еще не напечатанной, статье «Das Purimfest im römischen Aegypten», в этом письме евреи, живущие в самом глухом захолустьи, в деревушках Фаюма, насквозь ассимилированные с египетским крестьянством, радостно делятся друг с другом воспоминаниями о только что окончившемся национально-патриотическом празднике П у р и м.

— Греч. имя Ptolemaios я, по привычке, всюду транскрибирую «Птоломей»; правильное: «Птолемей».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Компетентного читателя должны будут затруднить мои ссылки на первоисточники в вопросах соц. состава еврейского населения Египта: они основаны на результатах моей работы, до сих пор не опубликованной по условиям книжного рынка. К сожалению, включить эти исследования в нашу книгу я не имел возможности.

² Напр., Th. Reinach, о. с. préface XX.

³ Ср. F. Stähelin, *Antisemitismus des Altertums*, Basel 1905, 3.

⁴ Ниже, стр. 16 сл.

⁵ Агафархид из Книда, fr. 16, Страбон, fr. 54 = Geogr. XVI, 40, Дион Касс, fr. 99 = Hist. rom XXXVII, 16, § 4, Сенека, fr. 145, Тацит, fr. 180 = Hist. V, 4, Рутилий Намациан, fr. 215 = De red. suo, l. 377 слл.; след., с, нач. II в. до Р. X. по V в. по Р. X. (номера по R).

⁶ Тацит в след. § 5.

⁷ U. Wilcken, *Zum alex. Antisemitismus*, Abh. d. phil.-hist. Kl. der Königl. Sächsischen Ges. der Wiss. B. XXVII, стр. 783 слл., Leipzig, 1909.

⁸ A. Bludau, *Juden und Judenverfolgungen im alten Alexandria*, Münster 1906, стр. 9. Диттенбергер (о. с.) и W. Schwartz (Jahrb. f. Phil. 43, 1896, стр. 164) неправы, отрицая это. Ср. ряд примеров употребления выражения *ho theos*, «бог» без дальнейшего определения, в языч. папируск. документах Египта — BGU 27, 10. 246. 2, ср. 38. Wilcken. Arch. f. Pap. I, 436.

⁹ Sombart, *Die Judeu und das Wirtschaftsleben*, Leipzig 1911, 357—358.

¹⁰ Ibid. со ссылкой на M. Braunschweiger, *Die Lehrer der Mischna*, 1890, 27.

¹¹ Ср. Stähelin, *Antisemitismus*, p. 15.

¹² Excisio, cf. Ploss, *Die operative Behandlung der weiblichen Geschlechtstheile bei verschiedenen Völkern*, Zeitschrift für Ethnologie, III (1871), 381—387.

¹³ В книге, предназначенной для русской публики, пожалуй, следовало бы доказывать, что такого обычая в самом деле не существовало. Я этого не имею возможности здесь сделать, вдобавок по этому вопросу существует богатая литература, так что трактование этого вопроса здесь излишне. Укажу только на то, что в европейской науке этого вопроса уже не существует: так даже F. Stähelin, будучи вполне определенным и открытым антисемитом, тем не менее в своей книге об антисемитизме в древности (*Antisemitismus*, 32) находит нужным заметить: «Здесь мы видим

первый след того ужасного предрассудка о существовании у евреев ритуального убийства, который с тех пор никогда не мог вымереть совершенно, но постоянно вспыхивает то там, то здесь и сплошь и рядом толкает фанатизированные массы на ужасающие злодеяния против евреев. Только там, где страсти совершенно разнуздались, подобные обвинения могут высказываться публично — устно или письменно».

¹⁴ Его характеристика ниже (стр. 76).

¹⁵ От разорения Иерусалимского храма до Аннона прошло более 200 лет. Если бы Антиох нашел что-либо подобное в Иерусалимском храме, то об этом, разумеется, было бы (и не раз) упомянуто в богатой литературе этих двух столетий.

¹⁶ M. Friedländer, *Geschichte der jüd. Apol.*, стр. 427 со ссылкой на Талмуд (*Sanhedrin*, 63b): еврею запрещено всякого рода осмеяние других, и с к л ю ч а я осмеяние язычества.

¹⁷ Удивительно, как мог такой знаток вопроса, как Bertholet (*Die Stellung der Israeliten und der Juden zu den Fremden*, 1896, 291), а вслед за ним и P. Krüger (*Philo und Iosephus als Apologeten des Judentums*, Leipzig. 1906, Diss., 44), обвинять Иосифа в «бесстыдном искажении текста закона». Если бы эти ученые потрудились заглянуть в текст Септуагинты, то они увидели бы, что Иосиф здесь следовал только принятой в синагогальном обиходе диаспоры традиции, как, впрочем, и в других местах своих трудов, он, несмотря на свои ссылки на подлинный еврейский текст Библии, фактически рабски следует тексту Септуагинты (ср. L. M. Philippsen, *Ezechiel d. jud. Tragikus, Auszug Egypten*, Berlin, 1830, 49. J. Freudenthal, *Alexander Polyhistor etc.* Breslau 1874—75. 109. 171).

¹⁸ Конечно, это не исключает того, что речи отдельных еврейских агитаторов на религиозных диспутах были проникнуты ядовитой иронией, когда речь шла об эллинских или египетских божествах. Ср. Bludau, о. с. 51.

¹⁹ Здесь же источник и средневекового обвинения евреев в коцунстве. Евреям предъявлялось обвинение в том, что они бросают в клоаки статуи Богородицы, что они уродуют и протыкают гвоздями изображение Христа. Но особенно часто им предъявлялось обвинение в надругательстве над Святыми Дарами (см. H. Günter. *Die christliche Legende des Abendlandes*. Heidelb. 1910, и статью Балабана в «Евр. Энцикл.», II, ст. 649).

²⁰ Ср. A. Мегх, *Die Bucher Moses und Iosua*, Tüb. 1907, 52.

²¹ «В то время как в гл. 5—26, 28 обе альтернативы — послушание и непослушание еврейского народа — противопоставляются друг другу, как две равные величины, и исполнение одной из этих возможностей не считается более вероятным, чем исполнение другой, в 29,22 слл. и особенно в 30,1-10 вторая возможность представлена как такая, которая обязательно наступит, и автор определенно имеет перед глазами возвращение Израиля из изгнания; поэтому весьма вероятно, что 29,2—30,20 есть

позднейшая добавка, сделанная в ее нынешней форме более поздней рукой».

²² Беру первые пришедшие на ум глоссы из словарей греко-немецкого Passow'a и латино-французского Freund'a — Theil'я. 1) Г р е ц и я . Eudaimon — собств. «опекаемый добрым божеством» (след. eo ipso праведный и богобоязненный). Слово обозначает обыкновенно «счастливый, блаженный». Но чаще всего употребляется в смысле «зажиточный, богатый». Ноi eudaimones — богатые — Herod. I, 196 и у аттич. писателей, начиная с Фукидида. Beltistis — наилучший в нравственном смысле. Но hoi beltistoi у Ксенофонта обычно — optimates (см. ниже). В приписываемом Ксенофону трактате de rep. Athen. (I, 5) to beltiston (богачи) противопоставляется he penia — бедности. Epieikes — справедливый (в высшем нравственном, не формальном смысле). В новом папирусе Hell. Oxyrrh. 1,3 epieikeis употреблено как синоним слова «богачи» («epieikeis kai tas ousias ekhontes»; kai соединяет синонимы. Ср. Artimmes ho kai Thales; eudaimon kai olbios, Hes. op. 824, olbo te plouto te Илиада, boni atque dites Plaut. и т. д.). Olbios — «счастливый», но также и «богатый». Eudaimon te kai olbios Hes op. 824. Отец богов Зевс имеет эпитет olbios (Aesch. Suppl. 529. C. I. G. 2017). Точно так же olbos — «счастье» — часто означает «зажиточность, богатство» — см. соединение Olbo te plouto te It. XVI. 594. XXIV. 536. Od. XIV. 206. Kakos означает «дурной по происхождению», «дурной в нравственном смысле», но также и «бедный». 2) Р и м . Optimates и optimi обычно означает не «лучшие» (в нравственном смысле или по происхождению) граждане, каков исконный смысл этого слова, а «богатые, зажиточные». См. Cic. Sext. 45: (Optimates)... qui ita se gerebant, ut sua consilia optimo cuique probarent... Sunt negotia gerentes, sunt etiam libertini optimates. Omnes optimates sunt qui... nec natura improbi nec malis domesticis impediti... «(Оптиматы)... это те, которые вели себя так, что их поведение могло заслуживать одобрения каждого почтенного человека... Таковы дельцы... Оптиматы также и вольноотпущенники. Оптиматы все те, кто не подл по природе и не находится в тяжелом материальном положении». Bonus. Обычный смысл: «благородный, честный, добропорядочный». Но часто bonus означает просто «богатый». Ср. Plaut, Capt. 3, 4, 51. Est miserorum ut malevolentes. sint atque invadeant bonis — противопоставлены miseri, бедные и boni. Plaut. Curc. 4, 1, 14: In foro boni homines atque dites ambulan. Boni atque dites здесь синонимы: «богатые». Cic. Att. 8,1,3: Bonorum, id est lautorum et locupletium «добрых, т. е. широко живущих и богатых». Ibid. 9, 12, 3: Viri boni usuras perscribunt — «добрые люди ведут счет процентам». Res bonae имеет технический смысл «богатство». Bona, opum означает 1) то, что хорошо в нравственном смысле, 2) богатство (Ср. «Gut», «добро» и т. д.). Beatus означает и «счастливый» и «богатый».

²³ Основной смысл глагола аглопоно — «быть неблагодарным»,

agnomosyne — «неблагодарность». Между тем в папирусных правовых документах греческого Египта (из которых два могут быть датированы: Охуrth. Pap. I № 71—303 г. по Р. Х., Охуrth. Pap. XIV № 1630—началом III в. по Р. Х.), в греческой юридической литературе и ранней средне-греческой изящной литературе есть несомненные примеры употребления этих слов в смысле — «отказываться уплатить долг». И наоборот, eugnomo, «благодарный» в известном мне, еще неизданном папирусе одной из Петербургских коллекций, а позднее у Софрония в Житии св. Тихона, изд. Usener, p. 124, § 14 и в Epanagoge, ed. Zachariae, titos, (p. 75), означает «готовый к уплате долговой суммы». Пережитком древности может быть также отмеченное в современном диалекте существительное euergetes со значением «кредитор» (Mousaios, Battarismoí, s. v.); основной смысл (в древнем языке) «благодетель». П. В. Еришгедт]. (Не следует ли сопоставить с последним примером тот факт, что в древней Греции официальный титул euergetes — «благодетель» — обычно предоставлялся государствами ростовщикам, давшим им займы деньги? С. Л.).

²⁴ Ed. Meyer. Die wirtsch. Entwicklung des Altertums, 1895, p. 42.

К. Каутский. Der Ursprung des Christentums 1908, стр. 232.

²⁵ Ср. W. Капун — Коган. Die Wanderbewegungen der Juden. Bonn, 1913, стр. 19 слл.

²⁶ То же произошло в материковой Греции, когда она, начиная с III века, потеряла свою роль торгово-промышленного узла. И здесь имения были, по большей части, крайне обременены долгами. Единственной могущественной в экономическом отношении группой стали ростовщики, превратившие в своих неоплатных должников не только землевладельцев, но и целые греческие государства. J. Велосх. Griech. Geschichte, III, 1, 328—329. Мой Беотийский союз. СПб. 1914, 253.

²⁷ Ср. Ргеізіgке. Girowesen im griechischen Ägypten, Strassb. 1910.

²⁸ Этот аргумент, по совету Бертолета, также использован Зомбартом (стр. 372), но он почему-то сослался только на один из этих папирусов (№ VIII в кн. И. М. Волкова, стр. 27), решительно ничем от других не отличающийся. Напрасно также Зомбарт приводит этот документ in extenso: он в точности следует вавилонской и демотическо-египетской правовой практике (см. R.-G. Levy, R E J. 61, 1911, 189; И. М. Волков, о. с. 62).

²⁹ Вдобавок в 41 г. взаимные убийства греками и евреями друг друга были, по-видимому, обычным явлением; выражение «остерегайся евреев» скорее всего употреблено здесь в смысле прямой опасности для жизни (перед блере необходимо ставить точку).

³⁰ Еще более поразительна недобросовестность Dähne (Geschichtl. Darstell. der jud. alex. Philosophie, Halle, 1834, 1, 23, A. 4), вычитавшего из Иосифа Флавия (с. Ар. 11, 5) будто евреям принадлежала в Египте монополия хлебной торговли. См. Bludau, о. с. 32-33, где этот взгляд

вполне доказательно опровергается, тогда как он же на стр. 46 повторяет инсинуацию Дэне.

³¹ Как видно из надписи, дополн. Т. Рейнаком в REJ 1900. XL, 50, сын этого Хелкии занимал высокий пост стратега Гелиопольского нома.

³² «Hauptmann der Gendarmerie», Schürer, 88.

³³ О службе евреев в жандармерии нам еще придется говорить во второй части книги.

³⁴ Этим и объясняется ряд выпадов в Талмуде против торговли и дифирамбы земледелию; из этих *pia desideria* никак нельзя, как делает Зомбарт (стр. 367), заключать, что евреи древности не были торговцами.

³⁵ Крупные землевладельцы: Ostr. 1255. 1511. BGU. 91. 1132. Мелкие земледельцы: Ostr. 718, 721. 728. 729. 753. 1028. 1350. 1513. 1597. 1505. BGU. 50. 85. 141. 166. 776. 585. 657. 832. 898. P. Oх. 290. 1446. P Lond. II, стр. 10, № 402. P. Fay. 80. Theol.— Lit. Z. 1896, col. 522, BCH, 26, 1024. Tebt 90. Сельскохоз. батраки; Arch f. Pap. I 173 (Иоав). P. Oх. 1747. P. Fay 123. BGU. 698.

³⁶ Freudenthal, о. с. 144. Он не прав только, полагая, что псевдо-Артапан выдумал эту версию (*das ist ersonnen* etc); как мы увидим ниже, ч. II, 1, Артапан, скорее всего, повинен только в том, что он произвольно сблизил сходное египетское предание с рассказом Исхода и отождествил героя этого предания с еврейским Моисеем.

³⁷ К сожалению, Зомбарт исповедует этот взгляд только в теории. Так, на стр. 432 он говорит: «Склонность к мелким обманам... отчасти привычка вообще людей, занимающих низкое социальное положение, но в еврейской крови это свойство приняло естественное (мой курсив) особо специфический отпечаток». Никаких доказательств этого утверждения он не приводит, но на стр. 369 в форме туманного намека ссылается... на то же только что разобранное нами похищение драгоценностей во время Исхода из Египта.

³⁸ Характерным проявлением еврейской ультраюльности по отношению к Птоломеям является тот факт, что в Септуагинте еврейское слово, означающее «заяц», (Lev. 11,6 Dt. 14,7), переведено на греческий язык не словом *lagos* («заяц»), а словом *dasypous* (мохноногий), «для того, чтобы не приходилось писать, что *lagos* (родоначальник Лагидов-Птоломеев) принадлежит к числу нечистых в ритуальном смысле животных». (H a u s r a t h, Neutest. Zeitgesch. II; Bertholet, Die Stellung er Israeliten etc. 262).

³⁹ Ср. Willrich, Juden und Griechen, 1895, 8: «Рассказ о верности евреев Дарию (Кодоманну; в легенде об Александре Великом) напоминает бесчисленные подобные утверждения в книгах Маккавеев и у Иосифа. Это утверждение есть ответ евреев на упрек язычников евреям, что они дурные и вероломные подданные».

⁴⁰ Пишу на основании моих не опубликованных по обстоятельствам переживаемого времени исследований. Ср. M. Clerc, Les metèques atheniens, Paris, 1893.

⁴¹ Robertson Smith, *Das alte Testament, seine Entstehung und Ueberlieferung*, стр. 419 немецкого перевода Freib. 1894. E. Schürer I. c. и др.

⁴² А. Бертолет (*Die Stellung der Isr. und Juden zu den Fremden*, стр. 198), конечно, не прав, считая историческим фактом рассказ о пребывании Александра Великого в Иерусалиме и его сочувственном отношении к евреям (*Ios. Ant. XI, 8, Megilath Taanith IX, Joma, 7, 69a*) на том основании, что «иначе не поймешь, почему эллинизм нашел такой легкий доступ в еврейство» — это довод, которому не должно быть места в научном труде. Но не прав и Вильрих (*Juden und Griechen*, 21), отрицающий в этом рассказе всякую историческую подкладку. Конечно, Böhler (*Revue des Etudes juives*, 36, 1896) справедливо полагает, что эта легенда зародилась в Александрии: отношение Александра к евреям должно было служить примером для Птоломеев, считающих себя его потомками. Но в основе рассказа все же должна лежать какая-то историческая реминисценция: недаром еврейская легенда судьей в тяжбе между евреями и египтянами выбирает Александра! (выше стр. 47 сл. ср. Bereschi rabba, 33).

⁴³ Уже выше мы видели, как тщательно изучали александрийские антисемиты Библию, в особенности книгу Исхода. Ср. Изр. Леви, *Revue des études juives*, 63, 1912, 211: «Рассказы Исхода уже с раннего времени давали материал для юдофобской полемики в Египте. Все эти ребяческие выдумки о евреях, в сущности, представляют собой только библейскую традицию наизусть. Это не карикатура, а подтасовки по образцу тех глупых исторических романов, которые выходят в свет под названием: «ПРАВДА О...»

⁴⁴ Националистически настроенный еврейский историк Евподем, писавший в эпоху Маккавейского восстания (*Freudenthal*, о. с. 126), так характеризует внешнюю политику царя Соломона (*fr. 2 Fr. § 4. = Eus. praer. ev. IX, c. 30, 447 c*): «Он пошел походом на Суруна, царя Тира и Финикии, и заставил эти города платить дань евреям; с египетским же царем Уафреем он заключил дружественный договор». Так как это место не опирается ни на какие исторические данные, то я вижу здесь обычную в то время проекцию современных автору симпатий и воцелений в прошлое: Тир и Финикия соответствуют царству Селевкидов, а Египет — царству Птоломеев.

⁴⁵ Литература у R. Pohlman, *Gr. Geschichte*,⁵ 1914, Münch. стр. 355.

⁴⁶ Источники у E. Schürer, о. с., стр. 60-61 с примечаниями.

⁴⁷ Перевод его будет дан мною в готовящейся к печати хрестоматии: «Памятники античного антисемитизма и еврейской литературной самозащиты».

⁴⁸ *The Book of Wisdom*, 1913. Книги этой мне, к сожалению, не удалось достать в петербургских библиотеках, и я принужден был воспользоваться рефератом ее у W. O. E. Oesterley, *The books of the apocrypha*, London, 1916.

⁴⁹ Ср., впрочем, сказанное ниже, ч. II, общ. зам.

⁵⁰ Эта моя гипотеза нашла полное подтверждение в новом папирусе Pap. Oх. X 1242. Здесь рассказывается о еврейской и антисемитской делегациях, представших перед имп. Траяном незадолго до 115 г. (Gr.-Hunt. комм. к пап.). И здесь император всецело на стороне евреев; он (I. 35-37) считает александрийцев «недостойными его приветствия, за то что они позволили себе такие жестокие поступки по отношению к евреям (toiauta khalepa tolmesantes loudaiois)».

⁵¹ Попытка Гутшмида (Kl. Schriften, VI, 355 слл.) обелить Апиона не встретила сочувствия даже у такого ярко антисемитски настроенного ученого, как Штегелин (о. с. 29, пр. 3).

⁵² Ср. также P. K r ü g e r, Philo und Iosephus als Apologeten des Judentums, Diss. Leipzig 1906, стр. 4: «В противоположность космополитической морали образованного греческого мира, еврейская мораль носила националистический, партикуляристический и исключительный характер».

⁵³ В современной научной литературе это обвинение in extenso повторяет П.Крюгер, о. с. 53: «Справедливость нареканий язычников очевидна, так как у евреев было в обычае не оказывать язычникам никаких добрых дел, не давать им советов, не приглашать к столу и т. д.».

⁵⁴ Иосиф (с. Ар. I, 23) объясняет неточности в трудах еврейских историков Деметрия и Евполема (он считает их язычниками) и эпического поэта Филона Старшего тем, что, не зная еврейского языка, они не могли пользоваться подлинным текстом Библии. Тщательные исследования Фрейдентала (о. с.) показали, что это верно для всей светской литературы еврейства эллинистической эпохи; исключение составляет только палестинский еврей Евполем, «который не был полным невеждой в еврейском языке и, кроме Септуагинты, пользовался и еврейским текстом Библии» (о. с. 126). И тем не менее не только Евполем, но даже и сам Иосиф рабски следует тексту Септуагинты, лишь крайне редко прибегая к подлинному тексту — и для них много понятнее и ближе был греческий текст (о. с. 106 прим., 109, 171).

⁵⁵ Разговорным языком, по крайней мере, интеллигенции и в Палестине был греческий, как можно заключить из труда Евполема.

⁵⁶ «Man stammelte ein halbbarbarisches Griechisch» (Freudenthal, о. с. 195); даже твердое усвоение всех риторических приемов не придавало этому языку характера чистой эллинской речи. На таком языке написаны Септуагинта, Апокрифы, Евангелия и указанная выше светская еврейская литература. Даже Иосифу выправляли стиль его работ его друзья-греки. На чистом, исключительном даже для греков его времени, эллинском языке пишет только Филон (Freudenthal, о. с. 195-196).

⁵⁷ Орывки из трагедии Езекиеля «Исход» (ср. выше, см. 47 сл.) и эпической поэмы Филона («О Иерусалиме») изданы с переводом и комментарием L. M. Philipps on, Ezechiel und Philo, Berlin, 1830. Пролог «Исхода» представляет собою точное подражание еврипидовским прологам (ср. REJ 46, 161 слл.):

С тех пор как древний Яков, кинув Ханаан,
Пришел в Египет, привезя с собой туда
Семижды десять душ и т. д.

⁵⁸ Орывки из трудов Деметрия, Евполема, Псевдо-Артапана и др. изданы и тщательно разобраны J. Freudenthal, *Alexander Polyhistor und die von ihm erhaltene Reste jüdischer... Geschichtswerke*, Breslau 1874-75.

⁵⁹ По принципам греческого права раб был в е щ ь ю, а не субъектом права, поэтому отпустить раба на волю было так же невозможно, как, напр., отпустить на волю корову или топор, он стал бы в этом случае не свободным человеком, а только бесхозяйственной вещью. Прибегали, поэтому, к фикции продажи или дарения раба богу. Т е о р е т и ч е с к и новым рабовладельцем становился бог. См. мои «Частно-правовые документы эллинистической Греции», Пгр. 1915, стр. 3 слл.

⁶⁰ Но и ее противники, крайние националисты — фарисеи, также при соответствующей конъюнктуре готовы покинуть путь национальной исключительности. Так, и м е н н о о н и, вопреки еврейским обычаям, призвали себе на помощь иноплеменные войска под предводительством Димитрия Евкайра (Bertholet, о. с. 239-240).

⁶¹ Ср. Willrich, *Juden und Griechen*, 55: «Wenn man die Juden hassen soll, muss man sie doch jedenfalls erst von einer schlechten Seite kennen gelernt haben».

⁶² Шюрер (стр. 108, цитата выше на стр. 79), по-видимому, чувствует ненаучность такой аргументации. Он не хочет видеть в насилиях Антиоха «первичное чудо», и ему ничего не остается, как видеть в этих насилиях реакцию на еврейский партикуляризм. Но это противоречит фактам: в эпоху Антиоха, как известно, в Палестине преобладали уже ассимиляционные тенденции.

⁶³ Ср. A. Bertholet, о. с. 3 9; «Несомненно, ничто не повело в столь резкой степени к усилению еврейского партикуляризма, как христианство» (эта фраза набрана у Бертолета курсивом).

⁶⁴ Исходя из неправильного взгляда, впоследствии им же оставленного (ниже, стр. 114), будто возникновение египетской диаспоры относится только к Маккавейской эпохе, Вильрих (*Juden und Griechen*, 51) принужден измыслить поездку Гекатея в Палестину. В действительности, конечно, все свои знания о евреях Гекатей почерпал из египетской диаспоры.

⁶⁵ Ср. Юдифь, 14,10: «увидев все то, что содеял Бог Израиля, Ахиор возымел твердую веру в этого Бога: он просил обрезать ему крайнюю плоть и был принят в дом Израиля».

⁶⁶ Ср. Bludau, о. с. 40. Schürer, *Theol. Litz.* 1897, 326, 1899, 167 слл.

⁶⁷ Ср. I. Bernays, *Die Gottesfürchtigen bei Juvenal*, в *Commentationes... in honorem Mommseni* (Berlin, 1877) p. 563—9 = *Gesamm. Abhandl.* II 71-80. Schürer, о. с. 172.

⁶⁸ Bertholet, о. с. 340 слл.

⁶⁹ Указание М. Фридлендера (о. с. 42 с пр. 17), будто апостол Павел спорил с греческими философами в афинской синагоге со ссылкой на «Деян. апост.», XVI, 17, неверно. В том месте говорится о субботней проповеди Павла в синагоге в Филиппах Македонских; об Афинах и греческих философам здесь нет речи. О пребывании апостола в Афинах говорится XVIII, 17, но здесь мы читаем, что в синагоге Павел беседовал с евреями и *sebotenoι*, а с философами — на агоре.

⁷⁰ Ср. Бертолет, о. с. 334: «Многие язычники чувствовали симпатию к отдельным еврейским обрядам и соблюдали их... Эти люди не исповедуют открыто еврейской религии, которую они в известной мере ввели в свой частный обиход».

⁷¹ Лишь незначительная часть евреев вернулась из плена: «многие остались в Вавилоне, не желая бросить имущества» (Ios. Ant. XI, 13).

⁷² См. R. Pohlmann, Gr. Gesch.⁵ 326.

⁷³ Иосиф, Ant. XIII, 4, 9 называет спартанцев потомками Авраама, братьями евреев.

⁷⁴ Вопрос, что было вызовом и что ответом — еврейское самовозвеличение или греко-египетское уничтожение евреев, в сущности, праздный. Несомненно, уже с самого появления евреев в Египте, началась оживленная полемика евреев с антисемитами, так что каждое выступление той или иной стороны было одновременно и ответом, и вызовом.

⁷⁵ Так же Штегелин, о. с. 14 пр. 1.

⁷⁶ Очень веским доводом Апиона и других антисемитов в пользу того, что евреи — народ недавно возникший, а следовательно, низкого происхождения, было упоминание евреев в древней греческой литературе (Ios. с. Ар. I, 1). Ссылки евреев на сравнительную молодость греческой исторической литературы, на отсутствие у греков точных знаний о евреях и т. под., конечно, не могли иметь успеха у людей, целиком воспитанных на греческой литературе и проникнутых благоговением к ней.

⁷⁷ Ср. P. Krüger, о. с. 20—21.

⁷⁸ См. Шюрер, о. с. 553—629.

⁷⁹ В субботу нельзя варить пищу.

⁸⁰ Ср. Mommsen, Röm. Gesch., V, 538.

⁸¹ Ср. Штегелин, о. с. 37.

⁸² Ср. мою статью *Observatiunculae Aristophaneae*, Журн. Мин. Нар. Просв., 1917, дек., 336-337.

⁸³ P. Krüger (о. с. 7 h.2) замечает по этому поводу: «Aussatz war eine Schande. Vgl. Hauck, Realencycl. f. prot. Kirche и Theol. 3 Aufl. B. 2 297 f.: »Aussatz».

⁸⁴ Альфа — первая буква греческого алфавита; по-видимому, эта евфемистическая криптономазия (Бога также у евреев не рекомендовалось называть по имени) имела целью подчеркнуть высокое достоинство Моисея. Reinach, Textes, p. 122.

⁸⁵ Как думает, напр., Л. Фридлендер, *Darstellungen*, III, 514-515.

⁸⁶ Reinach, Textes, 353, nr. 3. Joel Blicke in die Religionsgeschichte, II, 131, Is. Loeb в Revue des études juives, XX, p. LII.

⁸⁷ Ср. Г. Гейне, Девушки и женщины Шекспира, стр. 578 слл. русск. пер.

⁸⁸ Последнее место имеет особый интерес потому, что оно послужило источником для Евангелия. Позднейший христианский писатель (общий источник Матфея 27, 48. Марка, 51, 36, Луки, 23, 36, Иоанна, 19, 29), не уразумев простого смысла псалма и увидев в нем пророчество, использовал его как литературный материал для предания о смерти Христа. У Иоанна есть даже ссылка на этот псалом: «Да сбудется реченное в Писании» и т. д.

⁸⁹ Ср. также Моммзен, V, 492.

⁹⁰ Bertholet, о. с. 337, а также 283, 289, 302.

⁹¹ Ср. M. Friedländer, о. с. 11.

⁹² Ср. v. Kortum, Über Judentum und Juden 1795, 165: «В самом деле, еврей древнего времени никогда не выступал как изолированный индивидуум, а всегда как член обширнейшей в мире торговой (?) кампании».

⁹³ Ввиду того, что религиозно-нравственные воззрения древних евреев были не онтономическими, а филономическими, т. е. объектом нравственных обязанностей был не отдельный человек, а весь народ, то для еврейской теодицеи не было нужды ни в бессмертии души, так как народ как целое и без того бессмертен, ни в загробной жизни на небесах, так как царство справедливости может наступить когда-нибудь и на земле. Поэтому последним словом еврейской религиозно-нравственной пропаганды было мессианство. Если в жизни еврейства диаспоры мечта о пришествии Мессии и грядущем мировом еврейском царстве справедливости и играла самую скромную роль (Р. Kügler, о. с., 46), тем не менее, несмотря на отсутствие прямых указаний, необходимо предположить, что мессианские чаяния еврейства были одной из главных причин обвинения евреев в политической неблагонадежности и стремлений к мировому господству: как мы видели выше, антисемиты в своих целях тщательно штудировали Библию, поздние части которой наполнены мечтами о пришествии Мессии.

⁹⁴ Хотя апостол Павел и вышел из среды еврейства, но его указание (посл. к Фессалоникийцам, 1, 2, 15), что евреи враждебны (enantioi) ко всем людям, не может служить аргументом в пользу того, что так оно и было в действительности. Павел посвятил себя борьбе с еврейством (он постоянно пропагандирует в синагогах) и, конечно, в полемическом задоре не упускал случая использовать всякое ходкое обвинение против евреев.

⁹⁵ Уже выше я показал (стр. 66), что в этом случае общим источником Страбона и Цицерона был Посидоний Апамейский, который, следовательно, и ввел впервые в обиход это обвинение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Филон Александрийский	
Против Флакка	15
О добродетелях. Книга I: О посольстве Гаю	51
Комментарии	109
Иосиф Флавий	
О древности еврейского народа.	
Против Апиона	113
Комментарии	190
Соломон Лурье	
Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины	223

Филон Александрийский

**ПРОТИВ ФЛАККА
О ПОСОЛЬСТВЕ К ГАЮ**

Иосиф Флавий

**О ДРЕВНОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.
ПРОТИВ АПИОННА**

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соломон Лурье

**АНТИСЕМИТИЗМ В ДРЕВНЕМ МИРЕ, ПОПЫТКИ ОБЪЯСНЕНИЯ
ЕГО В НАУКЕ И ЕГО ПРИЧИНЫ**

Лицензия № 30528 от 7.05.93

Сдано в набор 20.08.94. Подписано к печати 26.09.94. Формат 60х90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 25,0. Тираж 5 000 экз.

Еврейский университет в Москве, ул. Моховая, 9
«Гешарим», Иерусалим

Московская типография № 2 ВО «Наука»,
Москва, Шубинский пер., б. 3ах 1756

Пятикнижие и Хафтарот

Книга Брейшит

Перевод с иврита и английского

Издание объединяет русский перевод книги Брейшит (1-я книга Пятикнижия Моисеева) и впервые осуществленный перевод на русский язык классических комментариев «Сончино», составлявшихся на протяжении двух тысячелетий еврейскими мыслителями и изданных на английском языке в 30-х годах нашего столетия. С тех пор многократно переиздававшийся, этот труд является основным источником для первоначального, но глубокого знакомства со взглядами еврейских комментаторов на основополагающую книгу еврейской традиции. Издание включает еврейский текст книги Брейшит, его перевод, Хафторот к недельным разделам Торы с построчным комментарием, а также приложение с объяснением основных понятий иудаизма. Издание достаточно популярно и доступно для всякого, кто интересуется еврейским наследием и его влиянием на развитие современной морали.

140x210 мм, 272 стр., тв. обл.

Израиль и мир: место среди народов и государств

Бениамин Нетаниягу

Перевод с английского

В книге, написанной одним из крупнейших политических деятелей Израиля, содержится всеобъемлющий очерк становления государства Израиль, начиная с обзора сионистских концепций до анализа современной общественно-политической ситуации. Представлен огромный статистический, демографический, геополитический материал, вниманию читателей предлагаются карты, таблицы, схемы, наглядно отражающие динамику процессов, происходивших на Ближнем Востоке в рассматриваемый период, дается обзор существующей по данной проблеме литературы. В то же время объективное отражение событий сочетается в книге с субъективным началом: автор высказывает собственные оценки, делится личными воспоминаниями, предлагает новую трактовку известных фактов, делает смелые политические прогнозы.

140x220 мм, 560 стр., тв. обл.

Очерки современной израильской литературы: Ш. Й. Агнон и другие писатели

Гарольд Фиш

Книга профессора Фиша, впервые переведенная на русский язык, посвящена творчеству наиболее крупных писателей и поэтов XX века, пишущих на иврите и связавших свою судьбу с государством Израиль. В первой части книги автор анализирует произведения Ш. Й. Агнона, по праву признанного отцом современной израильской литературы. Во второй части предлагаются очерки творчества А. Б. Иехошуа, А. Аппельфельда, Х. Н. Бялика, Ш. Шалома, А. Ковнера, У. Ц. Гринберга. Фиш представляет всех этих авторов читателю прежде всего, как еврейских писателей, восприимчивых к многовековой культурной традиции, ищущих ответы на вопросы, волнующие их народ в течение тысячелетий. В то же время Фиш вводит творчество еврейских писателей в контекст мировой литературы.

128 стр, тв. обл.

Вестник Еврейского Университета в Москве № 3(7)

Журнал, посвященный проблемам еврейской культуры, публикует статьи российских и зарубежных историков, социологов, философов, представителей других научных направлений. На страницах «Вестника» читатель найдет также интереснейшие архивные материалы, воспоминания, дневники, письма. В разделе «Критика. Библиография. Рецензии» дается информация о новых изданиях еврейской проблематики. Рубрика «Хроника» знакомит с материалами недавних симпозиумов и конференций.

256 стр., мягк. обл.

**СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЕВРЕЙСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»**

Сборник трудов

Саул Боровой

Сборник знакомит с научным наследием известного еврейского историка Саула Борового (1903—1989). Работы Борового, по большей части не опубликованные при его жизни, посвящены общественно-политической и культурной жизни евреев Украины и России XVII—XX вв. В книгу включены монографические исследования о еврейских исторических хрониках времен Хмельничины, о евреях левобережной Украины XVII—XVIII вв., работы «История евреев Одессы», «Евреи в русском общественно-политическом движении первой половины XIX в». В сборник также вошла ставшая библиографической редкостью книга «Еврейская земледельческая колонизация старой России» (1928), дополненная и исправленная автором, а также ряд статей, опубликованных в Вильнюсе и Киеве в конце 1920-х — начале 1930-х гг. на идиш.

560 стр., тв. обл

**СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЕВРЕЙСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»**

Евреи в Российской Империи XVIII—XIX вв.

Сборник трудов еврейских историков

Составитель, автор вступительной статьи

А. Локшин

В сборнике представлены труды еврейских историков России начала XX века. Работы были отобраны из труднодоступных для современного читателя изданий: журналов «Восход», «Еврейская старина», сборника «Пережитое». Составитель стремился представить читателю труды наиболее значительных еврейских историков, руководствуясь как научной ценностью работ, так и актуальностью их тематики. В сборнике опубликованы сочинения С. Ан-ского, С. Дубнова, М. Винавера, С. Гинзбурга, И. Цинберга, И. Сосиса, П. Ма-река, Б. Фрумкина, Ю. Гессена.

688 стр., тв. обл

Евреи Одессы

С. Ципперштейн

Тема этого исследования — история еврейской общины Одессы, культурная трансформация которой в течение XIX века в значительной степени дает представление об истории российских евреев в целом. В книге рассказывается о том, как евреи изменяли свою культурную и общественную жизнь в том самом городе, который смог предоставить им для этого больше возможностей, чем какое-либо другое место в России. Автор рассматривает историю одесских евреев как историю культурной интеграции, впечатляющего экономического успеха и социального взаимодействия с окружающим миром.

200 стр., мягк. обл.

Дело Бейлиса

Сборник исследований и материалов

В сборнике репринтно воспроизводится монография А. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса», впервые вышедшая в свет в 1933 г., публикуется воззвание В. Короленко «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев», отрывки из воспоминаний О. Грузенберга и другие материалы, позволяющие изучить крупное событие общественно-политической жизни России начала XX в. — дело Менделя Бейлиса, обвиненного в убийстве с ритуальными целями христианского мальчика Андрея Ющинского.

304 стр, тв. обл.

*Книга напечатана при поддержке
благотворительного фонда “Цедек”*

